

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТОМ
222

МОСКВА
№ 2 (222) 2020

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 Г.

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

PUBLISHED SINCE 1765

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

МОСКВА
№ 2/2020

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS

OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY
OF RUSSIA

VOLUME TWO HUNDRED TWENTY SECOND

MOSCOW
№ 2/2020

УДК 33
ББК 65

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Since 2003 «the Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is in the List of scientific publications reviewed by the Supreme Certification Commission of Russia of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, where the main results of doctoral and candidates' theses are published.

Articles published in Scientific works of the Free Economic Society of Russia have an Digital Object Identifier (DOI), and are indexed in international databases, such as: Russian Science Citation Index (RSCI), Electronic Scientific library (eLibrary.ru), CrossRef, CiberLeninka, Google Academy.

UDK 33
ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2020
© The Free economic society of Russia, 2020

ISBN 978-5-94160-211-7
ISSN 2072-2060

Главный редактор Научных трудов Вольного экономического общества России

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич

Президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционный совет Научных трудов Вольного экономического общества России

ГЕОРГИЕВ Румен Младенов

Вице-президент Международного Союза экономистов, профессор Софийского государственного университета имени св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич

Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕАК), член Координационного совета Международного Союза экономистов, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРИШИН Виктор Иванович

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, член Координационного совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д.п.н. (г. Москва, Россия)

ДАВЫДОВ Владимир Михайлович

Член Правления ВЭО России, член Координационного совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей

ибороамериканского мира, заместитель председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЫНКИН Александр Александрович

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЛЕМЕЩЕНКО Петр Сергеевич

Член Международного комитета ВЭО России, заведующий кафедрой международной политической экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова — филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

САМЕДЗАДЕ Зияд Алиаббас оглы

Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета по экономической политике, промышленности и предпринимательству Милли Меджлиса Азербайджана, действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

СИЛИН Яков Петрович

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

СОРОКИН Дмитрий Евгеньевич

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЭСКИНДАРОВ Михаил Абдурахманович

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН Юрий Васильевич

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Издательского дома «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Джеймс ГЭЛБРЕЙТ

Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса (США)

Питер НОЛАН

Член Международного комитета ВЭО России, директор Центра развития Кембриджского университета, профессор (Великобритания)

Редакционная коллегия Научных трудов Вольного экономического общества России

АЛЕКСЕЕВ Аркадий Васильевич

Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия)

БОБИНА Анна Вячеславовна

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель Департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)

БАРСУКОВ Игорь Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, директор Института развития образования ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ),

доцент кафедры управления АСОУ, ученый секретарь Экспертного совета ВЭО России по программе «Независимая оценка качества экономического образования», к.э.н. (г. Москва, Россия)

ВЕРЕНИКИН Алексей Олегович

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор по аспирантуре экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВ Роман Сергеевич

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, член Экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЗАРАСОВ Руслан Солтанович

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономики Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЕВ Александр Анатольевич

Вице-президент ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

МАНЮШИС Альгирдас Юозович

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РАТНИКОВА Маргарита Анатольевна

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

Editor-in-Chief of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

Sergey D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Council of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

Rumen M. GUEORGUIEV

Vice President of the International Union of Economists, Professor at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

Sergey Yu. GLAZIEV

Vice President of the VEO of Russia, Minister for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academician at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Ruslan S. GRINBERG

Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Victor I. GRISHIN

Vice President of the VEO of Russia, Rector at Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Aleksey A. GROMYKO

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Member of the IUE Coordination Council, Director of the RAS Institute of Europe, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences (Moscow, Russia)

Vladimir M. DAVYDOV

Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academic Adviser of the Institute of Latin America at the Russian Academy of Sciences, President of the Associ-

ation of Ibero-American World Researchers, Deputy Chairman of the National Committee on BRICS Research, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Alexander A. DYNKIN

Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the International Committee at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, member of the Presidium at the Russian Academy of Sciences, Secretary-Academician at the Department of Global Problems and International Relations at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Petr S. LEMESHCHENKO

Member of the International Committee at the VEO of Russia, Head of the Theoretical and Institutional Economics Department at the Belorussian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus)

Alexander V. PETRIKOV

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head at the All-Russian Nikonov Institute of Agricultural Problems and Informatics (branch of the Federal Research Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories – All-Russia Research Institute of Agricultural Economy), Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Boris N. PORFIRIYEV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Ziyad Aliabbas oglu SAMEDZADE

Vice President of the International Union of Economists, President of the Azerbaijani Union of Economists, Chairman of the Committee for Economic Policy, Industry and Business at Milli Majlis (Parliament of Azerbaijan), Full member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Yakov P. SILIN

Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Dmitry E. SOROKIN

Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the Academic Council at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, Academic Adviser at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Michael A. ESKINDAROV

Vice President of the VEO of Russia, Rector at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Education, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Yuri V. YAKUTIN

Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the «*Ekonomicheskaya Gazeta*» Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

James GALBRAITH

Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor at the University of Texas (USA)

Peter NOLAN

Member of the International Council at the VEO of Russia, Director at the Centre of Development Studies, Cambridge University, Professor (United Kingdom)

**Editorial Board of the Scientific Works
of the Free Economic Society of Russia****Arkady V. ALEXEYEV**

Member of the Board of the VEO of Russia, Editorial Director at «*Mir Peremen*» International Academic and Social Journal, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Anna V. BOBINA

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Academic Conferences and Nationwide Projects at the VEO of Russia, Candidate of Technical (Moscow, Russia)

Igor E. BARSUKOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Director of the Institute for the Development of Education at the Academy of Public Administration, Associate Professor of the Department of Management of the Academy of Public Administration, Academic Secretary of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Aleksey O. VERENIKIN

Member of the Board of the VEO of Russia, Director for Postgraduate Education at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Roman S. GOLOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), member of the Expert Council for Education and Science at the State Duma, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Ruslan S. DZARASOV

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head of Political Economics Department at Plekhanov Russian Economic University, Leading Research Associate at the Central Institute of Economics and Mathematics at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Alexander A. ZOLOTAREV

Vice President of the VEO of Russia, President of Saint Petersburg Regional Public Organization of the VEO of Russia, member of the Presidium at the International Union of Economists, Executive Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Executive Vice President of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of Saint Petersburg, Candidate of Economics (Saint Petersburg, Russia)

Algirdas Yu. MANYUSHIS

Member of the Board of the VEO of Russia, Rector at the International University in Moscow, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Margarita A. RATNIKOVA

Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President, Executive Director at the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia)

Содержание

- 19**   **НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ**
Презентация доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы, 2020 год»
- 20**   ***Б.Н. Порфирьев***
 Проблемы энергетики и изменений климата в докладе
 «Текущая ситуация и перспективы мировой экономики»
- 24**   ***В.В. Иванов***
 Гуманитарно-технологическая революция как глобальный
 вызов
- 28**   ***Н.И. Масленников***
 Глобальное хозяйство: факторы уязвимости — 2020
- 39**   ***Р.И. Хасбулатов***
 Экономические доклады ООН как отражение
 противоречивого развития мира
- 64**   ***М.В. Ершов, А.С. Танасова***
 О некоторых рисках роста мировой экономики
- 71**   **Научный форум ВЭО России «Абалкинские чтения»
 на тему «Год прошел: что дальше?»**
- 72**   ***А.Н. Клепач***
 Российская экономика: шок от коронавируса и перспективы
 восстановления
- 88**   ***В.Д. Миловидов***
 Эпоха подрывных перемен: первые 20 лет
- 108**   ***Р.И. Нигматулин***
 О проблемах экономического роста в России

- 114 ***Р.С. Гринберг***
Экономическая стагнация: кто виноват и что делать?
- 118 ***А.В. Данилов-Данильян***
О негативных экономических процессах 2019 года в России и их сохранении на ближайшее время
- 126 ***Е.Б. Ленчук***
Научно-технологическое развитие как фактор ускорения экономического роста в России
- 135 ***М.В. Ершов***
О некоторых парадоксах финансовых процессов в текущий период
- 140 ***А.Н. Спартак***
Текущие и среднесрочные задачи позиционирования России в международной торгово-экономической системе
- 163 АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ**
- 164 ***А.Г. Аганбегян***
Как возобновить социально-экономический рост в России?
- 183 ***Н.И. Лапин***
Благополучие населения — цель, активность региональных сообществ — драйвер экономического роста
- 206 ***Е.Г. Анимица, И.И. Рахмеева***
Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений
- 219 ***К.И. Кожевников, А.Д. Нуждин***
Разработка системы управления инвестиционными проектами в строительстве с помощью внедрения технологий информационного моделирования

- 226 **М.В. Карманов, О.А. Золотарева**
«Серебряные» волонтеры как объект прикладных исследований
- 241 **О.В. Кучмаева**
Возможности оценки масштабов включенности домохозяйств в шеринг-экономику
- 266 **М.Д. Симонова**
Развитие отечественных компаний на российском и мировом рынке информационных технологий: статистический анализ
- 280 **Н.А. Садовникова, О.А. Золотарева**
Модели зависимости индикаторов социально-экономического развития региона от уровня оплаты труда
- 297 **В.В. Глинский, Л.К. Серга**
Регулируемая дифференциация как механизм устойчивого развития
- 311 **В.П. Пономарев**
Модель воспроизводства геоэкономики в категориях антропологической политэкономии (эссе)
- 341 **С.П. Татарова, Н.А. Затеева**
Национальная система питания как туристский ресурс трансграничья России и Монголии
- 354 **К.В. Анисимов**
Анализ современного состояния российской промышленности (часть 2)
- 362 **А.Г. Паламарчук**
Анализ современного состояния энергосбережения в российской промышленности (часть 2)
- 380 **А.Ю. Манюшиц**
Независимая оценка качества образования: чего мы ждем от «регуляторной гильотины»?

Contents

- 19**   **SCIENTIFIC DISCUSSIONS**
Presentation of the UN report «World Economic Situation and Prospects, 2020»
- 20   *B.N. Porfiryev*
Energy and climate issues in the «World Economic Situation and Prospects» report
- 24   *V.V. Ivanov*
Humanitarian-technological revolution as a global challenge
- 28   *N.I. Maslennikov*
Global economy: vulnerability factors – 2020
- 39   *R.I. Khasbulatov*
UN economic reports as a reflection of the contradictive development of the world
- 64   *M.V. Ershov, A.S. Tanasova*
About some risks of world economic growth
- 71**   **Abalkin Readings «The year has gone – what's next?»**
- 72   *A.N. Klepach*
Russian economy: the coronavirus' shock and the recovery prospects
- 88   *V.D. Milovidov*
Age of disruption: the first 20 years
- 108   *R.I. Nigmatulin*
On the problems of the economic growth of Russia

- 114 **R.S. Grinberg**
Economic stagnation: who is to blame and what to do?
- 118 **A.V. Danilov-Danilyan**
On negative economic processes of 2019 in Russia and their saving for the nearest time
- 126 **E.B. Lenchuk**
Scientific and technological development as a factor in accelerating economic growth in Russia
- 135 **M.V. Ershov**
About some paradox of financial processes in the current situation
- 140 **A.N. Spartak**
Current and medium tasks of positioning Russia in the international trade and economic system
- 163 ANALYTICAL ARTICLES**
- 164 **A.G. Aganbegyan**
How to resume social and economic growth in Russia?
- 183 **N.I. Lapin**
Welfare population — goal, activity regional communities — driver economic growth
- 206 **E.G. Animitsa, I.I. Rakhmееva**
Third institutional revolution and change of structure of economic relations
- 219 **K.I. Kozevnikov, A.D. Nuzhdin**
Development of investment project management system in construction through the introduction of information modeling technologies

- 226 **M.V. Karmanov, O.A. Zolotareva**
«Silver» volunteers as an object of applied research
- 241 **O.V. Kuchmaeva**
Opportunities to assess the extent of household involvement in the sharing economy
- 266 **M.D. Simonova**
Development of domestic companies on the Russian and world it market: statistical analysis
- 280 **N.A. Sadovnikova, O.A. Zolotareva**
Models of dependence of indicators of socio-economic development of the region on the level of payment of labor
- 297 **V.V. Glinskiy, L.K. Serga**
Adjustable differentiation as a mechanism of sustainable development
- 311 **V.P. Ponomariov**
Geoeconomic reproduction model in categories of anthropological political economics (essay)
- 341 **S.P. Tatarova, N.A. Zateeva**
National nutrition system as tourist resource of cross-border area of Russia and Mongolia
- 354 **K.V. Anisimov**
Analysis of the current state of Russian industry (part 2)
- 362 **A.G. Palamarchuk**
Analysis of the current state of energy saving in the Russian industry (part 2)
- 380 **A.Yu. Manyushis**
An independent assessment of the quality of education: what do we expect from the «regulatory guillotine»?

Презентация

ДОКЛАД ООН «МИРОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ, 2020 ГОД»

22 января 2020 г. в Доме экономиста состоялась презентация доклада «Мировое экономическое положение и перспективы, 2020 год», разработанного Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН (DESA).

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Информационный центр ООН, Международный Союз экономистов.

Модератор: Сорокин Дмитрий Евгеньевич — вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН.

Доклад презентовал: Белоусов Дмитрий Рэмович — руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, к.э.н.

В настоящем разделе представлены материалы по итогам дискуссии.

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-20-23

**ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГЕТИКИ
И ИЗМЕНЕНИЙ КЛИМАТА
В ДОКЛАДЕ «ТЕКУЩАЯ
СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ»
ENERGY AND CLIMATE ISSUES
IN THE «WORLD ECONOMIC
SITUATION AND PROSPECTS»
REPORT**

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич
Член Президиума ВЭО России, директор
Института народнохозяйственного
прогнозирования Российской академии наук,
академик РАН, д.э.н., профессор

Boris N. PORFIRIYEV
Member of the Presidium of VEO of Russia, Director
of the Institute of Economic Forecasting of the
Russian Academy of Sciences, Academician of the
Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics,
Professor

АННОТАЦИЯ

Представлены комментарии по проблемам энергетики и изменения климата в контексте доклада Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (WESP-2020).

ABSTRACT

Provided are the comments on energy and climate change issues discussed in the DESA WESP-2020 Report.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический рост, энергетика, изменения климата, Россия.

KEYWORDS

Economic growth, energy, climate change, Russia.

Попробую сформулировать несколько тезисов в связи с обсуждаемым сегодня докладом Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (*WESP-2020*) и в связи с его презентацией Д.Р. Белоусовым.

Первое. Мне кажется, что этот доклад надо воспринимать в контексте других документов, которые появились и появляются в этой связи. Имею в виду в том числе доклад *Global Risks 2020* экспертов Всемирного экономического форума, *Global Sustainable Development 2019* по целям устойчивого развития. В связи с этим обратил внимание на тот тезис, который сформулировал Дмитрий Рэмович Белоусов, с которым я совершенно солидарен, — это вопрос о взаимосвязи целей устойчивого развития (ЦУР). В том числе ЦУР № 83 — обеспечение устойчивого и инклюзивного экономического роста — с другими целями, включая ЦУР № 13 — борьба с изменением климата.

Если посмотреть на резюме рассматриваемого доклада *WESP-2020*, обнаружим, что треть текста посвящена вопросам снижения выбросов парниковых газов. Это даже не проблема зеленой экономики, это гораздо уже. При этом решение задачи снижения выбросов парниковых газов рассматривается не только как бремя, но и как драйвер экономического роста. Насколько оправдан такой подход? Сомнения, которые высказал на этот счет Д.Р. Белоусов, я бы разделил, учитывая результаты модельных расчетов, которые выполнялись в нашем институте в отношении перспектив реализации стратегий *IPCC-2018* и *Green New Deal* (США) в усло-

виях России. Эти результаты доказывают, что если бы наша страна пошла по предложенным путям радикальной трансформации структуры отечественной энергетики, на которую в указанных стратегиях сделан основной упор, то к 2040 г. мы не досчитаемся от 5 до 8% ВВП, ежегодно теряя темпы примерно по 0,4 п.п. Имея в виду нынешнюю ситуацию стагнации экономики, из которой, как неоднократно подчеркивал академик А.Г. Аганбегян, выходить намного дольше и сложнее, чем из кризиса, такой сценарий развития на ближайшие 20 лет оказывается попросту губительным.

Второе. Как уже отмечалось, в докладе WESP-2020 климатическая проблема редуцируется до проблемы снижения выбросов. Это полностью противоречит Парижскому соглашению, которое является ключевым документом в сфере климатической политики и в котором зафиксирована равнозначность двух ее ключевых направлений: снижения выбросов парниковых газов (к которому также отнесено и поглощение ранее эмитированных парниковых газов) и адаптации к изменениям климата. Адаптация является ключевым элементом указанной политики для всех стран, но для России в особенности, учитывая специфику как природных, так и социально-экономических условий хозяйственной деятельности и текущей экономической политики. Игнорирование баланса обоих направлений климатической политики, мягко говоря, настораживает и создает весьма серьезные риски для перспектив экономического роста. В связи с этим уместно воспроизвести предупреждение, содержащееся в тексте и Рамочной конвенции ООН об изменении климата, а также в Парижском соглашении (преамбула), в котором говорится, что стороны могут страдать не только от изменения климата и его последствий, но также и от тех мер, которые они принимают в отношении изменения климата. Вот этот пассаж в отношении мер я бы считал исключительно важным, особенно для тех, кто вслед за Гретой Тунберг и «зелеными» политиками Европы готовы, как гласит британская поговорка, «сжечь овин, чтобы поджарить свинину».

Третье. В докладе WESP-2020, причем не раз, подчеркнуто, что *единственным* решением проблемы снижения выбросов парнико-

вых газов является переход на другую *структуру* энергетики (курсив наш). Но это неверно по нескольким соображениям. Прежде всего есть такая вещь, как энергоэффективность (о ней авторы доклада лишь упоминают мимоходом). Для России — это основной ресурс не только снижения эмиссий парниковых газов и, что важнее, эмиссий вредных и опасных для здоровья человека веществ, к которым главный парниковый газ, CO₂, не относится, но и повышения эффективности нашей экономики, в том числе общей факторной производительности. Колоссальное значение имеют технологии, благодаря которым обеспечивается не только повышение энергоэффективности, но и переход к нетрадиционным источникам генерации, т.е. дело не только в структуре генерации, но и в ее технологической реализации. Об этом в докладе — также мельком, тогда как о самих источниках солнечной и ветровой энергии — весьма развернуто. Из источников генерации выпала атомная энергетика, которая является низкоуглеродной, а атомно-промышленный комплекс, по крайней мере в нашей стране и не только, — важнейший источник развития инноваций и получения высоких технологий. Об этом нельзя забывать, не говоря уже о значимости указанного комплекса для обеспечения обороноспособности страны.

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 512 с.

List of References

1. Aganbegyan A.G. O prioritetah social'noj politiki. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018. 512 s.

Контактная информация / Contact Information

ФГБУН «Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук», 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47 / Federal State Budgetary Institute of Science Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 47, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117418, The Russian Federation

Порфирьев Борис Николаевич / Boris N. Porfiriyev
+7 (499) 129-36-33, e-mail: contact@ecfor.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-24-27

ГУМАНИТАРНО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ HUMANITARIAN- TECHNOLOGICAL REVOLUTION AS A GLOBAL CHALLENGE

ИВАНОВ Владимир Викторович

Член Правления ВЭО России, заместитель
президента Российской академии наук (РАН),
член-корреспондент РАН, д.э.н., к.т.н.

Vladimir V. IVANOV

Member of the Board of VEO of Russia, Deputy
President of the Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of
Sciences, Doctor of Economics, PhD of Technical

АННОТАЦИЯ

Обсуждаются причины глобальных трансформаций. Показано, что главным фактором изменений является развитие науки и технологий. Сформулированы условия вхождения России в число стран – технологических лидеров.

ABSTRACT

The causes of global transformations are discussed. It is shown that development of science and technology is the main factor of transformation and

change presses. Conditions for Russia's joining the number of technological leaders are formulated.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Научно-технический прогресс, гуманитарно-технологическая революция, культура, бизнес, экономическая теория.

KEYWORDS

Scientific and technological progress, humanitarian and technological revolution, culture, business, economic theory.

В настоящей действительности произошло исчерпание возможностей действующих моделей социально-экономического развития и необходима разработка новых. Анализ ситуации позволяет выделить три основных фактора грядущего кризиса. Во-первых, это научно-технический прогресс, в результате которого расширяются номенклатура новых технологий и высоко-технологичной продукции и доступ к ним. Во-вторых, это сокращение доступа к ресурсам, прежде всего финансовым, поскольку их собственниками является ограниченная группа структур. Это влечет за собой неравенство в социально-экономическом развитии. В-третьих, трансформация системы ценностей.

Основным фактором глобальных изменений является научно-технический прогресс, стимулирующий промышленные революции. Сейчас основное внимание сосредоточено на четвертой цифровой революции. Это вполне закономерно. Но при этом необходимо учитывать, что создание и развитие современных технологических систем, использующих возможности цифровых технологий, невозможны без таких же не менее революционных достижений в энергетике, материаловедении, математике, науках о жизни. Это звенья одной цепи, которые рассматривать по отдельности нельзя. Очевидно, к этой проблеме надо подходить системно.

В этой же плоскости находится еще одна проблема — культура. Создавая новые технологии и образцы продукции, необходи-

мо формировать и соответствующую культуру, которая должна обеспечить их безопасное применение. В противном случае резко возрастает риск техногенных катастроф различного масштаба. Разрыв между культурным уровнем и уровнем технологического развития может стать причиной синдрома, известного как «обезьяна с гранатой», т.е. такой ситуации, когда недостаток культуры может привести к непредсказуемым последствиям. И, к сожалению, такие примеры в истории человечества известны. Поэтому сейчас можно констатировать, что мир вступил в эпоху гуманитарно-технологической революции, в которой приоритетом является повышение качества жизни на основе новых технологий. Гуманитарно-технологическая революция — это глобальный вызов, на который нужно искать ответ.

Одновременно с этим происходит и изменение парадигмы экономического развития. Вернемся в начало прошлого века. Выдающийся предприниматель Генри Форд говорил: «Основная задача бизнеса — это служение. Если общество поймет, что бизнес ему не служит, такой бизнес будет сметен». А что происходит в наше время. В современном изложении основная цель бизнеса сформулирована предельно просто: «обогащайтесь». Иначе говоря, поменялся базовый принцип бизнеса. По-видимому, сейчас перед наукой стоит глобальный вызов — разработка новой модели социально-экономического развития, которая ставила бы на первое место повышение качества жизни человека и включала подходы, которые прошли проверку временем. Нам необходимо думать о новой экономической теории, которая бы соответствовала современным реалиям.

Теперь что касается России. Мне очень понравился тезис о том, что нам надо занять на новых технологических рынках 5–7%. Есть только одно «но»: новые рынки формируются на основе новых технологий, а новые технологии формируются на основе фундаментальной науки. Другого нет. О ситуации с нашей фундаментальной наукой говорит, наверное, не надо, потому что система

в 2013 г. была полностью дезинтегрирована, а тезис о том, что вся наука должна делаться в вузах, — наверное, характерен для ресурсной экономики, но никак не характерен для экономики, скажем так, технологического развития. По крайней мере, в странах — технологических лидерах (США, Германия, Китай) формы организации науки разнообразны.

Несколько слов о перспективах. Конечно, завоевать 5–7% мирового технологического рынка — это очень хорошая цель. Но, по-видимому, надо заметить, что на государственном уровне такой задачи не ставится. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г. нет такого показателя, как доля России на мировом рынке наукоемкой продукции. Поэтому сейчас, во-первых, необходимо заняться разработкой новой научно-технологической и промышленной политики, ориентированной на полноценное присутствие России в числе стран — технологических лидеров. И, во-вторых, восстанавливать нашу фундаментальную науку.

Контактная информация / Contact Information

Российская академия наук, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, 14 / Russian Academy of Sciences, 14, Leninsky prospekt, Moscow, 119991, The Russian Federation
Иванов Владимир Викторович / Vladimir V. Ivanov
+7 (495) 954-44-96, e-mail: ivanov@presidium.ras.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-28-38

ГЛОБАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО: ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ — 2020

GLOBAL ECONOMY: VULNERABILITY FACTORS — 2020

МАСЛЕННИКОВ Никита Иванович
Ведущий эксперт Центра политических
технологий

Nikita I. MASLENNIKOV
Leading expert Center for political technologies

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются прогнозные сценарии глобального хозяйства в 2020 г. Среди основных факторов неопределенности скорости восстановления роста мирового ВВП автор выделяет: состояние международной торговли с сохранением рисков возобновления тарифных войн; усиление долгового бремени ведущих экономик; перегрев конъюнктуры финансовых рынков; ограниченные возможности центральных банков в проведении стимулирующей монетарной политики. Зимой текущего года к ним добавились последствия вспышки коронавируса в Китае. Автор разделяет точку зрения, согласно которой эпидемия COVID-19 вряд ли сама по себе приведет к новому мировому кризису уже в 2020 г. Тем не менее его вероятность в 2021–2022 гг. остается высокой. Траектория мирового роста приобретает устойчивый L-образный характер, что требует от правительства и денежных властей РФ активной контрциклической политики, снижающей негативное влияние внешних факторов.

ABSTRACT

The article discusses the forecast scenarios of the global economy in 2020. Among the main factors of uncertainty about the rate of recovery of global GDP growth, the author highlights: the state of international trade with the continued risks of resuming tariff wars; the increasing debt burden of leading economies; overheating of financial markets; limited opportunities for Central banks to conduct stimulating monetary policy. In the winter of this year, the consequences of the coronavirus outbreak in China were added to them. The author shares the view that the COVID-19 epidemic is unlikely to lead to a new global crisis in 2020. However, its probability in 2021–2022 remains high. The trajectory of global growth is becoming a stable L-shaped character, which requires the government and monetary authorities of the Russian Federation to active-ly counter-cyclical policy that reduces the negative impact of external factors.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Глобальное хозяйство, прогнозные сценарии развития, международная торговля, глобализация мирового долга, финансовые рынки, монетарная политика, центральные банки, коронавирус в Китае, риски мирового кризиса, активная контрциклическая политика.

KEYWORDS

Global economy, forecast development scenarios, international trade, globalization of world debt, financial markets, monetary policy, central banks, coronavirus in China, risks of the global crisis, active countercyclical policy.

16 января эксперты ООН представили международному сообществу доклад «Мировое экономическое положение и перспективы 2020 года». Итог-2019 оказался малоутешительным, затянувшиеся торговые споры обусловили темпы глобального ВВП в 2,3% — самые низкие за десятилетие. В текущем году возможно некоторое повышение до 2,5%, если риски разворота траектории мировой макродинамики будут находиться под контролем. Если же они реализуются в новые витки напряженности в торговых

отношениях, масштабную коррекцию вниз финансовых рынков или очередные геополитические шоки, то замедление общемирового роста продолжится до 1,8%, что, по историческому опыту, является рубежом, за которым начинается глобальная рецессия.

Выводы авторов доклада вполне укладываются в общий прогнозный тренд начала текущего года. В обзоре перспектив глобального хозяйства Всемирного банка (Global Economic Prospects, представлен 9 января) и сценарии, и размерность ожидаемых темпов практически те же. В базовом варианте — 2,5% для всех экономик в целом, 1,4% (после 1,6% в 2019-м) — для его развитой части, 4,1% (в прошлом году 3,5%) — для стран с формирующимися рынками и развивающихся стран. При этом последние будут отмечены сильной неравномерностью — примерно в трети из них, как ожидают во Всемирном банке, рост экономики замедлится из-за более низких показателей экспорта и инвестиций вследствие существенного увеличения долговой нагрузки.

Озабоченностью по поводу уязвимости глобального хозяйства пронизан и январский World Economic Outlook Международного валютного фонда (презентация доклада состоялась 20 января в ходе Всемирного экономического форума в Давосе). Если в октябре 2019-го аналитики Фонда констатировали синхронизированное замедление ведущих экономик мира с усилением рисков ухудшения ситуации, то в январе 2020-го (на фоне договоренностей по Brexit и подписания первой части торговой сделки между США и Китаем) они же заговорили о намечающихся «признаках того, что мировой рост, возможно, стабилизируется, хотя и на пониженных уровнях». По текущей версии МВФ, мировой рост с 2,9% в 2019 г. повысится до 3,3% в 2020-м и 3,4% в 2021-м (по сравнению с октябрьской оценкой, ожидания по этим годам уменьшены на 0,1 и 0,2 п.п. соответственно)¹.

¹ Несовпадение размерности количественных показателей прогнозов МВФ со Всемирным банком и ООН основано на различных методиках расчетов — в Фонде они основываются на официальных валютных курсах, а ВБ и ООН используют курсы, рассчитанные по паритету покупательной способности. Поэтому при сравнении ощущений экспертов этих международных организаций важно определить прежде всего направление трендов.

Если первая фаза торгового соглашения между США и Китаем будет последовательно выполняться, то в МВФ полагают, что к концу 2020 г. совокупное негативное воздействие trade wars на мировой ВВП сократится с 0,8 до 0,5 п.п. При этом продолжение почти синхронного смягчения денежно-кредитной политики ведущими центробанками добавит глобальному ВВП в 2020 г., как и в 2019-м, еще 0,5 п.п.

Вместе с тем прогноз МВФ переполнен оговорками: повышение темпов роста-2020 характеризуется высокой степенью неопределенности; Аргентина, Иран и Турция переживают экономический стресс; Бразилия, Индия и Мексика показывают результаты ниже потенциального выпуска; явных признаков прохождения поворотной точки в мировой макродинамике не просматривается².

Таблица 1

Прогнозы МВФ, январь-2020, процентные пункты

	2018	Оценка	Прогнозы	
		2019	2020	2021
Мировой объем производства	3,6	2,9	3,3	3,4
Страны с развитой экономикой	2,2	1,7	1,6	1,6
США	2,9	2,3	2,0	1,7
Зона евро	1,9	1,2	1,3	1,4
Германия	1,5	0,5	1,1	1,4
Франция	1,7	1,3	1,3	1,3
Италия	0,8	0,2	0,5	0,7
Испания	2,4	2,0	1,6	1,6
Япония	0,3	1,0	0,7	0,5
Соединенное Королевство	1,3	1,3	1,4	1,5
Канада	1,9	1,5	1,8	1,8
Страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны	4,5	3,7	4,4	4,6

² Ощущениями нарастающей неустойчивости перспектив для бизнеса в текущем году переполнен очередной регулярный опрос PricewaterhouseCoopers (проводится с 2012 г.). В выборке из 1,581 тыс. топ-менеджеров из 83 стран доля ожидающих замедления мирового роста составила 53% (против 29% в 2019 г.), что стало рекордным показателем за все годы наблюдений. Сторонников же ускорения оказалось лишь 22% после 42% год назад. См. подробнее: <https://www.pwc.com/gx/en/ceo-agenda/ceosurvey/2020.html>

	2018	Оценка	Прогнозы	
		2019	2020	2021
Китай	6,6	6,1	6,0	5,8
Индия	6,8	4,8	5,8	6,5
АСЕАН-5	5,2	4,7	4,8	5,1
Россия	2,3	1,1	1,9	2,0
Бразилия	1,3	1,2	2,2	2,3
Мексика	2,1	0,0	1,0	1,6
Южная Африка	0,8	0,4	0,8	1,0
Развивающиеся страны с низкими доходами	5,0	5,0	5,1	5,1

Источник: МВФ, Перспективы развития мировой экономики, январь 2020².

Дальнейшие события, похоже, отодвинули ее еще дальше. В январе МВФ с учетом исполнения торгового соглашения с США повысил прогноз роста ВВП Китая на 0,2 п.п. до 6,0%. Однако вспышка коронавируса в Поднебесной резко опустила траекторию ожиданий, основательно подморозив то, что некоторые аналитики в первые недели года называли «зелеными ростками» (green shoots) восстановления. К концу зимы 2020-го многочисленные экспертные предположения в целом укладываются в два сценария в зависимости от вероятных сроков прохождения эпидемией COVID-19 своего пика. Если в феврале-марте, то у китайской экономики сохраняются шансы быстрой компенсации большей части потерь I квартала — в этом случае оценка темпов ее ВВП-2020 располагается в интервале 5,2–5,8%. Глобальное хозяйство убавит годовой скорости на 0,2–0,3 п.п. Если же событие сдвигается на апрель-май, то ущерб значительно усиливается; Китай может замедлиться на 1,5–2,0 п.п., весь экономический мир — на 1 п.п.

Пока большая часть предположений склоняется в пользу первого варианта. При этом одновременно происходит переосмысление пределов текущей устойчивости глобального хозяйства к рискам сползания в новый кризис. В международной страховой компании Euler Hermes, например, подсчитали, что еженедельные потери международной торговли (прежде всего из-за нарушений в цепоч-

ках поставок) уже насчитывают \$26 млрд, что снижает годовые темпы world trade на 0,5 п.п. до 1,3%. Накопленные потери уже эквивалентны увеличению мировых торговых пошлин на 1 п.п. (торговый конфликт США и Китая в 2019 г. поднял их, по оценкам, на 0,7 п.п.). Страховщики ожидают продолжения рецессии в мировой обрабатывающей промышленности в течение всего первого полугодия (особенно в электронной отрасли и производстве компьютеров)³.

По данным американской исследовательской компании Dun & Bradstreet, в регионах, где на начало февраля зарегистрировано 100 или более подтвержденных случаев заболевания коронавирусом, расположены 90% всех действующих предприятий в Китае, в том числе 49 тыс. являются филиалами или «дочками» иностранных юрлиц. Поставщиков первого уровня из пострадавших регионов имеют примерно 51 тыс. компаний по всему миру (в том числе 163 из них входят в Fortune 1000), второго уровня — уже более 5 млн, причем практически весь список топ-1000 из Fortune⁴.

Большая часть экспертов пока не видит неизбежности перетекания макрошока от коронавируса в масштабный мировой кризис. В оценках такая вероятность, как правило, не превышает 20%³. Тем не менее уже накопленные в последние годы риски уязвимости мирового хозяйства могут сдетонировать в считанные недели, кардинально меняя глобальную макродинамику. Одна из главных угроз — глобализация мирового долга (домохозяйств, правительств, корпоративного сектора). По оценке Института международных финансов (IIF), по итогам III квартала 2019 г. он достиг 322% глобального ВВП, в абсолютном выражении — \$253 трлн. Причем рост происходит прежде всего за счет развивающихся экономик (по оценке Всемирного банка, в 2010–2018 гг. — на 54 п.п.). Значительная доля этого долга носит краткосрочный характер, при этом доля нерезидентов насчитывает 43% государственных

³ См., например, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, О макроэкономических последствиях эпидемии «коронавируса нового типа» в Китае, 13 февраля 2020, <http://www.forecast.ru/Archive/analitics/virus2019/cov2019.pdf>
Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting, On the macroeconomic consequences of the new type of coronavirus epidemic in China, 13 February 2020.

и 26% корпоративных долгов emerging markets в национальных валютах. В этих условиях любое снижение аппетита инвесторов к рисковому активам на этом сегменте финансовых рынков реализуется в их новой турбулентности, существенно ухудшающей возможности обслуживать внешний долг (его доля, номинированная в резервных валютах, в настоящее время составляет примерно 55% совокупного ВВП этой группы стран).

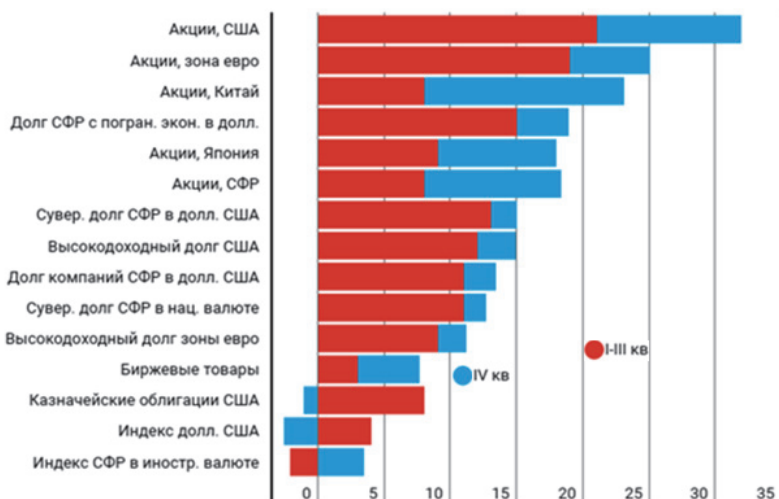
Если принять во внимание, что к началу 2020 г. (оценка IIF) всеми эмитентами в мире было размещено облигаций на \$120 трлн (в том числе \$11,5 трлн с отрицательной доходностью), а объем торгуемых финансовых производных инструментов достиг \$640 трлн (данные Банка международных расчетов), то вполне понятна озабоченность многих экспертов и участников рынков тем, что наблюдаемая ситуация уже напоминает предкризисную⁴.

Тем не менее финансовые инвесторы вовсе не страдают избытком пессимизма. Январский опрос управляющих активами, проведенный аналитиками Bank of America Merrill Lynch (выборка этих регулярных ежемесячных фокус-групп составляет 250–300 участников), например, показал, что число респондентов, ожидающих в 2020 г. ускорения роста мирового ВВП, на 36% превысило количество тех, кто придерживается противоположной точки зрения. В феврале разрыв чуть снизился (на 3 п.п.), но коронавирус объявили ключевым риском лишь 21% опрошенных. На первом месте (оценка 26% респондентов) среди факторов, вызывающих наибольшую обеспокоенность, оказались ноябрьские выборы президента США и основательная непредсказуемость персонально Дональда Трампа: вероятность «импровизации» в ходе подготовки второй фазы торговой сделки с Китаем, новые геополитические «кульбиты», последствия для экономики и бюджета анонсированного нового пакета фискальных льгот «для среднего класса», давление на ФРС и уровень сопротивляемости регулятора и т.п.

⁴ Дополнительная «краска» к февральской «картинке»: по сообщениям Bloomberg, Народный банк Китая объявил о намерении разрешить властям провинций выпускать облигации на 848 млрд юаней (\$122 млрд) для купирования последствий вспышки коронавируса.

Вместе с тем фундаментальный факт налицо: отрыв финансовых рынков от прочих секторов глобального хозяйства напрямую отражается в настроениях их участников. В основе рыночного оптимизма — прежде всего надежда на продолжение практики 2019 г., когда за счет вливаний ликвидности центробанками (с сентября прошлого года, по расчетам Morgan Stanley, совокупный баланс Федрезерва США, ЕЦБ и Банка Японии ежемесячно прирастает на \$100 млрд) были обеспечены впечатляющие результаты по прибыльности вложений в рисковые активы.

Совокупная прибыль-2019 по долговым обязательствам и инструментам участия в капитале, % год к году

Источник: Блог экспертов МВФ Тобиаса Адриана и Фабио Наталуччи, 28 января 2020.

Инвесторы уповают на «продолжение банкета», поскольку уверены, что низкие ставки (вплоть до отрицательных) — это всерьез и надолго. Финансовые аналитики же предупреждают: рынки уже перегреты настолько, что от масштабной коррекции их удерживают только монетарные стимулы регуляторов. Медианное отношение цены к прибыли (коэффициент P/E), которое исключает

искажение эффекта курсовых колебаний акций очень прибыльных и столь же убыточных компаний, показывает, что индекс S&P 500 переоценен почти на 30% при сравнении с типовым значением, наблюдавшимся с 1964 г. Вполне весомое напоминание о риске — «патроны» монетарных стимулов у денежных властей в главных экономиках мира, похоже, начинают заканчиваться.

В еврозоне и Японии реальные процентные ставки центробанков уже отрицательные. В США и Китае (с учетом колебаний инфляции) — на околонулевом уровне. Дальнейшее снижение в этих обстоятельствах, удерживая рынки на плаву, по сути, мало поможет деловой активности в нефинансовых секторах. Для страховки от жестких коррекций курсов долевых и долговых бумаг остаются вбросы ликвидности с существенным риском перехода к монетизации госдолга.

В США Федрезерв с середины сентября выкупил у первичных дилеров почти 90% размещенных с тех пор казначейских векселей, затратив более \$500 млрд. В целях предотвращения нового «репо-калипсиса» (напомним, что 16–17 сентября 2019 г. ставки на рынке РЕПО в США подскочили сразу на 10 п.п.) ФРС намерена напрямую предоставлять ликвидность небольшим банкам, дилерам рынка ценных бумаг и хедж-фондам через клиринговый центр рынка РЕПО. При этом в течение всего текущего года регулятору предстоит сохранять равновесие между необходимостью поддерживать температуру рынка (колебания баланса ФРС прямо определяют динамику индекса S&P) и интересами министерства финансов в фондировании госдолга в условиях триллионного дефицита бюджета. И это лишь один из примеров нетривиальности задач, с которыми сталкиваются денежные власти по всему периметру глобального хозяйства.

Центробанки, воздерживаясь пока от подробного прояснения деталей, не исключают нового витка монетарных смягчений. При этом пространство свободы их действий даже для поддержки L-образного восстановления глобального роста последовательно

сокращается (вероятность V-образной траектории практически уже можно не рассматривать). Остаются налогово-бюджетные стимулы и структурные реформы. Но первые сопряжены с рисками разрастания долга и ускорения роста цен сверх таргетов (в качестве превентивной меры активно обсуждается повышение инфляционных целей), а вторые, как правило, требуют наличия широкого внутриполитического консенсуса. Регулятивная синергия в принципе все еще способна ослабить риск мирового кризиса в текущем году, но серьезно повышает его вероятность на треке следующих двух лет.

В 2019-м замедление в мировой экономике привело к сокращению вклада чистого экспорта в российский ВВП. В текущем году этот тренд, скорее всего, будет продолжен. Предварительная оценка коронавирусного вычета из потенциального выпуска пока не превышает 0,1–0,2 п.п. Еще как минимум минус 0,2 п.п. — эффект плохой демографии. Вклад социально-политических мер президентского послания, напротив, добавит к ВВП, согласно расчетам ЦБ РФ и Минэкономразвития, 0,2–0,3 п.п. В результате ускорение до прогнозных 1,9% возможно, по сути, лишь за счет максимизации отдачи от нацпроектов до 0,5–0,6 п.п. Причем половина прибавки — следствие усилий по созданию деловой среды, стимулирующей частные капиталовложения. Выход же на темпы в 3% и выше, как представляется, и вовсе малодостижим без реализации структурной повестки, ориентированной на запуск нового инвестиционного цикла и повышение качества человеческого капитала. Таков пофакторный расклад активной контрциклической политики в РФ, способный смягчить или даже нивелировать негативное влияние внешних факторов.

Библиографический список

1. Гита Гопинат. «Намечающаяся стабилизация, медленный подъем?», 20 января 2020, МВФ, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/01/20/blog-weo-tentative-stabilization-sluggish-recovery>; Gita Gopinath. Tentative Stabilization, Sluggish Recovery? January 20, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/01/20/tentative-stabilization-sluggish-recovery/>

2. IMF, World Economic Outlook, «Tentative Stabilization, Sluggish Recovery?», January 2020, <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/01/20/weo-update-january2020>; МВФ, Перспективы развития мировой экономики, январь 2020, <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2020/01/20/weo-update-january2020>
3. Coronavirus outbreak: USD26bn weekly in trade spillovers, 07 February 2020, Euler Hermes, https://www.eulerhermes.com/content/dam/onemarketing/euh/eulerhermes_com/erd/publications/pdf/20200207Coronavirusoutbreakimpactontrade.pdf; Ежедневные потери для мировой торговли от вспышки коронавируса составляют 26 млрд долл. США, 07 февраля 2020, Euler Hermes.
4. Темпы роста ВВП КНР могут упасть на 2–3 процентных пункта из-за коронавируса — оценка D&B, 17 февраля 2020, <https://www.dnb.ru/news/virs/>; Business Impact of the Coronavirus. Business and Supply Chain Analysis Due to the Coronavirus Outbreak, 17 February 2020, https://www.dnb.ru/media/2020/2/17/DNB_Business_Impact_of_the_Coronavirus_US.pdf

List of References

1. Gita Gopinath. «Namechayushchayasya stabilizaciya, medlennyj pod'em?», 20 yanvarya 2020, MVF, <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/01/20/blog-weo-tentative-stabilization-sluggish-recovery>; Gita Gopinath. Tentative Stabilization, Sluggish Recovery? January 20, 2020, IMF, <https://blogs.imf.org/2020/01/20/tentative-stabilization-sluggish-recovery/>
2. IMF, World Economic Outlook, «Tentative Stabilization, Sluggish Recovery?», January 2020, <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/01/20/weo-update-january2020>; МВФ, Перспективы развития мировой экономики, январь 2020, <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2020/01/20/weo-update-january2020>
3. Coronavirus outbreak: USD26bn weekly in trade spillovers, 07 February 2020, Euler Hermes, https://www.eulerhermes.com/content/dam/onemarketing/euh/eulerhermes_com/erd/publications/pdf/20200207Coronavirusoutbreakimpactontrade.pdf; Ежедневные потери для мировой торговли от вспышки коронавируса составляют 26 млрд долл. США, 07 февраля 2020, Euler Hermes.
4. Темпы роста ВВП КНР могут упасть на 2–3 процентных пункта из-за коронавируса — оценка D&B, 17 февраля 2020, <https://www.dnb.ru/news/virs/>; Business Impact of the Coronavirus. Business and Supply Chain Analysis Due to the Coronavirus Outbreak, 17 February 2020, https://www.dnb.ru/media/2020/2/17/DNB_Business_Impact_of_the_Coronavirus_US.pdf

Контактная информация / Contact Information

Масленников Никита Иванович / Nikita I. Maslennikov

E-mail: vojta2010@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-39-63

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ ООН КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИВОГО РАЗВИТИЯ МИРА

UN ECONOMIC REPORTS AS A REFLECTION OF THE CONTRADICTIVE DEVELOPMENT OF THE WORLD

ХАСБУЛАТОВ Руслан Имранович
Заведующий кафедрой мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова, член-корреспондент РАН,
д.э.н., профессор

Ruslan I. KHASBULATOV
Head of the Department of World Economy,
Plekhanov Russian University of Economics,
corresponding member RAS, Doctor of Economics,
Professor

АННОТАЦИЯ

В статье отмечены наиболее важные моменты январского (2020) доклада Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН «Мировое экономическое положение и перспективы». Подчеркивается важная роль докладов ООН и в теоретическом плане. В этой связи автор показал их роль в критике доктрины «Вашингтонского консенсуса». Разбирается концепция ООН государства благотворного развития, анализируется

экономическая политика российского государства. Российский капитализм характеризуется как модель государственно-олигархического капитализма. Осуществлен анализ сдвигов в развитии стран – участников СНГ с учетом положений доклада ООН.

ABSTRACT

The article highlights the most important points of the January (2020) Report of the UN Department of Economic and Social Affairs «The World Economic Situation and Prospects». The important role of UN reports also is emphasized in theoretical terms. In this regard, the author showed their role in criticizing the doctrine of the Washington Consensus. The concept of the UN state of beneficial development is analyzed, the economic policy of the Russian state is analyzed. Russian capitalism is characterized as a model of state oligarchic capitalism. The analysis of shifts in the development of the CIS countries is carried out taking into account the provisions of the UN Report.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический и социальный Совет ООН (ЭКОСОС), Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (ДЭСВ), темпы роста, кризисы и депрессии, «Вашингтонский консенсус», экономический неолiberaлизм, кейнсианство, концепция благотворного развития, государство всеобщего благоденствия, «Кельтская модель», ситуация в СНГ и России, государственно-олигархический капитализм.

KEYWORDS

United Nations Economic and Social Council (ECOSOC), Department of Economic and Social Affairs (DESA), rates of growth, crises and depression, «Washington Consensus», economic neoliberalism, keynesianism, concept of beneficial development, welfare state, «Celtic model», the situation in the CIS and Russia, state-oligarchic capitalism.

Доклад ООН о спаде мировой экономики и международной торговли

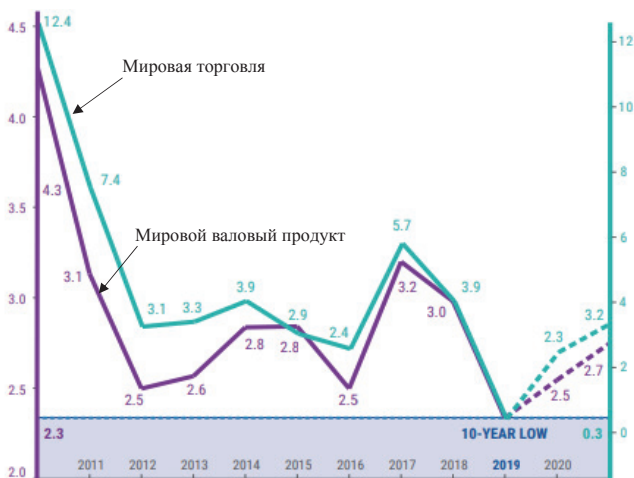
Динамичная и всеобъемлющая мировая экономика имеет важное значение для достижения целей Повестки дня в области устой-

чивого развития до 2030 г. На фоне торговых споров и широкомасштабных политических неопределенностей в течение прошлого года в мировой экономике произошло значительное ухудшение. Это будет препятствовать усилиям по сокращению бедности, созданию достойных рабочих мест, расширению доступа к недорогой и чистой энергии и достижению многих других целей в области устойчивого развития. Рост мирового валового продукта в 2019 г. снизился до 2,3%, что является самым низким показателем после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Это замедление происходит на фоне растущего недовольства социальным и экологическим качеством экономического роста, а также на фоне неравенства и углубления климатического кризиса. Несмотря на ослабление напряженности в мировой торговле в некоторых областях, вероятность рецидива высока, поскольку важные вопросы, лежащие в основе этих споров, еще предстоит глубоко изучить. На 2020 г. прогнозируется умеренный рост мирового валового продукта до 2,5% и такой же показатель мировой торговли, хотя неопределенность и риски в политике будут по-прежнему оказывать давление на инвестиционные планы компаний, что и отражается на этих двух ключевых индикаторах (см. рис. 1).

Рисунок отражает непрерывный спад темпов роста и мировой экономики, и международной торговли в прошедшее десятилетие. Характерно и то, что если многие десятилетия рост международной торговли и по темпам опережал рост мировой экономики, стимулируя ее развитие, то в последние годы эти два показателя буквально слились. Это является отражением, скорее всего, торговых войн, инициатором которых являются США, а также снижения роли ВТО как универсального регулятора международной торговли, нарастания протекционистских мер, в том числе в форме взаимных санкций.

В 2020 г. показатель роста мировой экономики может составить 2,5%, однако в докладе содержится предупреждение о том, что обострение напряженности в торговых отношениях, финансовые потрясения или эскалация геополитической напряженно-

сти могут сорвать процесс восстановления. При неблагоприятном сценарии глобальный рост в этом году замедлится до всего лишь 1,8%. Продолжительный период низкой экономической активности на глобальном уровне может послужить причиной возникновения серьезных препятствий для устойчивого развития, в том числе для достижения целей, провозглашенных ООН в 2015 г. по сокращению бедности и нищеты во Второй Декларации Повестки дня до 2035 г.

Рис. 1. Динамика развития мировой экономики и международной торговли 2011–2020 гг., %

Источник: United Nations. World Economic Situation and Prospects, Executive Summary, January 2020, p. 3.

Рисунок отражает общую тенденцию снижения темпов роста мировой экономики и международной торговли за десятилетие после глобального кризиса. Эту понижающую тенденцию, на мой взгляд, не следует связывать ни с противоречиями между США и Китаем, двумя ведущими экономиками мира, ни с иным фактором, находящимся вне пределов глобальной и национальной экономической политики. Скорее всего, кризис как раз связан с последним.

Причины низких темпов роста мировой экономики

Январский номер (2020) Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (ДЭСВ) показывает крайне противоречивую панораму состояния мировой экономики по континентальному и регионально-страновому разрезу, выделяет основные факторы развития и спадов, традиционные проблемы стран и групп стран, формирование новых факторов риска и противоречий.

В докладе отмечено, что темпы роста глобальной экономики уменьшились до десятилетнего минимума — они составили в 2019 г. 2,3%. Не особенно впечатляют и прогнозы на 2020 и 2021 гг. (2,5 и 2,7% соответственно), в то время как в предыдущие годы они всегда превышали 3%-й уровень роста за все десятилетие после мирового кризиса (2008–2009/2010–2019). Основными причинами такого беспрецедентного спада в докладе называются необычайное обострение противоречий в области международной торговли (как глобальный фактор), сохранение условий торможения развития (на африканском и латиноамериканском континентах), низкие темпы роста в России, целой группы стран ЕС, снижение инвестиционной активности Китая. При этом неблагоприятном сценарии мирового развития глобальный темп роста уже в 2020 г. может замедлиться до 1,8%. Возможно, что в связи с коронавирусной эпидемией в Китае, быстро распространяющейся в мире, этот неблагоприятный сценарий может развиваться с наибольшей вероятностью, поскольку беспрецедентные меры контроля, связанные с движением товаропотоков в Китай и из Китая, уже отражаются на его внешнеэкономических связях, экономика которого глубоко интернационализована, являясь одной из главных платформ глобальной экономики.

При этом важны не только и не столько сами «физические» последствия этой пандемии, сколько психологические ожидания компаний, связанных с китайской экономикой. Как известно, ожидания и предположения в рыночной экономике имеют предельно высокое значение, способное вогнать в кризис самую здоровую экономику. Поэтому, при сохранении в Китае неопределенности,

созданной эпидемией, наложившейся на формирование тенденции снижения деловой активности в связи с двусторонними китайско-американскими противоречиями (несмотря на некоторое их смягчение в связи с достигнутым промежуточным соглашением), этот фактор может стать «спусковым крючком» для развертывания давно ожидавшегося глобального финансово-экономического кризиса.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в введении к докладу ООН-2020 предупредил, что *«эти риски могут нанести серьезный и долговременный ущерб перспективам в области развития. Они также могут способствовать дальнейшему повышению распространения изоляционистской политики в тот момент, когда глобальное сотрудничество имеет первоочередное значение»* [1].

Эта вероятность реализации рисков усиливается в связи с тем, что последний глобальный кризис произошел более 10 лет тому назад, а все послевоенные кризисы (1947–2008/2009) происходили с периодичностью в 7–8 лет, и многие экономисты-теоретики обоснованно ожидали новый крупный кризис в последние годы. И если он не наступил, это не означает, что экономическая политика нашла в неолиберально-монетарной идеологии некую спасительную парадигму. Скорее всего, речь идет о модификации мирового делового цикла как под воздействием процессов глобализации, так и влияния промежуточных кризисов, проявляющихся в региональных и национальных кризисах — депрессиях и спадах, которые как бы «рассасывают» возможности взрывного развития кризиса. Это, в частности, произошло, когда вдруг на страны ЕС обрушился спад, названный «Великой европейской рецессией» (2011–2013).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ДОКЛАДОВ ООН

Десятилетиями пользуясь докладами и другими материалами специалистов ЭКОСОС, ЮНКТАД и других учреждений ООН, я убедился в высокой их научной подготовке, предельной объективности и добросовестности.

Приведу лишь один пример. После развала СССР и избрания руководством Российской Федерации капиталистической системы (о необходимости которой я публично заявил 22 августа 1991 г., на следующий день после того, как Верховный Совет подавил антигорбачевский путч) большинство ученых-обществоведов некритически восприняли доктрину экономического неолиберализма, воплощенную в «Вашингтонском консенсусе», с восторгом пропагандировали неразумную идею «ухода» государства из сферы экономики. Однако я как приверженец кейнсианских методов регулирования в своих книгах и статьях постоянно и последовательно подвергал критике этот подход, выступая против «сплошной приватизации», напоминающей «сплошную коллективизацию» 30-х гг. эпохи Сталина. В официальной экономической литературе понятие «Вашингтонский консенсус» даже не упоминалось, на него было наложено своего рода табу.

И вот на одном из заседаний Вольного экономического общества (2003) выступает заместитель Генерального секретаря ООН (приглашенный президентом ВЭО профессором Гавриилом Поповым). Он в своем выступлении прямо назвал концептуальные подходы «Вашингтонского консенсуса» глубоко ошибочными, нанесшими огромный ущерб множеству стран, особенно переходным и развивающимся. Именно благодаря использованию «Вашингтонского консенсуса» как базы макроэкономической политики произошла деиндустриализация в России, других участников СНГ и большей части бедных развивающихся стран, так заявил этот деятель ООН.

И лишь после этого события в ведущих журналах РАН и иных научных изданиях отечественные аналитики стали на путь критики доктрины неолиберализм-монетаризма (в трактовке профессора Милтона Фридмана). А ведь видные западные экономисты со времени официального провозглашения этой доктрины как основы экономической политики и отказа от кейнсианства показывали ее несостоятельность. Так, профессор Пол Самуэлсон под-

черкивал не столько экономический, сколько политико-идеологический характер фридманизма, его ущербность в экономической политике государств; называл это направление теоретической мысли *либертаризмом* [2, с. 401].

Подвергали объективной критике экономический неolibерализм и известные экономисты-теоретики Дж. Гэлбрейт, В. Леонтьев, Дж. Стиглиц, П. Кругман и др. А Збигнев Бжезинский иронически называл российских проводников этой политики «троцкистствующими меньшевиками». *«Люди дефицита (по Яношу Корнаи), мутанты. Делают реформы, не понимая как»* [3, с. 78], — верно заметил профессор А.В. Орлов.

Генеральная ассамблея ООН (по инициативе председателя Мигеля д'Эското Брокмана) создала тогда международную комиссию из группы видных ученых-экономистов и финансистов во главе с профессором Джозефом Стиглицем для изучения причин глобального кризиса. По результатам их исследования был подготовлен доклад, в котором были выявлены основные причины кризиса; доклад был опубликован под редакцией Джозефа Стиглица и переведен на многие языки мира [4]. Финансовые эксперты ООН подвергли сокрушительной критике экономическую политику ведущих капиталистических стран (особенно США), основанную на базе доктрины «Вашингтонского консенсуса». Были вскрыты низкие профессиональные качества топ-менеджеров, отстранивших акционеров от управления и всецело озабоченных лишь стремлением к безграничному обогащению. Именно с идеологией «Вашингтонского консенсуса» эксперты ООН непосредственно связали новый этап концентрации богатства в капиталистических странах под контролем узкой социальной страты и процесс непрерывного обеднения большинства наций, сокращение среднего класса, нижняя группа которого стала приближаться к границе бедных слоев населения. Правящий класс в тот период был в растерянности, что выражалось во взаимных обвинениях лидеров Западного мира, в том числе в ходе заседаний G-8 и G-20.

Интересно, что один из патриархов экономической мысли США XX в., лауреат Нобелевской премии Пол Самуэлсон в самый разгар кризиса в начале 2009 г. выразился в интервью немецкой газете «Ди Вельт» следующим образом, что *«очень жалко, что Фридман не дожил до сегодняшнего дня. Он увидел бы, какие беды принесло торжество его экстремистских идей»*. По Самуэлсону, официальная экономическая политика развитых стран — это «экстремистская политика», которая принесла неисчислимые бедствия населению Земли; эта оценка была предельно жесткая, но объективная.

Критикуя модели развития, предложенные в рамках «Вашингтонского консенсуса», которые спровоцировали глобальный кризис, специалисты ООН настаивали (как и авторы докладов ООН того периода) на возвращении в экономическую политику элементов кейнсианской политики. Общество приняло ее правила и согласилось с политикой *социальной ответственности бизнеса*. Этот курс предусматривал защиту от рисков для здоровья и гарантии доходов в преклонном возрасте (в виде пенсий и пособий), а также возможности субсидируемых государством услуг в области образования и здравоохранения для всего населения. Такая политика и привела к формированию устойчивого и стабильного среднего класса.

Поэтому аналитики ООН сделали вывод, что *«в настоящее время необходимо вернуться к тем многообещающим концептуальным подходам и развить их с учетом современной ситуации»* [5, с. 17].

Ошибки (если их так можно назвать) в финансовом секторе легли тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков. *«И это не в первый раз, когда неспособность финансовых рынков выполнять свои важнейшие функции привела к серьезному снижению уровня благосостояния и экономическому спаду. Действительно, ведь финансовые кризисы и спасение частных предприятий являются характерной чертой рыночной экономики. Более того, в последние годы масштабы и объем активности на финансовом рынке по отношению к экономике в целом заставили многих усомниться в том, не помог ли*

свободный рынок финансам сменить положение слуги экономики на место хозяина» [5, с. 8], — указывали авторы упомянутого доклада. Это — замечательное обобщение, верно отражающее результаты ошибочной политики в рамках «Консенсуса».

Извращение рыночной идеологии состоит в том, что во многих странах финансовый рынок стал скорее самоцелью, чем средством к достижению эффективной экономики. Другие авторы, в частности эксперты специальной комиссии ООН во главе с профессором Дж. Стиглицем, утверждали: *«Успешность финансовой политики не должна измеряться уровнем роста или объема финансового сектора в общем объеме ВВП. На самом деле чрезмерно большая доля финансового сектора в ВВП государства со средне- или хорошо развитой экономикой должна стать предметом беспокойства всех, кто заинтересован в долгосрочном экономическом росте, так как финансовые кризисы часто ассоциируются с ростом неустойчивости финансового сектора» [6, с. 119].* Верность этих суждений подтвердилась также в 2011–2013 гг., когда мировая экономика оказалась в тисках Великой рецессии, и в последующие годы, для которых характерны низкие темпы роста (2014–2019).

Частичное возвращение кейнсианства — заслуга экспертов ЭКОСОС и ЮНКТАД

Убедившись в несостоятельности действия рыночных механизмов, на основе которых строилась вся глобальная экономическая политика мирового капитализма, антикризисные мероприятия 2008–2009 гг. были основаны во многом на использовании кейнсианских методов регулирования в качестве теоретико-методологического основания антикризисной политики, с таким презрением отброшенного глобальным истеблишментом в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. Это произошло как под влиянием кризиса, когда лидеры ведущих стран были просто в растерянности, так и под влиянием специалистов ООН, которые в своих докладах предлагали самые конкретные рецепты выхода из кризиса.

Исключительно благодаря массивному государственному вмешательству развитых стран, в частности G-20¹, при практически полной пассивности со стороны крупнейших частных банков и корпораций, удалось спасти от коллапса мировую финансовую систему и восстановить функционирование производства и международной торговли. Это, однако, далось нелегкой ценой: мировая безработица возросла на более чем 100 млн чел. в 2008–2009 гг.; число живущих на краю бедности и нищеты увеличилось с 750 млн до 1 млрд чел. [5, введение, с. 3].

Определенно наметилась тенденция ухудшения положения среднего класса в ведущих странах мира, включая США, и снижения уровня жизни населения повсюду (за исключением группы формирующихся стран Азии). Общие затраты на спасение капитализма в развитых его центрах и странах (2008–2009) оценивались гигантской суммой от 22 до 30 трлн долл. Большая часть этих ресурсов была направлена на спасение крупных, так называемых системообразующих банков и корпораций. Это обусловило их восстановление — во всяком случае, они уже с 2010 г. снова стали декларировать масштабы своих операций и высокие прибыли, а также возросшие доходы акционеров-собственников и топ-менеджеров.

Однако произошло совершенно непредвиденное — попытки свернуть регулирующие мероприятия, предпринятые США, ЕС и МВФ в 2010 г., и снова вернуться к инструментариям монетарно-неолиберальной политики, что мгновенно прервало начавшийся экономический рост и ввергло мировую экономику в Великую рецессию 2011–2013/2014 гг.; это особенно сильно «задело» страны южного пояса ЕС.

В такой обстановке было неизбежным обострение теоретической борьбы вокруг как вопросов экономической политики, так и в более широком контексте: устранение вопиющей социальной неспра-

¹ В состав «Группы 20» входят: Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Южная Корея, Япония, а также Евросоюз, МВФ и Всемирный банк (в качестве коллективных членов). На долю стран «двадцатки» приходится около 90% мировой и 80% международной торговли, а также 2/3 населения мира.

ведливости в мире — основного раздражителя общества во всех странах мира. Другие вопросы теоретических дискуссий — это вопросы о характере преобразований самого государства и его взаимодействии с обществом: о судьбе крупных корпораций и банков и необходимости установления над ними демократического контроля; резком сокращении оплаты труда менеджерского корпуса и т.д. Эти вопросы раньше других исследователей были подняты в экономических докладах ООН (и прежде всего в ЭКОСОС-ДЭСВ).

Главной проблемой предстает необходимость решения социальной несправедливости, перед которой меркнут все другие. Эта проблема была особенно остро поставлена еще в докладе ООН в 2014 г. [7]. Надо отдать должное организациям, входящим в систему ООН, которые били тревогу еще со времен Азиатского кризиса (1997) и ставили вопросы о необходимости изменения всей мировой экономической политики в направлении обуздания стихии глобального финансового рынка. В условиях кризиса обобщения и оценки этих организаций (ЭКОСОС, ЮНКТАД) стали гораздо более предметными. И самое главное, — выраженными с позиций необходимости таких изменений, которые могли бы рассматриваться как наиболее адекватные современным условиям. *«Финансовый сектор требует принципиального хирургического вмешательства в области регулирования. Кризис родился в культуре безоглядного принятия риска, и она, к сожалению, до сих пор существует и полна жизни»* [5], — отмечалось в упомянутом выше докладе Экономического и социального Совета ООН.

Подвергнув обоснованной критике политику ведущих стран Запада, проводившейся по критериям либерально-монетарных подходов в рамках модели «Вашингтонского консенсуса», доклад ЭКОСОС-2010 отметил, что те страны, которые руководствовались принципами планирования, опираясь в большей мере на государственный сектор экономики и государственные банки, сравнительно легко пережили кризис. Но таковых было немного (Китай, Южная Корея, Индия, Вьетнам, Малайзия).

Вот что было, в частности, изложено в этом докладе ООН: *«Мировой экономический кризис, наложившийся на продовольственный и топливный кризисы и кризис, обусловленный изменением климата, выявил системные недостатки, ставшие его причиной, которые международное сообщество обязано устранить. Эти системные недостатки проистекают из несоответствия нынешнего набора институтов и норм, созданных более 60 лет назад при образовании Организации Объединенных Наций и связанных с нею учреждений, гораздо более высокому уровню экономической взаимозависимости и сложности, сложившемуся за десятилетия глобализации [5, с. 2].*

Как мы видим, ООН обратила внимание на то, что в ходе глобального кризиса выявились «системные сбои» в функционировании не просто «финансовых рынков» и серьезные «недостатки в основополагающих процессах выработки экономической политики», но и «сбои» самого государства. К тому же финансово-экономический кризис «наложился» на ряд других структурных кризисов. Эти многочисленные драматичные процессы разворачивались одновременно и выявили серьезные недостатки в механизмах глобального управления, используемых для борьбы с этими явлениями. Желание как можно скорее выйти из экономического кризиса вполне понятно, отмечалось в докладе ООН, но восстановление простой *«траектории роста»* будет означать возврат к неустойчивой модели глобального развития. И что важно, в нем подчеркивалось следующее: *«Для обеспечения долгосрочного будущего процветания во всем мире необходимо осуществить кардинальные реформы механизмов управления мировой экономикой и выработать новую парадигму мирового экономического развития» [5, с. 2].*

Реформы «механизмов управления» означают пересмотр функций государства в направлении их качественного расширения. С этой точки зрения, доклад ООН подчеркивал, что *«одним из центральных аспектов этой новой парадигмы должна быть ориентация на обеспечение устойчивого развития, предполагающая сбалансированное сочетание деятельности по наращиванию материального*

богатства с защитой природной среды и обеспечением социального равенства и справедливости» [5, с. 3].

Этот важный вывод экспертов ООН не был услышан в главных центрах мирового капитализма. Но их мысль очевидна — далее не следует полагаться исключительно на крупный частный сектор (крупные банки и корпорации) как главных движителей технологического, общественно-экономического и социально-культурного развития. Необходима широкая поддержка мелких и средних товаропроизводителей и услуг, да и в целом ренессанс концепции социальной ответственности предпринимательства.

Далее эксперты ООН рекомендовали осуществлять международную денежно-кредитную политику на базе существенной координации ее государствами и усилении наднациональных элементов ее проведения. При отсутствии координации возникают, в частности, широкомасштабные дестабилизирующие скачки валютных курсов, которые дорого обходятся странам.

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА БЛАГОТВОРНОГО РАЗВИТИЯ

Основные положения рекомендаций авторов докладов ЭКОСОС (и ЮНКТАД) и ряда других международных исследований последнего времени ставили важные вопросы, во-первых, о необходимости существенного пересмотра финансово-экономической и кредитно-бюджетной политики государств; во-вторых, они обосновывали концепцию «нового кейнсианства», когда государства и общества должны эффективно участвовать в экономической политике, не перекладывая «ответственность за результаты деятельности правительств на рынок». Основной аргумент сводится к тому, что на волне последствий глобального кризиса необходимо принципиально «переосмыслить роль государства», причем во всех странах — развитых, развивающихся и переходных. Таким образом, для решения важнейших структурных проблем необходимо кардинально изменить баланс участия государства и рынка. Анализ вопроса о рациональном управлении следует вынести за пределы беспо-

лезных и ложных дихотомий типа «государство» или «рынок». Правительства не стоят перед жестким выбором между добром и злом, «пороком» государственного дирижизма и «добродетелью» рынка, между приватизацией и дерегулированием; это — искаженная картина, с примесью догматизма и идеологизма.

В современных условиях XXI столетия требуется такое государство благотворного развития, которое адаптировано к вызовам, стоящим перед взаимозависимым миром. Это государство должно стремиться поставить на службу общества все национальные силы, нацеленные на решение проблем на основе инициативы снизу, за счет вовлечения заинтересованных участников и обеспечения участия граждан, формирующих и обновляющих микроосновы демократической практики. Оно должно также использовать широкий круг моделей и механизмов управления процессом развития в рамках смешанной экономики для привлечения частной предпринимательской инициативы. Необходимо признать также, что *благотворное управление — это не просто вопрос процессов управления, но еще и вопрос эффективного достижения результатов*. «Благотворное управление» было бы весьма странным, если бы процессы управления, исходя из основополагающих принципов, считались совершенными, а результаты были ничтожными. Таким образом, для страны, заинтересованной в поощрении развития, благотворное управление — это управление, которое эффективно обеспечивает экономическое и технологическое развитие и социально-культурный прогресс, а также ведет к непрерывному росту уровня жизни населения [8, с. 9].

Порочность глобальной финансово-экономической политики, сформировавшейся после завершения мирового кризиса в полной уверенности, что такое событие (как глобальный кризис) «не повторится, потому что не может повториться», заключалась в особо циничной идее МВФ, требующей «сокращения» государственных инвестиций в периоды спадов и депрессий. Но каким образом экономия финансовых ресурсов в условиях кризиса или периоды рецессии может оздоровить большую экономику? Разве

не нужно выделять деньги для расширения занятости, поддержки предпринимательства, оказания помощи попавшим в трудную ситуацию категориям населения и т.д.? Нет открытия в той истине, что «режим экономии» надо вводить в периоды динамичного роста, но не в кризисные времена или периоды низких темпов роста.

Так, преждевременное свертывание в 2009 г. кейнсианских методов регулирования в Европейском союзе (несмотря на предупреждения со стороны специалистов ЭКОСОС и ЮНКТАД) привело к известной Великой европейской рецессии. Она охватила две трети стран ЕС; особенно тяжелыми были последствия для средиземноморских стран (Греция, Испания, Португалия, Италия), презрительно прозванных в англо-американской печати как PIGS (свиньи, — от первоначальных букв наименования стран). Но и другие страны (Германия, Бельгия, Нидерланды) испытывали серьезные трудности; упали темпы восстановительного периода в США. И лишь с 2014 г. намечился выход развитого сегмента капиталистических стран из этой затяжной депрессии.

На мой взгляд, именно эта затяжная депрессия, рукотворно сотворенная неразумной экономической политикой, модифицировала глобальный деловой цикл, когда его известные стадии оказались «размытыми». Однако накопление внутренних противоречий, усугубляемое не только финансовыми «пузырями», но и вызывающими политическими сигналами из мировых центров концентрации экономической мощи, продолжается. Очевидно и то, что эти односторонние экономико-торговые и политические инициативы, разрушающие действующий международный порядок, способны формировать кумулятивный эффект огромной разрушительной силы, если их не канализировать в упорядоченную международную договорную систему.

Доклад ООН-2020 затрагивает эти аспекты, но в самой общей форме; я допускаю, что акцент не сделан специально, чтобы не укреплять пессимистические настроения и ожидания, оказывающие огромное влияние на принятие решений деловыми кругами.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ?

Государство с начала 80-х гг. XX в. сняло с себя ответственность за состояние человека, предав забвению великие идеалы, покоящиеся в самом понятии «ответственность государства за своих граждан». Повышение коммерциализации сферы социальных услуг привело к многократному повышению их стоимости. Сюда устремился крупный частный капитал, в результате социальные отрасли (здравоохранение, образование, коммунальные услуги и пр.) превращены в разновидность контор по выколачиванию денег, даже с малообеспеченного населения. *«Рыночный фанатизм с риторикой о демократии затмил разум. И мы пока еще продолжаем “оплачивать свое рабство”»* [9], — метко заметил профессор Д.В. Валовой.

В то же время признание того, что осуществление программ макроэкономической стабилизации и структурной перестройки может быть сопряжено с социальными издержками, привело к созданию сетей социального обеспечения, ориентированных на защиту бедных и уязвимых слоев общества, но на ограниченной финансовой базе. В рамках этой системы ключевая задача социальной политики заключалась уже не в том, чтобы содействовать проведению стратегии развития, ориентированной на улучшение положения более широких слоев населения, а в том, чтобы обеспечивать наличие компенсационных механизмов, которые сделали бы менее болезненными результаты проведения экономической политики. Социальная политика из универсальной стала избирательной, конструкция *государства всеобщего благополучия*, продукт кейнсианской политики, — стала «рассыпаться». Угодливые теоретики-пропагандисты, обслуживающие крупные корпорации, уже позволяют себе издеваться над этим великим достижением — государством всеобщего благоденствия послевоенных десятилетий. И только в скандинавских странах эта политика продолжила свое развитие, хотя и существенно изменилась, но не теряя свои основные содержательные кластеры.

Если вычленив главное из последних докладов учреждений ООН, они предлагают следующие положения для построения но-

вого государства благотворного развития, способного ответить на вызовы XXI в.:

— усиление акцента на роли знаний в процессах развития. Это обуславливает необходимость повышенного внимания к системе образования и национальных инновационных программ, наряду с новой активной финансовой политикой государства на базе приоритетов, отличных от догматических рецептов либертарианства и монетаризма;

— разработка обширных программ стимулирования экономического роста с учетом структурных преобразований на основе широкого типа диверсификации; этот рост базируется на модернизационных началах и предусматривает повышение экономической роли государства, в том числе в форме развития нового государственного сектора экономики;

— рассмотрение комплекса вопросов, связанных с ослаблением фактора «отчуждения» между обществом и собственниками особо крупных факторов производства; действия, направленные на уменьшение социальной дифференциации в обществе (с целью достигнуть децильного коэффициента 1:5, но не более); осуществление разумной национализации в целой группе отраслей;

— разработка вопроса, как лучше использовать возможности взаимодействия между отечественным и иностранным капиталом посредством усиления отдачи ПИИ для развития и модернизации в рамках глобальных производственно-сбытовых цепочек, имея главную цель — повышение уровня жизни населения;

— принятие более четко сформулированного регионально-протранственного подхода к процессу развития, при котором используется потенциал совместных действий (центра, региона-муниципия) в целях создания условий для структурных преобразований.

Новое государство благотворного развития, несомненно, должно также отказаться от авторитарной практики, использовавшейся некоторыми странами, добившимися относительных успехов в области развития (восточноазиатские, посткоммунистические), когда

их лидеры единолично распоряжаются огромными финансовыми ресурсами. В связи с этим можно обратиться к примерам других типов государства благотворного развития, в частности североевропейская модель, или модель «кельтского тигра» [8, с. 13]. Построение демократических государств благотворного развития должно подразумевать, в частности, обеспечение участия граждан в процессах развития, управления и принятия важнейших решений.

Поскольку эти цели, на мой взгляд, вряд ли достижимы, я ожидаю усиление давно действующей тенденции деградации государства. Она (деградация), в частности, находит свое отражение в *кризисе лидерства*, когда во власть приходят совершенно неподготовленные люди, равнодушные к судьбам людей, их интересам, их мечтаниям. Они озабочены лишь укреплением своей власти, богатства и влияния (для себя и своего клана). Отсюда и производное от кризиса лидерства — это *кризис доверия* между ними.

Но если нет устойчивого и сбалансированного роста и развития, закономерно следует ожидать укрепления нисходящей тенденции — деградации государства экономики и социальной жизни. А это — прямая угроза того, что не будут выполнены основные цели и задачи Второго саммита тысячелетия, принявшего Декларацию под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (ее приняли главы государств и правительств). Эта Декларация является программой глобальных действий, своего рода «Хартией людей и планеты в XXI в.» (отмечено в п. 51 Декларации ГА ООН 2015 г.).

Все элементы современной модели макроэкономической политики в любой стране (за исключением ряда успешных азиатских и североевропейских стран) подчинены задачам максимизации прибыли крупных частных компаний и банков. Особенно негативную (провокационную) роль играет теория ценообразования, полностью отвергающая основополагающий принцип издержек (себестоимости) Адама Смита и Давида Рикардо, основанный на якобы факторе конкуренции.

Давно назрела необходимость реформирования ценообразования, отказа от порочной практики привязки внутренних цен на топливо (нефть, газ, бензин, солярку, мазут, электроэнергию) на якобы «мировые цены». Высокие цены на эти продукты тормозят развитие индивидуального, мелкого и среднего предпринимательства в России, ведут к росту цен на продовольствие (на это идет до 40% заработной платы трудящихся). Но что не менее важно — такая ценовая политика в странах с бедным населением (а это все население СНГ) тормозит развитие внутреннего спроса, что, в свою очередь, блокирует экономический рост. В результате сформировалась «ловушка трихотомии»: высокие цены — низкие зарплаты — уозость внутреннего рынка (в силу ограниченности спроса).

Динамика роста в России и СНГ

В 2019 г. в странах СНГ и Грузии экономический рост замедлился в связи с заметным уменьшением темпов роста в Российской Федерации и ухудшением условий торговли, как указывает доклад ЭКОСОС (январь 2020). Средний показатель роста ВВП для данного региона в 2019 г. снизился до 1,8%, однако ожидается его незначительное увеличение до 2,3% в 2020-м и 2,4% в 2021-м. По оценкам, в 2019 г. уровень экономического подъема в Российской Федерации составил всего около 1%; это объясняется устойчиво низким потребительским спросом. Темпы роста инвестиций в 2019 г. замедлились, в то время как показатели эффективности экспортно-ориентированных секторов превышали соответствующие показатели для секторов, ориентированных на внутренний рынок. Эксперты ООН считают, что рост бюджетных расходов в Российской Федерации может способствовать росту в 2020–2021 гг., но около 2%. В группе других стран — членов СНГ показатель экономического роста составил 4% в Казахстане, 3% — на Украине, в Киргизии, Таджикистане; это обусловлено тенденцией роста внутреннего спроса при расширении масштабов строительства и сферы услуг. В Узбекистане активная промышленная деятельность и оживление в строительном

секторе привели к ускорению экономического роста до примерно 6%, рост ВВП в Белоруссии был на уровне 3%, но ситуация в ней усложняется, поскольку рост во многом связан с импортом нефти и газа из России, переговоры по которым вызывают опасения, что они могут затронуть вопросы политического взаимодействия двух стран. Это грозит самому существованию ЕАЭС.

В целом доклад ООН отражает ситуацию, которая свидетельствует, что в большинстве стран Центральной Азии сохраняются достаточно высокие темпы роста, в том числе в силу участия в реализации проекта «Один пояс — один путь», способствующего развитию энергетической и транспортной инфраструктуры (на базе финансирования китайскими компаниями). При этом финансирование проектов, осуществляемых в рамках данной инициативы, может привести к увеличению их долгового бремени, что, похоже, не в полной мере учитывается правительствами этих стран.

Конечно, фактором, влияющим на экономики стран СНГ, является состояние экономики России, а она находится в режиме стагнации вот уже семь лет (после 2013-го). Это создает серьезные угрозы для позитивного развития интеграционного процесса в рамках ЕАЭС [10, глава 5, с. 134–187].

Экономика России имеет предельно несбалансированный характер: при огромном развитии топливно-энергетического сектора и первичной переработки рудной промышленности слабы ее обрабатывающие отрасли, особенно машиностроение, станкостроение и деревообрабатывающая промышленность; пищевая промышленность находится под контролем крупнейших ТНК, в основном иностранных. Диспропорции характерны для сельского хозяйства и животноводства. С одной стороны, страна вывозит на мировой рынок крупные объемы пшеницы, с другой стороны, не хватает высокосортной пшеницы для обеспечения населения хлебными изделиями высокого качества. При поддержке государства получили развитие огромные агрохолдинги, производящие продукты растениеводства, животноводства и птицеводства, в том числе для экспорта.

Одновременно с этим русская деревня вымирает, она — сплошная зона бедствия; фермерские хозяйства исчезают, так и не получив своего развития. Основная проблема — слабая господдержка, высокие цены на бензин, масла, электроэнергию, сельхозтехнику, удобрения; сельская инфраструктура полностью развалена. Факторы производства российского села, по сути, подорваны за последнее двадцатилетие.

Для России нужна совершенно другая экономическая политика, по сравнению с той, которая проводится в течение 20 лет правления Путина. Сможет ли ее изменить новое правительство — покажет будущее. Ниже представлены два варианта прогноза развития российской экономики на период 2019–2024 гг. (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Прогноз Минэкономразвития Российской Федерации

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Реальный ВВП, % прироста	1,3	2	3,1	3,2	3,3	3,3
Курс доллара, руб.	65,1	64,9	65,4	66,2	67	68,6
Цена барреля Urals, долл.	63,4	59,7	57,9	56,3	55	53,5

Источник: Центр развития Высшей школы экономики, 2019.

Таблица 2

Консенсус-прогноз независимых аналитиков

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Реальный ВВП, % прироста	1,3	1,7	1,9	1,8	1,9	2,0	2,2
Ключевая ставка ЦБ, %	7,43	6,91	6,55	6,43	6,5	6,22	6,06
Курс доллара, руб.	66,5	67,5	67,8	69,1	70,3	72,1	71,1
Цена барреля Urals, долл.	64,8	64,1	65	64,3	62,9	63,4	67,3

Источник: Центр развития Высшей школы экономики, 2019.

Расхождения в прогнозных показателях двух сценариев минимальны; оба прогноза исходят из низких темпов экономического роста страны в предстоящие годы (2020–2024). При таких показателях задачи, поставленные Президентом РФ В.В. Путиным, достигнуть темпов роста выше среднего значения показателя темпов

роста мировой экономики к 2024 г. явно недостижимы. Они и не могут быть иными при сохранении действующей модели макроэкономической политики, которая буквально душит не только товаропроизводителей, но и рядового гражданина-налогоплательщика. При этом косвенные налоги, разного рода платежи, особенно на коммунальные услуги, возрастают неуклонно, как и на продукты питания, на которые у россиянина уходит до 40% его скромной заработной платы. Одновременно с этим общество раздражено быстрым ростом богатства у ничтожной части супермиллиардеров, которые мало что производят, но богатеют день ото дня.

Несбалансированность экономики, отсутствие в ней отраслей и производств, производящих товары народного потребления, делают людей зависимыми от импорта по огромному числу наименований. Российские компании импортируют буквально все, начиная от булавок, канцтоваров, мужских носков и платков до сложной бытовой техники. Политика импортозамещения фактически не состоялась в силу разных причин, в том числе непоследовательности, безволия и жадности правящего класса, отсутствия ответственности его перед обществом и неумения управлять государством во имя интересов народа и решения задачи ежегодного роста народного благосостояния. Поэтому я назвал отечественный капитализм *«государственно-олигархическим капитализмом»* и выявил его основные черты [11, с. 5]. Чтобы кардинально изменить саму обстановку перманентного застоя, характерную для современной России, необходимо осуществить демонтаж этой реакционной модели капитализма и перейти к другой, неокейнсианской.

Недавно на Экономическом форуме в Давосе его президент заявил о необходимости строительства «капитализма для всех». Это, однако, означает не что иное, как «социализм», поскольку «капитализм — для всех» органически невозможен. А вот гуманистический капитализм, нечто подобное скандинавскому варианту («кельтская модель») или даже китайскому, вполне осуществим. Концепция ЭКОСОС о «государстве благотворного развития» и «благотворно-

го управления», насколько я понимаю, весьма близка концепции «гуманистического капитализма». Хотелось бы видеть какие-то существенные позитивные изменения в нашей стране, поскольку реальных возможностей для этого имеется в изобилии, в отличие от множества других стран, народы которых тем не менее живут в лучших жизненных условиях.

Библиографический список

1. World Economic Situation and Prospects. United Nations, New York, 2020, p. IV.
2. Самуэлсон Пол. Экономика. Том 2. Пер. с англ. М., 1992.
3. Орлов А.В. Государство и управление. Часть II. Государство 90-х годов начала XXI века. М., 2018.
4. The Stiglitz Report. Reforming the International Monetary and Financial Systems in the wake of the Global Crisis. Joseph E. Stiglitz and members of a UN Commission of Financial Experts with a foreword by Miguel d'Escoto Brockman, UN General Assembly President. The New press. New York; London, 2010.
5. ООН. Обзор мирового экономического и социального положения. Переоснащения мирового развития. Нью-Йорк, 2010.
6. Доклад Стиглица о реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад комиссии финансовых экспертов ООН. М., 2010.
7. World Economic Situation and Prospects 2014. United Nations, New York, 2014.
8. ЮНКТАД. Наименее развитые страны. Государство и управление процессом развития, 2009 год. Нью-Йорк и Женева.
9. Валовой Д.В. Рынок «или» государство? — Научные принципы регулирования экономики. М., 2018.
10. Хасбулатов Р.И. Международная и континентально-региональные экономические интеграции: формы, типы, противоречия. М.: 2019.
11. Хасбулатов Р.И. 20 лет правления Владимира Путина. Независимая газета, 10 сентября 2019.

List of References

1. World Economic Situation and Prospects. United Nations, New York, 2020, p. IV.
2. Samuelson Paul. Economy. Volume 2. Trans. from English M., 1992, p. 401.
3. Orlov A.V. State and government. Part II. The state of the 90s of the beginning of the XXI century. M., 2018, p. 78.
4. The Stiglitz Report. Reforming the International Monetary and Financial Systems in the wake of the Global Crisis. Joseph E. Stiglitz and members of a UN Commission of Financial Experts with a foreword by Miguel d'Escoto Brockman, UN General Assembly President. The New press. New York; London, 2010.
5. Overview of the global economic and social situation. Re-equipment of world development. New York, 2010, p. 17.

6. Stiglitz Report on Reform of the International Monetary and Financial System: Lessons from the Global Crisis. Report of the UN Financial Expert Commission. М., 2010, p. 119.
7. World Economic Situation and Prospects 2014. United Nations, New York, 2014.
8. UNCTAD. Least developed countries. State and development process management, 2009. New York and Geneva. P. 9.
9. Valovoy D.V. Market «or» State? – Scientific principles of economic regulation. М., 2018.
10. Khasbulatov R.I. International and continental regional economic integration: forms, types, contradictions. М.: 2019.
11. Khasbulatov R.I. 20 years of reign of Vladimir Putin. Independent newspaper, September 10, 2019, p. 5.

Контактная информация / Contact Information

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36, корпус 3, офис 603 / Plekhanov Russian University of Economics, office 603, building 3, 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, The Russian Federation

Хасбулатов Руслан Имранович / Ruslan I. Khasbulatov

E-mail: khasbulatov.RI@rea.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-64-70

О НЕКОТОРЫХ РИСКАХ РОСТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ¹

ABOUT SOME RISKS OF WORLD ECONOMIC GROWTH

ЕРШОВ Михаил Владимирович

Член Президиума ВЭО России, профессор
Финансового университета при Правительстве
РФ, д.э.н.

Mikhail V. ERSHOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, Professor
of the Financial University under the Government of
the Russian Federation, Doctor of Economics

ТАНАСОВА Анна Станиславовна

Эксперт Финансового университета
при Правительстве РФ, к.э.н.

Anna S. TANASOVA

Expert of Financial University under the Government
of the Russian Federation, PhD in Economics

АННОТАЦИЯ

Рост на фондовых рынках продолжается при невысоких темпах роста мировой экономики. При этом возникают новые риски замедления роста, в частности распространение коронавируса, которое уже отражается на

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

динамике мировой торговли. Существенное замедление роста может негативно сказаться на кредитоспособности нефинансовых организаций, особенно организаций с высокой кредитной нагрузкой. Регуляторы продолжают применение нестандартных мер для стимулирования экономического роста и поддержания стабильности на финансовых рынках. При этом резкое ухудшение ситуации при ограниченных возможностях денежно-кредитных властей в ведущих странах потребует больше скоординированных мер монетарных властей и государства.

ABSTRACT

Stock markets continue their rise while the economic growth is at a low pace and is fragile. New risks of growth emerge. Spread of coronavirus has influenced already the world trade. Marked slowdown of the world economic growth may worsen creditworthiness of non-financial organizations, especially companies with leveraged loans. Regulators continue to stimulate economic growth and stability in the financial markets increasingly using non-traditional measures. In the case of sharp downturn more non-traditional measures and more complicated approaches of government and regulators are needed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мировая экономика, финансовые риски, финансовая система, денежно-кредитная политика, фондовые рынки, центральные банки.

KEYWORDS

World economy, financial risks, financial system, monetary policy, stock markets, central banks.

После замедления роста мировой экономики в 2019 г. на текущий год ожидается некоторое ускорение, согласно прогнозам международных организаций и регуляторов. По оценкам МВФ, сделанным в январе 2020 г., рост глобального ВВП повысится с 2,9 в 2019 г. до 3,3% [1]. Рост российского ВВП в 2020 г. ожидается

на уровне 1,7% [2]. Это, естественно, является отражением низкого уровня инвестиций, кредитов и низкого спроса в целом.

При этом международные организации в своих прогнозах обозначают, что значимым фактором, который может помешать росту, остаются риски — среди них геополитические, торговые войны, рост напряжения между странами и пр. В случае их реализации даже обозначенный невысокий рост достичь не удастся.

Между тем на американских фондовых рынках продолжается рост, а фондовые индексы достигают все новых пиковых значений. В частности, индекс S&P 500 в феврале 2020 г. достиг максимальных значений за всю историю. Рост в значительной степени базируется на операциях компаний по покупке собственных акций (операции buyback), смягчении денежно-кредитной политики ведущими регуляторами, а также участии регуляторов на рынках. В начале 2020 г. поддержку росту оказывала также в целом неплохая отчетность крупных компаний.

Рекордные значения на фондовых рынках на фоне роста экономики темпов ниже среднего за последние 20 лет уровня отчетливо свидетельствуют об отрыве фондовых рынков от фундаментальных экономических показателей. Отрыву способствует в том числе искусственная поддержка со стороны центральных банков, которая происходит вопреки традиционным подходам регуляторов.

Отметим, что в настоящее время покупками бумаг частных компаний занимаются центральные банки Швейцарии, Японии, ЕЦБ. ФРС также не исключает применения аналогичных операций в случае необходимости. Такие нестандартные операции со стороны центральных банков, по сути, свидетельствуют о хрупкости положения на финансовых рынках. Регуляторы опасаются спада и развития кризисных процессов в экономике.

При сохраняющихся минимальных процентных ставках и уже осуществленном масштабном вливании ликвидности в мировую финансовую систему возможности денежно-кредитных властей сильно ограничены. Отметим, что, несмотря на принятые меры

американскими регуляторами после глобального кризиса, в США осенью 2019 г. на межбанковском рынке начались проблемы с ликвидностью, что свидетельствует о фрагментарном распределении влитых средств. Для решения проблемы ФРС была вынуждена начать масштабные операции РЕПО и выкуп казначейских облигаций с рынка.

Об ограниченности мер денежно-кредитной политики уже заявляют как сами центральные банки, так и международные организации. На это указывал бывший глава ЕЦБ М. Драги, говоря, что меры в области денежно-кредитной политики недостаточны, поэтому они должны опираться на широкие меры бюджетного характера [3]. МВФ также считает, что эффективность денежно-кредитной политики в Европе понижена, и рекомендовал иметь план в случае резкого замедления экономического роста [4]. Глава ФРС США Дж. Пауэлл также высказался (февраль 2020), что ФРС уже не имеет инструментов для борьбы с рецессией, и призвал Конгресс быть готовыми помочь [5].

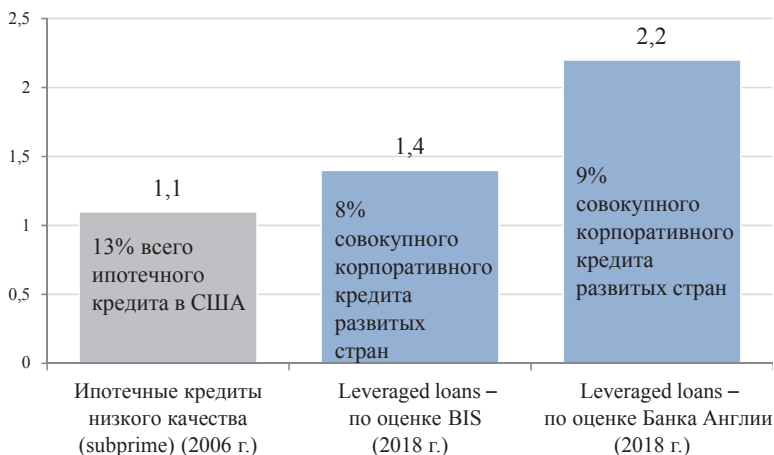
Новым фактором риска для роста глобальной экономики в начале 2020 г. стал коронавирус, начавшийся в Китае. Распространение вируса началось еще в середине декабря 2019 г., но информация о нем появилась лишь в самом конце 2019 г. и сначала не представлялась столь значимой. Однако почти за два месяца распространения вируса уже нанесен урон международной торговле, в Китае приостанавливаются производства, закрыты города с населением в несколько десятков миллионов человек. Срыв логистических цепочек может привести к закрытию предприятий и в других регионах, к замедлению производства в мире в целом. Значительное торможение экономического роста в мире может способствовать росту дефолтов компаний по своим обязательствам.

Сказанное выше представляет значительные риски для стабильной глобальной финансовой системы, учитывая высокий уровень долговой нагрузки ведущих экономик. Уровень долгов в мире в конце 2019 г. достиг очередных пиковых значений, превысив

253 трлн долл., или 322% мирового ВВП. При этом наибольший объем задолженности приходится на нефинансовые организации — более 90% мирового ВВП [6].

Отдельные сегменты долгового рынка достигли возможно критических масштабов и в случае неблагоприятного развития событий могут послужить спусковым крючком для дестабилизации глобальных рынков. В частности, речь идет о кредитах, выданных организациям с высокой кредитной задолженностью (*leveraged loans*), объемы которых активно росли после глобального финансового кризиса, когда сформировались минимальные процентные ставки.

Рис. 1. Объемы ипотечных кредитов в 2006 г. и объемы *leveraged loans*, трлн долл.

Источник: по данным [5, 6, 7].

Отметим, что в международной практике нет единого принятого определения термина *leveraged loans*, что в том числе затрудняет оценки данного рынка. Согласно Банку международных расчетов (BIS), глобальный рынок *leveraged loans* достигает 1,4 трлн долл. [7]; по данным Банка Англии, который основывается на более ши-

рокой оценке, рынок leveraged loans составляет 2,2 трлн долл. [8]. Тем не менее в обоих случаях объем таких кредитов сопоставим с объемом ипотечных кредитов качества subprime в предкризисный период в 2006 г., проблемы которых привели к глобальному финансовому кризису (см. рис. 1).

Действительно, и в мире, и в российской экономике есть серьезные, фундаментальные проблемы, которые, скорее всего, потребуют неких принципиально иных, нежели классические стандартные подходы, решений. Неспроста в мире все чаще и чаще на вооружение берется теория ММТ — money market theory, где качественно иные подходы о вовлечении и роли государства, о вовлечении и роли денег. Базовые подходы данной теории включают: целевую и длинную эмиссию центральных банков, низкие процентные ставки, широкий комплекс дополнительных мер регулирования экономики. Отметим, что эти механизмы, которые получают все большее распространение, уже достаточно давно и активно применяются во многих развитых экономиках. Развитие после глобального кризиса 2007–2009 гг., а также последний год, когда курс на ужесточение денежно-кредитной политики был вновь пересмотрен в сторону смягчения, еще раз свидетельствуют о важности прагматических подходов и национальных интересов для долгосрочного роста.

Очевидно, что в сложившейся ситуации необходимо применение дополнительных мер для стимулирования экономического роста и поддержания стабильности на финансовых рынках. При этом изменяющаяся парадигма подходов центральных банков, которая нашла свое отражение в ММТ, показывает, что сложившаяся картина является крайне сложной и нестандартной, а потому требует все больше нестандартных решений и скоординированных действий регуляторов. Отметим при этом, что даже в последней редакции основных направлений денежно-кредитной политики Банка России указывается, что «устойчивое повышение темпов роста российской экономики, основанное на внутренних источниках развития, возможно только при координации действий всех

органов власти» [9]. Это говорит о том, что проблема приобретает более комплексный характер и требует всеобъемлющего решения.

Библиографический список

1. IMF. Tentative Stabilization, Sluggish Recovery? World Economic Outlook. January 2020.
2. Министерство экономического развития РФ. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. Сентябрь 2019.
3. Remarks by Mario Draghi, President of the ECB, at the farewell event in his honour. October 28, 2019.
4. IMF. Europe: Facing Spillovers From Trade and Manufacturing. November 6, 2019.
5. Jerome H. Powell. Semiannual Monetary Policy Report to the Congress. February 2020.
6. IIF. Global Debt Monitor. Sustainability matters. January 2020.
7. BIS. Quarterly Review. September 2019.
8. Bank of England. How large is the leveraged loan market?
9. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов. Октябрь 2019.

List of References

1. IMF. Tentative Stabilization, Sluggish Recovery? World Economic Outlook. January 2020.
2. Ministry for Economic Development of the Russian Federation. Outlook of Social-Economic Development of the Russian Federation till 2024. Сентябрь 2019.
3. Remarks by Mario Draghi, President of the ECB, at the farewell event in his honour. October 28, 2019.
4. IMF. Europe: Facing Spillovers From Trade and Manufacturing. November 6, 2019.
5. Jerome H. Powell. Semiannual Monetary Policy Report to the Congress. February 2020.
6. IIF. Global Debt Monitor. Sustainability matters. January 2020.
7. BIS. Quarterly Review. September 2019.
8. Bank of England. How large is the leveraged loan market?
9. Bank of Russia. Monetary Policy Guidelines for 2020–2022. October 2019.

Контактная информация / Contact Information

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский проспект, 49 / Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky prospekt, Moscow, 125993 (GSP-3), The Russian Federation

Ершов Михаил Владимирович / Mikhail V. Ershov
+7 (495) 787-74-51, e-mail: lupandina@fief.ru

Абалкинские чтения

«ГОД ПРОШЕЛ: ЧТО ДАЛЬШЕ?»

5 февраля 2020 г. в Доме экономиста состоялся научный форум «Абалкинские чтения» на тему «Год прошел: что дальше?», организованный Вольным экономическим обществом России и Международным Союзом экономистов. Мероприятие было посвящено перспективам российской экономики в 2020 г.

Модератор: Сорокин Дмитрий Евгеньевич, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН.

Основной доклад: Клепач Андрей Николаевич, член Правления ВЭО России, заместитель председателя (главный экономист) Внешэкономбанка.

В настоящем разделе представлены статьи, в основу которых легли доклады спикеров «Абалкинских чтений».

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-72-87

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ШОК ОТ КОРОНАВИРУСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ¹

RUSSIAN ECONOMY: THE CORONAVIRUS' SHOCK AND THE RECOVERY PROSPECTS

КЛЕПАЧ Андрей Николаевич

Член Правления ВЭО России, заместитель
председателя (главный экономист) ВЭБ.РФ, к.э.н.

Andrey N. KLEPACH

Member of the Board of VEO of Russia,
Chief Economist at VEB.RF, PhD in Economics

АННОТАЦИЯ

Российская экономика оказалась под двойным ударом пандемии коронавируса и падения нефтяных цен. Принятые и обсуждаемые правительственные защитные и стимулирующие меры дадут заметный эффект для уменьшения экономических потерь. Однако цена кризиса и для населения, и для бизнеса остается высокой. В рамках бюджетного правила не удастся

¹ В основу статьи положено выступление на «Абалкинских чтениях» (05.02.2020, г. Москва, Дом экономиста) с последующей актуализацией.

перейти к интенсивному подъему и, главное, профинансировать необходимые структурные преобразования. Хотя цены на нефть через какое-то время пойдут вверх, роль добычи углеводородов в развитии российской экономики никогда не будет прежней. Необходим поиск новых технологий и новых подходов к экономике знаний и здоровья. А это потребует новой модели управления и от государства, и от бизнеса.

ABSTRACT

The Russian economy has been hit twice by the coronavirus pandemic and falling oil prices. The protective and incentive measures already adopted by and still being discussed in the Government will have a noticeable effect on reducing economic losses. However, the cost of the crisis for both population and business remains high. It will not be possible to move to an intensive recovery and, most importantly, to provide funding to finance necessary structural transformation of the economy within the current budget rule framework. Although oil prices will go up over time, the role of hydrocarbon production in the development of the Russian economy will not remain the same. It is essential to search for new technologies and approaches to the economy of knowledge and health. This will require a new management model from both state and business.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический рост, коронавирус, бюджетное правило, структурные сдвиги.

KEYWORDS

Economic growth, COVID-19, budget rules, structural change.

Jel: E320, E58, O11.

Нынешний кризис носит во многом неэкономический характер, так как вызван стихийным бедствием — пандемией COVID-19, поэтому давать точные оценки спада довольно трудно. Не случайно китайцы, первыми попавшие под удар коронавируса и первыми начавшие выходить из кризиса, отказались от планирования прироста ВВП в этом году, а установили цели по повышению доходов населения и реализации инвестиционных

проектов. Коронавирус сыграл роль черного лебедя Талеба, точнее коршуна. Хотя в мировой экономике назревали кризисные явления и она приближалась к очередному циклическому кризису, который мог наступить осенью 2020 г. или в 2021-м, а также формировался избыток предложения нефти, эти кризисные процессы не шли ни в какое сравнение с кризисом, который поразил мир благодаря коронавирусу. Вместо ожидавшегося торможения роста (а по официальным прогнозам МВФ и ОЭСР ожидалось ускорение) мировая экономика вползла в спад, который оценивается от 2 до 5%, что беспрецедентно со времен Великой депрессии (см. табл. 1).

Если бы не пандемия, российская экономика могла бы вырасти, по нашей оценке, в этом году на 1,9%. Снижение нефтяных цен понижает прирост ВВП текущего года на 0,6–1 п.п., однако пандемия и связанные с ней карантинные меры нанесли удар почти в 7–10 раз сильнее. Часть обвального падения нефтяных цен — также результат кризиса мировой экономики и сокращения спроса на нефть из-за пандемии.

Сейчас много катастрофических оценок падения российского ВВП. Масштаб экономических потерь во многом зависит от реальной жесткости карантинных мер в регионах и от продолжительности карантина. Оптимистичный прогноз предполагает, что пик эпидемии будет пройден в ключевых регионах, прежде всего в Москве и области, где основное количество заболевших, в конце мая, хотя в ряде регионов он наступит позже. С конца мая многие регионы уже начали ослаблять карантинные меры, или наше ноу-хау — меры самоизоляции. Москва также запустила стройку и часть простаивающих промышленных предприятий. Хотя есть риск второй волны заболеваний, в июне ослабление карантинного режима наберет силу и экономика начнет оживать. Однако быстро компенсировать потери, похоже, не удастся.

Наша нынешняя оценка падения ВВП 4,5% (Минэкономики — 5%) и принятые Правительством РФ антикризисные меры, по оцен-

ке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, уменьшили спад на 1,2–1,3 п.п. (см. табл. 4). Пик падения ВВП придется на II квартал, когда ВВП может понизиться на 11% (оценка Минэкономразвития — 9,5%). Ранее мы оценивали падение ВВП в 4,9–5,3%, однако введенные карантинные меры оказались на практике менее жесткими, чем ожидалось. Во многих регионах большинство промышленных и строительных предприятий продолжали работать и в апреле-мае.

Общий объем поддержки трех пакетов мер оценивается нами в 2,6% ВВП. Во-первых, субсидии различных видов, преимущественно для населения, около 0,8% ВВП, налоговые отсрочки и освобождения (0,3% ВВП), кредиты и госгарантии (1,4% ВВП). Если объем бюджетных субсидий и налоговых мер относительно сопоставим с мерами развитых европейских стран, то объем кредитной и гарантийной поддержки в несколько раз меньше. В Германии фискальные меры оцениваются в 2% ВВП, Франции — 3,6% ВВП, а гарантии — 20 и 10,5% ВВП (см. табл. 2).

Принятые три пакета мер, по оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, повышают доходы населения примерно на 1,0% ВВП и на 1,6% ВВП доходы бизнеса (включая предпринимательскую прибыль МСП). Основными каналами воздействия этих средств на экономику страны в 2020 г. станут поддержание потребления примерно на 1% ВВП и инвестиций (0,6–0,7% ВВП), а также прирост запасов на 0,3–0,4% ВВП (см. табл. 3). Часть этого эффекта достанется импорту и будет сдвинута во времени на следующий год. Здесь очень важны сроки. Пример выплат врачам и медработникам, а также водителям скорой помощи за работу с коронавирусными больными показывает, что выплаты доходят до людей с лагом и в малом объеме, в том числе из-за того, что само правительственное постановление требовало увязки выплат со временем работы с заболевшими и его пришлось править уже по ходу реализации. Поэтому сроки и детали оказываются крайне важны и для людей, и для оценки реального эффекта принимаемых мер для экономики.

Так или иначе принятые меры заработают и дадут эффект. Более важный вопрос — это не на сколько процентов упадет ВВП в этом году, а когда восстановится экономический рост и как сильно экономика поднимется в следующем году. Будет ли V-образный отскок, хотя за один год будет трудно компенсировать провал этого года. Или это будет так называемая L-образная кривая, когда экономика будет выходить очень медленно из спада. Правительство готовит к 1 июня по поручению президента план восстановления экономического роста, который должен обеспечить переход российской экономики к устойчивому и динамичному росту к концу 2021 г.

Насколько это возможно?

Большинство согласны, что выход из карантина будет связан с дополнительными издержками бизнеса. Весь вопрос — какими. Понятно, что будут ограничения на посещение культурных и торговых центров, наполняемость парикмахерских и салонов, плотность посадки в транспорте. А это дополнительные издержки бизнеса. При этом ряд секторов даже при оптимистичном сценарии будут восстанавливаться более года. Авиаперевозки, по-видимому, смогут достичь предкризисного уровня лишь к концу следующего года. Возможно, произойдет определенная переоценка и спроса на автомобили, на другие блага, поскольку все-таки доходы будут восстанавливаться не так быстро, а часть сервисов будет заменяться дистанционными услугами.

Российская экономика попала под двойной удар — коронавируса и сжатия мировых рынков, а также падения нефтяных цен, которое началось до коронавируса, но он придал этому дисбалансу совсем драматический характер. Если с коронавирусом, как большинство надеется, мы все-таки разберемся в относительно ограниченное время, что бы ни говорили о вторых волнах, то с дисбалансом на нефтяном рынке справиться будет намного сложнее. По-видимому, дисбаланс нефтяного рынка продлится и на следующий год, потому что быстро восстановить в условиях сжатия мирового спроса равновесие на нефтяном рынке вряд ли удастся.

В данной ситуации не исключены дополнительные ограничительные меры производства нефти. Относительно невысокие нефтяные цены — это надолго, хотя цена, я думаю, вырастет к концу года до 30 с лишним долл. за баррель и на следующий год достигнет 40–45 долл. за баррель. Но это не столь высокие цены, на которые мы раньше ориентировались. Причем это означает, что это пониженные цены и на газ (которые на споте в Европе обвалились до 35 долл. за 1000 кубов), и на многие другие сырьевые товары, поскольку они все взаимосвязаны.

Поэтому нас ждут действительно непростые годы: ограниченный объем ресурсов бюджета, общее ухудшение условий для экспорта и усиление международной конкуренции. Однако сохранение бюджетного правила и переход к бюджетной консолидации могут резко ухудшить условия для экономического восстановления. Вместо отскока на 4–5% в 2021 г. мы получим умеренный рост не выше 2,5%, что означает отставание от темпов роста мировой экономики и ограниченные возможности решения наших внутренних проблем.

Меры, которые сейчас уже одобрены и приняты Правительством РФ, носят значимый, но достаточно ограниченный характер. Они компенсируют лишь часть потерь населения и имеют крайне слабый эффект для поддержки инвестиций. По опыту других стран, да и по нашему опыту преодоления кризиса 1998 и 2009 гг., нужны серьезные меры как в части поддержки доходов населения, так и секторальные меры для крупного бизнеса. Пока три правительственных пакета по своему относительному объему значительно уступают поддержке экономики в кризис 2008–2009 гг. Сохранение бюджетного правила будет тормозить восстановительный рост экономики и тем более любые масштабные проекты развития здравоохранения, инфраструктуры и технологий. Хотя официальные контуры бюджета 2020–2021 гг. пока не раскрыты, можно предположить, что в 2020 г. объем расходов федерального бюджета составит не более 21,5–21,7 трлн руб., что почти на 1,8–2 трлн

превысит планку Закона о бюджете. Бюджетное правило лукавым образом через сделку с ЦБ по Сбербанку сохраняется. Однако, чтобы профинансировать антикризисный пакет, придется, как говорит министр финансов, одновременно провести оптимизацию расходов бюджета. Оптимизация — это эвфемизм, который означает фактически сокращение уже проработанных и часто уже законтрактованных работ, что оказывает негативный эффект на экономику и частично нивелирует позитивный вклад антикризисных мер. Если в 2021 г. бюджетные расходы будут соответствовать бюджетным расходам, предусмотренным Законом о бюджете для 2020 г. (19,6 трлн руб.), то это будет означать не смягчение, а значительное ужесточение бюджетной политики. Расходы на дополнительные стимулирующие меры прекращают свое действие, а новых, необходимых для ускорения экономического роста в значимых размерах, в значимых объемах, похоже, не предусматривается. Расходы федерального бюджета в этом случае сократятся на 8–9% по сравнению с ожидаемыми расходами текущего года и даже на 7% по сравнению с действующим Законом о бюджете на 2021 г. Дефицит бюджета 2020 г. (3,4–4% ВВП, по нашей оценке) по сравнению с профицитом 2019 г. не может быть критерием масштабыности антикризисных защитных мер, так как дефицит в основном вызван падением нефтегазовых доходов. Поэтому смягчение — переход от профицитного к дефицитному бюджету — является все же ужесточением, так как общие расходы сократятся. Консолидация, или бюджетная оптимизация, перекрывает дополнительные антикризисные расходы, или финансирование мер Плана по восстановлению экономического роста.

По нашей оценке, необходимый уровень дополнительных бюджетных расходов на цели поддержки региональных бюджетов, финансирования дефицита внебюджетных социальных фондов, а также дополнительных инвестиционных проектов развития в 2021–2022 гг. оценивается в 1,4–2 трлн руб. в год. Это означает дефицит около 3,6–3,8 трлн руб., что далеко выходит за пределы, устанавливаемые бюджетным правилом. Этот дефицит и расходы

можно профинансировать за счет увеличения госдолга (до 18–20% ВВП), а также использования ресурсов Фонда национального благосостояния (до 3% ВВП) как для покрытия текущих расходов, так и запуска новых проектов развития, имеющих высокий макроэкономический и стратегический эффект. Масштабные проекты и меры нуждаются в масштабном финансировании. Экономия сегодня обернется большими потерями в будущем.

План восстановления экономического роста рассчитан на 2 года, и он носит переходный характер. Можно согласиться с мнением многих экспертов, да и с требованием Закона о стратегическом планировании, что России нужна долгосрочная, на 10–15 лет, стратегия развития. Несмотря на всю неопределенность, уже сейчас надо формировать наше будущее и начинать его готовить. Стратегических установок и отдельных решений у нас хватает, а стратегической четкой политики так и не сложилось, как и нет официально принятой стратегии, которой бы руководствовались органы власти, бизнес и сами граждане. Надо понять, как нам на выходе из кризиса действительно подойти по-новому к решению тех стратегических задач, которые мы не могли решить раньше. Какие мы извлечем уроки и какой будет облик посткризисной постпандемийной экономики? Необходимо понять не только, как выполнить указы президента, точнее Указ Президента 2018 г., а как действительно изменить в целом траекторию развития экономики, чтобы найти и определенный социальный баланс, и создать экономику инновационного, высокотехнологичного типа с современной экономикой здоровья и знаний. Сами национальные проекты нуждаются в корректировке. Их вклад в повышение темпов роста российской экономики и ранее был ограниченным, добавлял к экономическому росту около 0,3–0,6 п.п. Но дело не только в количественных оценках и масштабах, а в системности мер, нацеленности на создание экономики и благосостояния нового качества, а не решения отдельных, хотя и важных вопросов, которые надо успеть выполнить до 2024 г. А какова повестка развития за 2024-м и когда мы приступим к ее реализации?

Сверх уже принятых Правительством РФ трех пакетов мер поддержки экономики необходимы бюджетные ресурсы для реализации новых социальных и инвестиционных проектов стоимостью от 1 до в перспективе 1,5–2% ВВП, что может повысить темпы роста российской экономики минимум на 0,6–1,0 п.п. в год и, главное, придать здравоохранению, транспортной инфраструктуре страны новое качество (см. табл. 5). Еще более мощное ускорение роста до среднегодовых темпов в 4–5% потребует резкого увеличения кредитования экономики и ее гарантийной поддержки. Учитывая высокие и в будущем риски кредитования и ограниченность долгосрочных пассивов, достичь этих результатов можно только при значительной (0,3–0,5% ВВП в год) докапитализации институтов развития.

Пандемия еще раз показала ограниченность модели развития, опирающейся на страховые принципы медицины и шире — на экономику, построенную на погоне за прибылью и доминировании финансовых интересов над производственными. Страховой принцип не работает, когда в условиях эпидемии надо лечить и тех, кто является носителем болезни, но не готов платить или прийти сам к врачу. Необходим резерв медицинских мощностей для инфекционных и тяжелых заболеваний (коек, оборудования) и, главное, врачей и медицинского персонала. Перегрузка системы здравоохранения во время пандемии — это прямое следствие оптимизации здравоохранения с 2012 г., избыточного сокращения коечного фонда, врачей и медсестер, особенно инфекционистов и инфекционных отделений. Перестройка здравоохранения потребует увеличения уже в ближайшие годы бюджетных расходов на здравоохранение с 3,3% ВВП в 2019 г. до 4,5–4,7% ВВП. При сохранении бюджетного правила это невозможно, даже при постоянной переброске средств с одного направления на другое, что создает хроническую ситуацию недофинансирования по всем направлениям. Сохраняя бюджетное правило любой ценой, мы не получим ни мощного восстановительного роста, ни нового качества экономики.

Кризис заставляет переосмыслить тенденции структурных изменений в экономике, оценку того, какие отрасли являются пер-

спективными, и модель социального и инвестиционного развития, которая может обеспечить эффективные структурные изменения. При этом нельзя пренебрегать и интересами нефтегазового комплекса, потому что он, как показывает нынешняя ситуация, тоже находится под ударом, и нужен серьезный пакет мер в том числе и для его поддержки. Понятно, что это другие меры, чем для авиаперевозок, авиастроения, автомобилестроения, малого и среднего бизнеса, но нужно подумать и о тех мерах, которые поддерживают добычу углеводородов и прорыв в развитии нефте- и газохимии. Наряду с мерами поддержки восстановления авиаперевозок, туризма и гостиничного бизнеса необходим запуск создания отраслей, которые обеспечивают будущее страны, экономику нового типа. Это и химия высоких переделов, современное производство композитных материалов, редкоземельных элементов, технологий сверхпроводимости и топливных элементов. Несмотря на потери, у России сейчас есть шанс переосмыслить свое развитие и вырваться вперед, решить те задачи, которые не удавалось решить в предыдущие годы.

Есть консенсус, что в постковидной экономике повысится роль здравоохранения, и это не просто частичные меры, такие как количество коек, в том числе инфекционных, а действительно потребность в создании новой развитой медицинской индустрии с развитыми технологиями. Почти 80% субстанций, которые мы получаем для наших лекарств, идут из Китая и Индии, причем Индия тоже в значительной мере зависит от субстанций, получаемых из Китая. Поэтому вопрос устойчивости медицины — это вопрос и национальной безопасности. Значительную часть комплектующих для тех же ИВЛ мы тоже получаем из Китая. Поэтому здесь нужны очень серьезные дополнительные усилия, хотя и фармацевтика, и производство медицинского оборудования растут, а не падают, несмотря на общий промышленный спад. Формируются новые подходы к лечению болезней, связанные не с антибиотиками, а с бактериофагами, микробиологическим направлением. И как бы сейчас ни акцентировалось внимание на цифровых

технологиях, что крайне важно, нам нужно серьезно продумать, какие шаги необходимо предпринять для создания новой медицины, в том числе микробиологии, где позиции Советского Союза были достаточно сильными. И тогда эти новые технологии могут стать драйверами и для нашего внутреннего развития, и для мирового. Здесь очень важно опять не оказаться позади, не проспаться ту волну, которую мы в какой-то мере и в 90-е, и в 80-е гг. XX в. упустили в микроэлектронике, веб-технологиях.

При формировании новой повестки социально-экономического развития России мы должны не просто ответить на вопрос, как прийти до 2024 г., а как нам создать действительно обновленную Россию, опирающуюся на эффективную динамичную экономику, занимающую 5-е место в мире, соединяющую социальную справедливость с предпринимательской и индивидуальной свободой, сильное централизованное государство с региональным многообразием и самостоятельностью. Нынешний кризис показал в том числе недостатки системы крайне высокой региональной дифференциации оплаты труда врачей и медицинского персонала. Обеспечение экономической и социальной целостности страны и относительно высокого уровня доступности для всего населения медицинских, так и образовательных услуг требует перехода к единому общероссийскому стандарту оплаты труда и гарантий медицинских и образовательных услуг, независимо от уровня региональных доходов. По оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, переход к такому стандарту путем подтягивания отстающих регионов до среднего российского уровня потребует около 1,4 трлн руб. за четыре года, или всего 0,3% ВВП.

В условиях пандемии федеральная власть стала передавать многие полномочия, прежде всего ответственность за выход из карантинных мер, на уровень регионов. Делегирование ответственности должно расчистить дорогу к серьезной перестройке межбюджетных отношений и действительному финансовому федерализму, что потребует передачи на уровень регионов или, скорее, макрорегионов части федеральных налоговых ресурсов.

На наш взгляд, речь может идти о передаче части НДС (по примеру Германии) или всего налога на прибыль при условии его дифференциации по видам деятельности (чтобы уйти от сверхдоходов регионов с банковскими и нефтегазовыми центрами), а также об изменении пропорций распределения НДПИ между центром и регионами. Перестройка налоговой системы — это долгосрочный вопрос, но нынешняя сверхцентрализация финансовых ресурсов, оправданная в начале 2000-х гг., сейчас стала тормозом развития.

Пандемия показала ограниченность наших знаний о природе человека и вновь поставила вопрос о внимании к науке, доверии к знаниям профессионалов, повышении статуса не только врачей, но и ученых, в том числе медицинской науки, а также о развитии более фундаментальных областей биологии и генетики. Пренебрежение наукой заставляет нас слепо копировать опыт других стран. Знание — это не только сила, но и здоровье и в конечном счете суверенитет национальной системы здравоохранения. Насколько глубокие уроки мы извлечем из нынешнего кризиса — это вопрос не просто темпов и сохраненных жизней, а социального здоровья российского общества.

Таблица 1.

Консенсус-прогноз* мировой экономики (апрель 2020), прирост ВВП в %

Страны/регионы	Консенсус-прогноз Института ВЭБ.РФ		Прогноз МВФ	
	2020	2021	2020	2021
Мир	-2,2	4,9	-3,0	5,8
США	-4,8	4,4	-5,9	4,7
Еврозона	-5,8	4,1	-7,5	4,7
Германия	-5,2	4,1	-7,0	5,2
Франция	-5,5	4,4	-7,2	4,5
Италия	-7,0	4,2	-9,1	4,8
Великобритания	-5,2	4,5	-6,5	4,0
Япония	-3,7	2,1	-5,2	3,0
Китай	1,6	7,3	1,2	9,2

Страны/регионы	Консенсус-прогноз Института ВЭБ.РФ		Прогноз МВФ	
	2020	2021	2020	2021
Индия	1,5	6,3	1,9	7,4
Россия	-4,5**	2,7**	-5,5	3,5

* Консенсус-прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

** Базовый сценарий прогноза Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

Таблица 2.

Сравнительный межстрановой масштаб антикризисных мер в 2020 г., % ВВП

Меры поддержки	США	Италия	Велико- британия	Герма- ния	Фран- ция	Россия
Всего	44,0	34,1	24,3	22,0	14,1	2,5–2,6
Фискальные	12,7	1,6	3,2	2,0	3,6	1,2
Монетарные*	11,7		8,1			0,5**
Гарантии	19,5	32,4	12,9	20,0	10,5	0,8–0,9

* Покупка активов, осуществляемая центральными банками стран для борьбы с пандемией коронавируса.

** Лимит льготного кредитования ЦБ РФ банков в рамках программ поддержки МСП.

Источник: Reuters, Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

Таблица 3.

Оценка эффекта принятых антикризисных мер на макроэкономические показатели в 2020 г., млрд руб.

Наименование меры	Источник фин-я	Вид дохода / направления использо- вания			Итого
		Зар- плата	Посо- бия	Доход пред- приятий	
Поддержка отдельных категорий работников	Фед. бюджет	77			77
Повышение размера пособия по безработице и выплат по больничному листу	Фед. бюджет		47		47

Наименование меры	Источник фин-я	Вид дохода / направления использования			Итого
		Зарплата	Пособия	Доход предприятий	
Дополнительные выплаты на детей	Фед. бюджет		311		311
Налоговые меры поддержки, вкл. страховые взносы	Налоговые и страх. отчисления	138		271	409
Кредитные меры поддержки занятости и населения, вкл. ипотечное кредитование	Кредиты банков, гарантии	316		304	620
Кредитные меры поддержки системообразующих предприятий	Кредиты банков, гарантии	150		300	450
Инвестиционные кредиты РЖД и нефтяникам	Кредиты, гарантии, облигации			470	470
Поддержка отдельных секторов экономики, вкл. ОПК	Фед. бюджет			499	499
Итого (1, 2 и 3 пакета мер поддержки)		681	358	1 844	2 883
Оценка эффекта на макроэкономические показатели					
Прирост ВВП, п.п.	1,2–1,3				
Доходы населения	+1 129				
Потребление домохозяйств	+1 073				
Инвестиции	+677				
Прирост запасов материально-оборотных средств	+362				
Импорт	+734				

Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

Таблица 4.

**Основные показатели базового консервативного сценария прогноза,
% к предыдущему году, если не указано иное**

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Цена на нефть Urals, \$/баррель	64	34	44	46	47	49
ВВП	1,3	-4,5	2,7	2,4	2,9	2,4
Инвестиции	1,7	-9,3	2,7	5,6	5,2	3,5
Инфляция (на конец года), %	3,0	5,0	4,3	3,9	3,8	3,7
Розничный товарооборот	1,9	-5,3	3,4	2,5	2,8	2,8
Реальные располагаемые доходы	1,0	-5,6	2,8	3,3	2,2	2,1
Реальная заработная плата	2,9	-2,1	1,7	2,6	1,8	1,7
Уровень безработицы к ЭАН, %	4,7	5,7	5,3	5,0	4,9	4,9
Доля домохозяйств с доходами ниже величины прож. минимума, %	12,3	13,8	12,7	11,8	11,4	10,9
Среднегодовой курс USD, руб/\$	64,7	71,7	69,7	69,0	68,8	68,9
Экспорт, млрд \$	419	275	317	334	355	377
Импорт, млрд \$	254	210	229	244	261	276

Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

Таблица 5.

**Сравнение базового и умеренно-оптимистичного сценариев прогноза,
% к предыдущему году, если не указано иное**

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024/ 2019, %
Цена на нефть Urals, \$/баррель							
базовый	64	34	44	46	47	49	0,76
умеренно-оптимистичный	64	34	44	46	47	49	0,76
Среднегодовой курс USD, руб/\$							
базовый	64,7	71,7	69,7	69,0	68,8	68,9	1,07
умеренно-оптимистичный	64,7	71,7	69,7	69,0	68,8	68,9	1,07
ВВП							
базовый	1,3	-4,5	2,7	2,4	2,9	2,4	105,7
умеренно-оптимистичный	1,3	-4,5	3,3	2,9	3,4	3,5	108,6

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024/ 2019, %
Инвестиции							
базовый	1,7	-9,3	2,7	5,6	5,2	3,5	107,2
умеренно-оптимистичный	1,7	-9,3	4,2	6,5	6,0	5,5	112,5
Розничный товарооборот							
базовый	1,9	-5,3	3,4	2,5	2,8	2,8	106,1
умеренно-оптимистичный	1,9	-5,3	4,5	3,4	4,0	4,9	111,6
Реальные располагаемые доходы							
базовый	1,0	-5,6	2,8	3,3	2,2	2,1	104,6
умеренно-оптимистичный	1,0	-5,6	3,8	4,1	3,3	4,0	109,5
Реальная заработная плата							
базовый	2,9	-2,1	1,7	2,6	1,8	1,7	105,8
умеренно-оптимистичный	2,9	-2,1	2,8	2,7	3,5	3,8	111,1
Экспорт, млрд \$							
базовый	419	275	317	334	355	377	0,9
умеренно-оптимистичный	419	275	317	334	355	377	0,9
Импорт, млрд \$							
базовый	254	210	229	244	261	276	1,08
умеренно-оптимистичный	254	210	232	249	268	289	1,14

Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

Контактная информация / Contact Information

ВЭБ.РФ, 125009, г. Москва, ул. Воздвиженка, 10 / VEB.RF, 10, Vozdvizhenka street,
Moscow, 125009, The Russian Federation

Клепач Андрей Николаевич / Andrey N. KLEPACH

+7 (495) 604-63-63, e-mail: info@veb.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-88-107

ЭПОХА ПОДРЫВНЫХ ПЕРЕМЕН: ПЕРВЫЕ 20 ЛЕТ AGE OF DISRUPTION: THE FIRST 20 YEARS

МИЛОВИДОВ Владимир Дмитриевич

Руководитель Центра социально-экономических исследований Российского института стратегических исследований (РИСИ), заведующий кафедрой международных финансов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, д.э.н., доцент

Vladimir D. MILOVIDOV

Head of the Center for Social and Economic Research of the Russian Institute for Strategic Studies (RISS), Head of the Department of International Finance, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Economics, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные тренды, которые характеризуют подрывные трансформационные процессы, происходящие в мире в течение последних 20 лет. Анализ особенностей этих трендов необходим для объективной оценки текущей ситуации, сложившейся как в отдельных странах, так и в целых регионах мира, а также для прогнозирования дальнейшего хода событий. В свете данных процессов автору также представляется целесообразным обратить внимание на необходимость усиления россий-

ской государственной политики по ряду направлений, потенциал которых недостаточен, чтобы обеспечить эффективную защиту места и роли России в современном мире.

ABSTRACT

The article discusses the main trends that characterize the disruptive transformation processes taking place in the world over the past 20 years. The author considers that the analysis of these trends is vital for an objective assessment of the current situation in various regions and particular countries. He believes it will also help to understand the future course of world events better. In light of these processes, the author endeavors to draw appropriate attention to the need to strengthen Russian state policy in several areas whose potential is insufficient to ensure adequate protection of the place and role of Russia in the modern world.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Подрывные изменения, экономика, экономическое прогнозирование, экономическая политика, социальная ответственность, сетевое общество, торговая политика, инновации, экспоненциально масштабируемые события, Google Trends.

KEYWORDS

Disruptions, economy, economic forecast, economic policy, social responsibility, network society, trade policy, innovations, exponentially scalable events, Google Trends.

ВВЕДЕНИЕ

Нынешнюю эпоху все чаще называют эпохой радикальных перемен, слома тенденций, выстраивания новых правил игры практически во всех сферах человеческой деятельности. Все эти тенденции нашли свое воплощение в особых, выделяющихся на общем фоне происходящего событиях, которые в корне подрывают привычный ход вещей на десятилетия вперед. За последние 20 лет таких примеров набралось множество. Это финансовый кризис доткомов (*dotcom bubble*) в 2001 г.; скандалы с корпоративной отчетностью (*WorldCom, Enron*) 2002 г.; мировой финансовый кри-

зис 2007–2008 гг.; террористическая атака на Мировой торговый центр в Нью-Йорке (2001) и последовавшие за ней антитеррористические военные операции в Афганистане (2001) и Ираке (2003); борьба с ИГИЛ (2015–2017); создание сетевых ресурсов, таких как *Wikipedia* (2001), *Facebook* (2004), *Twitter* (2009); знаковые политические события, например *Brexit* (2016), выборы президентов Б. Обамы и Д. Трампа, а также развязанная последним торговая война с Китаем (2018) и т.д. Траектория причинно-следственных связей, порожденная этими событиями, выстраивалась по экспоненте, масштабируя их последствия и создавая условия для очередной волны перемен. Анализ особенностей этих трендов необходим для объективной оценки как текущей ситуации, сложившейся в отдельных странах и регионах мира, так и для прогнозирования дальнейшего хода мировых событий.

Все эти события обладают общими отличительными характеристиками, выражающимися в способности: 1) оказывать существенное влияние на состояние той среды, в которой они возникают, например воздействовать на поведение людей (*impact*); 2) быть причиной последующих событий, нести в себе их зародыши (*cause*); 3) масштабироваться, т.е. порождать растущую по экспоненте цепочку последствий (*scale effect*). События, отвечающие этим критериям, автор предлагает именовать «экспоненциально масштабируемыми событиями» (ЭМС). Данное понятие сформулировано автором на основе обобщения уже существующих гипотез и терминов. Например, синонимичным ему можно считать понятие «подрывных инноваций» (*disruptive innovations*), которое прочно вошло в деловой и научный лексикон благодаря работам К. Кристенсена (С. Christensen) 1995–1997 гг. Другим аналогом ЭМС из области естественных наук, прежде всего метеорологии, можно считать концепцию Э. Лоренца (E. Lorenz) о «детерминированном непериодическом потоке» (*deterministic nonperiodic flow*), образным воплощением которой является так называемый эффект бабочки (*butterfly effect*). Также необходимо отметить и гипотезу о «фемторисках» (*femtorisks*), выдвинутую коллективом авторов, предпри-

нявших попытку изучить механизм масштабирования негативных последствий отдельных событий применительно к области международных отношений¹. В этот же список с переделенными оговорками следует включить и категорию «черного лебедя» (*black swan*), сформулированную Н. Талебом (N. Taleb) для обозначения непредсказуемых, случайных событий, имеющих разрушительные последствия для общества. Однако этим, пожалуй, и ограничиваются примеры систематизации подрывных изменений. Природа возникновения событий, которые способны породить цепочку экспоненциально масштабируемых последствий, методология и инструментарий их раннего выявления, остаются малоисследованной проблематикой. В период 2013–2019 гг. автором проведен целый ряд исследований, направленных на изучение экспоненциально масштабируемых событий и выработку методологии их выявления. Результаты этих исследований положены в основу предлагаемой статьи.

СМЕНА ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ

Развитие технологий обработки больших данных и возникновение сетевых ресурсов контентного анализа информации позволяют оценивать динамику интересов населения, степень популярности тех или иных общественных идей, научных тем, повседневных нарративов, которые формируют современное общественное сознание. В числе наиболее эффективных и общедоступных инструментов изучения динамики массового сознания все более широко применяются *Google Trends (GT)*² и *Google Ngram Viewer (GNV)*³. Первый позволяет, начиная с 2004 г., выявить изме-

¹ Frank A., Goud Collins M., Clegg M., Dieckmann U., Kremenyuk V., Kryazhimskiy A., Linnerooth-Bayer J., Levin S., Lo A., Ramalingam B., Ramo J., Roy S., Saari D., Shtauber Z., Sigmund K., Tepperman J., Turner S., Yiwei W., von Winterfeldt D. (2012) Security in the Age of Systemic Risk: Strategies, Tactics and Options for Dealing with Fentorisks and Beyond. Internal Report, IR-12-010. Laxenbourg: International Institute for Applied Systems Analysis.

² Jun S-P., Yoj H.S., Choi S. Ten years of research change using Google Trends: From the perspective of big data utilizations and applications. *Technological Forecasting & Social Change*. 2018, Vol. 130, May, p. 69–87. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.11.009.

³ Shiller R.J. Narrative Economics. *NBER Working Paper 23075*, NBER, Cambridge, January 2017, 57 p. DOI: 10.3386/w23075.

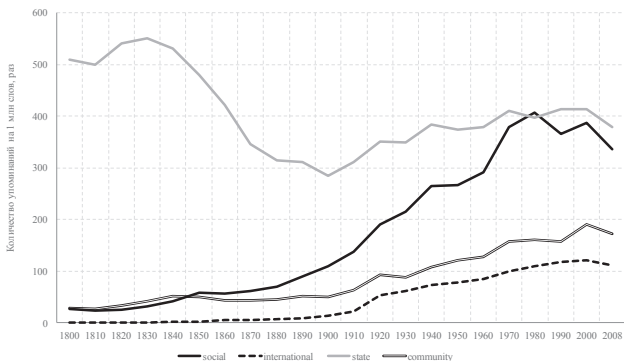

нения в содержании наиболее популярных поисковых запросов в Google, а второй — отследить популярность использования тех или иных терминов и понятий в книжных публикациях за 1800–2008 гг. В настоящее время база публикаций, обрабатываемых алгоритмом *GNV*, включает свыше 8,1 млн томов (8% всех опубликованных в мире книг) объемом более 860 млрд знаков (*tokens*)⁴.

Существует гипотеза о «перформативности экономической науки», предполагающая, что научные идеи, разработки, гипотезы и парадигмы влияют на поведение хозяйственных субъектов и могут определять долгосрочные экономические тренды⁵. Если, вооружившись этой гипотезой, проанализировать статистику упоминаний отдельных терминов в опубликованной на английском языке литературе, то можно отчетливо увидеть, как к началу 2000-х гг. действительно сформировались принципиально новые общественные нарративы, которые во многом предвосхитили отличительные черты современной эпохи. На рис. 1 показано количество упоминаний таких понятий, как «социальный» (*social*), «международный» (*international*), «государство» (*state*), «коммуна» или «сообщество» (*community*), на 1 млн слов, содержащихся в англоязычных книгах из коллекции *Google*, опубликованных в соответствующем году. Например, в 2008 г. термин *state* встречался 379 раз на 1 млн, слово *social* — 336 раз, *community* — 172 раза, а *international* — 112 раз. Выбранные слова сегодня прочно ассоциируются с основными трендами развития современного общества, включая изменение отношения к государству, рост внимания к социальным проблемам, интернационализацию хозяйственной и общественной деятельности, повышение роли и активности местных общин, в том числе гражданских сообществ, органов самоуправления и т.д.

⁴ Lin Y., Michel J.-B., Aiden E.L., Orwant J., Brockman W., Petrov S. Syntactic Annotations for the Google Books Ngram Corpus. *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, Jeju, Republic of Korea, July 8–14, 2012, p. 169–174. Available at: <https://www.aclweb.org/anthology/P12-3029.pdf> (accessed 30/10/2019).

⁵ Do Economists make Markets? On the Performativity of Economics. Ed. by MacKenzie D., Munie-sa F., Siu L. Princeton University Press, Princeton, NJ. 2007. 373 p.

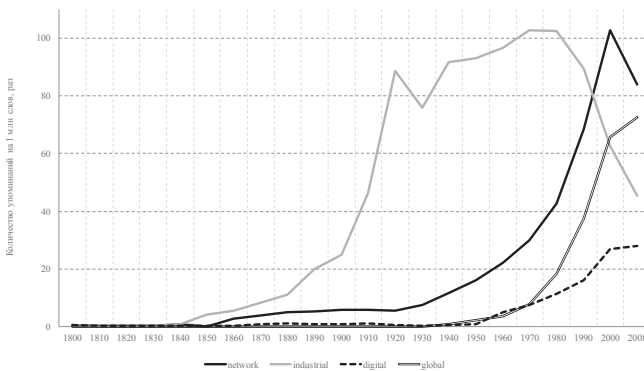
Рис. 1. Количество упоминаний слов *social*, *international*, *state*, *community* в англоязычных публикациях (*English*) на 1 млн слов, 1800–2008 гг.

Источник: составлено автором по: *Google Ngram Viewer*.

Данные на рис. 2 иллюстрируют другой срез произошедших общественных изменений. На нем сопоставлена частота использования слов «сеть» (*network*), «промышленный» или «индустриальный» (*industrial*), «цифровой» (*digital*) и «глобальный» (*global*). Эти слова также имеют совершенно определенную ассоциацию с современными процессами, вызванными, с одной стороны, глобализацией, а с другой — технологической или цифровой революцией.

Представленные графики говорят сами за себя. Но особую картину дает их совмещение. Так, максимальная частота упоминаний слова *state* приходится на 1830 г., *industrial* — 1970-й, *social* — 1980-й, *network*, *international*, *community* — 2000-й и *global* — 2008-й. Распределение максимумов популярности этих слов в определенном смысле можно считать иллюстрацией изменения сущностных характеристик типов обществ XIX, XX и начала XXI в. Первый тип общества, доминировавший вплоть до 70-х гг. прошлого века, можно назвать, например, «государственно-промышленным», а тип общества, приходящий ему на смену в конце XX — начале XXI в., — «глобально-сетевым» типом. Конечно, данные характеристики весьма условны и не совпадают с привычной периодизацией индустриального

и постиндустриального обществ. Однако такое противопоставление типов общества имеет право на существование и подтверждается многими фактами современного развития. По мнению автора, термин «постиндустриализм» уже не учитывает всех нюансов и аспектов современного общественного развития.

Рис. 2. Количество упоминаний слов *network*, *industrial*, *digital*, *global* в англоязычных публикациях (*English*) на 1 млн слов, 1800–2008 гг.

Источник: составлено автором по: *Google Ngram Viewer*.

В понимании автора «государственно-промышленный мир» — это мир, где взаимодействуют отдельные государства, где принципиальны физические границы, сферы влияния, межгосударственное соперничество. Это мир до эпохи глобализации, мир иерархически выстроенного индустриального общества, сформировавшегося на основе достижений промышленной революции. Понятие «глобально-сетевой» свидетельствует о развитии горизонтальных общественных связей в глобальных масштабах, о росте различных форм самоорганизации общества, в том числе в форматах социальных сетей. Это мир, в котором сохраняются физические границы, которые преодолеваются в виртуальном пространстве Интернета с помощью международных информационных коммуникаций, всемирного обмена знаниями и данными. Это принципиально иной тип общественной организации, в кото-

рой жесткая иерархическая система социальных связей сохраняет свое значение, но не исчерпывает ценностные установки участников глобальной социальной или гуманитарной сети.

В рамках этого нового типа общества формируются и новые типы отношений, правила поведения, ценностные ориентиры людей, которые, очевидно, воздействуют на привычные формы организации бизнеса и управления им. Отдельные регионы и страны не могут оставаться в стороне от этих изменений. Оценка достижений или недостатков региональной экономики или экономики отдельных стран должна быть увязана с анализом и общих трендов, и отдельных экспоненциально масштабируемых событий, которые являются их наиболее заметными маркерами.

История, оставившая след

Одной из отличительных черт экспоненциально масштабируемых событий является то, что они, как правило, выделяются на фоне других событий, т.е. они заметны и привлекают внимание широкой общественности. В настоящее время с учетом развития технологий обработки больших данных появляются возможности измерить силу общественного интереса к тем или иным событиям. Задача отчасти решается с использованием ресурса Google Trends, дающего статистику поисковых запросов по самой различной тематике.

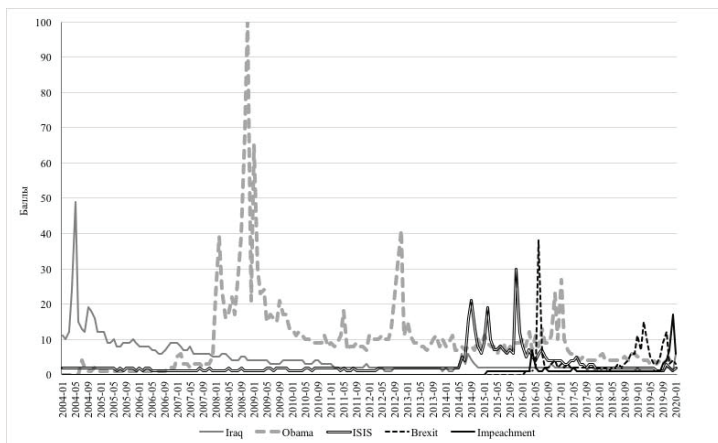
Автором обработана статистика некоторых поисковых запросов в интервале 2004–2019 гг. по 10 темам, которые могли иметь и имели, безусловно, сильное влияние на ход мировых событий в первые 20 лет XXI в. В числе наиболее важных по своим последствиям экономических событий выделены: скандалы с корпоративной отчетностью в США в 2002 г., чей информационный шлейф протянулся до 2004–2005 гг. (запрос *WorldCom*), финансовый кризис 2007–2008 гг. (*Financial crisis*), тарифная война США и КНР в 2018–2019 гг. (*Trade war*). К политическим ЭМС отнесены: иракская кампания 2003–2005 гг. (*Iraq*), выборы президента Б. Обамы

(Obama), борьба с ИГИЛ на Ближнем Востоке в 2014–2017 гг. (ISIS), конфликт на Украине и переход Крыма под юрисдикцию России в 2014 г. (Crimea), выборы президента Д. Трампа в 2016 г. (Trump vote), процедура импичмента Д. Трампа в 2019 г. (Impeachment). Сюда же можно отнести голосование по выходу Великобритании из ЕС (Brexit). Динамика поисковых запросов представлена на рис. 3 и 4.

Как видно на представленных рисунках, интерес практически к каждому из выделенных событий был «взрывным», экспоненциальным, что свидетельствует о том, что данные события выделялись в общем информационном потоке и привлекали внимание пользователей Интернета. Каждое событие стало триггером масштабируемых изменений в самых различных областях человеческой деятельности⁶. Например, скандал с отчетностью и банкротство компании *WorldCom* и аналогичный случай с компанией *Enron* подтолкнули регуляторов к усилению стандартов корпоративной отчетности и повсеместному внедрению кодексов корпоративного управления. В свою очередь, это не только на годы вперед изменило подходы к оценке инвестиционной привлекательности публичных компаний, сдвигам в приоритетах инвесторов, но и создало условия для все более широкого применения в практической деятельности концепций стейкхолдеров и корпоративной социальной ответственности. Накануне юбилейного Давосского форума в январе 2020 г. Клаус Шwab выступил с новым манифестом социально ответственного и устойчивого бизнеса, в котором нашли отражения все те идеи и новые ценности, которые сформировались за последние 20 лет с момента скандалов с отчетностью⁷.

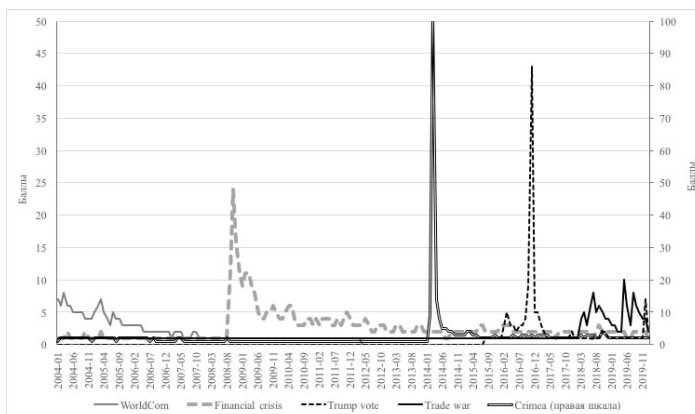
⁶ Podvoysky V.P., Butov A.Yu., Olenev S.M., Lazarev M.A. Coevolution as innovative idea in system of psihologo-pedagogical sciences. *Humanity space. International Almanac*. Vol. 1 (1), 2012, p. 163–174.

⁷ Schwab K. Davos Manifesto 2020: The Universal Purpose of a Company in the Fourth Industrial Revolution. December 02, 2019. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/12/davos-manifesto-2020-the-universal-purpose-of-a-company-in-the-fourth-industrial-revolution> (accessed 01/02/2020)

Рис. 3. Популярность поисковых запросов в Google по всему миру: *Iraq, Obama, ISIS, Brexit, Impeachment* в баллах, максимальное значение = 100, 2004–2020 гг.

Источник: составлено автором по: *Google Trends*.

Рис. 4. Популярность поисковых запросов в Google по всему миру: *WorldCom, Financial Crisis, Trump vote, Crimea, Trade war* в баллах, максимальное значение = 100, 2004–2020 гг.

Источник: составлено автором по: *Google Trends*.

Последствия таких событий, как финансовый кризис 2007–2008 гг., голосование по выходу Великобритании из ЕС, выборы сначала Б. Обамы, а затем Д. Трампа, широко освещаются и в периодической, и научной литературе. Украинский конфликт оказал существенное влияние на всю систему международных отношений, а непосредственно для России, с одной стороны, позволил восстановить историческую справедливость и начать реализацию крупных инфраструктурных проектов в стратегически важном для страны регионе, а с другой стороны, привел к масштабным экономическим антироссийским санкциям и контрсанкциям в отношении иностранных производителей. Последние сыграли на руку отечественному бизнесу, создав особые условия для развития малого и среднего бизнеса, появления новых и упрочения традиционных отраслей экономики.

События на Ближнем Востоке и в Ираке продолжают определять совокупность мировых политических и экономических трендов, имеющих влияние на товарные потоки и конъюнктуру сырьевых рынков. Не останутся и без последствий как нынешний процесс импичмента над президентом Д. Трампом, так и его радикальные шаги по пересмотру правил игры международной торговли и отношений с Китаем. Более детальный анализ экспоненциально масштабируемых последствий всех указанных событий — предмет множества будущих исследований.

В каждом из перечисленных событий, а не только в украинском политическом кризисе, можно найти и прямые, и косвенные факторы влияния на ситуацию в России, как в экономическом, так и политическом плане. В настоящее время нет убедительной методики, позволяющей оценить и измерить количественные и качественные параметры такого влияния. С учетом вполне объяснимых и усиливающихся призывов к совершенствованию качественного стратегического планирования развития России разработка такой методики была бы крайне полезна и востребована. Ниже автором представлены лишь наброски тех подходов, которые

могли бы быть использованы в процессе оценки влияния глобальных ЭМС на российскую практику.

В ГЛОБАЛЬНОМ ТРЕНДЕ?

Глобальные подрывные изменения, которые произошли в мире в течение первых 20 лет нового столетия, привели к формированию «новой реальности» (*new reality*) или «новой нормальности» (*new normal*). Автор считает целесообразным выделить пять слагаемых элементов этого феномена, каждый из которых охватывает широкий спектр отношений людей в процессе их деятельности и предполагает трансформацию общественных норм, правил и институтов как в отдельных странах, так и в мировом масштабе.

Первое, о чем следует сказать, это формирование современно-го сетевого общества, которое характеризуется значительным ростом горизонтальных связей, так называемых отношений P2P, развитием соответствующих сетевых технологий и институтов. Здесь следует назвать также развитие системы мобильных сервисов, открытых ресурсов сбора, обработки и накопления различной информации и «больших данных». Высокими темпами растут компании цифрового сектора, расширяющие использование технологий искусственного интеллекта, 5G и т.д. Особым типом организации предпринимательской деятельности становятся так называемые децентрализованные автономные организации (ДАО). Интеллектуализация, технологизация и токенизация (возникновение криптовалют и криптоинструментов) экономических отношений становятся важнейшими факторами глобальной конкуренции.

Россия встраивается в этот процесс, а в ряде случаев уже занимает в нем одну из лидирующих позиций. Например, по охвату населения мобильными телефонами (на 100 жителей), по данным отчета Всемирного экономического форума о состоянии конкурентоспособности за 2019 г., Россия занимает 9-е место в мире, по числу подписчиков на оптоволоконный Интернет — 14-е⁸. Тем не

⁸ The Global Competitiveness Report 2019. Schwab K. ed. World Economic Forum. 2019. Geneva. 650 p.

менее, согласно другому отчету о глобальной конкуренции в области развития современных профессиональных навыков и знаний (талантов), по инвестициям в передовые технологии Россия занимает 46-е место, по масштабам использования робототехники — 48-е, по общему уровню использования технологий — 62-е, а по прямым иностранным инвестициям в технологические компании и трансферу технологий — 101-е⁹. Кроме того, ряд последних примеров инвестиций, осуществленных крупными международными компаниями в высокотехнологические стартапы, создателями которых выступили российские бизнесмены, например NGINX, Veeam, Arrival, скорее озадачивает, чем вселяет оптимизм. Все указанные фирмы были созданы не в России, а за рубежом.

Второе — гуманизация экономических отношений, институтов, а также смена экономических парадигм о движущих силах и мотивациях экономического поведения. Корни этого процесса начали формироваться в 80–90-х гг. прошлого столетия. Уже тогда в научной литературе возникло понимание узких рамок, в которых развивалась парадигма неоклассической экономической теории. Постепенно на основе неоклассической гипотезы о рациональном выборе стал формироваться новый пласт литературы в области экономической психологии и поведенческой экономики. В области управления возникла теория стейкхолдеров, которая фактически ставила вопрос об ответственности менеджмента крупных публичных компаний не только перед своими акционерами, но и перед обществом в целом: работниками предприятия, клиентами, представителями различных социальных групп и общин, которые могли бы так или иначе быть заинтересованными в результатах работы корпораций. Постепенно ставился вопрос о более широком понимании целей предпринимательской деятельности и критериях ее эффективности. В 2000-х гг. в научный обиход стали входить такие понятия, как «гуманитарная экономика» (*human economy*), «гуманомика» (*humanomics*), которые противопоставля-

⁹ The Global Talent Competitiveness Index 2020. Global talent in the Age of Artificial Intelligence. Lanvin B., Montero F. ed. INSEAD, the Adecco Group, Google Inc. 2020. 369 p.

лись «экономизму», игнорирующему моральные, чувственные, иррациональные аспекты поведения экономических субъектов.

Благодаря сдвигам в научном осмыслении целей и мотивов экономической деятельности, развитию антиглобалистских социальных движений, укреплению организационных институтов гражданского общества, а также в результате негативных эффектов, вызванных сменяющимися друг друга кризисами конца 80-х — начала 90-х гг., гуманизация экономического сознания стала распространяться на сферу практической предпринимательской деятельности. Особенно ярко это выразилось в стремительном росте популярности темы социальной ответственности бизнеса. Согласно статистике *Google Ngram*, за период 2000–2008 гг. упоминание в англоязычной литературе понятия «корпоративная социальная ответственность» (*corporate social responsibility*) выросло более чем в 3 раза. С 2010-х гг. в корпоративную практику все более активно внедряются принципы устойчивого развития. Все это кардинально меняет подходы и к оценке целей бизнеса, его эффективности, а следовательно, и факторов, определяющих его стоимость (капитализацию). По данным доклада KPMG об уровне развития социальной отчетности с 1993 по 2017 г., доля публичных корпораций, публикующих социальную отчетность, из числа 250 крупнейших международных компаний, входящих в список *Fortune 500*, выросла с 35 до 93%. Как отмечают авторы доклада, нефинансовая отчетность интегрируется с финансовой отчетностью, что означает «новую реальность» для современных публичных компаний¹⁰.

Российскому бизнесу придется считаться с этими сдвигами, поскольку указанные принципы и подходы все больше влияют на инвестиционный процесс, определяя критерии выбора активов крупнейших институциональных и частных инвесторов. В целом Россия следует указанным новациям, внедряются принципы корпоративного управления и социальной отчетности публичных компаний. Тем не менее это происходит не так быстро, как сле-

¹⁰ The Road Ahead. The KPMG survey of Corporate Responsibility Reporting 2017. KPMG International. October 2017. 57 p.

довало бы, исходя из динамики настроений и предпочтений глобальных инвесторов. Например, по данным отчета об устойчивом развитии, Россия занимает 55-е место среди 162 стран мира по индексу соответствия целям устойчивого развития¹¹. Что касается внедрения стандартов корпоративного управления и ответственности, то по общему уровню взаимодействия с акционерами публичных компаний Россия занимает 17-е место в мире среди 141 страны, охваченной рейтингом конкурентоспособности ВЭФ¹². Вместе с тем при детализации этого показателя выявляются очевидные отставания от тренда, характерного для современных развитых стран. Например, по развитости регулирования конфликта интересов и по качеству стандартов аудита в публичных компаниях Россия находится на 97-м месте. В России развивается и практика социальной отчетности. Однако это характерно только для очень узкого числа публичных обществ, имеющих котировки своих бумаг на мировом финансовом рынке.

Третье — порожденная мировым финансовым кризисом затяжная глобальная экономическая рецессия, поддерживаемая массивными количественными вливаниями центральных банков в экономику и политикой монетарных смягчений. Особенностью нынешнего этапа замедления темпов глобального роста является увеличение стоимости финансовых активов, которое продолжается на протяжении 10 лет, подогревая ожидания очередного финансового кризиса. В высокоразвитых и конкурентных экономических системах, в отдельных развивающихся экономиках массивные программы количественных смягчений возможно и могут создавать дополнительные стимулы роста общей конкурентоспособности. Однако эта политика не лишена своих недостатков. Например, длительное сохранение близких к нулевым и отрицательных процентных ставок существенно искажает всю систему оценки экономических рисков.

---

¹¹ Sustainable Development report 2019. Transformations to achieve the Sustainable Development Goals. Bertelsmann Stiftung, Sustainable Development Solution Network. 2019, 466 p.

¹² The Global Competitiveness Report 2019. Schwab K. ed. World Economic Forum. 2019. Geneva. 650 p.

По данным ООН, в 2020–2021 гг. темпы роста глобального ВВП составят 2,5–2,7%, а российского — 1,8–2%. Тот же показатель на душу населения может вырасти в мире на 1,5–1,7%, а в России — 1,7–2,0%¹³. Перед всей мировой экономикой, включая российскую, стоит задача выбора средств и методов стимулирования ускоренного развития. В настоящее время только формируется понимание того, как должна выглядеть сбалансированная макроэкономическая политика, способная обеспечить достижение этой цели. В новых условиях особую роль начинают играть нестандартные меры той или иной поддержки деловой активности. Усиливается роль макроэкономической политики, способной поддерживать не просто изменение количественных параметров экономики, но и качественные изменения. При этом следует помнить, что вероятные риски очередного кризиса вполне реальны. Экономическая ситуация остается крайне неустойчивой и подверженной резким изменениям под воздействием самых разных факторов, в том числе внеэкономических (нарастание политической напряженности, эпидемия, межгосударственные торговые и финансовые противоречия, смена правил международной торговли).

Четвертое — новый этап роста ограничительных и защитных мер во внешнеэкономической деятельности. Происходящие процессы можно охарактеризовать как «протекционизм 2.0». Его отличительными чертами стали усиление нетарифных мер ограничения конкурентов, слом привычных правил внешней торговли, экстерриториальные способы защиты национальных экономических интересов, включая экономические санкции, различные способы навязывания экономическим партнерам условий беспопытной торговли и инвестиций и т.д. В глобальном мире протекционизм 2.0 все больше проявляется не как защита внутреннего рынка, а как защита национального бизнеса, участвующего в глобальных цепочках создания стоимости. Наиболее ярко черты этого феномена проявились в так называемой тарифной войне между США и Ки-

¹³ World Economic Situation and Prospects. United Nations, New York. 2020. 214 p.

таем. Россия сохраняет свое членство в ВТО, а также является одним из крупнейших участников мировой торговли. Следует понимать, что активная, наступательная политика США в отношении сложившихся правил мирового хозяйства не пройдет без последствий для российской экономики. Здесь нужны четко продуманные и выстроенные меры защиты, а также активная политика по продвижению своих интересов в международных экономических организациях.

Пятое — рост общей международной напряженности, вероятности новых региональных и международных конфликтов, которые порождают еще большую конкуренцию на рынке стратегических ресурсов, а также высокотехнологической и военной продукции. В ближайшее время будут формироваться новые политические альянсы, усиливаться внешнеполитическая деятельность государств, стремящихся взять реванш в процессе перераспределения мирового политического влияния. Важную роль будут играть взаимоотношения США со своими ключевыми союзниками (ЕС) и противниками (Китай). Серьезного внимания потребует проект «Один пояс — один путь», который представляется попыткой КНР противопоставить американоцентричной системе международных экономических отношений и институтов собственную китаецентричную модель мира. Данная проблематика представляет отдельный интерес и также требует специального исследования.

Подводя итог оценки глобальных подрывных трансформаций, необходимо попытаться оценить готовность России ответить на имеющиеся вызовы. Для такой оценки правомерно выделить пять направлений государственной политики, по которым мог бы формироваться необходимый потенциал укрепления России в мире «новой реальности»: 1) развитие передовых технологий и технологическая политика, 2) политика в области социальной ответственности бизнеса и развития нового типа предпринимательства, 3) макроэкономическая политика, способная обеспечить качественные структурные перемены и создать стимулы для уско-

рения темпов экономического роста, 4) внешнеэкономическая стратегия и 5) внешнеполитическая стратегия. В табл. 1 автор представил собственные оценки потенциала каждого из пяти элементов государственной политики. Данные оценки опираются на вышеприведенный анализ вовлеченности России в международные подрывные тренды.

Таблица 1.

Оценка имеющегося потенциала отдельных направлений государственной политики, необходимого для обеспечения защиты позиций России в мире «новой реальности»

Направления государственной политики	Оценка потенциала
Развитие передовых технологий и технологическая политика	Средний
Политика в области социальной ответственности бизнеса и развития нового типа предпринимательства	Низкий
Макроэкономическая политика, способная обеспечить качественные структурные перемены и создать стимулы для ускорения темпов экономического роста	Низкий
Внешнеэкономическая стратегия	Средний
Внешиеполитическая стратегия	Высокий

Выводы

В статье рассмотрены основные тренды, которые характеризуют подрывные трансформационные процессы, происходящие в мире в течение последних 20 лет. В свете данных процессов автору представляется целесообразным обратить внимание на необходимость усиления российской государственной политики по ряду направлений, потенциал которых недостаточен, чтобы обеспечить эффективную защиту места и роли России в современном мире.

Прежде всего необходимо уделить внимание формулированию новой сбалансированной макроэкономической политики, способной обеспечить глобальную конкурентоспособность новых отраслей российской экономики и новое качество экономического роста.

Усиления внимания требует область регулирования предпринимательской деятельности, включая крупные публичные компании. Требуется поиск сбалансированного подхода, нацеленного как на стимулирование эффективности бизнеса как такового, так и на повышение роли нефинансовых показателей общественной полезности частных и государственных хозяйственных обществ. Соответствие стандартам социальной ответственности, внедрение принципов устойчивого развития не только повысят доверие к бизнесу внутри страны, но и позволят существенно расширить приток внешних инвестиций.

В условиях технологической революции должна быть более отточенной и фокусной государственная технологическая политика, подразумевающая трансфер технологий, защиту интеллектуальной собственности, ускорение и повышение эффективности исследований и разработку как фундаментального, так и прикладного характера. В данной сфере необходимы создание преимуществ для технологических компаний, создаваемых непосредственно в России, поддержка и защита их на глобальном рынке.

В ближайшие годы существенным вызовом для России в области внешнеторговой политики станут новые правила международной торговли, достаточно эффективно навязываемые США своим ключевым экономическим партнерам, в том числе их попытки реформировать ВТО в собственных интересах. Для России следует четко обозначить свои интересы и с учетом задач макроэкономической политики, нацеленной на качественный экономический рост, добиваться их учета в многосторонних и двусторонних переговорных форматах.

Не следует забывать и об экономической науке, о ее свойстве перформативности, а именно способности влиять на принятие экономических решений, поведение экономических субъектов. Прогресс в области экономических исследований, новые идеи, концепции и инструментарий выявления динамики общественных процессов могут стать дополнительным ресурсом эффектив-

ного и ускоренного развития отечественной экономики.

Библиографический список

1. Миловидов В.Д. К истокам «гуманитарной экономики». *Мировая экономика и международные отношения*, 2013, № 7, с. 3–11.
2. Миловидов В.Д. Управление инновационным процессом: как эффективно использовать информацию. *Нефтяное хозяйство*, 2015, № 6, с. 10–16.
3. Миловидов В.Д. Управление рисками в условиях асимметрии информации: отличия отличимое. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 8, с. 14–24.
4. Миловидов В.Д. Услышать шум волны: что мешает предвидеть инновации? *Форсайт*, 2018, Т. 12, № 1, с. 88–97.

List of References

1. Milovidov V.D. To origin of «Human Economy» // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2013, No. 7, p. 3–11.
2. Milovidov V.D. Management of Innovation: How to Effectively Use the Information // *Neftyanoe khozyaistvo*, 2015, No. 6, p. 10–16.
3. Milovidov V.D. Risk management under informational asymmetry: to differentiate those distinguishable // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2015, No. 8, p. 14–24.
4. Milovidov V.D. Hearing the Sound of the Wave: What Impedes One's Ability to Foresee Innovations? // *Forsait*, 2018, vol. 12, No. 1, p. 88–97. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.1.88.97.

Контактная информация / Contact Information

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76 / Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, The Russian Federation

Российский институт стратегических исследований Российской Федерации, 125413, г. Москва, ул. Флотская, 15Б / Russian Institute for Strategic Studies of the Russian Federation, 15B, street Navy, Moscow, 125413, The Russian Federation

Миловидов Владимир Дмитриевич / Vladimir D. Milovidov

E-mail: vmilovidov@hotmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-108-113

О ПРОБЛЕМАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

ON THE PROBLEMS OF THE ECONOMIC GROWTH OF RUSSIA

НИГМАТУЛИН Роберт Искандрович
Член Правления ВЭО России, научный
руководитель Института океанологии РАН
имени П.П. Ширшова, член Президиума РАН,
академик РАН, д.ф.-м.н., профессор

Robert I. NIGMATULIN
Member of the Board of VEO of Russia, Scientific
Director of the Institute of Oceanology of the RAS
named after P. P. Shirshov, Member of the Presidium
of the Russian Academy of Sciences, Academician of
the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physical
and Mathematical Sciences, Professor

АННОТАЦИЯ

Для инициирования экономического роста необходимо на внутреннем рынке добиться существенного снижения цен на бензин, мазут, газ, электроэнергию и удобрения. Необходимо в течение нескольких лет повысить уровень инвестиций в основной капитал с 17 до 25%. Необходимо повышать профессиональный уровень народа, руководителей предприятий и экономического блока.

ABSTRACT

For initiation of the economic growth it is necessary to bring down the price at the internal market for gasoline, fuel oil, mineral gas, electricity and fertilizer. It is necessary to increase the investment of fixed capital from 17 up to 25% of GDP.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Внутренние цены на сырье, топливо и электроэнергию; экспорт углеводородов, инвестиции в основной капитал, эффективность инвестиций, экономика знаний, эффективность руководства экономического блока.

KEYWORDS

Internal prices for raw materials, fuel, electricity; export of hydrocarbons, investment of fixed capital, efficiency of investment, knowledge economy.

Наша встреча связана с именем Леонида Ивановича Абалкина. Мне очень приятно вспомнить, как он активно способствовал публикации в журнале «Вопросы экономики» моей статьи «Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста» [2] с критикой серии статей тогдашнего советника президента А.Н. Илларионова. В этой серии на основе сопоставления для 160 стран данных для темпов экономического роста с данными этих стран по доле в ВВП госрасходов, инвестиций, внутреннего спроса (оплаты труда), цен на нефть и электроэнергию и др. советник президента делал вывод о том, что необходимо сократить долю ВВП на госрасходы, чтобы вызвать экономический рост. Для России эта рекомендация сводилась к необходимости сократить госрасходы с тогдашних 33 до 20–25%.

Академик Л.И. Абалкин был выдающейся личностью [1]. Он был одним из тех ученых-экономистов, которые критиковали «модные» и разрушительные идеи развития экономики России 1990-х гг.

В последние несколько месяцев группа ученых Российской академии наук подготовила рекомендации для того, чтобы инициировать экономический рост. Основные пункты этих рекоменда-

ций на прошлой встрече рассказал академик А.Г. Аганбегян [5]. Я отмечу только два важных пункта.

Во-первых, одной из причин отсутствия экономического роста являются высокие *внутренние* цены на наше же сырье, топливо и электроэнергию. По сравнению с США, имеющими, как и РФ, собственные нефть, газ и уголь, у нас цена на бензин и электроэнергию по ППС в 2 раза выше. В 2 раза у нас выше и доля ВВП на оплату электроэнергии, хотя затраты электроэнергии (кВт-час на 1000 долл. ВВП по ППС) у нас выше всего на 15%.

Поэтому необходимо добиться существенного снижения цен на *внутреннем* рынке на бензин, мазут, газ, электроэнергию, удобрения за счет вывода из этих цен паразитических издержек, потерь от неэффективного менеджмента и избыточных налогов¹. Это повысит конкурентоспособность российской экономики и благосостояние населения. А потерю налогов на внутреннем потреблении² следует компенсировать из доходов от *экспорта* углеводородов (т.е. надо восстановить экспортную пошлину на вывоз сырья), а в дальнейшем от выросшего производства и экспорта несырьевой продукции.

Во-вторых, сохранение малой доли ВВП, идущей на инвестиции в основной капитал и равной 17%, не дает шансов на экономический рост и рост производительности труда. В развитых странах инвестиционная доля равна 21% ВВП, в развивающихся — 33%, в Китае — 40%. Кроме того, всего 12% ВВП составляют у нас вложения в экономику знаний, что не может обеспечить социально-экономический, демографический и гуманитарный прогресс. Эти вложения в Европе составляют 30% ВВП, в США — 40%, в Китае — 22%.

А монополизм, коррупция, некомпетентность управленцев, незащищенность прав собственности, офшоры, несправедливая

¹ В цене на бензин налоги и акцизы в России составляют более 60%, а в США — 15%.

² Следует иметь в виду, что на внутреннее потребление у нас идет всего около четверти добываемой нефти. Остальное вывозится в виде сырой нефти и полусырья (бензин, дизельное топливо, мазут).

судебная система стали мощным фактором деградации производительных сил и государства и усугубляют отсутствие их обновления [3]. В результате у нас чрезвычайно низкая эффективность даже той малой доли ВВП, идущей на инвестиции. Эта эффективность характеризуется отношением прироста ВВП к приросту инвестиций в основной капитал. В последние годы этот прирост в России стал равным 2, по миру он равен от 3 до 5. А в Советской России он был равен 4,2.

Еще один факт, характеризующий профессиональный уровень народа и руководства экономики. Затраты ВВП на ликвидацию катастроф и аварий у нас 1,4% ВВП, что почти в 3 раза выше, чем в среднем по миру. Упавшая эффективность нынешнего руководства экономического блока и руководителей производственных предприятий стала сильнейшей экономической силой, тормозящей развитие страны.

Отсюда и призыв Президента РФ «не следует “забрасывать деньгами” не готовые к этому отрасли экономики» [4]. А таких у нас большинство из-за неэффективности управляющего класса и пороков экономического порядка. Но без инвестиций не будет реального экономического роста.

Поэтому необходимы новые руководители и специалисты, способные эффективно реализовывать инвестиции, необходима реформа экономического и государственного порядка с научной проработкой всех деталей. Необходима также консолидация государства и общества. Иначе ситуация будет *ухудшаться*.

Падение уровня качества руководителей и профессионально-го уровня нашего народа связано с падением уровня образования, особенно подготовки инженеров.

Чиновники так давили наше образование, так его «совершенствовали», что это становится сильнейшим тормозом экономического роста, в частности реализации целевого кредитования проектов, о которых говорил академик С.Ю. Глазьев. Об этом же свидетельствует еще один показатель — риск гибели в авиаката-

строфе. В мире гибнет 1 пассажир из 4,7 млн пассажиров, а у нас из 1,2 млн пассажиров, т.е. в 4 раза чаще. Вероятность погибнуть при пожаре у нас выше в 9 раз, чем в США.

Нужно отказаться от чиновничьего давления на науку. Мы тратим на науку 1% ВВП. Но мир-то тратит 2–3%. И об этом разрыве надо позаботиться, а не о разделении финансов для разных институтов в зависимости от их публикационной активности. Если мы не поднимем уровень народа и его руководителей, никакого роста в 5% мы не достигнем. Поэтому необходимо существенно увеличивать инвестиции в экономику знаний. Важно, чтобы экономикой знаний, организацией науки и образования руководили специалисты, а не бухгалтеры.

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. Избранные труды: в 4 т. Том 1: Политическая экономия; Том 2: Политическая экономия; Том 3: Работа в правительстве; Том 4: В поисках новой стратегии; [Вольное экономическое общество России]; Сост. Грибнова О.М. Москва: ОАО «НПО «Экономика», 2000. (I) 794 с. (II) 911 с. (III) 639 с. (IV) 799 с. (Труды Вольного экономического общества России) 600 экз. ISBN 5-282-02004-1 (общ.); ISBN 5-282-02005-X (Т. 1); ISBN 5-282-02015-7 (Т. 2); ISBN 5-282-02018-1 (Т. 3); ISBN 5-282-02019-X (Т. 4).
2. Нигматулин Р.И. Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста // Вопросы экономики, 2003. № 3. С. 125–131.
3. Рязанцева О.П. Организационно-правовые формы бизнеса в Российской Федерации и странах Европейского союза: сравнение // Гуманитарное пространство. Международный альманах, 2012. Том 1. Приложение 6. С. 5–76.
4. Совещание с членами правительства. Режим доступа URL: <https://www.rbc.ru/rbcfee/news/5d8b79759a7947ec0296ae73> [Обращение 24.09.19].
5. Совместное заседание Отделения общественных наук Российской академии наук и Вольного экономического общества России «Драйверы роста экономики: человеческий капитал, наука, технологии» (29 января 2020 года, Дом экономиста, Москва).

List of References

1. Abalkin L.I. Izbrannyye trudy: v 4 t. Tom 1: Politicheskaya ekonomiya; Tom 2: Politicheskaya ekonomiya; Tom 3: Rabota v pravitel'stve; Tom 4: V poiskah novoy strategii; [Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo Rossii]; Sost. Gribnova O.M. Moskva: OAO «NPO «Ekonomika», 2000. (I) 794 s. (II) 911 s. (III) 639 s. (IV) 799 s. (Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii) 600 ekz. ISBN 5-282-02004-1 (obshch.); ISBN 5-282-02005-X (T. 1); ISBN 5-282-02015-7 (T. 2); ISBN 5-282-02018-1 (T. 3); ISBN 5-282-02019-X (T. 4).

2. Nigmatulin R.I. Ob optimal'noj dole gosudarstvennyh raskhodov v VVP i tempah ekonomicheskogo rosta // Voprosy ekonomiki, 2003. № 3. S. 125–131.
3. Ryazanceva O.P. Organizational legal forms of business in the Russian Federation and the countries of the European Union: comparison // Humanity space. International almanac, 2012. Volume 1. Supplement 6. S. 5–76.
4. Soveshchanie s chlenami pravitel'stva. Rezhim dostupa URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/5d8b79759a7947ec0296ae73> [Obrashchenie 24.09.19].
5. Sovmestnoe zasedanie Otdeleniya obshchestvennyh nauk Rossijskoj akademii nauk i Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii «Drajvery rosta ekonomiki: chelovecheskij kapital, nauka, tekhnologii» (29 yanvarya 2020, House of the economist, Moscow).

Контактная информация / Contact Information

Институт океанологии РАН имени П.П. Ширшова, 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 36 / Institute of Oceanology of the RAS named after P.P. Shirshov, 36, Nakhimovskiy prospect, Moscow, 117997, The Russian Federation
Нигматулин Роберт Искандрович / Robert I. Nigmatulin
+ 7 (499) 124-13-34, e-mail: nigmar@ocean.ru, nigmar@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-114-117

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАГНАЦИЯ: КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? ECONOMIC STAGNATION: WHO IS TO BLAME AND WHAT TO DO?

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Ruslan S. GRINBERG

Vice-President of VEO of Russia, Scientific Director
of the Institute of Economics of the Russian
Academy of Sciences, Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics,
Professor

АННОТАЦИЯ

В работе делается попытка анализа вопроса, касающегося стагнации в России. Показываются риски стагнации и последствия для страны, также предлагается ряд мер преодоления данной ситуации. Один из ключевых тезисов в работе, что «Душа рыночной экономики не собственность, а конкуренция».

ABSTRACT

The paper attempts to analyze the issue of stagnation in Russia. The risks of stagnation and the consequences for the country are shown, and a number of measures to overcome this situation are also proposed. One of the key points in the work is that «The soul of a market economy is not property, but competition».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инвестиции, диверсифицированность экономики, стагнация, государственно-частное партнерство, свободный рынок.

KEYWORDS

Investments, diversification of the economy, stagnation, public-private partnership, free market.

У нового правительства есть какой-то шанс модифицировать экономическую политику. Я имею в виду прежде всего такого человека, как Андрей Белоусов. Все-таки он не идеологический человек, поэтому, может быть, наш президент разрешил ему провести какие-то эксперименты в целях повышения эффективности государственных расходов вообще и их роли в диверсификации экономики в частности. Я по-прежнему считаю, что наша страна находится в такой ситуации, когда становится исключительно трудно не то чтобы ускорить хозяйственный рост, а хотя бы прекратить стагнацию, из которой особенно трудно выходить, как говорит Абел Гезевич Аганбегян. Я, во всяком случае, не знаю ни одного прецедента успешного выхода из нее. Но уверен, что нельзя обойтись без целенаправленных государственных инвестиций, которые в свою очередь должны привлечь и частные через государственно-частное партнерство. А это возможно только тогда, когда прекратится практика «двойной имитации», суть которой состоит в том, что правящий дом имитирует успех, а бизнес имитирует провалы. Если ты демонстрируешь успех и не скрываешь, что у тебя все хорошо получается, к тебе приходят более «эффективные» бизнесмены. Как бы то ни было, сегодня особенно актуально одно очень примечательное высказывание Алексея Улюкаева. Перед тем, как с ним случилась беда, он очень точно заметил, что риски от государственных инвестиций намного меньше, чем риски от отсутствия всяких инвестиций. И это золотые слова. Есть также какая-то надежда на нового премьер-министра. Всем известно, что «есть

время разбрасывать камни, и время собирать камни». Вот и господин Мишустин научился очень хорошо собирать деньги, теперь пора их разумно тратить. Это очень трудная задача — тратить деньги разумно. Разумно в том смысле, чтобы множились позитивные мультипликативные эффекты и в то же время сохранялась внутренняя и внешняя устойчивость национальной валюты.

Теперь о рисках. Здесь уже говорилось об идеологическом препятствии. Я хочу сказать, что пока вся экономическая политика России — это сплошное идеологическое препятствие. Несмотря на то что во всем мире две великие утопии уже умерли — утопия директивного плана и утопия свободного рынка, у нас вторая из них очень живуча и, судя по всему, не хочет сдаваться. Здесь уместно вспомнить 90-е гг., когда в моде была доктрина естественных конкурентных преимуществ «что ты можешь продать, то и делай это прямо сейчас и всегда, а то, что не можешь продать, мы тебе завезем». К сожалению, мало что изменилось в этом отношении. Когда сегодня говорят о промышленной политике или о каком-то другом ободряющем целеполагании в этой области, возникает ощущение, что многое уже упущено. Во всяком случае, правомерен вопрос: можно ли еще заменить потребительские товары Китая и инвестиционные товары (машины и оборудование) из стран Европейского союза?

Последнее замечание, касающееся качества текущей денежно-кредитной политики в стране. К ней есть много вопросов. Но вряд ли можно согласиться с теми, кто призывает к тому, что ее надо резко смягчать. Я скорее соглашусь с академиком Некипеловым в том смысле, что мы имеем дело с очень специфической экономикой. Специфика же сводится к тому, что страна не может без громадного риска применять практику так называемого количественного смягчения. Она «работает» только в развитых странах с диверсифицированной экономикой. Если бы не было масштабного печатания десятков миллиардов долларов в месяц в странах Запада, то там бы была рецессия, а сейчас все-таки есть какой-то рост, и даже выше, чем у нас, в 3 раза.

У нас же печатание денег с высокой степенью вероятности приведет к скачку инфляции и вкладыванию их в иностранные деньги. В общем, если бы я был на месте Владимира Путина, то в теперешней ситуации, может быть, тоже копил бы деньги на «черный день». Правда, для многих он уже наступил, но все равно бы копил, потому что опять-таки в теперешней ситуации надеяться на частный бизнес также очень наивно с учетом его «напуганности». В общем, главный русский вопрос «что делать?» пока не имеет соответствующего ответа. Ясно только одно. Излюбленная нашими системными и несистемными «либералами» мантра о необходимости ухода государства из экономики в интересах ее устойчивого развития просто комична, если не сказать больше.

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. 25 лет новой России. Экономический и социальный уровень: топтание на месте // Экономическая динамика, 2018, № 2. С. 36–51.
2. Улюкаев А. Мы должны обеспечить снижение рисков для инвесторов // Интерфакс. Интервью 27 января 2014 (12:00).

List of References

1. Aganbegyan A.G. 25 let novoj Rossii. Ekonomicheskij i social'nyj uroven': toptanie na meste // Ekonomicheskaya dinamika, 2018, № 2. S. 36–51.
2. Ulyukaev A. My dolzhny obespechit' snizhenie riskov dlya investorov // Interfaks. Interv'yu 27 yanvarja 2014 (12:00).

Контактная информация / Contact Information

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32 / Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, The Russian Federation

Гринберг Руслан Семенович / Ruslan S. Grinberg
+7 (499) 724-15-41, e-mail: ea3@inecon.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-118-125

**О НЕГАТИВНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССАХ 2019 ГОДА
В РОССИИ И ИХ СОХРАНЕНИИ
НА БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ¹**
**ON NEGATIVE ECONOMIC
PROCESSES OF 2019 IN RUSSIA
AND THEIR SAVING FOR THE
NEAREST TIME**

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН Антон Викторович
Сопредседатель «Деловой России», заместитель
председателя Общественного совета
Минпромторга РФ, председатель Экспертного
совета Фонда развития промышленности

Anton V. DANILOV-DANILYAN
Co-Chairman of Business Russia organization,
Deputy Chairman of the Public Council of the
Ministry of Industry and Trade of the Russian
Federation, Chairman of the Expert Council of the
Industrial Development Fund

¹ Подготовлено по материалам выступления на научном форуме «Абалкинские чтения» на тему «Год прошел: что дальше?» (5 февраля 2020 г., Москва, Дом экономиста).

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются 5 негативных процессов, развивавшихся в экономике России в 2019 г. и предшествующих годах (стагнация доходов населения, сокращение числа малых и средних компаний, наступление госсектора, неопределенность экономической и административной политики, препятствующая экономическому росту налоговая система). Делается вывод о сохранении этих процессов и в 2020 г. Вносятся предложения о ключевых мерах по улучшению политики экономического роста.

ABSTRACT

The article considers 5 negative processes that developed in the Russian economy in 2019 and previous years (stagnation of household incomes, a decrease in the number of small and medium-sized companies, the onset of the public sector, the uncertainty of economic and administrative policies, and the tax system that impedes economic growth). It is concluded that these processes will continue in 2020. Suggestions are made about key measures to improve the policy of economic growth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический рост, инфляция, государственный сектор, налоговая система, спрос, неопределенность экономической политики.

KEYWORDS

Economic growth, inflation, public sector, tax system, demand, economic policy uncertainty.

Был ли 2019 г., который прошел хоть в чем-то переломным для реального сектора экономики? Нам кажется, что нет. Что мы ожидаем от следующего года в сравнении с прошедшим? Ответ со стороны нефинансового бизнеса все тот же: ничего нового не ожидаем. Все те 5 негативных процессов, которые мы наблюдали в прошлом году и которые мешали экономическому росту и портили инвестиционный климат в нашей стране, сохранятся и в текущем году, несмотря на смену состава Правительства РФ. Что это за процессы?

Первый — стагнация реальных располагаемых доходов населения. После роста в 2010-м — начале 2013-го они начали падать в конце 2013-го, а с 2013 по 2018 г. снизились на 8,3% (или на 10,9% — по старой методологии Росстата). Поскольку в 2018 и 2019 гг. наблюдался почти незаметный рост (на 0,1 и 0,8% соответственно), то говорить о преодолении стагнации реальных располагаемых доходов населения еще преждевременно. Этот процесс прямо влияет на сохранение подавленного спроса в реальном секторе и закрепляет низкий уровень предпринимательской активности.

Даже если бы изменилась денежно-кредитная политика Центрального банка РФ, о которой здесь говорил академик С.Ю. Глазьев, на самом деле это почти не повлияло бы на экономический рост. Я согласен с тем, что снижение ключевой процентной ставки не повлияло бы в этих условиях на резкое ускорение инфляции, но считать, что такое снижение привело бы к значительному увеличению темпов роста, — было бы неправильно. Подавленный спрос удерживает инфляцию на низких уровнях, и даже решение о росте ставки НДС с 18 до 20%, с которым мы так боролись, но все же реализованное в 2019 г. (несмотря на огромные запасы в Фонде национального благосостояния и профицитный федеральный бюджет), практически никак не сказалось на инфляции.

В условиях подавленного спроса Банку России не требуется даже особо напрягаться для выполнения таргета по инфляции (4%), это происходит само собой. Поэтому, как это ни парадоксально звучит, Центральный банк РФ прямо заинтересован в дальнейшей стагнации реальных располагаемых доходов населения, именно она влияет на низкую инфляцию, но одновременно и на стагнацию спроса. Даже если они еще чуть-чуть подрастут в текущем 2020-м, это не скажется на ускорении экономического роста.

Устойчивый и значимый рост реальных располагаемых доходов населения возникает не только при росте заработной платы граждан (это необходимое, но не достаточное условие), но и при росте дивидендных доходов акционеров и участников компаний,

снижении налоговых изъятий из экономики, активном создании новых рабочих мест в отстающих регионах страны, индексации пенсий и социальных доходов граждан. Соответствующий набор мер, решающий эти задачи, неоднократно предлагался нами Правительству РФ, в том числе в работах Института экономики роста имени П.А. Столыпина.

Второй негативный процесс — в России идет сокращение числа малых и средних компаний (за 4 года на 18 и 16% соответственно), притом что растет количество индивидуальных предпринимателей и микробизнеса (на 11 и 9% соответственно) (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество (шт.)/в год	2017	2018	2019	2020
Индивидуальных предпринимателей	3 048 986	3 221 706	3 325 807	3 388 195
Микропредприятий	2 556 939	2 558 536	2 473 561	2 314 128
Малых предприятий	239 904	239 030	223 335	197 842
Средних предприятий	19 951	19 944	18 492	16 741
Всего субъектов	5 865 780	6 039 216	6 041 195	5 916 906

Источник: ФНС России, по состоянию на 10 января 2020 г.

Если за рубежом при ранжировании числа компаний от микро- до самых крупных получается пирамида, то в России за счет того, что количество крупных предприятий в 3,5–4 раза превышает число средних, пирамида все больше и больше превращается в «расплывшуюся женскую фигуру». И пока мы не видим никаких причин, чтобы соотношение названных количеств начало приходить в норму. Наоборот, при сохранении остальных негативных процессов количество средних по размеру компаний будет и дальше сокращаться, число крупных сохранится примерно на текущем уровне, а количество микропредприятий и индивидуальных предпринимателей продолжит увеличиваться.

Важным условием для перелома этого процесса является корректировка оценок эффективности работы региональных орга-

нов управления по поддержке предпринимательства. Поощряться должна деятельность, способствующая ежегодному увеличению числа средних компаний, переходящих в разряд крупных, и числа малых компаний, переходящих в разряд средних. Однако действующие показатели национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» такому подходу не соответствуют.

Третий процесс — это наступление госсектора. Если еще 10 лет назад это происходило путем поглощения частных бизнесов государственными компаниями и корпорациями, то в следующие 4–5 лет основную активность проявляли уже их дочерние общества, а сейчас дошла очередь до «внучек». Изменились и масштабы поглощений — раньше это были крупные частные компании, теперь — мелкие инновационные фирмы и стартапы. Измельчение масштабов делает этот процесс все более незаметным, однако все более распространенным. Среди самых значительных, наверное, событий прошлого года — это поглощение государственной корпорацией «Ростех» единственной крупной частной станкостроительной группы компаний «Стан». Примечательно, что спасти «Стан» от поглощения могла бы своевременная подпитка этой группы оборотными средствами в достаточном количестве. Однако то, что не давали частной группе, тут же выделили соответствующим предприятиям, уже как части «Ростеха», после чего ситуация там быстро начала нормализовываться. И какой вид бизнеса ни возьми из 500 основных промышленных подотраслей, всюду одна и та же картина, в том числе побуждаемая требованиями государства к крупным государственным компаниям развивать инновационные проекты, а самый простой способ что-нибудь развить — это не сделать что-нибудь у себя, а купить существующее, и этот позыв будет лишь усиливаться.

Полагаем, что, не препятствуя этим действиям, остановить процесс расширения госсектора можно посредством запуска встречного процесса приватизации организаций, подконтрольных государству и функционирующих на рынках, где присутству-

ют частные компании. Помогло бы делу и внедрение универсального подхода «третий — лишний» к закупкам, проводимым по 44-му и 223-му Федеральным законам, но только не в отношении иностранных компаний, а в отношении компаний из госсектора при наличии среди заявителей на каждый тендер не менее 2 частных российских компаний.

Четвертый негативный процесс — несколько не уменьшившаяся за прошедший год и столь мешающая инвестициям неопределенность в отношении будущего. Причем не только в части спроса на выпускаемую продукцию и оказываемые услуги, но и в части противоречивой по своей сути экономической политики и усиливающегося административно-силового давления на бизнес. В этой связи можно говорить об увеличении неопределенности в текущем 2020-м, не о сворачивании, а о развитии четвертого негативного процесса.

Поощрение спроса путем увеличения государственных инвестиций, на что надеются многие сторонники госкапитализма, быстрого эффекта не даст: во-первых, такие инвестиции связаны с бюджетным процессом и разворачиваются очень медленно, а значит, в этом смысле и 2021 г. вряд ли будет отличаться от 2019-го, а во-вторых, они могут оказаться весьма неэффективны, как это часто случается в деятельности крупных подконтрольных государству компаний.

Среди характеристик экономической политики, подчеркивающих ее противоречивость, отметим следующие две. Во-первых, усилия отдельных министерств и ведомств по развитию отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспортной и социальной инфраструктуры и пр. сталкиваются с неоправданно жесткой политикой финансовых властей, во многом нивелирующих соответствующие отраслевые мероприятия. Во-вторых, реализация всей совокупности национальных проектов, с одной стороны, невозможна, поскольку их разработчики явно переоценили возможности субъектов РФ по их софинансированию, с другой стороны,

не приведет к достижению заявленных в послании Президента РФ целей, даже при полном финансовом обеспечении.

Однако основное препятствие экономическому росту мы видим в неопределенности, порождаемой усиливающимся административно-силовым давлением на бизнес, которое, скорее всего, сохранится в 2020 г. Невозможны обеление, декриминализация бизнеса, наращивание его инвестиционной активности без забвения его «прошлых грехов», без рассрочки в уплате вскрывающихся налоговых недоимок. «Регуляторная гильотина» — необходимое, но не достаточное условие, ибо оно касается лишь отмены устаревших обязательных требований к бизнесу. Подавляющее большинство предприятий не перейдут из своей прозябающей стагнационной стратегии в инвестиционную, если не исчезнет риск того, что к ним придут в ходе следственной операции и предъявят обвинения по старым делам или вновь открывшимся обстоятельствам. Нужно обеспечить отсечение доступа правоохранительных органов к расследованиям до завершения проверок контрольными органами и вынесения решений судами, нужно сконцентрировать следствие на доказательстве злонамеренности при совершении доказанных в ходе судебного разбирательства правонарушений в экономической сфере. Однако пока — все наоборот, например проект новой редакции Кодекса об административных правонарушениях показывает обратную тенденцию дальнейшего увеличения размеров наказаний и усиления административно-силового давления.

Пятый негативный фактор — не ориентированная на экономический рост сложившаяся в России налоговая система, допускающая различные режимы налогообложения, из-за которых дестимулируется официальный рост компаний. Многочисленные беседы с предпринимателями из разных отраслей экономики, опыт четырех крупнейших бизнес-объединений страны, включая «Деловую Россию», однозначно свидетельствуют: как только компания достигает определенного установленного Налоговым кодексом размера, она чаще всего перестает расти и начинает дробиться. Однако быстро провести изменения соответствующих разделов

Налогового кодекса невозможно, а потому в текущем году налоговая система экономическому росту помогать не будет.

К описанным выше 5 негативным процессам добавим еще несколько угроз внешнего характера. Во-первых, риски расширения антироссийских экономических санкций вследствие развития Сирийского конфликта или любых других действий нашей страны на международной арене. Во-вторых, риски расширения пандемии коронавируса, что может привести к перебоям в работе многих индустрий, начиная от туристической и культурно-досуговой и заканчивая остановкой работы многих поставщиков комплектующих из охваченных эпидемией стран, а это, в свою очередь, может породить падение цен на нефть и наступление нового мирового финансового кризиса. В-третьих, риски сохранения пассивности Правительства РФ в работе по повышению эффективности деятельности органов власти всех уровней.

Резюмируя, подчеркнем: ушедший год может оказаться более благоприятным для развития страны, чем последующие два, если не будет обеспечено перелома в названных пяти негативных процессах и в случае реализации одной из отмеченных выше трех угроз.

Библиографический список

1. Белоусов А., Решетников М. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Паспорт национального проекта утвержден решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года.

List of Reference

1. Belousov A., Reshetnikov M. National project «Small and medium-sized enterprises and support of individual entrepreneurial initiative». The national project passport was approved by a decision of the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects on December 24, 2018.

Контактная информация / Contact Information

Данилов-Данильян Антон Викторович / Anton V. Danilov-Danilyan
+7 (495) 627-57-70, e-mail: avdandan@deloros.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-126-134

**НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ КАК
ФАКТОР УСКОРЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
В РОССИИ**
**SCIENTIFIC
AND TECHNOLOGICAL
DEVELOPMENT AS A FACTOR
IN ACCELERATING ECONOMIC
GROWTH IN RUSSIA**

ЛЕНЧУК Елена Борисовна
Член Правления ВЭО России,
директор Института экономики
Российской академии наук, д.э.н.

Elena B. LENCHUK
Member of the Board of VEO of Russia, Director of
the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблемы ускорения экономического роста российской экономики на предстоящий период, которые требуют поиска новых подходов и инструментов формирования экономической поли-

тики на базе активизации научно-технологического фактора развития. В качестве таких подходов предлагается совершенствование процесса целеполагания на основе последовательной реализации закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ», предполагающего содержательную увязку задач социально-экономического и научно-технологического развития. Другим направлением, обеспечивающим активизацию технологического фактора, является повышение качества управления этим процессом.

ABSTRACT

The article deals with the problems of accelerating the economic growth in Russia for the coming period, which require the search for new approaches and tools for shaping economic policy in the direction to the activation of the scientific and technological development. As such approaches, the author proposes the improvement of the goal-setting process based on the consistent implementation of the Law № 172-FZ «On the strategic planning in the Russian Federation». This law requires coordinated linking the socio-economic and scientific-technological development. Another direction for providing intensification technology factor, is to increase the quality of the of management of this process.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический рост, инновационное развитие, государственное управление, стратегическое планирование, национальные проекты, передовые производственные технологии, промышленная политика.

KEYWORDS

Economic growth, innovative development, public administration, strategic planning, national projects, advanced manufacturing technologies, industrial policy.

Подводя итоги социально-экономического развития предшествующего года и определяя основные задачи в этой области на предстоящий период, важно еще раз взглянуть на ту систему координат, в которой мы существуем, чтобы определить те задачи, которые предстоит решать для выхода из столь

сложного состояния экономической рецессии, в котором мы находимся. По данным Минэкономразвития РФ, в 2019 г. темпы роста составили 1,4%, в 2020 г. они не превысят 2%, и похоже, что сложившаяся модель экономического развития, базирующаяся на либеральных подходах и поддержании финансовой стабилизации, исчерпала себя. И прогнозируемых темпов роста экономики, о которых говорит сегодня Минэкономразвития РФ, явно недостаточно, чтобы решать накопившиеся проблемы в области социально-экономического развития и качества жизни российских граждан.

Постоянно обостряющаяся геополитическая обстановка обуславливает невозможность и нецелесообразность встраивания России в глобализированную мировую экономику и требует поиска новых внутренних драйверов развития, перехода к новой модели экономического роста, базирующейся на новых технологиях и инновациях. Таким образом, проводимая экономическая политика должна быть направлена на развитие страны, на глубокую технологическую и социально-экономическую модернизацию. Актуальность ее решения диктуется задачей сохранения России в качестве одного из центров силы в существующем глобальном мире.

Решение этой проблемы требует заметных изменений в подходах к моделям управления экономикой, прежде всего в механизмах целеполагания. В этой связи хочется обозначить ряд несколько важных, на наш взгляд, тезисов и проблем.

В условиях отсутствия стратегии социально-экономического развития на долгосрочный период, которая должна была определить модель развития страны на предстоящий 10–15-летний период, мы живем в рамках тех контуров развития, которые определяются среднесрочным Прогнозом социально-экономического развития, который представлен в прошлом году до 2024 г. Среднесрочные цели и стратегические задачи экономического развития определяет и майский инаугурационный Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Рос-

сийской Федерации на период до 2024 года», принятый в 2018 г. Однако между этими документами есть некоторая нестыковка.

Так, Указ № 204 определяет довольно подробную систему целей и задач в области обеспечения «прорывного научно-технологического и социально-экономического развития», для чего осуществляется реализация 12 нацпроектов, успех которых в определяющей степени будет зависеть от наращивания ресурсных возможностей. Прежде всего такая возможность зависит от общих темпов экономической динамики, однако в рамках среднесрочного Прогноза такая задача не решается, поскольку прогнозируемые темпы роста в 2020 г. не превысят, как было отмечено выше, 2%.

Следует отметить, что до сих пор Указы Президента РФ не встроены в государственную систему стратегического планирования и не включены в Перечень документов федерального уровня, предусмотренных Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», как и сами нацпроекты. Как указывают в своих отчетах аудиторы Счетной Палаты: «инициатива в части внесения соответствующих изменений в ФЗ-172 от правительства не поступала» [1]. Кроме того, опора в целеполагании на среднесрочный период значительно сужает горизонты стратегического планирования и приоритеты развития, поскольку многие задачи структурной модернизации, инфраструктурного и технологического развития явно выходят за рамки одного политического цикла. Очевидно, что и система целеполагания должна покрывать более широкий горизонт.

Указ № 204 затрагивает главным образом бюджетные сферы деятельности, за развитие которых государственные органы власти несут непосредственную ответственность. Это не более 40% бюджета. Следовательно, регулирующее влияние на результаты реализации объявленных целей ограничено и возможно лишь в области государственного спроса и государственных инвестиций [2].

Разрабатываемые нацпроекты несут в основном социальную направленность и создают слабый посыл для развития бизнеса,

поскольку они практически не касаются задач развития производственного потенциала национальной экономики как основы роста экономической динамики и глобальной конкурентоспособности страны. По оценкам экспертов Института исследований и экспертизы ВЭБ России, реализация нацпроектов позволит увеличить ежегодный потенциальный рост ВВП на 0,5–0,7% в 2020–2024 гг. и станет лишь одним из факторов ускорения ВВП, при этом не обеспечивая переход к новой модели развития [3].

В таких условиях крайне важно обеспечить разработку и реализацию полноформатной стратегии социально-экономического развития страны на долгосрочный период, которая бы определила основные цели, задачи и приоритеты и инструменты их реализации, обеспечивающие разворот российской экономики на развитие и ускорение динамики роста.

Прежде всего наращивание темпов экономического роста предполагает проведение структурных сдвигов в экономике. Должны быть созданы условия для возрождения и развития реального сектора экономики, в рамках которого как раз и формируются объективные предпосылки экономического роста. Такое возрождение и развитие должны происходить на базе технологической модернизации и внедрения самых передовых технологий и инноваций формирующегося нового технологического уклада и четвертой промышленной революции. Ни для кого не секрет, что именно технологический фактор развития сегодня во многом определяет конкурентоспособность и процветание той или иной страны.

Сегодня довольно модно говорить о цифровой экономике, но это как раз и есть процесс внедрения во все сферы экономической деятельности передовых прорывных технологий. В настоящее время в стране ведется активная работа в области цифровизации госуправления, использования цифровых технологий в финансовой сфере, довольно успешно используются цифровые технологии в фискальной области (сбор налогов), но важно, чтобы эти передовые технологии внедрялись прежде всего в сфере промышленного

производства. Именно цифровизация промышленности определяет наши возможности в выпуске конкурентоспособной продукции и наращивании несырьевого экспорта — тех задач, которые обозначены в рамках Указа Президента РФ № 204 [4]. Возникает вопрос, насколько «цифровая повестка» сможет вывести технологическое развитие страны на новый уровень? [5, 8].

Следует отметить, что внедрение цифровых технологий в промышленном производстве требует соответствующей технологической базы, а значит, этот процесс должен сопровождаться технологической модернизацией, активизацией инновационной деятельности, которая в условиях происходящей деиндустриализации экономики страны вряд ли возможна. В настоящее время Россия имеет отрицательный баланс в торговле технологиями в 2,1 млрд долл., экспорт которых находится приблизительно на уровне Тайваня и Португалии; и слабую динамику создания передовых производственных технологий, из которых лишь 10–11% соответствуют мировому уровню [6]. Импортозависимость в отдельных отраслях, например в станкостроении, доходит до 70–90%, что создает высокую степень уязвимости страны в условиях обостряющейся геополитической обстановки и разного рода санкций. В страну импортируется от 80 до 100% ИТ-оборудования по различным категориям и около 75% программного обеспечения [7].

Решение этой проблемы видится в рамках выстраивания стратегических приоритетов развития страны, определения целей и задач восстановления промышленного комплекса, выделения под них соответствующих ресурсов, формирования соответствующих программ. Для этого должна проводиться соответствующая промышленная и технологическая политика. Так, например, в национальной программе развития науки и технологий в Китае поставлена задача овладеть 402 основными технологиями — от беспилотных автомобилей и искусственного интеллекта до интегральных микросхем и сверхмощных компьютеров. И под разработку каждой мобилизованы финансовые и человеческие ресурсы. Конечная цель —

превратить страну в такое же государство-новатор, каковым в Азии стали Япония, Сингапур, Южная Корея и Тайвань [8].

Важность прорывного научно-технологического развития для России крайне актуальна, поскольку технологическая независимость определяет национальную безопасность России. Вместе с тем комплексного решения этой проблемы у нас нет. Так, среди реализуемых сегодня нацпроектов нет ни одного, который был бы направлен на поддержку развития реального сектора экономики, в рамках которого формируется спрос на новые технологии. Не решает эти задачи и принятая в 2016 г. Стратегия научно-технологического развития, поскольку ее направленность — поиск ответов на «большие вызовы»: экологические, демографические, продовольственные, энергетические и т.п. О каких-то ключевых технологиях, необходимых для развития реального сектора экономики, речь в этой Стратегии не идет.

Не решает задачи научно-технологического развития и нацпроект «Наука». Он тоже направлен на поиск ответов на большие вызовы и на расширение позиционирования российской науки в мировом научном пространстве. Так, одна из главных целей нацпроекта «Наука» — войти в пятерку стран-лидеров, которые ведут исследования в приоритетных направлениях развития. Измерение достижения этой цели лежит в плоскости показателей наукометрии — наращивания публикаций в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, улучшения позиций России в разного рода международных рейтингах в сфере науки и инноваций, наращивания инфраструктуры. Однако во многом это создает ложную мотивацию. Цели и задачи нацпроекта «Наука» никак не увязаны с потребностями экономики. В нем закреплены целевые ориентиры развития научного сектора страны, но не конкретизируются пути дальнейшего его влияния на рост, эффективность и конкурентоспособность экономики.

Таким образом, в стране сложилась ситуация, когда в век динамично развивающегося научно-технического прогресса, превра-

щающего научно-технологического фактора в важнейший драйвер экономического развития, в нашей стране нет никакой внятной технологической политики и субъекта управления этим процессом. Возникает закономерный вопрос, а кто занимается технологиями и инновациями? Кто определяет, какие ключевые технологии нужны нашей экономике? Эти проблемы не решают ни Минэкономразвития России, ни Минпромторг России. Не способно взять на себя решение этих проблем и Министерство науки и высшего образования РФ. Как отраслевое ведомство оно решает в основном задачи развития науки и образования, а не технологий и инноваций. Здесь можно полностью согласиться с мнением академика С.Ю. Глазьева [9, с. 768], который отмечает, что реализуемый ныне подход к управлению наукой как отдельной отраслью в формате министерства является заведомо неэффективным, поскольку научно-инновационная деятельность пронизывает все сферы экономики.

Таким образом, чтобы активизировать научно-технологический фактор в обеспечении динамичного развития страны, он должен быть вписан в систему целеполагания, что предполагает содержательное сопряжение целей, задач, целевых индикаторов Стратегии социально-экономического развития РФ и Стратегии научно-технологического развития РФ. Кроме того, необходимо наконец определить субъект управления научно-техническим развитием. Без эффективной научно-технологической политики невозможно сформировать новую модель развития, потому что в век научно-технического прогресса для достижения устойчивого роста в стране нет альтернативы курсу на инновационное развитие.

Библиографический список

1. «Коммерсантъ», № 21 от 06.02.2020.
2. Минакир П.А. Указная экономика // Пространственная экономика, 2018, № 2, с. 8–16.
3. Прогноз экономического развития России на 2019–2024 годы. ВЭБ РФ Институт исследований и экспертизы. 2019 г., апрель. URL: <http://www.inveb.ru/attachments/article/115/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%202019%2004%2016.pdf>

4. Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 7 мая 2018 г.
5. Дежина И.Г. Российская наука и новые планы ее развития // Инновации, 2018, № 12 (242), с. 3–10.
6. Индикаторы науки 2019. Статистический сборник. М., НИУ ВШЭ, 2019, с. 241–242.
7. Аптекман А., Калабин В., Клинцов В. и др. Цифровая Россия: новая реальность // Digital. McKinsey. Июль 2017.
8. Верлин Е. Первая технологическая война // Эксперт, 2019, № 51, 16–22 декабря, с. 66–69.
9. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018, с. 768.

List of References

1. «Kommersant», № 21, 06.02.2020.
2. Minakir P.A. Ukaznaya ekonomika // Prostranstvennaya ekonomika, 2018, № 2, s. 8–16.
3. Prognoz ekonomicheskogo razvitiya Rossii na 2019–2024 gody. VEB RF Institut issledovanij i ekspertizy. 2019 g., aprel'. URL: <http://www.inveb.ru/attachments/article/115/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%202019%2004%2016.pdf>
4. Ukaz Prezidenta RF № 204 «O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda», ot 7 maya 2018 g.
5. Dezhina I.G. Rossijskaya nauka i novye plany ee razvitiya // Innovacii, 2018, № 12 (242), s. 3–10.
6. Indikatory nauki 2019. Statisticheskij sbornik. M., NIU VSHE, 2019, s. 241–242.
7. Aptekman A., Kalabin V., Klincov V. i dr. Cifrovaya Rossiya: novaya real'nost' // Digital.McKinsey. Iyul', 2017.
8. Verlin E. Pervaya tekhnologicheskaya vojna // Ekspert, 2019, № 51, 16–22 dekabrya, s. 66–69.
9. Glaz'ev S.YU. Ryvok v budushchee. Rossiya v novyh tekhnologicheskome i mirohoz'yajstvennom ukladah. M.: Knizhnyj mir, 2018, s. 768.

Контактная информация / Contact Information

Институт экономики РАН, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32 / Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, The Russian Federation

Елена Борисовна Ленчук / Elena B. Lenchuk

+7 (499) 724-14-19, e-mail: ieras@inecon.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-135-139

О НЕКОТОРЫХ ПАРАДОКСАХ ФИНАНСОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ТЕКУЩИЙ ПЕРИОД¹ ABOUT SOME PARADOX OF FINANCIAL PROCESSES IN THE CURRENT SITUATION

ЕРШОВ Михаил Владимирович

Член Президиума ВЭО России,
профессор Финансового университета
при Правительстве РФ, д.э.н.

Mikhail V. ERSHOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, Professor
of the Financial University under the Government of
the Russian Federation, Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

Слишком мягкая денежно-кредитная политика, так же как и слишком жесткая, имела, как ни странно, одинаковый эффект, нарушив связь между фондовым рынком и реальной экономикой, а также способствовала отрыву фондового рынка от реальной экономики. В сложившихся условиях при существенном спаде на мировых рынках и ограниченности внешних возможностей для российской экономики все более актуальными становятся совместные скоординированные подходы регуляторов, направленные на обеспечение стабильности и стимулирование экономической активности.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

ABSTRACT

Excessively soft monetary policy as well as excessively tight policy had similar consequences which undermined the normal links between the stock market and the real economy. When global markets are falling and external opportunities are limited, it is particularly important for the Russian economy to use coordinated approaches of all regulators to stimulate economic activity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мировые финансовые рынки, фондовые рынки, денежно-кредитная политика, процентные ставки, рост экономики.

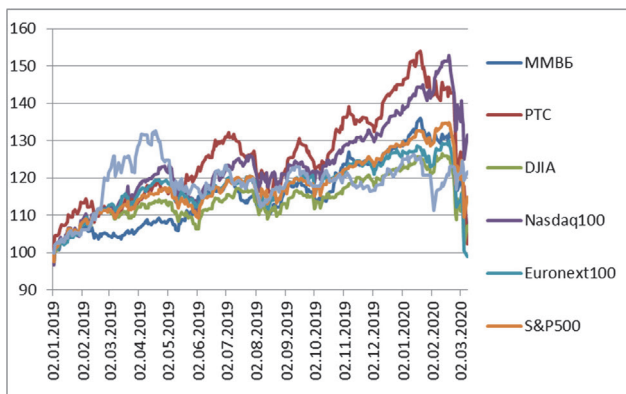
KEYWORDS

Global financial market, stock market, monetary policy, interest rate, economic growth.

Взвешенная денежно-кредитная политика способствует тому, чтобы нормально функционировали механизмы взаимодействия между финансовой сферой и реальным сектором. Когда же денежно-кредитные подходы отклоняются в ту или другую сторону от стандартных и нормальных подходов, это нарушает нормальный характер взаимодействия и ведет к серьезным перекосам и искажениям.

В качестве примера можно привести те подходы, которые практикуются в развитых странах, с одной стороны, и в России — с другой. Многолетняя чрезмерно мягкая денежно-кредитная политика в развитых странах и чрезмерно жесткая политика в России привели и в развитых странах, и в России к деформированию нормальных связей между реальной экономикой и финансовой сферой. Фондовые индексы на развитых рынках демонстрировали длительный растущий тренд вплоть до провалов, которые начались в феврале 2020 г., и достигли своих рекордных значений, при этом рост экономики в послекризисные годы показывает весьма вялые темпы роста. Российский фондовый рынок в 2019 г. был в числе наиболее растущих в мире, тогда как рост

экономики был практически на минимальных значениях. Ранее, как правило, корреляция между фондовым рынком и динамикой экономики была более тесной — сильный рост фондовых индексов был иллюстрацией реального сильного роста экономики. Однако в настоящее время ни в развитых странах, ни в России этого не наблюдается. В результате неоправданный рост на фондовых рынках привел к резкой коррекции в начале 2020 г. (рис. 1), которая является худшей после глобального финансового кризиса в 2008 г.

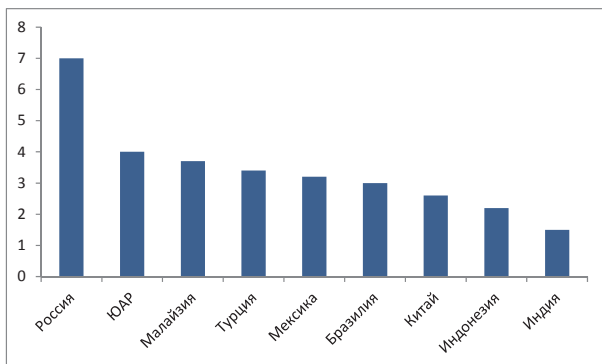

Рис. 1. Динамика фондовых индексов 02.01.2019 = 100

Источник: по данным Thomson Reuters.

В случае с Россией есть еще один важный нюанс: российские фондовые индексы демонстрировали быстрый рост, в том числе из-за того, что компании выплачивали высокие дивиденды (рис. 2), обеспечивая тем самым привлекательность своих акций. Возникает оправданный вопрос: компании, выплачивая значительную часть прибыли в виде дивидендов, не подрывают ли тем самым основу для своего будущего роста? Если компании осуществляли большие выплаты своим акционерам, а не инвестировали в свое производство, активы и др., это означает, что перспективы таких компаний на будущее будут более ограниченными.

В развитых странах регуляторы в последнее время все чаще говорят о том, что уже практически исчерпаны возможности денежно-кредитной политики для стимулирования экономического роста. Более того, похоже, регуляторы ограничены также в возможности снизить риски развития негативных последствий. Длительный период низких и даже отрицательных процентных ставок хотя и поддержал экономический рост, но, по сути, не привел к ожидаемым высоким темпам экономического роста. Кроме того, отрицательные ставки создали дополнительные новые проблемы для участников финансового рынка (снижение маржи, поиск доходности, использование инструментов низкого качества с высокой доходностью и др.).

Рис. 2. Дивидендная доходность развивающихся рынков в 2019 г. (в национальных валютах), %

Источник: Московская биржа, декабрь 2019.

В России в 2019 г. процентные ставки также начали снижаться, за что долгое время выступали многие эксперты. Однако смогут ли сейчас низкие ставки оказать положительный эффект на динамику экономического роста? Проблема заключается в том, что ситуация в экономике стала более сложной. Образно говоря, если долгого время лечить горячим чаем вместо уколов пенициллина, то, когда, наконец, будет сделан этот укол, организм уже неотреагирует так,

как должен был бы реагировать, потому что укол надо было делать раньше, пока болезнь не стала более сложной. В сложившейся ситуации в российской экономике даже если ставка процента была бы ниже, чем рентабельность проекта, она все равно не стимулировала бы реальный сектор брать кредиты. Вопрос в том, насколько произведенный продукт можно реализовать. Проблема переместилась во многом на сторону спроса. К проблеме цены денег добавилось и сжатие спроса реального сектора и сектора домашних хозяйств. Поэтому реальный сектор держит порядка 30 трлн руб. на счетах в банках и не направляет их в экономику.

Комплексную, многомерную проблему и решать нужно только комплексно. И чрезмерная мягкость, и чрезмерная жесткость как в случае с развитыми странами, так и с Россией контрпродуктивны. Банк России справедливо в своих основных направлениях денежно-кредитной политики подчеркивал важность усиления координации действий всех органов власти [1]. Действительно, важны не только меры денежно-кредитной политики, но также необходимы более активные стимулирующие меры бюджетной политики, меры всех форм регулирования и стимулирования экономической активности. В нынешней ситуации это все сильно необходимо. Проблема стала более емкой.

Библиографический список

1. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов. Октябрь 2019.

List of References

1. Bank of Russia. Monetary Policy Guidelines for 2020–2022. October 2019.

Контактная информация / Contact Information

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский проспект, 49 / Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky prospekt, Moscow, 125993 (GSP-3), The Russian Federation

Ershov Михаил Владимирович / Mikhail V. Ershov
+7 (495) 787-74-51, e-mail: lupandina@fief.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-140-162

**ТЕКУЩИЕ
И СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ЗАДАЧИ
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ
РОССИИ В
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ**
**CURRENT AND MEDIUM TASKS
OF POSITIONING RUSSIA IN THE
INTERNATIONAL TRADE
AND ECONOMIC SYSTEM**

СПАРТАК Андрей Николаевич

Директор Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института, заведующий кафедрой Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, председатель Комитета ТПП РФ по вопросам экономической интеграции и внешнеэкономической деятельности, заслуженный деятель науки России, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Andrey N. SPARTAK

Director, All-Russian market research Institute, head of Department in Russian Academy of foreign trade, Chairman of the RF CCI Committee on economic integration and foreign trade activities, Honored scientist of Russia, Corresponding member of RAS, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются современные тенденции и приоритеты позиционирования России в международной торгово-экономической системе, раскрываются сильные и слабые стороны участия России в интеграционных проектах на постсоветском пространстве. Определены возможности и риски расширения экономического сотрудничества с Китаем. Показана роль российско-индийского взаимодействия в диверсификации векторов сотрудничества в Евразии. Анализируется потенциал форматов БРИКС+ и ШОС+. Представлен российский проект макрорегиональной интеграции в Евразии – концепция Большого евразийского партнерства.

ABSTRACT

The article discusses current trends and priorities of Russia's positioning in the international trade and economic system, reveals the strengths and weaknesses of Russia's participation in integration projects in the post-Soviet space, new challenges in this area, shows the need for the Eurasian neighborhood policy to reset social and humanitarian cooperation in the CIS. The opportunities and risks of expanding economic cooperation with China, including for the Eurasian economic integration, are determined. The role of Russian-Indian interaction in diversification of cooperation vectors in Eurasia. The potential of BRICS+ and SCO+ formats, as well as the possible interaction of the two blocks, is analyzed. New accents in the Russian policy on the African and Middle East directions are revealed. The author presents the concept of the Greater Eurasian partnership and stresses its central role in optimizing Russia's external positioning, proposes an algorithm for promoting macro-regional integration in Eurasia with Russia's active participation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Политика, интеграция, пространство, проект, интересы, торговые соглашения, партнерство.

KEYWORDS

Politics, integration, space, project, interests, trade agreements, partnership.

Достижение национальных целей Российской Федерации в современных условиях самым тесным образом связано с оптимизацией позиционирования страны в международной торгово-экономической системе. Это затрагивает как вопросы совершенствования международной специализации России и ее участия на глобальном рынке, так и аспекты партнерского взаимодействия страны с зарубежными государствами в рамках интеграционных проектов различного уровня и региональных торговых соглашений. В 2019 г. активность России на интеграционном и стратегическом партнерском треках международного сотрудничества заметно возросла и в полном объеме перешла в 2020 г., хотя пандемия коронавируса, безусловно, внесла свои коррективы в динамику и формы взаимодействия на большинстве направлений реализации внешнеэкономической повестки страны.

Акцент в данной статье сделан на процессе выстраивания Россией привилегированных партнерских отношений с зарубежными странами с использованием интеграционного, торгово-политического инструментария и механизмов углубления экономической кооперации. В рассматриваемом контексте важно, что в условиях полицентричного мира формирование сети торгово-экономических союзов и соглашений с внешними партнерами становится необходимым условием устойчивого развития абсолютного большинства государств мира. Для ведущих держав это способ сохранить или укрепить свое влияние в значимых странах и регионах, тогда как для небольших государств участие в региональных торговых соглашениях и экономических объединениях создает возможности получить привилегии в отношениях с более сильными партнерами либо нарастить собственный потенциал за счет расширения внутрирегионального сотрудничества.

Процесс глобализации, фактически приведший к полицентризму в мировой экономике и политике, одновременно сделал намного более конкурентными отношения между странами и основными группами государств. На практике значительно усилились геоэкономическая и геополитическая конкуренция, борьба

за сферы влияния, стремление крупных стран к лидерству в региональных и макрорегиональных конфигурациях. Характерно, что даже политика США при президенте Д. Трампе и сложная ситуация вокруг Brexit, породившие разговоры о деглобализации, росте изоляционистских тенденций, на деле сопровождаются достаточно активным поиском США и Великобританией новых партнеров по торговым соглашениям и союзническим форматам в глобальной экономике.

Россия в данном случае не является исключением. Охлаждение отношений с Западом сместило приоритеты внешнего позиционирования России на евразийский регион, постсоветское пространство, Китай и другие страны Восточной Азии, Индию, государства АСЕАН, страны Африки и Ближнего Востока, Латинской Америки. Показательно, что доля партнеров по БРИКС в товарообороте России со странами мира увеличилась за период 2009–2019 гг. с 11 до 19%.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Главный проект России на постсоветском пространстве — создание Евразийского экономического союза (функционирует с 2015 г. в составе пяти государств — Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан). Основные задачи проекта — реализация в полном объеме «четырёх свобод», формирование общих рынков в сфере энергетики и услуг инфраструктуры, а также общего финансового рынка.

На сегодняшний день достижение поставленных целей представляется проблематичным. Считается, что к настоящему времени в основном сформированы общие рынки товаров и рабочей силы, определен наднациональный функционал Евразийской экономической комиссии как исполнительного органа ЕАЭС. Однако, помимо сохранения значительного числа изъятий и ограничений на внутреннем рынке ЕАЭС, есть серьезные изъятия из общих обязательств Союза по внешнему контуру для отдельных

государств-членов, а это уже создает риски подрыва фундаментальных основ функционирования ЕАЭС — единства таможенной территории и торгового режима в отношениях с третьими странами. Такие изъятия есть у Казахстана, Кыргызстана и Армении, отражающие их специфические тарифные обязательства в ВТО, скорее всего, они появятся и у Белоруссии, находящейся в стадии обсуждения условий присоединения к ВТО. Изъятия также есть и у России в виде санкционных и иных запретов на ввоз определенных категорий продукции из третьих стран, применения режима наибольшего благоприятствования в отношении Украины.

Нескоординированное разноскоростное развитие договорно-правовой базы отдельных стран ЕАЭС с ЕС (Казахстан и Армения уже заключили новые базовые соглашения с ЕС, завершились переговоры по такому соглашению между ЕС и Кыргызстаном, повышается вероятность заключения подобного соглашения ЕС с Белоруссией, но для России эта перспектива пока не просматривается) на практике может и, скорее всего, будет создавать в двусторонних отношениях между ЕС и партнерами России по ЕАЭС более благоприятные условия, чем те, которые существуют у ЕС с РФ. Поэтому необходимо развитие каналов прямого взаимодействия между институтами ЕАЭС и ЕС для ведения содержательного межблокового диалога по условиям и направлениям экономического сотрудничества.

Сохраняется проблема недобросовестного использования отдельными участниками ЕАЭС возможностей единой таможенной территории, включая нерегистрируемый импорт из Китая одежды, текстиля и обуви Казахстаном и Кыргызстаном для последующей продажи в России, «серые» поставки плодоовощной продукции из Узбекистана через Казахстан в РФ и др. Только с 2019 г. Белоруссия перестала использовать некорректные схемы при экспорте нефтепродуктов в ущерб интересам РФ.

Причем отрицательные эффекты для России в связи с злоупотреблениями партнеров по ЕАЭС режимом единой таможенной территории в последние годы были очень значительны.

Расчетные объемы контрабандных поставок китайского текстиля, одежды и обуви через Казахстан и Кыргызстан в Россию — в среднем около 5–6 млрд долл. за 2016–2018 гг. — стали сопоставимы с валовым выпуском продукции легкой промышленности в РФ. По мере наведения порядка с китайским импортом на российско-китайской границе («серые» поставки текстильных изделий, одежды и обуви из КНР в РФ, по данным «зеркальной» статистики сторон, только за период 2016–2018 гг. сократились на 1,1 млрд долл., с 2,8 млрд долл. в 2016 г. до 1,7 млрд долл. в 2018 г.) основные маршруты контрабанды ожидаемо переместились в Казахстан и Кыргызстан, где зафиксирован заметный рост «серого» импорта из КНР после 2015 г. Для сокрытия действительного объема экспорта нефтепродуктов, по которым у России и Белоруссии были договоренности по возврату экспортных пошлин и энергобалансу, Белоруссия десятилетие назад начала практиковать поставки нефтепродуктов под другими товарными кодами (растворители, смазочные материалы, битумные смеси и др.), и за период 2008–2018 гг. общая сумма занижения фактического экспорта нефтепродуктов превысила 15 млн т.

Все указанные факторы усиливают центробежные тенденции в Союзе, нуждаются в открытом обсуждении и согласованных мерах по снижению связанных с ними рисков.

Экономические показатели интеграции пока не позволяют говорить об успешности проекта. Доля взаимной торговли в общем товарообороте ЕАЭС с момента начала функционирования Таможенного союза в 2010 г. остается невысокой и колеблется в пределах 12–14%, что меньше, чем в зарубежных экономических блоках с сопоставимым числом участников (НАФТА, Меркосур, АСЕАН). При этом на величину взаимной торговли сильно влияет фактор общего прошлого стран ЕАЭС в составе единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, расчеты же на основе гравитационной модели показывают, что государства ЕАЭС даже «переторговывают» друг с другом против ситуации, когда страны с аналогичными размерами ВВП и расстояниями между ними формируют Таможенный союз [1].

Изменение структуры потребления на внутреннем товарном рынке ЕАЭС (на основе анализа вклада трех компонентов: потребление национальной продукции на национальных рынках, взаимная торговля, импорт из третьих стран) не дает однозначных свидетельств в пользу увеличения роли взаимной торговли. За весь период с 2011 по 2019 г. повышение вклада взаимной торговли в общее потребление товаров на рынке ЕАЭС в аграрном секторе и обрабатывающей промышленности не превысило 1 п.п., т.е. находилось на уровне статистической погрешности. Хотя позитивным моментом является то, что с улучшением условий для импорта в 2018–2019 гг. значимость внутриблокового обмена не уменьшилась. В целом устойчивый и ощутимый рост компонентов взаимной торговли в структуре потребления по отраслям обрабатывающей промышленности отмечается в производстве пищевых продуктов, обработке древесины и производстве изделий из дерева, химическом производстве (включая фармацевтику), производстве машин и оборудования, выпуске транспортных средств и оборудования и др.

В целях косвенного измерения продвижения ЕАЭС к общему рынку можно использовать индексы уровня цен (частные от деления паритетов покупательной способности на рыночные обменные курсы). Евростат применяет данные индексы для расчета показателя конвергенции цен в ЕС и еврозоне [2]. Анализ на основе индексов уровня цен на множестве стран ЕАЭС для сферы конечного потребления в принципе показывает тенденцию к снижению коэффициента вариации указанных индексов, т.е. свидетельствует о сближении уровней цен между участниками Союза. Но этого пока недостаточно для вывода о конвергенции цен внутри ЕАЭС, поскольку есть элементы методологической несопоставимости индексов по отдельным странам, а также в связи с отсутствием такой конвергенции в целом для ВВП государств — участников Союза.

Кроме ЕАЭС, Россия участвует еще в двух интеграционных проектах на постсоветском пространстве — двустороннем (Союзное государство России и Белоруссии) и рамочном многостороннем проекте (Содружество Независимых Государств). В первом случае

в течение 2019 г. были предприняты дополнительные усилия и разработаны отраслевые «дорожные карты» в направлении создания экономического союза, углубления взаимодействия в сферах финансов, налогового регулирования, денежно-кредитной политики. Необходимость активизации работы по двусторонней интеграционной повестке и достижения сбалансированных взаимоприемлемых договоренностей связана в первую очередь с реализацией в России налогового маневра (перенос экспортных пошлин на энергоносители во внутреннее налогообложение), что ведет к повышению цен на топливо на внутреннем рынке ЕАЭС и будет иметь нарастающий отрицательный эффект для Белоруссии. В целом, учитывая совместную работу России и Белоруссии на площадке ЕАЭС, интеграционный проект Союзного государства является самым продвинутым на постсоветском пространстве, включает взаимодействие в области внешней и оборонной политики, социально-гуманитарной сфере, в осуществлении финансируемых с участием бюджета Союзного государства совместных проектов.

Другой, рамочный многосторонний проект — СНГ (охватывает 11 постсоветских государств, включая и Украину с Молдавией, подписавших Соглашения об ассоциации с ЕС) — является форматом межгосударственного взаимодействия в сферах взаимных интересов. Характерная черта СНГ — исключительная добровольность участия стран в предлагаемых программах и мероприятиях. В структуре СНГ действуют свыше 60 межведомственных отраслевых советов практически во всех областях экономики и социально-гуманитарной сферы. Но в абсолютном большинстве случаев функции отраслевых советов ограничиваются координацией планов и действий сторон. Тем не менее СНГ вполне можно назвать торговым блоком, поскольку 9 из 11 участников подписали Соглашение о зоне свободной торговли СНГ (кроме Азербайджана и Туркменистана). Подготовлен также проект Соглашения о торговле услугами СНГ, но перспективы его не ясны.

Самостоятельно и в составе ЕАЭС Россия развивает значительное число торгово-политических и привилегированных партнерских форматов сотрудничества с зарубежными странами.

Рис. 1. Участие России в интеграционных и торгово-политических проектах
Источник: составлено автором.

Постсоветское пространство с геоэкономических и геополитических позиций имеет крайне важное значение для России. Без взаимодействия со странами СНГ Россия не может в полной мере претендовать на статус евразийской державы, служащей мостом между Азией и Европой и обеспечивающей функционирование трансевразийских транспортных маршрутов на направлениях Восток — Запад и Север — Юг. Не будучи лидером интеграционного пространства СНГ и ЕАЭС, Россия не сможет выйти за рамки чисто региональной державы и стать, при благоприятных условиях, значимым центром влияния в глобальной торгово-экономической системе, а не только в военно-политической сфере. Реализация концепции макрорегиональной интеграции в Евразии в формате Большого евразийского партнерства (см. далее в статье) также невозможна при отсутствии ЕАЭС и СНГ в качестве опорных конструкций. К этому надо добавить значительную заинтересованность России в рынках СНГ для сбыта своей несырьевой продукции (в 2019 г. доля Содружества в экспорте Россией несырьевых неэнергетиче-

ских товаров была почти вдвое выше, чем в общем экспорте: соответственно 24,4 и 12,6%), а также в устойчивом притоке трудовых мигрантов из государств региона (в 2019 г. из СНГ в РФ с целью трудоустройства прибыло около 5 млн чел.).

При высокой значимости ЕАЭС и СНГ для России последняя сталкивается со все более серьезными вызовами на постсоветском пространстве.

Траектории развития государств СНГ, по объективным причинам, все более индивидуализируются, что ведет к диверсификации их экономических интересов, в растущей степени отражающих страновую специфику. Это может проявляться в реализации промышленных проектов, конкурирующих с российскими, в том числе на российском же рынке, в принятии решений по ограничению допуска российских поставщиков на свой внутренний рынок в случае реализации национальных программ развития.

СНГ оказалось между двумя мощнейшими центрами геополитического и экономического притяжения — Китаем и ЕС, что привело к появлению сильнейших линий напряжения на постсоветском пространстве (украинский кризис, проблемы разделенной Молдавии, критическая финансово-экономическая зависимость от КНР у ряда стран Центральной Азии, др.). Причем Россия не может и не сможет дать симметричный ответ усилению влияния нерегиональных игроков в СНГ, поскольку на это просто не хватит ресурсов. Поэтому возникает потребность в разработке Россией объединительной стратегии на более широком евразийском пространстве, в рамках которой можно было бы комфортным для всех или большинства участников образом гармонизировать различные интересы, направления развития и сотрудничества государств в макрорегионе Евразии.

В 2000-х гг. происходило постепенное, но неуклонное снижение роли общего советского прошлого как фактора сохранения целостности постсоветского пространства и с экономических, и с социально-гуманитарных, культурно-идеологических позиций. Ответом на этот процесс в сфере экономики стал евразийский интеграци-

онный проект, призванный сформировать единое экономическое пространство для стран-участников. Здесь не все гладко, но есть конкретная работа в этом направлении.

Другое дело — социально-гуманитарное, культурно-историческое пространство СНГ. В данной области никаких масштабных инициатив и проектов реализовано не было. Проект ЕАЭС изначально декларировался и продолжает декларироваться как чисто экономический. Даже в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, подписанной лидерами государств 6 декабря 2018 г. в Санкт-Петербурге, социально-гуманитарной повестке отведено минимальное место и трактуется она через раскрытие потенциала экономической интеграции для граждан Союза, повышение их информированности и вовлеченности в интеграционные процессы, а не как самоценная повестка. В деятельности СНГ такая повестка присутствует, но больше в плане координации отдельных мероприятий и обмена информацией, без ресурсного обеспечения. На уровне двустороннего взаимодействия России со странами СНГ социально-гуманитарная составляющая, кроме некоторых направлений, системно не продвигается и очень слабо финансируется. В этой области усилия Китая, Евросоюза, Турции выглядят более последовательными и масштабными.

В экспертном сообществе России обсуждается идея реализации комплексного многоуровневого подхода к развитию социально-гуманитарного сотрудничества между странами СНГ в формате Евразийской политики соседства. Такой формат должен включать более широкое и акцентированное участие России в гуманитарных проектах на пространстве СНГ, формирование значимой, самостоятельной гуманитарной повестки в деятельности ЕАЭС, ее расширение и структуризацию в работе СНГ, а также финансирование этой повестки со стороны региональных финансовых институтов (Евразийский банк развития, Евразийский фонд стабилизации и развития), специальных межгосударственных программ и фондов.

АЗИАТСКИЙ И ДРУГИЕ ВЕКТОРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Китай выступает ключевым партнером России на азиатском направлении, его доля в товарообороте РФ достигла 16,6% в 2019 г. по сравнению с 8,3% в 2009 г. Абсолютная величина взаимной торговли товарами и услугами, по данным российских источников, превысила в 2018 г. 11,4 млрд долл. Правительствами двух стран поставлена задача увеличить к 2024 г. объем двусторонней торговли товарами и услугами до 200 млрд долл. Разработана соответствующая дорожная карта. Наш анализ показал, что это вполне достижимый показатель, однако основной рост с российской стороны может быть получен за счет поставок энергоносителей, руд и металлов — почти 70%, хотя определенная диверсификация российского экспорта в Китай будет происходить в результате осуществления совместных проектов в сфере сельского хозяйства и машиностроения. Вообще, одна из серьезных проблем во взаимодействии России с Китаем заключается в том, что усиление восточного вектора во внешнеэкономической политике РФ изначально предполагало не только географическую диверсификацию внешнеэкономических связей, но и товарно-отраслевую диверсификацию, а в итоге сегодня доля топлива в российском экспорте в КНР колеблется в диапазоне 70–75% (74% в 2018 г. и 70% в 2019 г.), практически как на европейском направлении.

Растут транзитные грузоперевозки по транспортному коридору «Восток — Запад» (Китай — Европа и обратно). По данным Главного вычислительного центра Российских железных дорог, объем грузового транзита по территории России в сообщении Восток — Запад увеличился в 2018 г. по сравнению с 2012–2013 гг. в 5 раз — до 2,4 млн т.

Оценка реальных масштабов российско-китайского инвестиционного сотрудничества на основе официальных данных затруднена, поскольку крупными партнерами России и Китая в сфере инвестиций выступают офшорные юрисдикции, через которые проводится значительная часть операций. Еще в начале 2017 г.

министр коммерции КНР Гао Хучэн называл показатель накопленных китайских инвестиций в России в 42 млрд долл. [3].

В целях создания благоприятных условий для дальнейшего развития и углубления российско-китайского торгово-экономического сотрудничества идет работа над двусторонним Соглашением о Евразийском экономическом партнерстве, предполагающим упрощение торговых процедур, сближение регулирования, элементы преференциального режима в отношении услуг и инвестиций, механизмы содействия секторальному сотрудничеству и др.

Помимо двустороннего взаимодействия Россия развивает сотрудничество с Китаем в составе Евразийского экономического союза.

Стартовавшая в середине 2010-х гг. инициатива сопряжения строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (фактически это формат включения ЕАЭС в китайский мегапроект «Один пояс — один путь») способствовала активизации двусторонних экономических связей государств — участников Союза с Китаем, ускорению роста взаимной торговли и китайских инвестиций в страны-партнеры, вхождению китайского капитала в отдельные стратегические активы в РФ и других членов ЕАЭС. Институционально-правовые рамки сопряжения сегодня определяются подписанным в мае 2018 г. непреференциальным Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС и КНР.

Позитивно оценивая в целом инициативу сопряжения, необходимо обратить внимание на следующие моменты. Несмотря на изначальное интеграционное, многостороннее видение сопряжения, по факту данная инициатива вылилась практически полностью в двусторонние проекты с преимущественной ориентацией на страны Центральной Азии. В указанных странах реализуются основные инфраструктурные и производственные проекты КНР, включая перенос из Китая экологически неблагоприятных предприятий, туда же направляются главные инвестиции. Пока инициатива сопряжения привела к росту ориентации экономик стран ЕАЭС на Китай, особенно центральноазиатских (как входящих в ЕАЭС, так и вне ЕАЭС), причем последние разработали или

разрабатывают собственные программы и планы сопряжения развития национальных экономик с китайской инициативой «Один пояс — один путь». Такое разноуровневое взаимодействие с КНР порождает различия внутри ЕАЭС в вопросах формирования общих рынков (в частности, Казахстан сохраняет изъятия и отсрочки по либерализации рынков услуг, обслуживающих инфраструктурные и иные проекты КНР на территории страны), ведет к конкуренции трансевразийских транспортных маршрутов «пояса и пути», проходящих по территории России, с маршрутами, идущими через Казахстан, в том числе полностью в обход РФ (транскаспийский и южный маршруты) [4].

Несмотря на вызовы, возникающие в связи с неуклонным усилением экономического влияния Китая в мире, расширением его коммерческого присутствия в Евразии, дальнейшее развитие и углубление торгово-экономических связей с этой страной являются инвариантными для большинства государств, особенно расположенных в евразийском регионе, и прежде всего для России, имеющей самую протяженную в мире сухопутную границу с КНР. Санкционное противостояние РФ с Западом, нарастание неопределенностей и рисков глобального развития, в том числе из-за эскалации торгового протекционизма и ограничений для ведения международного бизнеса, — все это определяет стратегический характер российско-китайского делового взаимодействия, позволяет рассчитывать на увеличение его масштабов и диверсификацию направлений сотрудничества.

Помимо Китая, растущее значение как партнер России в азиатском регионе и в глобальном масштабе приобретает Индия. Россия, Индия и Китай развивают взаимодействие на таких международных площадках, как «Группа двадцати», БРИКС, ШОС (Индия стала полноправным членом организации с 2018 г.), РИК (Россия — Индия — Китай). Лидерами стран поставлена задача увеличить к 2025 г. объем двусторонней торговли товарами и услугами до 30 млрд долл. (в 2018 г. — 12 млрд долл.) и взаимных инвестиций до 15 млрд долл. с каждой стороны.

Для достижения поставленных целей сторонами на Восточном экономическом форуме в начале сентября 2019 г. принята Стратегия действий по активизации российско-индийского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества [5]. Основные акценты Стратегии: совершенствование взаимного торгово-инвестиционного режима, сотрудничество в финансово-банковской сфере и по развитию транспортно-логистической инфраструктуры, диверсификация энергетического сотрудничества, взаимодействие в агропромышленном комплексе, в сфере науки, технологий и инноваций. Разработан перечень отраслевых проектов и мероприятий до конца 2021 г., в 2018 г. запущен механизм российско-индийского стратегического экономического диалога.

Стратегический совместный российско-индийский проект в транспортно-логистической сфере — международный транспортный коридор «Север — Юг», полномасштабный запуск которого позволит, по некоторым оценкам, удвоить взаимный товарооборот. По расчетам автора, прогнозный потенциал грузоперевозок по коридору «Север — Юг» за счет переориентации грузопотоков и расширения взаимной экспортной базы стран — участников проекта превышает 30 млн т в год на горизонте 5–7 лет после начала его полномасштабной эксплуатации, включая значительные объемы дальнемагистрального международного транзита (около 2 млн т в год в направлении Индия, Иран — Европа и обратно).

Более широкое подключение Индии к масштабным евразийским проектам, к которым относится транспортный коридор «Север — Юг», будет способствовать углублению и диверсификации векторов сотрудничества в Евразии, усилит меридианное измерение (наряду с широтным, активно продвигаемым Китаем в рамках инициативы «пояса и пути») экономического сотрудничества, важное для сбалансированного и устойчивого развития всего евразийского пространства.

По мере роста масштабов взаимодействия России с Китаем и Индией, при сохранении сложных отношений с Западом, повышается

роль форматов ШОС, БРИКС и РИК во внешней и внешнеэкономической политике России.

В настоящее время членами ШОС являются 8 стран, включая Россию, Китай и Индию, а также Пакистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Через институты государства-наблюдателя и партнера по диалогу ШОС в орбите деятельности организации находятся в общей сложности 18 стран, в том числе все государства ЕАЭС, еще 3 страны СНГ вне ЕАЭС (Таджикистан, Узбекистан и Азербайджан), 8 азиатских стран (кроме Китая, Индии, Пакистана, также Монголия, Афганистан, Камбоджа, Непал, Шри-Ланка), 2 ближневосточных государства (Иран и Турция). Такой представительный состав ШОС позволяет на ее площадке обсуждать очень широкий спектр вопросов евразийского сотрудничества и при определенных условиях стать опорной конструкцией для ведения переговоров по формированию Большого евразийского партнерства.

Форум БРИКС, включающий Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку, становится все более значимым форматом сотрудничества для мировой политики и экономики. Реализуется Стратегия экономического партнерства БРИКС (в настоящее время находится в стадии обновления и актуализации), усиливается взаимодействие в рамках Партнерства БРИКС по новой промышленной (цифровой) революции (PartNIR), расширяется секторальное взаимодействие (в сферах энергетики и инфраструктуры, промышленности, сельского хозяйства, экологии и устойчивого развития, социально-гуманитарной сфере, в области регулирования торговли, инвестиций, интеллектуальной собственности, таможенного и антимонопольного регулирования, др.).

Последовательно продвигаются форматы расширения партнерства на третьи страны — Outreach Dialogue and БРИКС+, в том числе с Россией, председательствующей в объединении в 2020 г.

По этому поводу профессор Я. Лисоволик отмечает, что «за счет создания сети экономических альянсов на различных континентах, БРИКС (через форматы БРИКС+ и БРИКС++ — авт.) может возглавить мировой интеграционный процесс в экономической

сфере на фоне угасающих импульсов к интеграции в развитом мире... БРИКС могла бы также играть роль “агрегационной платформы” для некоторых соглашений о свободной торговле и других видов договоров». Эксперт уточняет, что первый круг это примерно 30 стран, которые входят в региональные союзы и соглашения, где лидирующую роль играют государства БРИКС. Второй круг — это уже намного большее число стран, вступающих в двусторонние или плюрилатеральные альянсы со странами первого круга. По мнению Я. Лисоволика, «концепция БРИКС+ — это прежде всего новый подход к экономической интеграции и другая технология структурирования альянсов в общемировом масштабе... БРИКС+ — это в некотором смысле технологический шаг вперед по сравнению с принципом территориального и исключительного регионализма». К последнему эксперт относит Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, которые «ограничены определенным регионом, пусть и масштабным по географическому охвату» [6].

В другой работе Я. Лисоволик и И. Узан указывают на важную роль БРИКС+ и ШОС+ в формировании и координации взаимодействия интеграционных платформ «глобального Юга», практической реализации концепта «синдицированного регионализма» [7].

Россия председательствует в 2020 г. не только в БРИКС, но и в ШОС. Оба саммита проходят в последние годы практически одновременно, что символично. Происходит объективное сближение двух форматов, имеющих свою специфику, но стратегически выполняющих схожую функцию в глобальном контексте — продвижение новых институтов и форм сотрудничества в полицентричном мире с участием ведущих незападных стран. В перспективе следует ожидать появления устойчивых совместных форматов работы БРИКС и ШОС по ряду направлений, включая, например, развитие малого и среднего предпринимательства (уже действует Форум малого и среднего бизнеса стран — участников ШОС и БРИКС), межрегиональное сотрудничество и др.

С учетом высокого динамизма и привлекательности для сотрудничества многих экономик АСЕАН, традиционно большой роли которую играют объединение и его страны-участники в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в глобальном масштабе, Россия последовательно повышает уровень взаимодействия с этим объединением. На саммите Россия — АСЕАН в ноябре 2018 г. было официально объявлено о выходе на уровень стратегического партнерства в отношениях между РФ и Ассоциацией [8]. С Вьетнамом и Сингапуром заключены соглашения о свободной торговле, обсуждается возможность либерализации торговли с рядом других государств АСЕАН.

Традиционно важную роль в числе внешнеэкономических приоритетов России играют третья и четвертая азиатские экономики — Япония и Республика Корея. Для российско-японской торговли товарами и услугами лидерами стран установлен целевой ориентир в 30 млрд долл. по обороту в 2025 г., а в отношении Республики Кореи, вероятно, в скором времени ЕАЭС будет принято решение о целесообразности начала переговоров по ЗСТ.

Наряду с азиатским, активизировались африканский и ближневосточный векторы внешней и внешнеэкономической политики России.

Позиции России в Африке в постсоветский период сильно ослабли, тогда как страны Африки, наоборот, значительно продвинулись в экономическом развитии, и многие из них стали крупными импортерами. На фоне очень молодого населения и высокого проникновения цифровых технологий возникают новые возможности для бизнеса, в процессе углубленного изучения недр континента растет и диверсифицируется его ресурсный потенциал.

Первый в истории саммит Россия — Африка состоялся 23–24 октября 2019 г. в Сочи с участием более 40 глав африканских государств. По его итогам заключены соглашения о реализации совместных проектов на сумму около 13 млрд долл. Правительством России и Евразийской экономической комиссией подписаны меморандумы о взаимопонимании с Африканским союзом.

В принятой совместной декларации стороны объявили о создании механизма диалогового партнерства (проведение один раз в три года саммита Россия — Африка и ежегодных политических консультаций министров иностранных дел), взаимной поддержке предпринимателей и инвесторов, намерении содействовать существенному росту объемов и диверсификации структуры взаимного товарооборота. Специальное внимание обращено на создание Африканской континентальной зоны свободной торговли, Россия рассматривает это как значимый фактор повышения привлекательности сотрудничества с Африкой, поскольку, создав плацдарм на территории тех или иных стран континента (например, российскую промышленную зону в Египте), можно использовать режим свободной торговли для преференциального доступа на рынки других африканских государств. Оговорено совместное противодействие «политическому диктату и валютному шантажу при осуществлении международного торгово-экономического сотрудничества... манипулированию требованиями глобального режима нераспространения в целях оказания давления на неудобные страны и недобросовестной конкуренции» [9].

Усиливаются акценты на сотрудничестве с ближневосточными государствами, поскольку это географически близкие и достаточно крупные экономики, со многими из них есть значительный общий интерес в регулировании энергетических рынков, с рядом государств подписаны или обсуждаются преференциальные торговые соглашения (Иран, Израиль). Отдельные крупные ближневосточные государства являются перспективными партнерами России в области ядерной энергетики, как рынки сбыта российского продовольствия (Иран, Турция, Египет, Саудовская Аравия, др.), источники инвестиций в российскую экономику (суверенные фонды стран Персидского залива). С Ираном развиваются отношения в плюрилатеральных форматах Россия — Азербайджан — Иран и Каспийской «пятерки», а также в рамках проекта транспортного коридора «Север — Юг».

КОНЦЕПТ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

При множественности значимых векторов международного сотрудничества России центральным элементом оптимизации внешнего позиционирования страны сегодня выступает концепт Большого евразийского партнерства — фактически продвижение идеи и подходов, обеспечивающих движение по пути макрорегиональной интеграции в Евразии на принципах снятия барьеров для торговли и инвестиций и сближения систем регулирования.

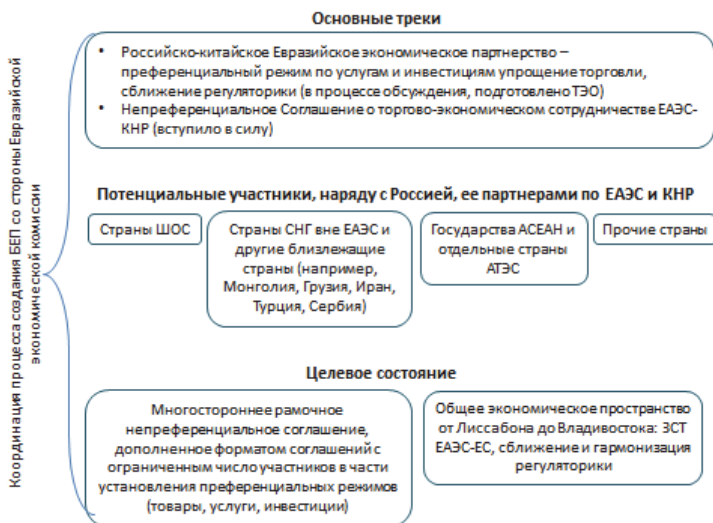
Президент РФ В.В. Путин подчеркивает, что проект Большого евразийского партнерства «это гибкий, современный проект, открытый для присоединения других участников» [10]. Вероятные бенефициары такого партнерства — государства ЕАЭС и КНР, другие страны СНГ и ШОС, отдельные участники АТЭС, АСЕАН, прочие заинтересованные евразийские государства.

Концепт Большого евразийского партнерства предполагает активизацию внешнеэкономической торговой политики России и ее партнеров по ЕАЭС на пространстве Евразии и АТР с выходом на комплекс разноуровневых преференциальных и непреференциальных торгово-экономических соглашений с третьими странами [11] и их объединениями, а также целенаправленную деятельность на площадках региональных организаций и форумов, в форматах межблоковых диалогов и многосторонних инициатив по продвижению экономических интересов России и Союза в целом.

При определенных условиях институциональным стержнем панъевразийского интеграционного проекта может стать проектируемое российско-китайское Соглашение о Евразийском экономическом партнерстве (ЕЭП), допускающее возможность масштабирования за счет присоединения к нему других евразийских стран.

Вероятные стратегические сценарии реализации ЕЭП сводятся к тому, что (1) ЕЭП не сможет выйти за рамки двустороннего российско-китайского проекта (негативный сценарий в плане консолидации экономического пространства Большой Евразии), (2) огра-

ничить форматом РФ плюс партнеры по ЕАЭС — КНР (инерционный сценарий) или же (3) удастся вовлечь в ЕЭП более широкий круг стран из СНГ и дальнего зарубежья (оптимистический сценарий).

Рис. 2. Концепт Большого евразийского партнерства

Источник: составлено автором.

Расширение пока двустороннего российско-китайского ЕЭП в том формате, в котором оно продвигается в настоящее время, возможно, по-видимому, прежде всего за счет стран, находящихся под значительным влиянием Китая и/или России, имеющих с КНР и/или РФ торгово-экономические соглашения, потенциально заинтересованных в регуляторно-секторальном соглашении, без преференциальной составляющей в торговле товарами. В таком варианте новые участники ЕЭП должны будут в целом принимать все регуляторные положения российско-китайского соглашения с отдельными изъятиями и согласовывать свой перечень обязательств в преференциальной части по доступу на рынки услуг и капитала.

Для упорядочения переговорного процесса по увеличению числа участников ЕЭП расширение целесообразно осуществлять поэтапно, в зависимости от готовности отдельных групп государств, их заинтересованности в ЕЭП и привлекательности для учредителей ЕЭП — России и Китая. Поэтапное расширение позволит лучше структурировать переговорный процесс, не только ограничиваться изъятиями и специфическими обязательствами по доступу на рынки, но и вносить содержательные изменения в текст соглашения.

Успешность продвижения ЕЭП, конечно, в сильной степени зависит от перспектив улучшения отношений России с западными странами.

Библиографический список

1. Спартак А.Н. Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. — М.: ВАВТ // Издательство ИКАР. — 2018. — С. 382–383.
2. Пол Конайн (Paul Konijn), Евростат. Паритеты покупательной способности в Европе — размышления об использовании, недавних результатах и будущем ПМС // Статья представлена на Семинаре по межстрановым и внутривстрановым сопоставлениям цен и уровня жизни, сентябрь 2014, Арrezzo, Италия.
3. Официальный сайт Центрального банка РФ. Retrieved from: http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/
4. Спартак А.Н. Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. — М.: ВАВТ // Издательство ИКАР. — 2018. — С. 386–388.
5. Стратегия действий по активизации российско-индийского торгово-экономического сотрудничества. 04.09.2019. Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5437>
6. Лавров: Россия и АСЕАН наметят дополнительные шаги для развития диалога. ТАСС, 31.07.2019. Retrieved from: <https://tass.ru/politika/6718780>
7. Лисоволик Я.Д. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? // Валдайские записки. — 2017. — Июль, № 69. — С. 11.
8. Лисоволик Я.Д., Узан М. Новое глобальное управление: на пути к более устойчивой системе // Валдайские записки. — 2018. — Июнь, № 88. — С. 111–112.
9. Декларация первого саммита Россия — Африка. 24.10.2019. Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5453>
10. Статья Владимира Путина «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию». Retrieved from: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023> (дата обращения: 27 нояб. 2017 г.).
11. Рязанцева О.П. Организационно-правовые формы бизнеса в Российской Федерации и странах Европейского союза: сравнение // Гуманитарное пространство. Международный альманах. — 2012. — Т. 1. — Приложение 6. — С. 5–76.

List of References

1. Spartak A.N. Sovremennyye transformacionnyye processy v mezhdunarodnoj trgovle i interesy Rossii. — M.: VAVT // Izdatel'stvo IKAR. — 2018. — S. 382–383.
2. Pol Konajn (Paul Konijn), Eurostat. Paritety pokupatel'noj sposobnosti v Evrope — razmyshleniya ob ispol'zovanii, nedavnih rezul'tatah i budushchem PMS // Stat'ya predstavlena na Seminare po mezhstranovym i vnutristranovym sopolstavleniyam cen i urovnya zhizni, sentyabr' 2014, Arecco, Italiya.
3. Oficial'nyj sajt Central'nogo banka RF. Retrieved from: http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/
4. Spartak A.N. Sovremennyye transformacionnyye processy v mezhdunarodnoj trgovle i interesy Rossii. — M.: VAVT // Izdatel'stvo IKAR. — 2018. — S. 386–388.
5. Strategiya dejstvij po aktivizacii rossijsko-indijskogo trgovno-ekonomicheskogo sotrudnichestva. 04.09.2019. Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5437>
6. Lavrov: Rossiya i ASEAN nametyat dopolnitel'nye shagi dlya razvitiya dialoga. TASS, 31.07.2019. Retrieved from: <https://tass.ru/politika/6718780>
7. Lisovolik Ya.D. BRIKS-plyus: al'ternativnaya globalizaciya? // Valdajskie zapiski. — 2017. — Iyul', № 69. — S. 11.
8. Lisovolik Ya.D., Uzan M. Novoe global'noe upravlenie: na puti k bolee ustojchivoj sisteme // Valdajskie zapiski. — 2018. — Iyun', № 88. — S. 111–112.
9. Deklaraciya pervogo sammita Rossiya — Afrika. 24.10.2019. Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5453>
10. Stat'ya Vladimira Putina «XXV sammit ATEs v Danange: vmeste k procvetaniyu i garmonichnomu razvitiyu». Retrieved from: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023> (data obrashcheniya: 27 noyab. 2017 g.).
11. Ryazanceva O.P. Organizational legal forms of business in the Russian Federation and the countries of the European Union: comparison // Humanity space. International almanac. — 2012. — Vol. 1. — Suppl. 6. — P. 5–76.

Контактная информация / Contact Information

АО «Всероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт», 119285, г. Москва, ул. Пудовкина, 4 / All-Russian market research Institute, 4, Pudovkina street, Moscow, 119285, The Russian Federation

Андрей Николаевич Спартак / Andrey N. Spartak
+7 (499) 143-02-61, e-mail: Spartak@vniki.msk.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-164-182

КАК ВОЗОБНОВИТЬ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИИ?¹

HOW TO RESUME SOCIAL AND ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA?

АГАНБЕГЯН Абел Гезевич

Заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), академик РАН, д.э.н., профессор

Abel G. AGANBEGYAN

Head of the Department of Economic Theory and Politics, RANEPa under the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

Возникшая в 2013 г. стагнация является рукотворной, порожденной значительным сокращением государственных инвестиций. Усугубляющее значение имели возникшие негативные тренды — отток капитала, сокращение расходов госбюджета, снижение вложений в человеческий капи-

¹ Подготовлено по материалам выступления на Совместном заседании Отделения общественных наук РАН и Вольного экономического общества России на тему «Драйверы роста экономики: человеческий капитал, наука, технологии» (29 января 2020 г., Москва, Дом экономиста).

тал, демографический кризис, прогрессирующее устаревание основных фондов, особенно машин и оборудования. Негативное влияние санкций и падение цен на нефть и газ. Необходимость коренных мер для преодоления стагнации и негативных трендов, тянущих экономику к рецессии, – форсированного роста инвестиций в основной капитал (10% ежегодного роста) и вложений в сферу «экономики знаний» (до 15% роста) на базе кардинальных мер по технологическому перевооружению и подъему высокотехнологичных отраслей за 15–20 лет на уровень передовых стран. Необходимы новые источники финансовых средств, стимулы и структурные реформы. Важное условие – переход к народнохозяйственному пятилетнему (начиная с 2021–2025 гг.) и ежегодному планированию по примеру Китая и других стран.

ABSTRACT

The stagnation that arose in 2013 is man-made, generated by a significant reduction in public investment. The negative trends that arose were exacerbating – outflow of capital, reduction of state budget expenditures, decrease in investments in human capital, demographic crisis, progressive obsolescence of fixed assets, especially machinery and equipment. The negative impact of sanctions and falling oil and gas prices. The need for radical measures to overcome stagnation and negative trends that are pulling the economy into recession – accelerated growth of investments in fixed assets (10% annual growth) and investments in the field of «knowledge economy» (up to 15% growth) based on radical measures for technological re-equipment and recovery high-tech industries for 15–20 years to the level of advanced countries. New sources of finance, incentives and structural reforms are needed. An important condition is the transition to a five-year national economy (starting from 2021–2025) and annual planning, following the example of China and other countries.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Стагнация, рецессия, социально-экономический рост, инвестиции в основной капитал, «экономика знаний», человеческий капитал, негативные тренды, отток капитала, госбюджет, демографический кризис, националь-

ные проекты, технологическое перевооружение, инновационное развитие, инвестиции, институциональные преобразования, структурные реформы.

KEYWORDS

Stagnation, recession, socio-economic growth, investment in fixed assets, «knowledge economy», human capital, negative trends, capital outflows, state budget, demographic crisis, national projects, technological re-equipment, innovative development, investments, institutional reforms, structural reforms.

Почему Россия оказалась в стагнации? Ведь, не поставив диагноз этой народнохозяйственной болезни, нельзя выйти из нее, не ясно, отчего лечить и что надо делать? Ни разу ни правительство, ни проводимые официальные форумы, как, например, в Санкт-Петербурге и в Сочи, не поставили вопрос, как без видимых причин, при преодолении кризиса 2009 г. за 1,5–2 года, с 2013 г. страна оказалась в стагнации (см. рис. 1).

 Социально-экономическое развитие России в период стагнации и рецессии
2013–2019 гг., в % к предыдущему году

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Всего за 2013–2019 гг.
Валовый внутренний продукт	1,3	0,6	–2,8	–0,2	1,5	2,3	1,3	3,9
Промышленность	0,4	1,7	–3,4	1,1	1,0	2,9	2,4	6,1
Строительство	0,1	–2,3	–4,8	–4,3	–1,4	5,3	0,6	–6,9
Транспорт (грузооборот)	0,6	–0,1	0,3	1,8	5,4	2,9	0,6	11,8
Сельское хозяйство	5,8	3,5	2,6	4,8	2,4	–0,6	4,1	24,7
Инвестиции	0,8	–1,5	–10,1	–0,9	4,4	4,3	1,7	2,4
Экспорт	–2,1	–4,8	–31,3	–17,5	24,8	25,8	–6,0	–22,1
Импорт	1,6	–9,8	–37,3	–0,8	25,3	4,7	2,2	–23,3
Розничный товарооборот	3,9	2,7	–10,0	–4,6	1,2	2,6	1,6	–3,4
Платные услуги	2,0	1,0	–1,1	–0,3	0,2	2,5	–0,9	3,1
Ввод жилья	7,2	18,2	1,4	–6,0	–2,1	–4,9	4,9	24,0
Реальные доходы на душу населения	4,8	–0,5	–4,1	–5,5	–1,2	–0,2	0,8	–6,1
Инфляция (рост потребительских цен)	6,5	9,1	15,0	5,8	2,5	3,8	4,5	57

Рис. 1. Социально-экономическое развитие России в период 2013–2019 гг.

Ведь в 2012 г. Россия превзошла показатели докризисного 2008 г. по всем основным параметрам, развиваясь в среднем по 4% в год

(выше среднемировых темпов и в 2–3 раза превосходя темпы роста развитых стран). Ключевая ставка ЦБ была 5,5%, инфляция — 5,1%. На 70% увеличился внешнеэкономический товарооборот, превзойдя показатели 2008 г. на 20%. На 52 млрд долл. увеличился экспорт в связи с рекордно высокой ценой нефти 110–115 долл. за баррель в 2012 г. против 95 долл. в 2008 г. Ничего плохого в стране не было. По 8–10% в среднем в год мы разогнали инвестиции в основной капитал.

Прирост валового внутреннего продукта России по кварталам 2012-2017 гг.

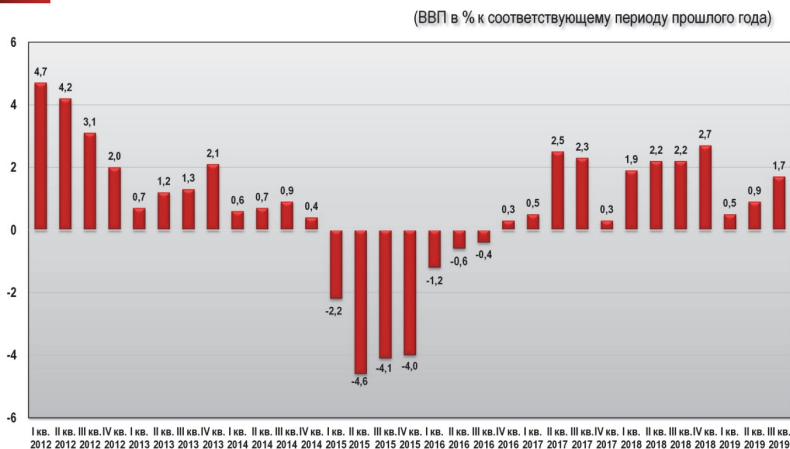

Рис. 2. Прирост ВВП России в период 2012–2017 гг.

И вдруг с I квартала 2013 г. наши темпы стали катастрофически падать с 4,7 до 0,7% в I кв. 2013 г. и 0,6% в I кв. 2014 г. (см. рис. 2). И мы оказались в стагнации. При этом в эти годы — за 2010, 2012 и 2013 — перед стагнацией наши предприятия и организации заняли 270 млрд долл. за рубежом. Ведь тогда мы были допущены на мировой финансовый рынок. В итоге наш общий долг увеличился с 467 млрд долл. на 1 января 2010 г. до 729 млрд долл. на 1 января 2014 г. (см. рис. 3), т.е. наши предприятия были переполнены деньгами.

Рис. 3. Внешний долг России на период 2007–2019 гг.

Неожиданно в 2013 г.: рост промышленности — ноль прироста, инвестиции — тоже 0, экспорт — минус 2%. Финансовый результат предприятий и организаций снизился на 20%. И мы оказываемся в стагнации. Общий рост экономики — всего 1,3%.

А с I кв. 2014 г. произошло дальнейшее ухудшение. ВВП вырос и в I кв., и за весь год всего на 0,6%. Заметьте, что все это — до присоединения Крыма (II кв. 2014 г.), до санкций, до снижения цен на нефть (с III кв. 2014 г.), до девальвации рубля (с IV кв. 2014 г.).

Ну как можно было без видимых причин внезапно прекратить социально-экономический рост? Причина — неправильная экономическая политика, особенно в результате деятельности или бездеятельности Минэкономразвития, Минфина и Центрального банка, а также госкорпораций.

По всем государственным линиям с 2013 по 2015 г. включительно начался обвал государственных инвестиций. За 3 года они снизились на 31%. Бюджет их снизил на 22%. Здесь Сергей Глазьев справедливо говорил, что госбанки на 27% тоже снизили инвестиционный кредит в основной капитал. Государственные корпорации во главе с «Газпромом» на 700 млрд руб. (на 30%) уменьшили суммарные инвестиции крупнейших корпораций в эти годы.

Динамика инвестиций в основной капитал в 2013–2015 гг.

(в постоянных ценах)

(прирост в % к 2012 г.)

ПОКАЗАТЕЛИ	Прирост в %	Примечание
Частные инвестиции	+ 10	Частные инвестиции выросли с 5997 млрд руб. в 2012 г. до 8368 млрд руб. в 2015 г., или на 40% в номинале и 10% в постоянных ценах. Их доля во всех инвестициях выросла с 54 до 58%
Государственные инвестиции (без инвестиционного кредита)	– 31	По данным статистики, государственные инвестиции (без среднего и малого бизнеса) снизились с 2155 млрд руб. в 2012 г. до 1863 млрд руб., в реальном выражении – на 31%
Инвестиции крупных государственных корпораций (Газпром, Роснефть, РЖД, Росатом, Ростехнология)	– 30	Главным драйвером сокращения инвестиций стал Газпром, инвестиции которого составляли 20% от общих инвестиций и снизились до 6%. Снизились объем инвестиций и у РЖД, Росатома и Ростехнологии. Так что увеличение инвестиций Роснефти, не смогло перекрыть убыль их от Газпрома.
Инвестиции в консолидированном бюджете	– 22	Все бюджетные инвестиции сократились в номинале с 1713 млрд руб. в 2012 г. до 1690 млрд руб. в 2015 г. при индексе дефляции по инвестициям за 2013–2015 гг. – 127%
Инвестиционный кредит	– 27	Доля инвестиционного кредита отечественных банков в общих инвестициях сократилась с 7,2% в 2012 г. до 5,9% в 2015 г.
Общие инвестиции в экономике	– 11	В 2014 г. инвестиции снизились на 2,7% и в 2015 г. – на 8,4%.

Рис. 4. Динамика инвестиций в основной капитал в 2013–2015 гг.

Никакого внятного инвестиционного плана, никакой экономической политики, никто не собирал этих людей и не ставил задачу на 25–30% снизить инвестиции. А когда они резко начали сокращать инвестиции уже в 2013 г. — никто ни в 2014-м, ни в 2015-м их не собрал и не потребовал исправить ситуацию.

И только частные инвестиции в рассматриваемый период выросли на 10%. Но доля снижающихся инвестиций, контролируемых государством, составляла их половину, поэтому общие инвестиции упали на 11% (см. рис. 4).

Следовательно, стагнация — это рукотворная стагнация, потому что совпали два обстоятельства: первое — нет ввода основных фондов, потому что инвестиции на 15% упали в кризисном 2009 г., а от них ввод основных фондов должен был быть в 2013-м, но его не было, и поэтому не было произведено дополнительных товаров и услуг с помощью этих фондов. Но можно было бы избежать стагнации и иметь 3,5%-й рост, если бы инвестиции продолжали

увеличиваться, как в 2010–2012 гг., потому что инвестиции стимулируют рост экономики, как мы все понимаем. Но они в 2013 г. тоже остановились, а с 2014 г. стали снижаться.

Одновременно государство начало сокращать вложения в человеческий капитал — второй после инвестиций в основной капитал локомотив экономического роста — и прежде всего его главную составляющую — образование, доля которого в ВВП падает ежегодно с 2008 г. Посмотрите спецсчета Росстата, там все это показано. Понятно, какие результаты могут быть, если вы ведете сознательно или бессознательно такую политику?

Если бы правительство было заменено в 2013 или 2014 г., можно было бы довольно легко из этой стагнации выйти. Но спустя 7 лет стагнации (2013–2019) сделать это неизмеримо сложнее по одной причине: за это время в рамках стагнации развились негативные тренды, которых раньше не было и которые тянут экономику вниз. Тогда не было ни демографического кризиса, ни снижения госбюджета, поддерживались хорошие цены на нефть и газ и т.д.

С 2015 г. стагнация переросла в рецессию — началось падение экономики. Сказались санкции против России, прежде всего в связи с присоединением Крыма. Прибавились убытки и от снижения цен на нефть в 2–3 раза по инициативе Саудовской Аравии и стран ОПЕК, направленной против увеличения добычи сланцевой нефти в США. Это началось с июля 2014 г. и продолжалось до начала 2016 г., приведя к обвалу валютного курса рубля, которого не было с валютами ряда стран, где нефть и газ занимают намного большую долю в ВВП — в России это всего 15% ВВП. 15% не могло бы вызывать 2–2,5-разовое падение курса рубля, если этому противодействовать.

Вы представьте, что значит в два раза сразу опустить валюту? У нас из-за этого инфляция в 2015 г. составила 15,5%, в результате розничная торговля сократилась на 15%, реальная зарплата — на 9,5%, реальные доходы — на 11% и конечное потребление домашних хозяйств — на 13%.

Потом мы вышли из этой рецессии благодаря заморозке и сокращению добычи нефти, в результате которых выросли цены на нефть и экспорт в России в 2017 и 2018 гг. рос по 25% в год.

Мы семь полных лет находимся в стагнации. Среднегодовой темп роста валового продукта — 0,6%, промышленности — меньше 1%, инвестиций и строительства — минус, розничной торговли — минус, реальных доходов — тоже минус. Они сокращались с 2014 по 2017 г., прибавили 0,1% в 2018 г. и 0,8% в 2019 г. Внешняя торговля за 7,5 лет стагнации сократилась более чем на 20%. При такой стагнации и рецессии, когда нет спроса, внешняя торговля сокращается, ЦБ и правительство «умудрились» на 55% за 7 лет увеличить инфляцию, снизить общий уровень жизни и нарастить число бедных с 5 до 20 млн чел.

Стагнация хуже даже глубокого кризиса по одной причине: кризис создает предпосылки для выхода из него. Поэтому мудрые китайцы изображают кризис двумя иероглифами: один — беда, а второй — шанс. После кризиса обычно наблюдается послекризисный подъем. Стагнация не имеет такого встроенного механизма. Наоборот, механизм стагнации таков, что он тянет ее вниз к рецессии. Из стагнации выйти неизмеримо труднее.

Америка была в стагнации 10 лет, с 1970 по 1982 г. Президент США Джеральд Форд очень хотел, конечно, улучшить ситуацию, чтобы быть переизбранным на второй срок. Ничего не получилось, его не переизбрали, он только ухудшил социально-экономическую ситуацию. Его победил Джимми Картер, придя со своей программой, причем эту программу составлял не кто-нибудь, а лучший финансист мира Пол Волкер. Программа была очень жесткая. Огромные, колоссальные деньги. Ничего не получилось, он тоже не был избран на второй срок правления, потому что программа была антикризисная, а стагнация — не кризис, ее не выведешь мерами, с которыми выходят из кризиса, это совсем другой процесс. На смену пришел президент Рональд Рейган.

Надо сказать, что советники Р. Рейгана — выдающиеся профессора-экономисты, которые предложили фантастическую программу, в историю она вошла под названием «рейганомика». Это — крупное снижение налогов, это сокращение амортизации в два раза, это новый закон об ускоренной амортизации и меры, чтобы выкинуть старое оборудование, иначе будет хуже. Это резкое сокращение капитального налога, т.е. такого налога, который люди платят, если они получают дивиденды за ценные бумаги или на доходы от вкладов, если они вложили средства в производство. Вообще, производственный налог намного ниже личного налога, поэтому богатые, когда им снизили налог, не купили новых яхт, самолетов, замков, они все это вложили в производство новой техники, на которую был огромный спрос. В течение 25 лет до 2007 г. в США улучшался в целом уровень экономики и жизни, при отдельных срывах. Главное, что США перешли на инновационный путь развития, прежде всего увеличив вложения в «экономику знаний» — главную составляющую часть человеческого капитала, доведя их до 40% ВВП в сравнении с 30% в Западной Европе, 20–25% — во многих развивающихся странах во главе с Китаем и только 14% — в России. Все это — коренные меры, это полное изменение экономической политики страны.

Мы же хотим выйти из стагнации, продолжая старую политику с небольшими улучшениями, сделав национальные проекты вместо и во многом на базе мало полезных и плохо выполняемых госпрограмм, ранее разработанных и принятых. Не выйдет, потому что у нас есть негативные тренды.

Первый тренд — отток капитала. За период 2008–2020 гг. из страны утекло более 800 млрд долл. В 2019 г. — 27 млрд долл., а в 2018 г. — 63 млрд долл. (см. рис. 5).

Второй негативный тренд — это сокращение инвестиций и ухудшение общей обстановки вложения средств в страну. Прибыль промышленности и других отраслей в последние годы стагнации, даже в условиях рецессии, значительно растет — на десятки процентов

в год. Еще резче растет прибыль банков. Но эта прибыль не вкладывается в инвестиции. Почему? Она откладывается на банковские счета, покупаются ценные бумаги, в основном иностранные, и все больше средств отправляют в офшоры. На счетах предприятий сейчас колоссальные средства (40 трлн руб. только в России), но они не используются для развития нашей экономики. Россия заняла место среди четырех стран, где вложения в офшоры превышают 40% ВВП. У России в офшоре 700 млрд долл.; столько же, сколько у Саудовской Аравии, ОАЭ и Венесуэлы. Ни одна страна мира даже близко не имеет таких цифр в офшоре, как Россия.

Рис. 5. Приток и отток капитала из России в 2006–2019 гг.

Третий негативный тренд — демографический кризис (см. рис. 6). Я хотел обострить еще один вопрос. Все думают, что у нас снижается рождаемость из-за половозрастной структуры, из-за того, что в фертильный возраст вступает меньше женщин. Этот фактор есть, и он очень существенный. Но пока в полной мере он еще себя не проявил. И он в последние три года влияет на снижение рождаемости только наполовину. Другая причина снижения рождаемости — снижение так называемого суммарного коэффициента рождаемости,

показывающего, сколько детей рождает одна фертильная женщина в данном году. Он был равен 1,777 в 2015 г., к 2019 г. снизился до 1,502. Поэтому около 150 000 детей не родилось в 2019 г. из-за резкого сокращения суммарного коэффициента, который до этого рос. Он ведь в 90-е гг. дошел до 1,1, а потом поднялся почти до 1,8. В том числе последний рывок был в связи с введением материнского капитала и пособий при рождении детей. Он сокращается в последнее время потому, что шестой год снижаются реальные доходы, потому что не видно будущего и семьи стали меньше рожать детей, откладывая это до лучших времен.

Показатели естественного движения населения в России

	Тысяч чел.						
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Январь-Октябрь 2019 г.	Прирост (+), Убыль (-) 2017 г. к 2016 г.	Прирост (+), Убыль (-) 2018 г. к 2017 г.	Прирост (+), Убыль (-) Январь-Октябрь 2019 г. к Январю-Октябрю 2018 г.
Родившихся	1888,7	1689,9	1599	1251	- 198,8	- 90	- 102
Умерших	1891,0	1824,3	1818	1510	- 66,7	- 6,3	- 27
Естественный прирост (+), убыль (-)	- 2,3	- 134,4	- 219	- 260	- 90	- 85	
Сальдо миграции (+)	261,9	211,9	125	223	- 6,3	- 93	121
Прирост (+), убыль (-) населения России	259,6	77,5	- 94	- 37			

Рис. 6. Показатели естественного движения населения в России

Четвертый негативный тренд связан с российской налоговой системой. У нас ужасающая налоговая система. Она нуждается в коренном улучшении. Мы ее только ухудшили, подняв НДС. У нас налоговая система — почти целиком фискальная, выгодна для богатых, не освобождает от налогов бедных, как в других странах. Она не выполняет ни стимулирующей, ни распределительной своей функции.

Из-за того, что у нас неправильная система налогов, нефть и газ, занимая 15% в валовом продукте, в налоговых поступлениях дают 40–50%. И из-за этого, когда цены на нефть растут, бюджет растет быстрее ВВП. И у нас, если вы помните, с 2000 по 2008 г. доля бюджета в ВВП возросла с 20% (я говорю о консолидированном бюджете) до 40%. Сейчас цены снижаются, валовый продукт не падает, а бюджет падает. С 2013 г. в реальном выражении бюджет все время сокращается. А что значит «сокращается бюджет»? Это сокращаются расходы на здравоохранение, образование и науку. И это тоже негативный тренд, тянущий экономику вниз, так как доля консолидированного бюджета в ВВП сегодня 1/3. И по проектам бюджета до 2022 г. даже с последними добавками — по физическому объему бюджет продолжает сокращаться.

Для возобновления социально-экономического роста Президент РФ В.В. Путин говорил: «Нам нужны новые источники роста». Давайте рассмотрим возможные новые источники роста.

Где главный денежный мешок страны? Это активы банков. Активы банков в 2,5 раза больше всех государственных денег — они в 2019 г. достигли 96 трлн руб. Если сложить все виды бюджета, все виды внебюджетных государственных фондов, и пенсии туда, и фонд здравоохранения, и социальные пособия, — это все — только 40 трлн руб.

Банковские активы должны стать, как в других странах, главным источником инвестиций, но не по ставке 10% годовых. Если вы хотите, чтобы они использовались как инвестиции, их нужно давать под 5% тем, кто технологически перевооружает действующие производства при сроке окупаемости в среднем 5–7 лет. Хотя бы под 4% тем, кто строит новые мощности, там окупаемость 10–12 лет. И под 3% тем, кто делает современную транспортную инфраструктуру, где окупаемость — 20–25 лет, например скоростной железной дороги или платной автострады.

Источником новых средств может быть и часть золотовалютных резервов. Нам совершенно не нужны сейчас 555 млрд долл.,

250 млрд вполне можно передать для ежегодного использования по 30 млрд на окупаемые проекты. Не «проесть» их, а «вращать». При этом предлагается оставить 300 млрд долл. для финансовой безопасности — это больше, чем резервы Германии, Великобритании, Франции, Италии или Испании. Ну зачем сидеть на сундуке с золотом и не использовать. В стране золота более 100 млрд и, по данным ЦБ, 20–25 млрд долл. каждый год обесцениваются. Не используются. Те, которые используются, идут на покупку американских ценных бумаг в основном.

Огромные возможности у предприятий. Ну освободите ту часть прибыли, из которой вы черпаете инвестиции, от налога. Сразу предприятия будут заинтересованы в том, чтобы показать реальную прибыль и поднять размеры инвестиций. Сократите амортизационные сроки инвестиций. Это увеличит амортизационный фонд, и появится возможным получить триллион рублей дополнительных инвестиций.

Придумайте облигационный заем на строительство жилья и производства легковых автомобилей с тех, кто хочет выгодно их купить. Когда они накопят достаточную сумму этих облигаций, им можно будет предоставлять более выгодный кредит и продавать жилье или автомобиль по льготной цене. Ведь они давали деньги на развитие этих отраслей на 2–3 года раньше.

Если всех этих источников окажется недостаточно (см. рис. 7), наша страна может перейти временно на дефицитный бюджет до 3% ВВП, а это — 3,5 трлн руб. Учитывая низкий внешний и внутренний долг нашего государства — около 15% ВВП против 150–250%-го долга в странах Западной Европы, США, Японии и Китая, Россия может занять крупные средства у других стран.

Поэтому, чтобы преодолеть стагнацию, недостаточно обычных мер. Безусловно, развитие национальных проектов очень важное дело, которое дает свой положительный эффект. Выделение огромных средств на демографию, экологию, на борьбу с раком — 969 млрд руб., транспортные проекты, улучшение автомобильных

дорог и многое другое. Но данные национальные проекты не затрагивают прямо основных источников экономического роста, кроме проекта по цифровой экономике.

Показатели	Объем заимствования в виде инвестиционного кредита в год		Примечание
	В основной капитал	В «экономику знаний»	
Активы Банков в 2018-2020 гг. в 2020-2025 гг.	1,5 – 2,0 трлн руб. 2,5 – 3,0 трлн руб.	1,5 – 2,6 трлн руб. 3,0 – 3,5 трлн руб.	В 2018 г. активы Банков превысили ВВП и составили 91 трлн руб.
Международные золотовалютные резервы – взаимнообразно при окупаемости 5-10 лет	15 – 20 млрд долл. в год	из них до 5 млрд долл.	Объём этих резервов около 480 млрд долл., из которых будет заимствовано 180 млрд долл. и средства начнут возвращаться.
Доходы от приватизации		до 1 трлн руб.	
Облигационные займы населения для строительства жилья и приобретения автомобиля	1,5 – 2 трлн руб.		Население сберегает до 40 трлн. руб. в России и до 700 млрд долл. – за рубежом.
Прибыль и амортизационный фонд предприятий	1,5 – 2,0 трлн руб.	в т.ч. 0,5 трлн руб.	При освобождении от налогов части прибыли, направленной на инвестиции, и перехода на ускоренную амортизацию.
Займы государства за рубежом	по 20 – 30 млрд долл.	в т.ч. 3 – 5 млрд долл.	Внешний долг государства РФ – 3% ВВП, а с внутренним – менее 16%. Его можно довести до 30-40%.

Рис. 7. Источник инвестиций в основной капитал и вложений в «экономику знаний»

Россия в первую очередь должна развиваться путем технологического или научно-технологического прорыва, необходима научно-технологическая революция. Нет ни одного национально-го проекта ни по технологическому перевооружению каких-либо отраслей, ни по развитию высокотехнологических производств: приборостроения, электроники, авиации, кораблестроения, фармацевтики, космического, атомного машиностроения, современной синтетической химии и др. Нет национального проекта по развитию машиностроения. Россия закупает 70% нужных для техперевооружения машин и оборудования.

Поэтому что сейчас надо делать? Нужно разработать несколько дополнительных национальных проектов, нацеленных на технологический прорыв. Предлагается подготовить крупный националь-

ный проект на технологическое перевооружение и обновление базовых отраслей по действующим предприятиям с подпроектами по отраслям. Задача — за 15 лет осуществить технологическое обновление, чтобы выйти на уровень с развитыми странами.

Второй необходимый проект — по вводу новых мощностей в высокотехнологических производствах, утроив за 15 лет их долю в ВВП до уровня развитых стран.

Доля инвестиций в основной капитал и «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте и темпы роста экономики

Страны	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	Доля «экономики знаний» в ВВП, %	Среднегодовой прирост экономики, %
Развитые страны	около 20	30 – 40	1,5 – 2,0
Развивающиеся страны	30 – 35	15 – 20	4 – 6
Китай	45 – 50	20	7
Россия	17 ¹⁾ 20 ²⁾	14	1
При ежегодном приросте инвестиций по 8-10%:			
Россия 2025 г.	25 – 28	22	4 – 5
Россия 2030 г.	30 – 33	30	5 – 6

¹⁾ Инвестиции в основной капитал по статистике
²⁾ Накопление основного капитала в системе национальных счетов

Рис. 8. Доля инвестиций в основной капитал, доля «экономики знаний» в ВВП и темпы роста экономики

Это окупаемые проекты, а средства на них должны быть взяты из инвестиционных банковских кредитов, из золотовалютных резервов и, конечно, из собственных средств предприятий и организаций, для чего их необходимо стимулировать, в том числе предоставлять налоговую паузу на время технологического перевооружения.

Первичных драйверов экономического роста два — это инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал

(в «экономику знаний»). «Экономика знаний» — это главная составная часть человеческого капитала, это — НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение.

Есть прямая зависимость темпов роста от соотношений, от доли инвестиций в основной капитал в валовом продукте и доли вложений в человеческий капитал в валовом продукте (см. рис. 8).

Если в России эти доли 17 и 14%, то никакого экономического роста нет и мы закономерно находимся в стагнации. При таких параметрах нельзя развиваться, если у вас такие маленькие инвестиции. В развитых странах инвестиции в среднем 21%, но вложения в человеческий капитал — 35%. Не 14%, как в России, а 30% — в Европе и 40% — в США. Развитые страны при 21 и 35% имеют средние темпы 1,5–3% в год при более качественном росте за счет менее капиталоемких и трудоемких отраслей и сфер (см. рис. 9).

 Сравнение показателей сферы «экономики знаний» в России и развитых странах

	Россия	Китай	Страны Западной Европы	США
Доля отдельных отраслей и сфер «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте (в %):				
НИОКР	1,2	2,1	2,5	2,74
Образование	4	4	8	5,7
Здравоохранение и биотехнологии	5	6	10	19
Информационно-коммуникационные технологии	4	10	10	11
Удельный вес «экономики знаний» в целом в валовом внутреннем продукте (в %)	14	22	30	40

Рис. 9. Сравнение показателей сферы «экономики знаний» в России и развитых странах

А если мы хотим иметь высокие темпы роста, то нам необходимо инвестиций в основной капитал иметь гораздо больше. Развивающиеся страны в среднем имеют инвестиции в основной капитал

30–35% ВВП, и они развиваются по 4–5% в год. А Китай имел темп роста экономики — 6,1% в 2019 г., до этого развивался по 6,5–7% в год. Но он вкладывает 40–45% ВВП в инвестиции в основной капитал и 22% — доля вложений в ВВП в «экономику знаний».

Если мы хотим развиваться, есть только один путь развития — перейти к форсированному росту инвестиций и к форсированному росту вложений в человеческий капитал и за счет этого поднять их долю в ВВП. Что значит форсированный рост? Это ежегодный 10%-й прирост инвестиций в основной капитал и более 10% — в человеческий капитал. И тогда Россия к 2022–2023 гг. повысит до 22% инвестиции в основной капитал и до 20% инвестиции в человеческий капитал в ВВП, следовательно, сможет обеспечить 3%-й устойчивый рост экономики в год.

А если продолжить этот тренд до 2025 г. и увеличить доли инвестиций в основной капитал и инвестиций в человеческий капитал в ВВП до 25% или даже больше, тогда мы можем перейти к 4%-му ежегодному росту ВВП. А если продлить этот тренд до 2030 г., то мы будем иметь долю инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал по 30–35% и ежегодно прирастать в экономике и социальной сфере по 5–6%, что обеспечит нам достижение к 2035 г. уровня технологического, экономического и социального развития, как у развитых стран.

В заключение приведу 7 шагов по возобновлению значимого социально-экономического роста:

1. Переход к форсированному росту инвестиций в основной капитал (по 10% в год) и вложений в сферу «экономики знаний» — главную составляющую человеческого капитала (по 13% в год). Повысить долю инвестиций в ВВП с 17 до 25% и долю вложений в «экономику знаний» в ВВП с 14 до 22% в 2024–2025 гг. К 2030 г. поднять эти доли до 30–35%.

2. Мобилизация дополнительных 20 трлн руб. инвестиций и 15 трлн руб. вложений в период до 2025 г., главным образом за счет внутренних ресурсов. Дополнить число национальных программ

проектом технологического перевооружения действующего производства с подпрограммами по отраслям и проектом введения новых мощностей в высокотехнологических отраслях с подпроектами по производствам в 2020–2024 гг. Поставить задачу технологически реконструировать народное хозяйство за 15 лет до уровня развитых стран. Увеличить объем высокотехнологичных отраслей до 2025 г. в 1,6 раза и до 2030 г. — в 3 раза.

3. Определение основных направлений использования этих инвестиций и вложений, прежде всего для технологического обновления нашей экономики.

4. Повернуть банковскую систему лицом к выполнению задач социально-экономического развития. Использование инвестиций и вложений в подавляющей части на возмездной основе путем инвестиционного кредитования под 3–5%-ю ставку, для чего необходимо снизить ключевую ставку ЦБ за три года до 4%, а до этого выдавать дешевые кредиты за счет бюджетной поддержки. Ввести госгарантии за инвестиционные кредиты для выполнения национальных программ.

5. Перейти к стимулированию инвестирования и экономического роста путем предоставления безналогового инвестирования за счет средств предприятий и налоговых пауз при технологическом обновлении и вводе новых мощностей для высокотехнологичных отраслей, таможенных льгот, административной поддержки.

6. Начать проведение крупных структурных реформ, в первую очередь для формирования рыночного и планового механизмов роста, проведя реформы собственности, налоговой системы, формирования конкурентной среды, финансов и банков, территориального управления, отраслей социальной сферы.

7. Прирост средств от возобновления экономического роста направлять преимущественно на рост заработной платы и доходов граждан, обеспечив подъем покупательского спроса преимущественным увеличением доходов малообеспеченных и средне-

обеспеченных семей и значительным сокращением социального неравенства.

На рис. 10 показано возможное повышение рейтингов России среди 150 ведущих государств мира по социально-экономическим показателям в 2025 и 2030 гг. в сравнении с 2018 г.

 Международный рейтинг России среди 150 ведущих государств мира по социально-экономическим показателям (место среди стран)

ПОКАЗАТЕЛИ	2018 г.	2025 г.	2030 г.	
ВВП – объем:	по ППС	6	5	4
	по рыночному валютному курсу	14	10	4
ВВП на душу населения (уровень экономического развития):	по ППС	45	35	15
	по рыночному валютному курсу	80	45	20
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	120	30	10	
Доля «экономики знаний» в ВВП	110	40	15	
Индекс социального развития	70	45	25	
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	90	50	25	
Реальные доходы на душу населения:	по ППС	55	40	20
	по рыночному валютному курсу	90	50	25
Обеспечение комфортным жильём	80	50	25	
Образование	30	20	10	
Здравоохранение	120	60	25	
Уровень жизни пенсионеров	80	50	25	

Рис. 10. Международный рейтинг России по социально-экономическим показателям

Контактная информация / Contact Information

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82 / The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82, prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, The Russian Federation

Аганбегян Абел Гезевич / Abel G. Aganbegyan

+7 (495) 433-25-91, e-mail: aganbegyan@ranepa.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-183-205

БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ — ЦЕЛЬ, АКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ — ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА¹

WELFARE POPULATION — GOAL, ACTIVITY REGIONAL COMMUNITIES — DRIVER ECONOMIC GROWTH

ЛАПИН Николай Иванович

Главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, член-корреспондент РАН, д.ф.н., профессор

Nikolay I. LAPIN

Chef Researcher, Head of the Center for the Study of Sociocultural Changes, Institute of Philosophy of the RAS, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, professor

АННОТАЦИЯ

В коллективном труде «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства России. Реалии и проекты» (2019) мы пришли к выводу, что в России, как и в других странах, утверждению

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18-011-00386А).

социального государства должен предшествовать этап становления государства благосостояния, обеспечивающего благополучие всего населения, развитие общества без нищих. В настоящее время российское государство далеко от такого состояния. Его можно охарактеризовать как формально правовое, социально слабое государство низко-среднего уровня благосостояния, защищающая функция которого находится в кризисе. Утверждение государства благосостояния — это основная цель экономического роста, первоочередная задача, которую в России следует решить в краткосрочной или среднесрочной перспективе. Вместе с тем среди драйверов экономического роста нельзя не учитывать активность региональных сообществ, от которой зависит капитализация человеческого потенциала. Повышение этой активности сдерживается комплексом факторов — как региональных, так и федеральных, по-своему проявляющихся в каждом регионе (субъекте РФ). Необходимы комплексные, междисциплинарные исследования повышения активности всех регионов РФ как социокультурных сообществ, на всех их уровнях, начиная с муниципального. Результаты этих исследований могут быть отражены в многотомном цикле книг с рабочим названием «Регионы новой России».

ABSTRACT

In the collective work «Becoming a welfare state and the prospects of the social state of Russia. Realities and Projects» (2019) we have come to the conclusion that in Russia, as in other countries, the adoption of a social state should be preceded by the stage of the formation of a welfare state that ensures the well-being of the entire population, the development of society without Beggars. Currently, the Russian state is far from this state. It can be described as a formally legal, socially weak state of low-middle-level prosperity, the protective function of which is in crisis. Approval of the welfare state is the main goal of economic growth, a priority task that Russia should solve in the short or medium term. It should be fixed in the theme of the upcoming Moscow Economic Forum. At the same time, among the drivers of economic growth, it is impossible not to take into account the activity of regional communities, on which the capitalization of human potential depends. The increase in this activity is constrained by a set of factors: both

regional and federal, in its own way manifested in each region (subject of the Russian Federation). Comprehensive, inter-regional studies are needed to increase the activity of all regions of the Russian Federation as sociocultural communities, at all their levels, starting with the municipal. The results of these studies can be reflected in the multivolume cycle of books with workers «Regions of the New Russia».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государство благосостояния, границы справедливости неравенства доходов, доходный вес страты населения, защищающая функция государства, региональное сообщество, региональная инновационная система, состояние модернизованности региона, центильный коэффициент неравенства доходных весов.

KEYWORDS

Welfare state, income inequality equity, income weight of population strata, protecting the function of the state, regional community, regional innovation system, state of modernized region, a centile ratio of income inequality.

Тема «Драйверы роста экономики: человеческий капитал, наука, технологии» состоявшегося совместного заседания Отделения общественных наук РАН и ВЭО России соответствует потребностям развития общественных наук на новом этапе эволюции российского общества и его государства, наук об их состоянии и эволюции. Вместе с тем я хочу высказать и обосновать два взаимосвязанных предложения о расширении и конкретизации темы предстоящего Московского международного экономического форума.

Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН, который я представляю, с 90-х гг. XX в. ведет междисциплинарные исследования проблем социокультурной эволюции России и ее регионов. Они включают комплекс социально-философских, социологических, социэкономических, социально-политических, социально-психологических проблем. Результаты опу-

бликованы в десятках статей и ряде коллективных трудов. Только что издана книга «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты».

Обратившись к изучению проблем формирования социального государства, мы пришли к выводу, что в России, как и в других странах, ему должен предшествовать этап становления государства благосостояния (Welfare State). Это не только правовое, но и социально сильное государство, которое эффективно защищает слабые слои населения и обеспечивает благополучие населения, как минимум развитие *общества без нищих*. В настоящее время российское государство далеко от такого состояния. Его можно охарактеризовать как формально правовое, социально слабое государство низко-среднего уровня благосостояния, защищающая функция которого находится в кризисе. Утверждение государства благосостояния — это первоочередная задача, которую в России следует решить в краткосрочной или среднесрочной перспективе. После этого станет возможным решать более сложные задачи становления гуманистически активного социального государства.

О кризисе защищающей функции государства свидетельствует продолжающийся рост доходного неравенства и социальных дистанций между различными социокультурными стратами российского общества². В 2019 г. в сотрудничестве с экономистами Вологодского научного центра РАН (научный руководитель ВолНЦ РАН — член-корреспондент РАН В.А. Ильин) мы провели детальное исследование неравенства доходов населения России и ее регионов. Учитывая подходы французского экономиста Томаса Пикетти, мы уделили самое серьезное внимание различиям не только между уровнями доходов как источников средств существования людей, но и различиям в доле населения, располагающего соответствующими доходами. Нельзя не признать комплекс-

---

² Беляева Л.А. Рост доходного неравенства и социальных дистанций как следствие ослабления социально-защитной функции государства // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и перспективы. Колл. труд, редк.: Н.И. Лапин (общ. ред.), Ю.Д. Гранин, Н.А. Касавина. СПб.: «Реноме», 2019. С. 118–153.

ного (социального, экономического и политического) значения того, что «доля доходов (или имущества), которыми располагает верхний дециль или верхний центиль, является показателем, позволяющим адекватно оценить неравенство в обществе, поскольку он учитывает не только наличие очень больших доходов (или имущества), но и количество людей, которые имеют отношение к этим крайне высоким показателям»³.

В качестве исторического примера значения доли доходов верхнего центиля и осознания этого значения обществом Пикетти называет революцию во Франции, где к 1789 г. аристократия составляла 1–2% населения, а революционному взрыву предшествовал появившийся в январе того же года знаменитый памфлет аббата Сийеса «Что такое третье сословие?», в котором Аббат предложил такой вопрос и ответ на него:

«Что такое третье сословие? Все. Чем оно было до сих пор при существующем порядке? Ничем. Чего оно требует? Стать чем-нибудь».

Французский экономист обратил также внимание на то, что актуальным аналогом подобного ответа стал неожиданный лозунг «We are 99%» («Мы — 99%»), который в США в начале 2010-х гг. оказался инструментом масштабной социальной и политической мобилизации, вылившейся в движение «Occupy Wall Street» («Захвати Уолл-стрит»), прямо направленное «против группы 1% самых богатых», существенно влияющей «на формирование социального пейзажа и политического и экономического устройства в целом»⁴.

Выходит, существенное влияние этого, высшего по доходности, центиля населения коррелирует с его долей доходов в совокупных доходах всего населения страны. Эту долю можно охарактеризовать как доходный вес центильной страты в доходах (не имуществе!) населения, соответственно — в налоговой части бюджета государства и его региональных структур (субъектов в РФ) и, возможно, менее четко — в иных аспектах деятельности государства. Понятно, что

³ Пикетти Т. Капитал в XXI веке: пер. с фр. М., 2016. С. 252.

⁴ Там же. С. 252–253.

для комплексной оценки «социального пейзажа и политического и экономического устройства страны» необходимо *измерять* доходный вес не только самого богатого центилья, но и других общественно значимых страт населения.

Чтобы решить эту задачу, мы стали разрабатывать методологию комплексной оценки доходных весов страт населения современной России, иную, чем общепринятая социальная стратификация. Начали с уточнения универсального состава общественно значимых макрострат. Учитывая успешный опыт многонациональных подсчетов Т. Пикетти, я и вологодские коллеги приняли в качестве универсальных три макростраты, которые дифференцируют 100% населения (в масштабе страны и в рамках каждого региона-субъекта РФ) в пропорции 50:40:10⁵. Реально это: 50% населения, доходы которого ниже другой, более доходной его половины (преимущественно малообеспеченные, бедные и нищие, М-страта); промежуточные 40% населения, доходы которого выше малообеспеченных, но не самые высокие (в целом *обеспеченные*, преимущественно средний класс, О-страта); 10% населения, имеющего самые высокие доходы (*богатые* и *сверхбогатые*, Б-страта).

Чтобы сопоставлять столь разные по численности страты, необходимо было выбрать универсальную единицу измерения. Наиболее очевидной такой единицей является центиль, или 1% населения. Т. Пикетти использовал центиль прежде всего как высшую доходную страту, которая универсальна для межстрановых сопо-

⁵ Пикетти Т. Капитал в XXI веке: пер. с фр. М., 2016. С. 248–251. Несмотря на неполное соответствие российским реалиям этой пропорции, характеризующей более развитые страны, ее можно принять, поскольку российские реалии эволюционируют к той же пропорции. В пользу выбранной пропорции говорит и следующее пояснение Пикетти: чтобы продвинуться в понимании логики эволюции неравенств доходов, сообщает он, «будет полезно разложить верхний дециль в иерархии доходов на три группы: 1% самых богатых, следующие 4% и следующие 5%». Приведенные им данные о повышении доли верхнего дециля в США в 1910–2010-х гг. позволяют «констатировать, что повышение было обеспечено в основном группой «1%», чья доля в национальном доходе увеличилась с 9% в 70-е гг. до примерно 20% в 2000–2010-е гг., т.е. рост составил 11%. В то же время доля группы «4» выросла на 1 пункт, а доля группы «5» — на 3 пункта. Это означает, что с 1970–1980-х гг. рост доходов этих социальных групп заметно превысил средние темпы роста американской экономики, — этим фактом не стоит пренебрегать» (там же, с. 294).

ставлений по этому критерию. В отличие от французского ученого, для меня и моих коллег центиль важен прежде всего как универсальная единица, измерение которой позволяет получать и сопоставлять центильные коэффициенты (ЦК) неравенств доходных весов трех весьма разных по численности макрострат населения. (При этом мы сознавали ту сложность, что центиль не представлен в статистическом учете и требует специальных подсчетов.)

Содержательно основной стала задача: определить *состав* центильных коэффициентов, достаточных для научной и общественно значимой интерпретации неравенств доходных весов между макростратами, а в необходимых случаях — и внутри них (в том числе используя децили). В итоге мы получили семейство центильных коэффициентов неравенств доходных весов макрострат населения. С учетом их реальных значений мы дифференцировали их на основные (наиболее значимые) и дополняющие. Вот их перечень:

Коэффициенты основных неравенств: Кэ — экстремальные (от англ. extreme, крайность) неравенства 10% самых богатых по отношению к 10% самых бедных (Кэ совпадает с известным коэффициентом фондов); Кэо — неравенство между экстремальными децилями внутри О-страты (обеспеченные 40% населения); Кбм — неравенство 10% самых богатых по отношению к средней М-страте (малообеспеченные 50% населения). *Коэффициенты дополняющих неравенств:* Кбд — неравенство 10% самых богатых по отношению к средней подавляющего большинства населения (90%); Кэм — неравенство между экстремальными децилями населения внутри М-страты (малообеспеченные 50% населения); Ком — неравенство между средними значениями О-страты и М-страты (между обеспеченными 40% и малообеспеченными 50% населения); Кбо — неравенство 10% самых богатых по отношению к средней О-страте (обеспеченные 40% населения).

Вся эта методологическая работа завершилась построением математических формул и компьютерным вычислением коэффициентов на основе данных Федеральной службы государственной

статистики, которые были введены в информационную систему ВолНЦ РАН. Расчеты были проведены к.э.н., научным сотрудником ВолНЦ РАН Россошанским А.И.

Сводные результаты расчетов средних значений (в разгах) центильных коэффициентов неравенств доходных весов макрострат населения регионов представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Динамика значений семейства центильных коэффициентов
неравенств доходных весов макрострат населения
регионов России (2000–2017)**

Коэффициенты	Среднегодовые значения				
	2000–2003	2004–2007	2008–2011	2012–2017	Изменения 2012–2017 гг. к 2000–2003 гг.
Кэ	14,08	15,75	16,50	15,87	+1,79
Кэо	7,43	8,26	8,54	8,32	+0,89
Кбм	6,23	6,86	7,08	6,91	+0,68
Кбд	3,68	3,93	4,01	3,94	+0,26
Кэм	3,16	3,35	3,41	3,36	+0,20
Ком	2,56	2,68	2,72	2,69	+0,13
Кбо	2,44	2,56	2,60	2,57	+0,13

Коэффициенты	Годовые значения						Изменения 2017 г. к 2012 г.
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Кэ	16,4	16,2	16,0	15,7	15,6	15,3	-1,10
Кэо	8,61	8,49	8,35	8,21	8,19	8,05	-0,56
Кбм	7,14	7,04	6,93	6,83	6,81	6,70	-0,44
Кбд	4,03	3,99	3,95	3,91	3,91	3,86	-0,17
Кэм	3,43	3,40	3,37	3,34	3,33	3,30	-0,13
Ком	2,74	2,72	2,70	2,68	2,67	2,65	-0,09
Кбо	2,61	2,59	2,57	2,55	2,55	2,53	-0,08

Источник: Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. СПб.: «Реноме», 2019. С. 169, табл. 4.2 (ее структура модифицирована автором).

Очевидно, что в целом повысились средние значения *всех* коэффициентов неравенств доходных весов макрострат населения. Максимум их повышения пришелся на 2012 г., затем они начали постепенно снижаться, даже быстрее, чем прежний рост, но все же ни одно значение коэффициентов не вернулось к уровню начала столетия. Сохранилась общая структура неравенств: значения трех основных неравенств остаются в два и более раза выше дополняющих. Наиболее значительным был и остается рост экстремального превышения доходных весов самых богатых слоев населения над самыми бедными: это превышение увеличилось в 2000–2017 гг. с 13,9 до 15,3 раза.

Согласно оценкам международных экспертов, опасность такого неравенства в развитых демократических странах начинается с превышения в 8–10 раз⁶. Таким оценкам в целом соответствуют результаты экспериментального опроса о границах справедливости неравенства доходов населения России. Опрос был проведен летом 2019 г. независимым Институтом сравнительных социальных исследований в рамках исследования, которое поддержано РФФИ и осуществляется под руководством автора настоящей статьи. Экспериментальный характер опроса позволяет рассматривать его результаты лишь как предварительные.

Тем не менее впервые получены дифференцированные оценки (в разгах) границ несправедливости неравенства доходов между тремя охарактеризованными выше универсальными стратами населения⁷. При оценке доходов промежуточной, *средней* страты (О-страта) в сравнении с двумя другими стратами границей несправедливости в сознании большинства российских респондентов

⁶ Human Development Report 2015 / New York (NY), 2015. P. 288.

⁷ Учитывая сложность вопросов, выборка была ограничена респондентами с образованием не ниже законченного среднего. *Число раз* неравенства называли сами респонденты. Им были заданы такие вопросы: «Как Вы считаете, во сколько максимально раз превышение доходов в целом обеспеченных людей над доходами малообеспеченных: а) в значительной мере несправедливо; б) совершенно несправедливо» (так же и превышения по другим стратам). Предусмотрен один из двух вариантов ответа, выбираемый респондентом: (1) «Более чем в ... раз»; или (2) «От __ до __ раз» (учитывалась цифра «от»). Большинство респондентов выбрали первый вариант ответа.

тов выступает отмечаемый международными экспертами разрыв от 10 и более раз. Так, при сравнении с малообеспеченными 58% респондентов считают такой разрыв «в значительной мере несправедливым» и 51% — «совершенно несправедливым». При сравнении с самыми обеспеченными такой же разрыв оценили соответственно 47 и 41%. Напротив, такой же разрыв между *крайними* стратами (Б-стратой и М-стратой) «в значительной мере несправедливым» считают лишь 35%, а «совершенно несправедливым» — 30% респондентов. Более широкие диапазоны границ несправедливости (от 11 до 50 раз) в первых случаях поддержали от 8 до 16%, а в последнем — 19% респондентов. Разрывы свыше 50 раз во всех случаях поддержали от 10 до 25% респондентов. Это опровергает популярные представления об эгалитаризме россиян.

Значимым результатом стало также эмпирическое доказательство того, что для 41% респондентов (а среди женщин — 55%) большие различия в уровне доходов оказывают «сильное» (так считают 15% этой группы респондентов) и «очень сильное» (26%) влияние на их *удовлетворенность жизнью в целом*. Это влияние повышается с возрастом (до 65%), имеет максимумы среди жителей со средним специальным образованием (43%) и живущих в сельской местности (57%), а также среди руководителей малых предприятий (58%), неквалифицированных рабочих (59%), разведенных и вдовых (66%), малообеспеченных и бедных (67%). Большие различия в размере пенсий «сильно» (12%) и «очень сильно» (41%) влияют на удовлетворенность жизнью 53% респондентов, а среди женщин — 57%. Следовательно, влияние этих различий даже более значимо, чем различий в трудовых доходах. Многие факторы их влияния аналогичны названным выше.

При ответах на вопросы о том, насколько те или иные меры могут повлиять на уменьшение несправедливых неравенств в доходах, наибольшую поддержку получили: повышение процента налога по мере роста доходов; узаконение права каждого гражданина на участие в доходах от использования национальной соб-

ственности (земли, ее недр, других природных ресурсов) может «очень сильно» повлиять более чем на половину респондентов (52,5%), и более чем на треть (36,2%) «очень сильно» повлияет введение системы пенсионного обеспечения с небольшими различиями между разными группами населения.

Выявлены любопытные детали, заслуживающие дополнительного изучения. Так, на общий вопрос о соотношении законности и справедливости доходов более 80% респондентов согласны, что доход справедлив, если он получен в соответствии с законом, при этом около 60% поддержали более определенный вариант: если доход не только получен по закону, но и обеспечивает «нормальную жизнь» человека. В то же время лишь менее 14% согласны с тем, что доход несправедлив, если он получен с нарушением закона. Вряд ли это означает, что респонденты отдают предпочтение нарушителям закона; возможно, они лишь реалистично учитывают распространенность нарушений законов российским бизнесом, которая не позволяет судить о несправедливости доходов, получаемых с такими нарушениями.

Неожиданным оказалось распределение ответов о границах несправедливости неравенств доходов среди респондентов, относящих себя к разным доходным стратам: среди малообеспеченных и бедных лишь около 50% считают несправедливыми неравенства до 10 раз, а среди обеспеченных и наиболее обеспеченных эта доля в среднем больше 60%. Правда, когда респонденты сами называют диапазон неравенств в 100 и более раз, то негативная оценка таких неравенств малоимущими вдвое превосходит оценки остальных. О чем свидетельствуют такие распределения: о самоунижении бедных, или о совестливости богатых, или о скептической иронии тех и других?

Результаты заслуживают внимания при подготовке решений федеральными органами управления. Отношение респондентов к действиям этих органов по уменьшению несправедливого неравенства доходов соответствует тревожным результатам других

опросов: лишь 5,1% респондентов считают, что власти делают очень много, все возможное; 13,6% — что власти стараются уменьшить неравенство, но мешают обстоятельства; 35,5% — что делают недостаточно; 44,8% — ничего не делают.

Налицо кризис защищающей функции российского государства. Это делает желательным и необходимым конкретизировать формулу II Международного экономического форума: не вообще «рост экономики», а более целеустремленно: «рост экономики ради благополучия населения», помогая становлению государства благосостояния. Это первое мое предложение.

Второе предложение связано с тем, что представленное в тематике форума положение о человеческом капитале как драйвере роста экономики необходимо, но недостаточно. Наш Центр инициировал и более 15 лет координирует межрегиональную программу «Проблемы социокультурной эволюции регионов России». В ней участвуют около 200 экономистов и социологов ведущих университетов и НИИ около 25 регионов России. Результаты опубликованы во множестве статей, сборников, методологических и обобщающих трудов⁸.

Значительное внимание в них уделяется дисбалансу человеческого потенциала и капитала (человеческого и социального). С одной стороны, с начала нового столетия наблюдается восстановление человеческого потенциала после резкого его снижения в 90-е гг. XX в. К 2005 г. Россия вернулась в группу стран с высоким уровнем человеческого потенциала (индекс ИРЧП достиг 0,802), правда, оказалась лишь в конце этой группы, на 67-м месте. При этом наблюдалась значительная дифференциация между ее регионами, достигавшая 214 пунктов (между 0,633 и 0,900). Наибольшие различия обнаружили при сопоставлении регионов по *индексу сбалансированности* параметров ИРЧП: в обследованных регионах были выявлены контрасты доходов и образования, доходов и дол-

⁸ Методология исследований представлена в книге: Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). М., 2010. 112 с.

голетия, долголетия и образования. Они свидетельствовали о высокой разбалансированности социокультурных функций многих регионов, которая обострилась из-за утраты базовых ценностей идеологии социализма. Практическим ответом на эту разбалансированность стало восстановление традиционно толерантного симбиоза культурно разнородных ценностей (традиционных, современных, всечеловеческих), который сложился в многовековом процессе самособирания многоэтнической и разноконфессиональной России на уровне межличностных жизненных миров ее населения⁹.

Например, структура ценностных предпочтений жителей Курской области выглядит следующим образом. Ее максимально поддерживаемое (более 60% населения) и потому *интегрирующее ядро* составили ценности: жизнь человека, порядок, общительность. В *интегрирующем резерве* (от 45 до 60% поддержки) оказались ценности: работа, традиция, инициативность, жертвенность. *Оппонирующий дифференциал* (от 30 до 45% поддержки) составили ценности нравственности. Наконец, в зоне *конфликтотенной периферии* (менее 30% поддержки) оказались ценности: властность, своевольность (вседозволенность)¹⁰.

Восстановление традиционно толерантного симбиоза культурно разнородных ценностей в постсоветской России помогало обеспечить взаимопонимание людей в их взаимодействиях, сглаживало дисбалансы человеческого потенциала, способствовало подъему социального самочувствия россиян в XX столетии.

Анализируя эволюцию культурного потенциала и проблемы его капитализации с середины нулевых годов, авторы портретов регионов показали, что высокий культурный потенциал населения используется совершенно недостаточно, лишь в небольшой

⁹ Лапин Н.И. Рост человеческого потенциала регионов и его дисбалансы // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 2009. С. 658–661.

¹⁰ Когай Е.А. Культурный потенциал населения региона // Когай Е.А. и др. Социокультурный портрет Курской области. Курск, 2008. С. 146.

своей части трансформируется в социальный и культурный *капитал*. Причины коренятся не в отдельных социально-экономических факторах, а в наличии застойных сфер функционирования региональных сообществ. К ним относятся: дефицит предпринимательства как института; устойчивое воспроизводство массовых правонарушений и малоэффективного правопорядка; дефицит управляемости и современных институтов саморазвития граждан России как личностей, рефлексивного саморазвития гражданского общества и всего российского социума¹¹.

«От превращения потенциала в действующий социальный капитал зависят, по большому счету, перспективы перехода России на инновационный путь развития, который только и может обеспечить экономический рост и современное качество жизни для всего населения»¹² — таким выводом завершилась первая «пятилетка» межрегиональной программы.

Вторая ее «пятилетка» была нацелена на исследование проблем социокультурной модернизации регионов России как способа интенсивной капитализации культурного потенциала. Участники межрегиональной программы установили творческие контакты с Центром исследований модернизации (ЦИМ) в Китае и мире АН Китая (руководитель центра профессор Чуаньци Хэ)¹³, организовали в Институте философии РАН российско-китайскую конферен-

---

¹¹ Приведенные положения получены автором в качестве выводов из анализа как статистических данных, так и результатов социокультурных исследований восьми регионов России, осуществленных его коллегами по межрегиональной программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». В развернутом виде они представлены в коллективной монографии «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте». Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 2009 (см. главы: «Территориальные сообщества и общности: рост социокультурного потенциала и его дисбалансы», с. 653–691; «Застойные сферы функционирования региональных сообществ и выращивание институтов их саморазвития», с. 761–786).

¹² Беляева Л.А. Заключение // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. 2009. С. 788.

¹³ Этот Центр ежегодно готовит и публикует доклады о состоянии и тенденциях модернизации более чем в 130 странах мира (в том числе в России), обеспечивая сопоставимость индикаторов и индексов модернизации этих стран. См. «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)», под ред. Хэ Чуаньци. Пер. с англ., М., 2011. 252 с.

цию¹⁴, обеспечили использование результатов китайских коллег для получения международно сопоставимых показателей модернизации в России и ее регионах.

Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН адаптировал перечень индикаторов, используемых ЦИМ АН Китая, к особенностям российской статистики. Значения индикаторов, получаемые от китайских коллег, были преобразованы нашими коллегами в ИСЭРТ РАН (ныне — ВолНЦ РАН) в индикаторы российских регионов и введены в созданную для этих задач информационную систему «Модернизация». Результаты обобщены в коллективных трудах¹⁵.

Получены уникальные данные и доказаны как минимум два факта. Во-первых, вопреки скептицизму, с 2000 г. в России, как и в большинстве стран, эволюционно осуществлялась индустриальная стадия модернизации, а с 2010–2012 гг. началась подготовительная фаза информационной ее стадии. Однако, во-вторых, такое продвижение можно отнести лишь к России в целом, но фактически его осуществили только 25 из 85 ее регионов. Остальные 58 регионов (с 2014 г. уже 60) остаются на индустриальной стадии, из них половина — в низких ее фазах, а другая половина задержалась в средней ее фазе. Диспропорции эволюции регионов означают не только контрасты их состояний в настоящее время, но и асимметрию темпов и векторов их эволюции: в одних регионах происходит быстрый рост, в других — длительный застой, а в третьих — снижение показателей.

Современным показателем динамики регионов служит *комплексное состояние их модернизированности*, которое учитывает не только уровни, но фазы и стадии их модернизации. В «Атласе

---

¹⁴ Цивилизация и модернизация. Материалы российско-китайской конференции 29–31 мая 2012 года. Сопредседатели: Н.И. Лапин, Чуаньци Хэ. Москва, Институт философии РАН. 2013. 197 с.; Civilization and Modernization. Proceedings of the Russian-Chinese Conference 2012. Ed. By Chuanqi He, Nikolay Lapin. World Scientific Publishing Co. Singapore, 2015. 246 p.

¹⁵ Проблемы социокультурной модернизации регионов России. Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 2013. 415 с.; Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М., 2016. 360 с.

модернизации России и ее регионов...» представлены 6 таких состояний, а каждый регион идентифицирован с одним из них. По состоянию на 2012 г., 83 региона России дифференцированы на три большие группы (по 2 смежных состояния)¹⁶:

Низко модернизированные регионы: 29 регионов низких состояний модернизированности (типы 1 и 2); общая численность их населения — 28,1 млн чел., 19,6% всего населения России. В том числе: 6 регионов самого низкого состояния модернизированности (тип 1), 3,6 млн чел.; 23 региона умеренно низкого состояния модернизированности (тип 2), 24,5 млн чел.

Средне модернизированные регионы: 40 регионов средних состояний модернизированности (типы 3 и 4); общая численность их населения — 69,5 млн чел., 48,5% всего населения России. В том числе: 29 регионов зрелой фазы индустриальной стадии модернизации (тип 3), 55,8 млн чел.; 11 регионов начальной фазы информационной стадии модернизации (тип 4), 13,7 млн чел.

Высоко модернизированные регионы: 14 регионов высоких состояний модернизированности (типы 5 и 6), общая численность их населения — 45,7 млн чел., 31,9% всего населения России. В том числе: 10 регионов высокого состояния модернизированности (тип 5), 18,1 млн чел.; 4 региона самого высокого состояния модернизированности (тип 6), 27,6 млн чел.

Не следует забывать, что за этой дифференцированностью регионов скрывается «темная материя» гигантского многообразия местных сообществ, организованных как муниципальные образования.

Имеются объективные причины незавершенности формирования целостной инновационной системы в трансформирующейся России. Прежде всего это инерция советской практики огосударствления процессов НТП и многоукладность хозяйства, в котором значимо присутствуют архаико-аграрный, устаревающий индустриальный и перспективный информационный способы

¹⁶ Атлас модернизации России и ее регионов... С. 27–29.

производства, а также устаревающие и возникающие новые технологические уклады. В многочисленных субъектах РФ преобладают разные способы производства и технологические уклады; их комбинации в разных регионах также весьма многообразны. Эта реальность требует конкретного подхода к решению задач модернизации России и ее регионов путем развития адекватной их условиям целостной инновационной системы.

Реальный ответ на запросы модернизации России на основе инноваций состоит в формировании инновационных структур, которые не обособлены от местных и региональных сообществ, а органично выросли в них. Культурно-исторические особенности России и ее регионов, ее цивилизационного процесса убеждают в целесообразности поэтапного формирования *многоуровневой НИС*, которая будет включать не только общероссийский (частично и международный), но и региональные и местные уровни. Ближайшим этапом должно стать формирование срединного ее уровня — региональных инновационных систем. При этом как для общероссийской, так и для региональных инновационных систем адекватен был бы *смешанно-сетевой их характер*. Это должна быть рыночная система, основанная на паритетно-партнерском участии государства, частных и смешанных структур, — не иерархическая, а сетевая¹⁷.

Ключевой остается задача создания полноценного института *венчурного предпринимательства*. Научное и бизнес-сообщества как-то успокоились на том, что созданы несколько российских государственных фондов, которые подготавливают условия для венчурной деятельности. Среди них наиболее заметна «Российская венчурная компания» (РВК) — государственный фонд венчурных фондов и институт развития, один из ключевых инструментов государства при решении задач национальной инновационной системы, проектный офис по реализации Национальной техно-

¹⁷ Алиев М.Г., Лапин Н.И. Инновационные системы в регионах и их развитие // *Общественные науки и современность*. М., 2018, № 2. С. 5–21.

логической инициативы. Наряду с РВК функционируют: Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере; Фонд развития промышленности; Региональный фонд научно-технического развития Санкт-Петербурга и ряд других государственных фондов поддержки венчурной деятельности. В Санкт-Петербурге находятся Венчурный инновационный фонд (ВИФ) и Российская ассоциация венчурного инвестирования (РАВИ), которая способствует созданию венчурных фондов в субъектах РФ. Но следует учитывать, что это не собственно венчурные фонды, инвестирующие малые фирмы, а некоммерческие государственные организации, которые поддерживают венчурное предпринимательство, используя средства государственного бюджета. Отсутствует основная предпосылка инновационной системы — институт частного венчурного предпринимательства. Впрочем, спонтанно появились, продолжают возникать и исчезать собственно венчурные фонды, преимущественно российские, но также и иностранные. К числу реально действующих эксперты относят 20–40 фондов с ограниченными капиталами и доходами. Многие из них продолжают ориентироваться на поддержку проектов преимущественно на ранних стадиях.

Очевидно, что региональное сообщество — тот мезоуровень структуры общества и государства, в котором происходит интеграция индивидуального и социального потенциала, его преобразование в комплексный человеческий капитал, который реализуется на рабочих местах в коммерческих и иных организациях. Как показывают результаты опросов, во многих регионах, например в Курской области, реформы профессионального образования, функцией которого является воспроизводство и развитие культурного потенциала, нацеленного на его использование в экономической деятельности (капитализацию) населения, увеличивали дисбаланс спроса и предложения рабочей силы, поскольку ориентировались на неверно сформулированные потребности родителей и абитуриентов. Возникла существенная проблема, заключаю-

щаяся в том, что довольно внушительный культурный потенциал населения остается недостаточно *востребованным*¹⁸. По оценкам исследователей, в ряде областей и республик он используется не более чем на 30–35%¹⁹. Показательно, что к настоящему времени молодежь качественно улучшает свой образ жизни, в крупных городах около трети молодых людей интересуются информацией о профессиональной деятельности, связанной со сферой инноваций и высоких технологий, но лишь 3–7% участвуют в реализации соответствующих проектов.

Администрации ряда регионов пытаются выстроить эффективную молодежную политику, о результатах которой подчас говорят: «Политика у нас хорошая, но молодежь из области уезжает». Например, одна из наиболее острых проблем Ленинградской области, относящаяся к трудовой занятости населения, связана с тем, что «город оттягивает активных людей от области»²⁰.

Тем не менее во всех регионах имеются социально-экономические потребности и организационно-правовые возможности активизировать инновационные процессы с помощью региональных инновационных систем. Одну из наиболее острых проблем составляет углубляющееся *несоответствие между растущими потребностями молодежи* в квалифицированной, достаточно оплачиваемой работе *и сохранением дефицита высокотехнологичных рабочих мест*. 72,4% экономически активного населения — работники средней и низкой квалификации, а почти 25% уверены, что

¹⁸ Когай Е.А. Культурный потенциал населения региона // Когай Е.А. и др. Социокультурный портрет Курской области. Курск, 2008. С. 125, 150.

¹⁹ Файзуллин Ф.С. и др. К вопросу исследования человеческого потенциала региона // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов. VIII Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Редк. Н.И. Лапин и др. Уфа, 2012. С. 247.

²⁰ Петрушенко Т.К., Федорова Т.Н. Молодежь о проблемах своего региона (на примере малых городов и поселений Ленинградской области) // Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов. Сб. докладов/статей участников Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Сост. Н.И. Лапин, Р.Х. Салахутдинова. Отв. ред. А.В. Немировская. СПб., 2019. С. 591.

их работа вообще не требует профессионального образования. При существующих тенденциях потребуется около 30 лет на замену этих рабочих мест. Такая квалификационная перспектива малопривлекательна для молодежи²¹. В условиях кризиса и санкций существенно снизилась уверенность в возможности трудоустройства в случае непредвиденного увольнения²². Недавняя Всероссийская конференция по проблемам инновационной активности молодежи в своей резолюции подтвердила сохранение этой ситуации: «Выпускники вузов, не имеющие трудового опыта, оказываются одной из наиболее уязвимых групп при поиске работы, из-за недостатка высококвалифицированных рабочих мест... Существующие программы поддержки и вовлечения молодежи в инновационную деятельность малоэффективны»²³.

Больше половины опрошенных считают, что улучшение жизни зависит не столько от районных, городских или областных властей, а прежде всего от общероссийских. Действительно, за последние 10 лет федеральные органы власти «делегируют» на региональный уровень около 600 функций, не сопроводив их реализацию соответствующими ресурсами, которых и без того было недостаточно. Особенно недостает ресурсов на муниципальном уровне. Но эти и другие проблемы развития регионов как драйверов экономического роста остаются на периферии научных исследований и общественного дискурса.

Таким образом, имеющийся в регионах немалый человеческий потенциал остается во многом лишь потенциалом. Но он может стать эффективным человеческим и социальным капиталом, если

---

²¹ Шереги Ф.Э. Образование как социальный институт // Грани российского образования. Предс. редк. М.К. Горшков. М., 2015. С. 31–36.

²² Козырева П.М. Образование и трудоустройство // Грани российского образования. Предс. редк. М.К. Горшков. М., 2015. С. 379–382, 400.

²³ Резолюция участников конференции // Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов. Сб. докладов/статей участников Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Сост. Н.И. Лапин, Р.Х. Салахутдинова. Отв. ред. А.В. Немировская. СПб., 2019. С. 644–645.

будет востребован бизнесом и другими организациями, в целом субъектами РФ как социокультурными сообществами. Остается неудовлетворенной потребность в интенсификации инновационного развития, социокультурной модернизации регионов. Желательно взаимодействие между элементами индустриальной и информационной стадий модернизации. Оно облегчит переходы к более высоким, интегрированным состояниям модернизированнойности регионов и всей страны.

Модернизация затормозилась главным образом из-за внутренних причин, федеральных и региональных — она осуществлялась спонтанно, фрагментарно, контрастно внутри регионов и между ними и в целом неэффективно. До сих пор нет федерального закона об инновационной деятельности. Необходимо активно включать показатели и процессы модернизации в систему стратегического планирования, ориентируясь на поэтапную модернизацию, интегрирующую две ее стадии как достойный ответ на глобальные вызовы и угрозы России — государству, обществу, цивилизации.

Назрела потребность в комплексных, междисциплинарных исследованиях проблем и способов повышения активности региональных сообществ, обеспечивающей сбалансированное повышение благосостояния населения всех регионов страны, на всех уровнях, начиная с муниципального. Речь идет не об уравниловке путем изъятия чего-либо у богатых или у пенсионеров, а об экономическом росте через инновации и взаимное доверие верхов и низов, вырастающее на основе сохранения и повышения благосостояния всех слоев населения, — росте, компетентно балансируемом государством путем совершенствования инвестиционной, налоговой и пенсионной систем. Следует приступить к подготовке методологии и программы таких исследований. Результаты исследований можно интегрировать в виде многотомного цикла коллективных трудов под рабочим названием «Регионы новой России: к повышению благополучия и консолидации населения». Потребуется отдельные тома по каждому федеральному округу и обобщающие тома о регионально дифференцированной России как качествен-

но новом целом. Таким образом, автор предлагает дополненную формулу предстоящего форума: «Драйверы роста экономики ради благополучия населения: человеческий капитал и активность региональных сообществ, наука и технологии».

Библиографический список

1. Беляева Л.А. Рост доходного неравенства и социальных дистанций как следствие ослабления социально-защитяющей функции государства // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и перспективы. Колл. труд, редк.: Н.И. Лапин (общ. ред.), Ю.Д. Гранин, Н.А. Касавина. СПб.: «Реноме», 2019.
2. Беляева А. Заключение // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. 2009.
3. Козырева П.М. Образование и трудоустройство // Грани российского образования. Предс. редк. М.К. Горшков. М., 2015.
4. Когай Е.А. Культурный потенциал населения региона // Когай Е.А. и др. Социокультурный портрет Курской области. Курск, 2008.
5. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). М., 2010.
6. Лапин Н.И. Рост человеческого потенциала регионов и его дисбалансы // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 2009.
7. Петрушенко Т.К., Федорова Т.Н. Молодежь о проблемах своего региона (на примере малых городов и поселений Ленинградской области) // Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов. Сб. докладов/статей участников Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Сост. Н.И. Лапин, Р.Х. Салахутдинова. Отв. ред. А.В. Немировская. СПб., 2019.
8. Пикетти Т. Капитал в XXI веке: пер. с фр. М., 2016.
9. Файзуллин Ф.С. и др. К вопросу исследования человеческого потенциала региона // Проблемы модернизации. Материалы социокультурных портретах регионов. VIII Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Редк. Н.И. Лапин и др. Уфа, 2012.
10. Шереги Ф.Э. Образование как социальный институт // Грани российского образования. Предс. редк. М.К. Горшков. М., 2015. С. 31–36.
11. Цивилизация и модернизация. Материалы российско-китайской конференции 29–31 мая 2012 года. Сопредседатели: Н.И. Лапин, Чуаньци Хэ. Москва, Институт философии РАН. 2013.
12. Human Development Report 2015 / New York (NY), 2015.
13. Civilization and Modernization. Proceedings of the Russian-Chines Conference 2012. Ed. By Chuanqi He, Nikolay Lapin. World Scientific Publishing Co. Singapore, 2015.

List of References

1. Belyaeva L.A. Rost dohodnogo neravenstva i social'nyh distancij kak sledstvie oslableniya social'no-zashchishchayushchej funkcii gosudarstva // Stanovlenie gosudarstva blagosostoyaniya i perspektivy social'nogo gosudarstva v Rossii. Realii i perspektivy. Koll. trud, redk.: N.I. Lapin (obshch. red.), YU.D. Granin, N.A. Kasavina. SPb.: «Renome», 2019.
2. Belyaeva A. Zaklyuchenie // Regiony v Rossii: sociokul'turnye portrety regionov v obshcherossijskom kontekste. 2009.
3. Kozyreva P.M. Obrazovanie i trudoustrojstvo // Grani rossijskogo obrazovaniya. Preds. redk. M.K. Gorshkov. M., 2015.
4. Kogaj E.A. Kul'turnyj potencial naseleniya regiona // Kogaj E.A. i dr. Sociokul'turnyj portret Kurskoj oblasti. Kursk, 2008.
5. Lapin N.I., Belyaeva L.A. Programma i tipovoj instrumentarij «Sociokul'turnyj portret regiona Rossii» (Modifikaciya 2010). M., 2010.
6. Lapin N.I. Rost chelovecheskogo potenciala regionov i ego disbalansy // Regiony v Rossii: sociokul'turnye portrety regionov v obshcherossijskom kontekste. Sost. i otv. red. N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. M., 2009.
7. Petrushenko T.K., Fedorova T.N. Molodezh' o problemah svoego regiona (na primere malyh gorodov i poselenij Leningradskoj oblasti) // Usloviya i sposoby povysheniya aktivnosti molodezhi kak sub'ekta innovacij i ustojchivogo razvitiya regionov. Sb. dokladov/statej uchastnikov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkah iniciativnoj programmy «Problemy sociokul'turnoj evolyucii Rossii i ee regionov». Sost. N.I. Lapin, R.H. Salahutdinova. Otv. red. A.V. Nemirovskaya. SPb., 2019.
8. Piketti T. Kapital v XXI veke: per. s fr. M., 2016.
9. Fajzullin F.S. i dr. K voprosu issledovaniya chelovecheskogo potenciala regiona // Problemy modernizacii v sociokul'turnyh portretah regionov. VIII Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya po programme «Sociokul'turnaya evolyuciya Rossii i ee regionov». Redk. N.I. Lapin i dr. Ufa, 2012.
10. Sheregi F.E. Obrazovanie kak social'nyj institut // Grani rossijskogo obrazovaniya. Preds. redk. M.K. Gorshkov. M., 2015. S. 31–36.
11. Civilizaciya i modernizaciya. Materialy rossijsko-kitajskoj konferencii 29–31 maya 2012 goda. Sopredsedateli: N.I. Lapin, Chuan'ci He. Moskva, Institut filosofii RAN. 2013.
12. Human Development Report 2015 / New York (NY), 2015.
13. Civilization and Modernization. Proceedings of the Russian-Chines Conference 2012. Ed. By Chuanqi He, Nikolay Lapin. World Scientific Publishing Co. Singapore, 2015.

Контактная информация / Contact Information

Институт философии РАН, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1 / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12-1, Goncharnaya street, Moscow, 109240, The Russian Federation

Лапин Николай Иванович / Nikolay I. Lapin

+7 (495) 697-06-34, e-mail: lapini31@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-206-218

**ТРЕТЬЯ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ И
ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**
**THIRD INSTITUTIONAL
REVOLUTION AND CHANGE
OF STRUCTURE OF ECONOMIC
RELATIONS**

АНИМИЦА Евгений Георгиевич

Заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, заслуженный деятель науки РФ, д.г.н., профессор

Evgeniy G. ANIMITSA

Chief Adviser of the University Administration, Head of Regional, Municipal Economics and Governance Dept., Ural State University of Economics, Honored scientist of Russia, Doctor of Geography Sciences, Professor

РАХМЕЕВА Ирина Игоревна

Доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, к.э.н.

Irina I. RAKHMEEVA

Associated professor of Regional, Municipal Economics and Governance Dept., Ural State University of Economics, PhD in Economics

АННОТАЦИЯ

Четвертая промышленная революция коренным образом изменяет все сферы деятельности человека, контакты между людьми становятся более обезличенными и реализуются посредством промежуточных звеньев-платформ. Уже запущена трансформация практик взаимодействия акторов, неизбежно влекущая изменение правовой среды как базиса экономического сотрудничества. Цель исследования в обосновании зарождения третьей институциональной революции на основе наблюдаемых тенденций и раскрытии ее особенностей. В статье предложено видение изменений структуры экономических отношений по итогам институциональных революций.

ABSTRACT

The fourth industrial revolution changes all spheres of activity radically. Human contacts become more impersonal and are realized through intermediate links such as platforms. The transformation of the actors' interaction practices has already been launched. It leads to a change in the legal environment as the basis of economic cooperation inevitably. The aim of the research is to substantiate the emergence of the third institutional revolution on the basis of observed trends and to reveal its features. The article proposes a vision of changes in the structure of economic relations as a result of institutional revolutions. The authors' ideas are connected with the theories of changing technological and world economic structures and the formation of neonomics.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Институциональная революция, институциональное развитие, четвертая промышленная революция, смена технологических укладов, мирохозяйственный уклад, новая экономическая парадигма, технократическое общество, ноономика.

KEYWORDS

Institutional revolution, institutional development, the fourth industrial revolution, change of technological structure, world economic order, a new economic paradigm, technocratic society, noonomics.

ВВЕДЕНИЕ

Четвертая промышленная революция бросает вызов существующей социально-экономической парадигме и поддерживающей ее институциональной среде [1, 2, 3].

Многие ученые из разных областей наук делают апокалиптические прогнозы. Например, философы Я. Зодерквист и А. Бард считают, что «технологический прорыв в области информационных технологий может на самом деле драматически изменить наше общество» [4, с. 3], а лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц полагает, что без должного регулирования искусственный интеллект станет инструментом эксплуатации простого человека со стороны технологических гигантов [5].

На рубеже третьего десятилетия XX в. мы подошли к порогу смены не только технологического уклада («соединенных технологической кооперацией производств»), но и мирохозяйственного уклада («объединенных институтами хозяйственных образований»), в рамках этих процессов «происходит одновременная смена большого количества элементов и перестройка связей между ними, которая приобретает скачкообразный характер... революций», выражающийся в «качественном изменении в составе производительных сил и производственных отношений» [2, с. 28–29]. Действительность показала несостоятельность идеологии постиндустриальной модели развития и деиндустриализации общества. Вследствие чего эволюция развития человеческого общества на-

чала тяготение к новому аттрактору — ноосфере и ноономике [1], а также к новой индустриализации как пути перехода к нему [6].

Развивая идею С.Ю. Глазьева об изменении в составе производственных сил, предлагаем говорить в целом о кардинальном расширении структуры акторов экономической сферы за счет появления в ней неживых, киберфизических существ — искусственного интеллекта, роботов и роботизированных систем.

Появление новых технологий 5-го и 6-го технологического уклада, повсеместная цифровизация и роботизация существенным образом меняют повседневные и производственные отношения, преобразуют систему ценностей. Новые типы взаимодействий требуют новых правил, т.е. новой институциональной среды. К. Перес указывает, что новая технико-экономическая парадигма ведет к формированию новых социальных норм и потребностей, требуя перестройки всей институциональной среды и соответствующей регуляторной политики [7].

Мировое сообщество и отдельные его структурные единицы активно вырабатывают механизмы регулирования новых общественных и производственных процессов [8, с. 7]. При отсутствии формализованных норм в большинстве случаев уже складываются неформальные рамки взаимоотношений, сохраняющие высокую степень неопределенности и риска. На их базе или в противоборство им государственные регуляторы приступают к продуцированию правовых основ новой социально-экономической системы. Однако второй путь кажется менее эффективным, ведь еще Дж. Коммонс отмечал, что «обычай является сырым материалом, из которого строится система правосудия», но «право — мертвая буква, если оно не соответствует обычаям» [9, с. 323].

ПРЕДПОСЫЛКИ ТРЕТЬЕЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Институциональная среда, и в частности правовые нормы как ее составляющая, эволюционирует вместе с человечеством. Новые

институты появляются регулярно в истории человечества вслед за его социально-экономическим развитием. Например, Дж. Коммонс выделял два ключевых скачкообразных перехода в экономических отношениях, породивших «новые обычаи», а вслед за ними новую правовую среду: «переход от сельского хозяйства к торговле и от изолированного к коллективному промышленному производству» [9, с. 325].

Институциональные революции отстают от технологических и во многом определяются ими.

Говорить об институциональной революции мы можем лишь тогда, когда изменение институциональных условий приводит к коренному изменению практик взаимодействия экономических акторов, обеспечивающих рывок (бифуркационный переход) эффективности экономической деятельности. Образ рывка, конечно, применим относительно хронологии развития всего человечества, поскольку институциональные революции весьма растянуты во времени и требуют смены нескольких поколений для укоренения неформальных практик взаимодействия и создания на их основе устойчивой системы права. Вместе с тем и в этой области наряду с технологическими революциями мы наблюдаем «ускорение ускорения» трансформации институциональных условий. При этом в пространстве институциональная революция начинает с каждым разом распространяться все быстрее в силу увеличения связности и плотности экономической сферы, что выражается в высоких темпах передачи знаний, практик, институтов.

С точки зрения институциональной теории, можно выделить 2 ключевые институциональные революции, обусловившие глобальные изменения в экономике.

Первая институциональная революция была связана с появлением прав собственности, создавших стимулы к эффективному использованию ресурсов и обмену результатами деятельности в долгосрочной перспективе. Она сопряжена с неолитической революцией и привела к переходу от общества собирательства и охоты к сель-

скохозяйственному. Термин *неолитическая революция* ввел Гордон Чайлд [10].

Вторая революция — появление прав интеллектуальной собственности, предрешивших судьбу «промышленности изобретений» [11, с. 100]. Она обеспечила ускорение технологического развития общества и возникновение промышленных революций.

Третью институциональную революцию мы связываем с рождением прав искусственного интеллекта и роботов (рис. 1).

Стройная система прав роботов еще не закреплена законодательно, но мировое сообщество уже приступает к этой задаче. Почву для этого создают такие исследования, как «Рекомендации Комиссии по гражданско-правовым нормам по робототехнике Европарламента» [12] или «Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах», проведенное «Дентонс Юроп». Согласно последнему исследованию, несколько десятков стран мира уже приступили к формированию первичного регулирования роботов и искусственного интеллекта с 2008 г., и число их неуклонно растет [13].

Меняется вся структура общества, вплоть до кардинальной смены элит. Эксперты предрекают, что «представители нынешнего класса капиталистов не смогут удержаться на вершине власти, как только влияние новых факторов станет повсеместным. Новый правящий класс — Нетократия — вышел на арену» [4, с. 5]. Идея перераспределения в обществе власти как политической, так и экономической все чаще звучит в трудах и отечественных ученых [14; 8, с. 9]. Происходит расслоение общества не только по материальному и социальному признаку, но и по уровню технологического знания и возникающих отсюда возможностей управления обществом. Таким образом, авторы поддерживают идею формирования общества технократии, поэтому предлагают считать третью институциональную революцию именно технократической.

Меняются отношения между индивидами, играющими разные роли. Они все больше начинают носить безличностный характер,

и в части экономических взаимодействий предполагается возможность их полного перехода в техносферу (контакты через платформенные решения, автоматизированные системы и т.п.) [1, с. 357].

Меняются отношения в системе «продавец — потребитель». Крупные организации все больше уходят в онлайн, развивают платформенные решения и строят свои маркетинговые стратегии на основе больших данных, включающих персональную, личную информацию об индивиде. Все перечисленные тенденции в реальности в большей части осуществляются автоматизированными программами.

Меняются отношения в системе «потребитель — потребитель». Все большую долю в структуре хозяйственной деятельности занимает экономика совместного потребления, когда благодаря таким киберфизическим системам, как платформа, индивиды могут получать возможность пользования продуктами, не приобретая права собственности на них. Но опять же — это взаимодействие происходит не напрямую, а через роботизированный интерфейс.

Меняются отношения в системе «работодатель — сотрудник». Наиболее востребованным в производстве становится креативно мыслящий рабочий, обладающий инженерно-технической подготовкой и занимающийся непрерывным образованием. В целом в экономике ключевую роль начинают играть генераторы (ученые-новаторы), проводники (преподаватели) и эксплуататоры (инженеры) знаний, что соответствует идеологии технократического общества. Автоматизация и роботизация производства вытесняют из экономики целые профессии и высвобождают массив трудоспособного населения. Возрастают возможности удаленной работы и замены многих рутинных процессов роботами. Достижения в области искусственного интеллекта уже позволяют прогнозировать потенциальное замещение им части интеллектуальных и творческих процессов.

Меняются производственные цепочки. Управленческие решения могут стать более эффективными при принятии на основе автоматизированных технологий обработки данных. Более низкие

транзакционные издержки при применении цифровых технологий обеспечиваются уже не путем централизации управления внутри одной компании, а в рамках децентрализации и аутсорсинга. Новые технологии позволяют «расширить географию выпуска продукции по цифровому описанию, избегая торговых барьеров» [15, с. 253].

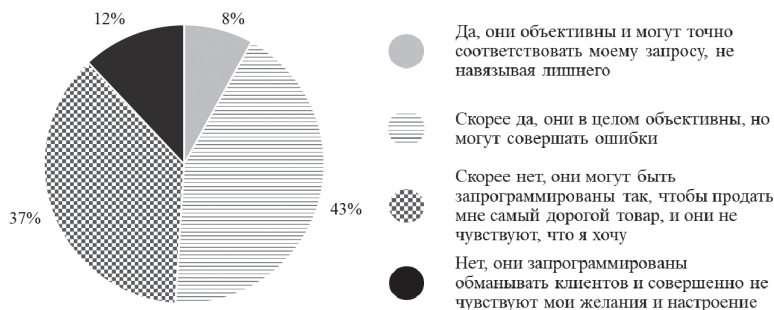
Россия на пороге третьей институциональной революции

Россия существенно отстает от развитых стран и по доле новых технологических укладов в структуре производства, и по цифровизации и автоматизации промышленности. Так, в нашем государстве на 10 тыс. рабочих приходится 3 промышленных робота против среднемирового показателя на уровне 69, доля станков с числовым программным управлением составляет 10% против 90% в Японии и более 70% в Германии и США [16, с. 276].

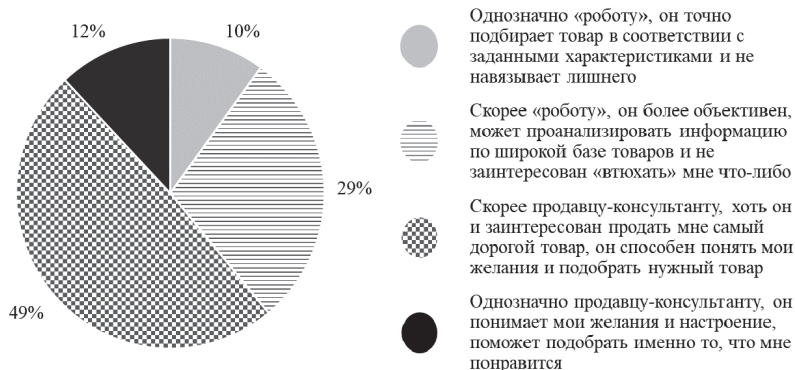
В рамках исследования авторами был проведен опрос относительно пользования цифровыми технологиями в повседневной жизни (совершения онлайн-покупок и использования цифровых сервисов) и доверия потребителей к живым и киберфизическим продавцам в декабре 2019 г. Участие в опросе приняли 100 человек из Свердловской, Омской и Пермской областей, а также Москвы и Санкт-Петербурга. Выборка представлена 57% женщин и 43% мужчин (согласно данным статистики, в России в 2019 г. доля женщин 54%, доля мужчин 46%), равномерно распределенных по четырем возрастным группам (18–24, 25–34, 35–44, старше 45 лет). Среди опрошенных отсутствуют категории сверхбогатых (не испытывающих никаких материальных трудностей) и беднейших (испытывающих финансовые затруднения даже для приобретения еды) слоев населения (0 и 0% в выборке), а доли респондентов, у которых покупка одежды и оплата услуг ЖКХ вызывают затруднения, покупка товаров длительного пользования вызывает затруднения и крупные приобретения (квартира, дача, машина) вызывают затруднения, составили соответственно 18, 39 и 43%. Аналогичные группы,

согласно исследованию Росстата в 2019 г., по Российской Федерации составляют 3, 1, 14, 49 и 33%. Поскольку задачей исследования было проследить тенденции в отношении людей к цифровой сфере, выборка для опроса можно считать достаточно репрезентативной.

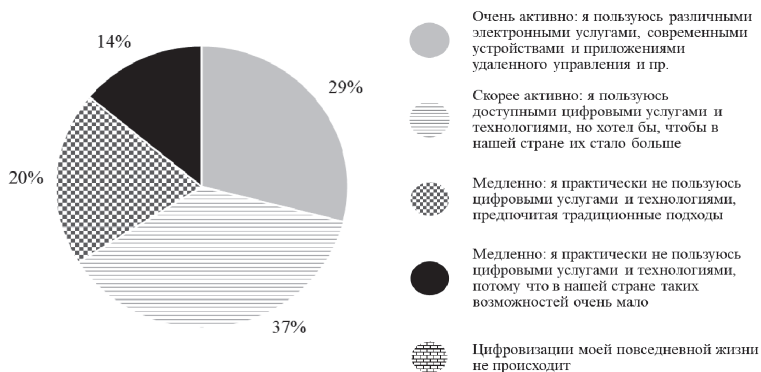
По результатам опроса лишь 18% никогда не совершали покупок через интернет-магазин, хотя 70% по-прежнему предпочитают офлайн-шопинг. Остальные результаты представлены на рис. 2–4.

Рис. 2. Статистика ответов на вопрос: Доверяете ли Вы «роботам» в интернет-магазинах (онлайн-консультантам, агрегаторам, предлагающим варианты товаров по Вашему запросу и пр.)?

Рис. 3. Статистика ответов на вопрос: Кому Вы доверяете больше — продавцу-консультанту или «роботам-продавцам»?

Рис. 4. Статистика ответов на вопрос: Насколько активно происходит цифровизация Вашей повседневной жизни?

Результаты опроса, на наш взгляд, показывают высокий уровень готовности российского населения к переходу к цифровому обществу (2/3 опрошенных активно используют разнообразные цифровые технологии) при одновременном сохранении большего доверия к человеческим отношениям (чуть менее 2/3 опрошенных доверяют продавцу-консультанту больше, чем «роботу-продавцу») и сомнениях в целях действий роботов (половина опрошенных полагают, что «роботы» в интернет-магазинах запрограммированы на нечестные цели). Институты в первую очередь призваны снижать уровень неопределенности в отношениях между людьми и риски недобросовестного поведения. Поэтому для успешной цифровизации, роботизации и гармоничного будущего в России необходимо сформировать базовые институты для новой человеческой деятельности в технократическую эпоху.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

От формирования новой регуляторной среды во многом будет зависеть благосостояние и качество жизни будущих поколений. Научное, политическое, предпринимательское и гражданское сообщества должны консолидироваться для ответа на ключевые вопросы

третьей институциональной революции: проблема ответственности и безопасности для человека деятельности роботов, степень контролируемости и пределы вмешательства в частную жизнь искусственного интеллекта, сохранение баланса технологического развития и этических основ человеческого общества. В процессе решения поставленных задач важно не создать искусственных барьеров, не затормозить инновационный процесс, что может откинуть Россию еще дальше на периферию мировой экономики.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.
2. Глазьев С.Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 56. С. 5–39.
3. Schwab K. The Fourth Industrial revolution. N.Y.: Crown Business, 2017. 192 p.
4. Зодерквист Я., Бард А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. 252 с.
5. Stiglitz J. On artificial intelligence: We're going towards a more divided society // The Guardian, 8 Sep 2018 [электронный ресурс]. <https://www.theguardian.com/technology/2018/sep/08/joseph-stiglitz-on-artificial-intelligence-were-going-towards-a-more-divided-society>, дата обращения: 06.12.2019.
6. Силин Я.П., Анимца Е.Г., Новикова Н.В. Теории экономического роста и экономического цикла в исследовании региональных процессов новой индустриализации // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 2. С. 5–29.
7. Perez C. Microelectronics, Long Waves and World Structural Change: New Perspectives for Developing Countries // World Development. 1985. No. 13 (3). P. 441–463.
8. Тихомиров Ю.А. Новые векторы регулирования — «другое» право? // Журнал российского права. 2016. № 4 (232). С. 5–15.
9. Коммонс Дж. Правовые основания капитализма. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 416 с.
10. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952. 466 с.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
12. Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics // European Parliament, 27.01.2017 [электронный ресурс]. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html, дата обращения: 06.12.2019.
13. Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах. Обобщенные результаты исследования, 12.11.2018 [электронный ресурс]. <https://files.data-economy.ru/Docs/Dentons.pdf>, дата обращения: 06.12.2019.
14. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе. М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.
15. Мокроносов А.Г., Анисимов А.В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 215. № 1. С. 239–263.
16. Гришин В.И. Приоритеты и барьеры развития российской экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218. № 4. С. 274–280.

List of References

1. Bodrunov S.D. Obshchaya teoriya noonomiki. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2019. 504 s.
2. Glaz'ev S.Yu. O novoi paradigme v ekonomicheskoi nauke // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2016. № 56. S. 5–39.
3. Schwab K. The Fourth Industrial revolution. N.Y.: Crown Business, 2017. 192 p.
4. Zoderkvist Ya., Bard A. Netokratiya. Novaya pravyyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma. SPb.: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki, 2004. 252 s.
5. Stiglitz J. On artificial intelligence: We're going towards a more divided society // The Guardian, 8 Sep 2018 [elektronnyi resurs]. <https://www.theguardian.com/technology/2018/sep/08/joseph-stiglitz-on-artificial-intelligence-were-going-towards-a-more-divided-society>, data obrashcheniya: 06.12.2019.
6. Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. Teorii ekonomicheskogo rosta i ekonomicheskogo tsikla v issledovanii regional'nykh protsessov novoi industrializatsii // Journal of New Economy. 2019. T. 20. № 2. S. 5–29.
7. Perez C. Microelectronics, Long Waves and World Structural Change: New Perspectives for Developing Countries // World Development. 1985. No. 13 (3). P. 441–463.
8. Tikhomirov Yu.A. Novye vektory regulirovaniya — «drugoe» pravo? // Zhurnal rossiiskogo prava. 2016. № 4 (232). S. 5–15.
9. Kommons Dzh. Pravovye osnovaniya kapitalizma. M.: Izd. dom VShE, 2011. 416 s.
10. Chaild G. U istokov evropeiskoi tsivilizatsii. M., 1952. 466 s.
11. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. M.: Nachala, 1997. 180 s.
12. Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics // European Parliament, 27.01.2017 [elektronnyi resurs]. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html, data obrashcheniya: 06.12.2019.
13. Razvitie zakonodatel'stva o robototekhnike i kiberfizicheskikh sistemakh. Obobshchennyye rezul'taty issledovaniya, 12.11.2018 [elektronnyi resurs]. <https://files.data-economy.ru/Docs/Dentons.pdf>, data obrashcheniya: 06.12.2019.
14. Talapina E.V. Gosudarstvennoe upravlenie v informatsionnom obshchestve. M.: Yurisprudentsiya, 2015. 192 s.
15. Mokronosov A.G., Anisimov A.V. Sovershenstvovanie institutsional'noi sredy strategicheskogo proektirovaniya nematerial'nykh aktivov territorii // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2019. T. 215. № 1. S. 239–263.
16. Grishin V.I. Prioritety i bar'ery razvitiya rossiiskoi ekonomiki // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2019. T. 218. № 4. S. 274–280.

Контактная информация / Contact Information

Уральский государственный экономический университет, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

Ural State University of Economics, 62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli st., Ekaterinburg, 620144, The Russian Federation

Анимитца Евгений Георгиевич / Evgeny G. Animitsa
+7 (343) 283-12-48, e-mail: animieg@usue.ru

Рахмеева Ирина Игоревна / Irina I. Rakhmeeva
+7 (343) 283-10-76, e-mail: rahmeeva_ii@usue.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-219-225

**РАЗРАБОТКА
СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ИНВЕСТИЦИОННЫМИ
ПРОЕКТАМИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ
С ПОМОЩЬЮ ВНЕДРЕНИЯ
ТЕХНОЛОГИЙ
ИНФОРМАЦИОННОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ**

**DEVELOPMENT
OF INVESTMENT PROJECT
MANAGEMENT SYSTEM
IN CONSTRUCTION THROUGH
THE INTRODUCTION
OF INFORMATION MODELING
TECHNOLOGIES**

КОЖЕВНИКОВ Константин Игоревич
Заведующий кафедрой ценообразования
в строительстве и промышленности ФГАОУ ВПО
«Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Konstantin I. KOZEVNIKOV
Head of department, Pricing in Construction
and Industry Department, Federal State-Funded
Educational Institution of Higher Professional
Education «Ural Federal University named by the
first President of Russia B.N. Yeltsin»

НУЖДИН Артем Дмитриевич
Магистрант, Уральский федеральный
университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина

Artyom D. NUZHIDIN
Undergraduate, Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования данной статьи является возможность применения технологий информационного моделирования в системе управления инвестиционными проектами в строительстве и оптимизации инженерно-экономических решений в ходе реализации проектов. По итогу проведения анализа был сделан вывод, что применение BIM-технологий при реализации инвестиционного строительного проекта может существенно улучшить качественные показатели проекта, а также снизить сроки и стоимость его реализации.

ABSTRACT

The subject of this article is the possibility of using information modeling technologies in the system of investment project management in construction and optimization of engineering and economic solutions during project implementation. The study identified the advantages of using information

model technologies at the stage of design, evaluation of project efficiency, construction and operation of the construction project. Based on the results of the analysis, it was concluded that the use of BIM-technologies in the implementation of the investment construction project can significantly improve the quality of the project, as well as reduce the time and cost of its implementation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Управление, инвестиции, проект, BIM-технологии, информационное моделирование, технологии.

KEYWORDS

Management, investment, project, BIM-technologies, information modeling, technologies.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях строительной отрасли и экономики, а также в связи со стесненностью в городах и прочими факторами, усложняющими процессы строительства и реализации проектов, наблюдается тенденция к реализации уникальных проектов, не имеющих аналогов на рынке недвижимости. При реализации таких проектов требуются тщательное планирование и оптимизация инженерно-технических, организационных и экономических решений на всех этапах реализации проекта. Благодаря применению информационного моделирования (BIM-технологии) и созданию модели реализуемого проекта возможно существенно снизить затраты на реализацию данного проекта, а также оптимизировать процессы строительства [1].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Рассмотрим идею внедрения BIM-технологии на разных этапах жизненного цикла строительного объекта.

Стадия проектирования

Создание информационной модели позволит уменьшить количество коллизий (пересечений запроектированных объектов)

в проекте, при этом сократив процесс проектирования во времени, а также позволит всем участникам проекта, в том числе заказчику и инвестору, принимать непосредственное участие в проектировании и корректировке проекта за счет визуального представления о характеристиках будущего объекта. Информационная модель здания или сооружения также поможет отследить этапы строительства во времени, визуально отобразить зависимости между временными промежутками и этапами строительства, что позволит заказчику осуществлять точный контроль за реализацией инвестиционного проекта [2].

Среди преимуществ использования BIM-технологии на стадии проектирования можно выделить:

- Сокращение сроков проектирования.
- Уменьшение времени на корректировку проекта.
- Возможность представления 3D-, 4D-, 5D- и 6D-модели (визуализация модели в зависимости от времени реализации, стоимости и времени эксплуатации объекта).
- Создание общего информационного пространства с помощью программного обеспечения BIMcloud, которое помогает взаимодействовать всем участникам проекта.

Стадия оценки инвестиционной эффективности проекта

Оценка эффективности является самой важной частью реализации проекта, на этой стадии определяется необходимость и целесообразность данного проекта. За счет создания информационной модели инвестор и заказчик смогут получить наиболее точные данные о сроках и бюджете реализации проекта, составить детальный календарный график финансирования проекта и оперативно внести корректировки в проект на самой ранней стадии, что существенно поможет снизить затраты [3].

Стадия строительства

При строительстве сложных инженерно-технических объектов, таких как производственные корпуса предприятий, многофункциональные спортивные арены и комплексы, уникальные здания

и сооружения, часто возникает потребность в корректировке рабочей документации в кратчайшие сроки. Благодаря BIM-технологии процесс внесения изменений существенно сокращается в сравнении с традиционным проектированием по технологиям САПР за счет создания единого информационного пространства для всех участников инвестиционного проекта [4].

Для лица, осуществляющего строительство, информационная модель поможет определить необходимые сроки поставки материалов на объект, периоды задействования административного и технического ресурсов, а также график движения рабочей силы. Также BIM-модель позволит наиболее эффективно работать в условиях стесненности, помогая оптимизировать работу на строительной площадке наиболее эффективным образом.

С помощью программного обеспечения Autodesk Navisworks можно синхронизировать информационную модель с графиком производства работ и построить 4D-модель, с помощью которой можно визуально отслеживать выполнение или отставания по графику.

Данная особенность облегчит и оптимизирует работу заказчика и инвестора, даст понимание о реальных сроках проекта, поможет своевременно вносить корректировки [5].

Стадия эксплуатации

BIM-технологии могут обрабатывать данные на протяжении всего жизненного цикла объекта, включая период эксплуатации здания или сооружения. Проводя сбор и анализ информации о конструкциях и инженерных системах объекта, можно отследить и спланировать необходимость проведения текущих и капитальных ремонтов здания, а также реставрации (для памятников архитектуры). С помощью программного обеспечения Lement Pro можно создавать базы данных с информацией об элементах зданий и сооружений, с помощью которых возможно получить информацию о необходимых требуемых ремонтах и прочих эксплуатационных мероприятиях, что позволит избежать возникновения аварийных

ситуаций на период эксплуатации объекта и завышенных затрат на проведение капитального ремонта.

Благодаря системному анализу можно выявить необходимость в техническом перевооружении систем здания с целью соответствия эксплуатационных характеристик объекта требованиям [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, изучив возможности применения технологий информационного моделирования при управлении инвестиционными проектами в строительстве, можно сделать вывод, что данные технологии позволят существенно улучшить качество реализации и характеристики будущей строительной продукции.

ВМ-технологии способны обнаруживать коллизии и потребности объекта недвижимости на всех стадиях жизненного цикла, что приведет к оптимизации затрат, сокращению сроков реализации проектов и увеличению эксплуатационных характеристик здания или сооружения.

Библиографический список

1. Талапов В.В. Технология BIM: суть и особенности внедрения информационного моделирования зданий. 2015.
2. Постнов К.В. Применение современных информационных технологий в проектных организациях и их влияние на повышение качества проектных решений. 2014.
3. Каллаур Г.Ю., Папикян Л.М. Анализ затрат жизненного цикла в управлении проектами, реализуемыми с применением BIM-технологии. 2018.
4. Дмитриев А., Тамбовцева Т., Папикян Л., Цыганкова А. Современный опыт инновационного развития строительства на основе технологий информационного моделирования в России и за рубежом. 2019.
5. Хлебников А.В., Юхлин К.В. Инструменты управления организационно-технологическим проектом на базе информационной модели объекта. 2018.
6. Плотников А.Д., Кустикова Ю.О. Перспективные направления применения BIM-технологий в эксплуатации зданий и сооружений. 2018.

List of References

1. Talapov V.V. Tekhnologiya BIM: sut' i osobennosti vnedreniya informatsionnogo modelirovaniya zdaniy. 2015.
2. Postnov K.V. Primenenie sovremennykh informatsionnykh tekhnologii v proektnykh organizatsiyakh i ikh vliyanie na povyshenie kachestva proektnykh reshenii. 2014.
3. Kallaur G.Yu., Papikyan L.M. Analiz zatrat zhiznennogo tsikla v upravlenii proektami, realizuemymi s primeneniem BIM-tekhnologii. 2018.
4. Dmitriev A., Tambovtseva T., Papikyan L., Tsygankova A. Sovremennyy opyt innovatsionnogo razvitiya stroitel'stva na osnove tekhnologii informatsionnogo modelirovaniya v Rossii i za rubezhom. 2019.
5. Khlebnikov A.V., Yukhlin K.V. Instrumenty upravleniya organizatsionno-tekhnologicheskim proektom na baze informatsionnoi modeli ob"ekta. 2018.
6. Plotnikov A.D., Kustikova Yu.O. Perspektivnye napravleniya primeneniya BIM-tekhnologii v ekspluatatsii zdaniy i sooruzhenii. 2018.

Контактная информация / Contact Information

ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ), кафедра ценообразования в промышленности и строительстве, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, ауд. С-419 / Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin», Department of Pricing in Industry and Construction, aud. С-419, 19, st. Mira, Yekaterinburg, 620002, The Russian Federation

Кожевников Константин Игоревич / Konstantin I. Kozevnikov

E-mail: kozhkon@gmail.com

Нуждин Артем Дмитриевич / Artyom D. Nuzhdin

E-mail: nuzhdin95@bk.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-226-240

**«СЕРЕБРЯНЫЕ» ВОЛОНТЕРЫ
КАК ОБЪЕКТ ПРИКЛАДНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**
**«SILVER» VOLUNTEERS
AS AN OBJECT OF APPLIED
RESEARCH**

КАРМАНОВ Михаил Владимирович
Профессор кафедры статистики
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова, д.э.н.

Mikhail V. KARMANOV
Professor of the Department of Statistics,
Plekhanov Russian University of Economics,
Doctor of Economics

ЗОЛОТАРЕВА Ольга Анатольевна
Доцент кафедры статистики
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова, к.э.н.

Olga A. ZOLOTAREVA
Associate Professor of the Department of Statistics,
Plekhanov Russian University of Economics,
PhD in Economics

АННОТАЦИЯ

Сегодня в средствах массовой информации и в специальной литературе все чаще встречаются публикации, связанные с попытками оценки деятельности «серебряных» волонтеров. В этой связи представляется значимым всесторонний анализ «серебряных» волонтеров как самостоятельного и своеобразного объекта прикладных исследований. Рассмотрение множества точек зрения на категорию «серебряных» волонтеров дало основание полагать, что существует целый ряд «белых пятен» и пробелов методологического характера, не позволяющих в настоящее время собирать полную и достоверную информацию и выявлять основные индикаторы, характеризующие состояние и особенности развития движения «серебряных» волонтеров как современной социальной общности, в условиях смены парадигмы в политике, направленной на достижение активного старения.

В статье с учетом анализа источников информации, представляющих данные преимущественно специальных выборочных обследований, социологических опросов и ведомственной отчетности, дается обоснование возможностей проведения как количественной оценки масштабов и структуры контингента «серебряных» волонтеров, так и исследования различных аспектов общественной пользы от деятельности «серебряных» волонтеров. Оценка информационной базы для характеристики деятельности «серебряных» волонтеров позволила выявить ряд препятствий и трудностей на пути сбора актуальной, полной и точной статистической информации о ее развитии. Сделан акцент на проблеме информационного обеспечения прикладных исследований в области деятельности «серебряных» волонтеров. Основным результатом исследования явился тезис об отсутствии в настоящее время единой и общепризнанной методологии комплексной оценки состояния и развития общности «серебряных» волонтеров, что представляется существенным препятствием на пути консолидации усилий государства по разработке мер, направленных на достижение активного старения, расширения прав и возможностей пожилых людей.

ABSTRACT

Today, in the media and in specialized literature, publications are increasingly found related to attempts to evaluate the activities of «silver» volunteers.

In this regard, a comprehensive analysis of the «silver» volunteers as an independent and peculiar object of applied research is significant. Consideration of many points of view on the category of «silver» volunteers gave reason to believe that there are a number of «white spots» and methodological gaps that currently do not allow us to collect complete and reliable information and identify the main indicators characterizing the state and characteristics of the development of the «silver» volunteers as a modern social community, in the context of a paradigm shift in politics aimed at achieving active aging.

Taking into account the analysis of information sources representing mainly special sample surveys, sociological surveys and departmental reporting, the article substantiates the possibilities of conducting both a quantitative assessment of the scale and structure of the «silver» volunteers contingent, as well as studies of various aspects of the public benefit from the activities of «silver» volunteers. Evaluation of the information base for characterizing the activities of the «silver» volunteers made it possible to identify a number of obstacles and difficulties in collecting relevant, complete and accurate statistical information about its development. Emphasis is placed on the problem of information support of applied research in the field of activities of «silver» volunteers. The main result of the study was the thesis that there is currently no unified and universally recognized methodology for a comprehensive assessment of the status and development of the community of «silver» volunteers, which seems to be a significant obstacle to consolidating the efforts of the state to develop measures aimed at achieving active aging, empowering older people.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Серебряные» волонтеры, структура контингента «серебряных» волонтеров, статистика, проблемы прикладного анализа.

KEYWORDS

«Silver» volunteers, structure of the contingent of «silver» volunteers, statistics, problems of applied analysis.

В последние десятилетия общество в принципе уже смирилось с тем, что демографическое старение превратилось в один из определяющих факторов развития земной цивилизации [1]. В этом отношении не является исключением и Россия, где увеличение численности лиц пожилого возраста, а также их удельного веса в населении носит устойчивый характер [2].

В этой связи неуклонно возрастающий контингент жителей преклонного возраста определенной своей частью ориентирован на поиск нового места в жизни после завершения периода активной трудовой деятельности. Данный процесс интересен тем, что люди, имеющие уже несколько ограниченные физические возможности (по крайней мере по сравнению с самими собой в молодые и средние годы), пытаются сознательно использовать еще имеющийся потенциал и оставаться полезными не только для друзей, родных и близких, но и для общества в целом [3].

Одним из вариантов проявления социальной активности населения «третьего» возраста в последние годы выступает волонтерское движение, т.е. участие лиц пожилого возраста в добровольной общественной деятельности, связанной с безвозмездной реализацией разнообразных мероприятий, проектов и программ [4]. Названная форма полезного использования возможностей и способностей уже не молодых людей получила свое официальное название как «серебряные» волонтеры, или волонтеры «серебряного» возраста.

По существу, роль и значение волонтерского движения лиц престарелого возраста в современном обществе могут быть рассмотрены с нескольких точек зрения или в целом ряде практически значимых аспектов, среди которых важное место занимают следующие:

- «серебряное» волонтерство как актуальное направление социальной политики государства в условиях углубления демографического старения популяции [5];
- «серебряное» волонтерство как одна из форм социальной адаптации и защиты населения пожилого возраста [6];

- «серебряное» волонтерство как одна из моделей взаимодействия государства и гражданского общества в сфере волонтерского движения [7];
- «серебряное» волонтерство как способ преодоления социального неравенства и социальной дискриминации граждан престарелого возраста [8];
- «серебряное» волонтерство как доступный и безвозмездный инструмент решения широкого спектра социальных задач [9] и др.

По нашему мнению, столь широкий спектр практически значимых ролей «серебряного» волонтерства объективно свидетельствует о необходимости оценки масштабов и результатов столь важного общественного движения, которое в отдельных случаях явно нуждается в координации своей деятельности [10]. Решение подобной задачи невозможно без всесторонней и детальной статистической характеристики параметров волонтерства лиц «серебряного» возраста.

Однако статистическая характеристика «серебряного» волонтерства на практике вряд ли достижима без четкого и внятного ответа как минимум на три вопроса:

- 1) Кто такие «серебряные» волонтеры, или волонтеры «серебряного» возраста?
- 2) Какие проблемы возникают в процессе организации статистического учета «серебряных» волонтеров и как их можно преодолеть?
- 3) Как должна выглядеть система статистических показателей для комплексной оценки контингента «серебряных» волонтеров?

Остановимся более подробно на содержании каждого из озвученных выше вопросов. Первый из них носит исходный, определяющий и принципиальный характер, так как в зависимости от ответа на него могут быть получены заметно различающиеся результаты.

Если обратиться к специальным публикациям, касающимся «серебряного» волонтерства, то можно столкнуться со следующими

ми трактовок рассматриваемого объекта исследования, который по распространенному мнению зародился в нашей стране в 2013 г. на Универсиаде в Казани, где волонтеры пенсионного возраста активно помогали в организации и проведении спортивных мероприятий:

а) «серебряное» волонтерство вне зависимости от категории (спортивное, социальное и т.п.) объединяет то, что всем его участникам больше 50 лет [11];

б) волонтер «серебряного» возраста — это человек в возрасте 55 лет и старше, который на добровольной и безвозмездной основе принимает участие в решении тех или иных актуальных общественных проблем (социальных, культурных, экономических, экологических и др.) [12];

с) «серебряные» волонтеры — это пенсионеры, которым скучно бездействовать и хочется быть полезными обществу безо всякого заработка [13].

Казалось бы, что при столь близких с повседневной точки зрения позициях (это люди пожилого возраста) с точки зрения организации статистического учета между ними лежит целая пропасть. С одной стороны, различие в пять лет (50 или 55) не дает возможности провести однозначный и четкий возрастной водораздел между «серебряными» и прочими волонтерами. С другой стороны, еще более принципиальным моментом является отношение к категории пенсионеров, потому что члены социума, не вышедшие из рабочего возраста, вынуждены трудиться, а поэтому имеют гораздо меньше времени и возможностей для участия в общественных мероприятиях на безвозмездной основе.

В этом контексте приходится более четко идентифицировать совокупность «серебряных» волонтеров, особенно с прицелом на уже принятые на законодательном уровне изменения границ пенсионного возраста. На наш взгляд, наиболее логичным и оправданным ходом в данном отношении можно считать возраст в 55 или 60 лет. Так как именно после указанных возрастных рубежей

начинает складываться потенциальный контингент волонтеров «серебряного» возраста, т.е. лиц, завершивших прежнюю профессиональную деятельность, но имеющих ресурсы свободного времени и желающих быть полезными обществу.

Установив содержание трактовки «серебряных» волонтеров, не стоит обольщаться и считать, что процесс определения численности подобных членов общества обречен на успех. Все дело в том, что на практике могут возникать более или менее серьезные проблемы, связанные с отнесением или не отнесением конкретных людей к совокупности волонтеров «серебряного» возраста. Среди данных проблем находятся:

- разработка критериев «серебряного» волонтерства в зависимости от частоты, продолжительности и систематичности участия лиц пожилого возраста в тех или иных общественных мероприятиях, проектах и программах;
- селекция участников волонтерского движения в зависимости от возможности косвенного или опосредованного получения любых благ и услуг, связанных с безвозмездным выполнением общественных функций;
- подход к учету гражданства и фактического места жительства «серебряных» волонтеров, принимающих участие в общественных мероприятиях, проектах и программах на конкретной территории (в стране, в регионе и т.п.).

Совершенно очевидно, что разные волонтеры «серебряного» возраста принимают неодинаковое участие в волонтерском движении. Оно может различаться по частоте, продолжительности и систематичности выполнения различных обязанностей на добровольной и безвозмездной основе. За определенный (отчетный) период времени (например, за год) один «серебряный» волонтер может принять разовое участие в тех или иных общественных мероприятиях, а другой — в нескольких. Аналогично может не совпадать и временная продолжительность подобного участия, которое на горизонте в несколько лет способно носить систематический или

не систематический характер. В результате с позиций статистики возникают предпосылки для возникновения элементарной несопоставимости данных.

Чтобы выйти из сложившейся ситуации, возможны два варианта. Один из них ориентирован на формулировку критериев принадлежности к «серебряным» волонтерам, т.е. необходимо договориться, сколько раз и с какой продолжительностью надо участвовать в общественных мероприятиях за определенный период времени, чтобы попасть в контингент волонтеров «серебряного» возраста. Соответственно, что при соблюдении установленных критериев за ряд лет появится возможность говорить о систематичности волонтерства. Другой подход нацелен на учет того обстоятельства, что не все люди пожилого возраста по состоянию здоровья и другим причинам способны часто, продолжительно и систематически принимать участие в волонтерском движении. Поэтому их принадлежность к «серебряным» волонтерам должна устанавливаться по факту. Если человек хотя бы раз принял участие в общественных мероприятиях, то он соответствует статусу волонтерства.

По нашему мнению, второй подход более справедлив и оправдан, особенно в том отношении, что позволяет людям пожилого возраста почувствовать свою социальную востребованность. Кроме того, по данным Объединенной организации здравоохранения, 68% волонтеров пенсионного возраста чувствуют себя здоровыми благодаря общественной деятельности, а 92% опрошенных не испытывают проблем с определением смысла жизни [14].

Другой, не менее сложной проблемой идентификации участников волонтерского движения «серебряного» возраста выступает четкое разграничение безвозмездности участия в общественных мероприятиях. Неоднозначность ситуации здесь заключается в том, что «серебряные» волонтеры, как, впрочем, и все остальные волонтеры, принимая участие в общественных мероприятиях, могут получать специальную одежду, бесплатное питание, возможность

прохода в зоны, платные для остальных членов общества, и т.п., что вызывает закономерные вопросы и даже споры по поводу полной бескорыстности движения подобного рода.

На наш взгляд, выполнение обязанностей «серебряного» волонтера в целом ряде случаев подразумевает доступ к определенным благам и услугам, которые выступают составной частью волонтерства (форма одежды, достижимость территории проведения акций и т.п.), что, безусловно, не говорит о завуалированной меркантильности волонтеров, а лишь свидетельствует о том, что они должны соответствовать некоторым требованиям, которые предусматриваются организаторами общественных мероприятий заранее.

Поэтому, если волонтеры «серебряного» возраста принимают участие в организованных мероприятиях, проектах и программах, это обстоятельство, с нашей точки зрения, объективно снимает все претензии по поводу безвозмездной деятельности людей. Другое дело, когда под прикрытием волонтерской деятельности ставятся задачи достижения определенных, подчас скрытых финансовых целей. Правда, в этом случае подобные акции имеют отдаленное отношение к волонтерской деятельности и должны служить объектом внимания правоохранительных органов.

Отдельно стоит сказать и том, что «серебряные» волонтеры, принимая участие в общественных мероприятиях на данной территории, могут не иметь к ней никакого отношения, т.е. быть приезжими из других регионов или вообще иностранцами. При таком стечении обстоятельств сразу возникают вопросы как о потенциальной возможности статистического завышения масштабов волонтерского движения, так и о двойном счете волонтеров «серебряного» возраста по месту участия в конкретных мероприятиях и по месту фактического жительства.

«Серебряные» волонтеры, участвующие в реализации тех или иных общественных мероприятий, проектов и программ, часто допускаются к ним в соответствии с принципами демократии и толерантности. Этот вполне оправданный с практической точки зрения

шаг приводит к серьезным последствиям, потому что формирует питательную среду для статистической несопоставимости индикаторов, используемых при характеристике параметров волонтерского движения.

Представляется, что статистический учет должен вестись по месту фактического проведения общественных мероприятий, а зафиксированных там волонтеров «серебряного» возраста в целях дальнейшего анализа можно дифференцировать на местных жителей и приезжих. Конечно, здесь может возникнуть вопрос о том, что в разных регионах распространенность и развитие волонтерского движения могут быть неодинаковыми. Это, а также социальный резонанс отдельных акций (например, обслуживание игр Чемпионата мира по футболу и т.п.) служат объяснением притока «серебряных» волонтеров из других регионов страны и из-за границы.

При этом никто не мешает регионам-донорам вести самостоятельный дополнительный учет волонтеров «серебряного» возраста, принимающих участие в общественных мероприятиях, проектах и программах, как на других территориальных площадках страны, так и за рубежом.

Комплексная статистическая оценка разнообразных параметров «серебряного» волонтерства вряд ли осуществима без разработки специальной системы показателей, которая пока еще не создана в отечественной и международной статистике. На практике для количественного отображения отдельных сторон активности волонтеров пожилого возраста привлекаются различные индикаторы, среди которых наиболее часто встречаются следующие [14]:

- численность волонтеров «серебряного» возраста;
- удельный вес волонтеров «серебряного» возраста в общей численности пенсионеров;
- возрастная структура волонтеров «серебряного» возраста;
- время, затраченное волонтерами «серебряного» возраста на безвозмездную помощь в рамках локальных и национальных проектов и программ;

- общая стоимость услуг, предоставленных волонтерами «серебряного» возраста и др.

С содержательной точки зрения все приведенные индикаторы можно разделить на две группы: показатели распространения «серебряных» волонтеров и показатели результатов деятельности «серебряных» волонтеров. Индикаторы первой группы направлены на характеристику абсолютных и относительных масштабов, а также структуры контингента волонтеров «серебряного» возраста. Индикаторы второй группы призваны отразить различные аспекты общественной пользы от деятельности волонтеров «серебряного» возраста.

По нашему мнению, выделенные группы индикаторов логично дополняют друг друга, однако явно нуждаются в расширении и конкретизации собственного содержания за счет использования более широкого спектра показателей. В этом ключе могут привлекаться следующие более подробные блоки взаимосвязанных индикаторов.

Показатели численности, состава и распространения волонтеров «серебряного» возраста:

- общая численность волонтеров «серебряного» возраста;
- удельный вес волонтеров «серебряного» возраста в общей численности всех волонтеров;
- структура волонтеров «серебряного» возраста по полу, возрасту, месту жительства, образованию, семейному положению и другим социально-экономическим признакам;
- средний (медианный, модальный) возраст волонтеров «серебряного» возраста;
- удельный вес волонтеров «серебряного» возраста в численности лиц в возрасте 55 лет и старше;
- удельный вес волонтеров «серебряного» возраста в численности пенсионеров;
- число волонтеров «серебряного» возраста в расчете на 1000 человек населения;
- динамика перечисленных выше индикаторов и др.

Показатели результатов общественной деятельности волонтеров «серебряного» возраста:

- число мероприятий, проектов, программ, в которых приняли участие волонтеры «серебряного» возраста за определенный период времени (например, за год);
- удельный вес мероприятий, проектов и программ, в которых приняли участие волонтеры «серебряного» возраста, в общем количестве всех мероприятий, проектов и программ, проведенных в рамках волонтерского движения;
- объем времени, отработанного волонтерами «серебряного» возраста в рамках различных мероприятий, проектов, программ;
- среднее число волонтеров «серебряного» возраста, принявших участие в одном мероприятии, проекте, программе;
- общая стоимость услуг, предоставленных волонтерами «серебряного» возраста;
- удельный вес стоимости услуг, предоставленных волонтерами «серебряного» возраста, в общем объеме стоимости всех услуг в рамках волонтерского движения;
- динамика перечисленных выше индикаторов и др.

Вне всякого сомнения, предложенная конструкция не является идеальной и нуждается в уточнениях и дополнениях, чтобы позволить получать исчерпывающее представление о состоянии и развитии «серебряного» волонтерства — специфического и позитивного явления, связанного с добровольным участием людей пожилого возраста в общественной жизни страны.

В заключение крайне важно подчеркнуть, что совершенствование статистики волонтеров «серебряного» возраста способно серьезно поспособствовать разработке специальных мероприятий, проектов и программ, способствующих повышению эффективности социальной адаптации лиц «третьего» возраста, которые не только могут, но и желают применить свой богатый жизненный опыт и оставшиеся силы на благо всего общества.

Библиографический список

1. Сорокин Г.Г. Глобальное старение как демографический мейнстрим современности // Социум и власть. 2010, № 1, с. 30–33.
2. Писарев А.В. Демографическое старение в России: жизнедеятельность пожилого населения. РАН ИСПИ. М.: ЦСП, 2005 (ПИК ВИНИТИ), 254 с.
3. Барсуков В.Н., Чекмарева Е.А. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста // Проблемы развития территории. 2017, № 3, с. 92–108.
4. Горлова Н.И. Вовлечение волонтеров «серебряного возраста» в практику добровольческой деятельности (на примере деятельности волонтерских центров России. Сочи–2014). В сборнике: Мир культуры: Культуроведение, Культурография, культурология. Сборник научных трудов. Курск. 2016, с. 73–80.
5. Быкова Т.А. Социальная политика в отношении граждан пожилого возраста: опыт и перспективы развития. В сборнике: Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. Материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Ответственный редактор Ю.Ю. Шурыгина. 2017, с. 3–4.
6. Протасова С.В. Социальная защита: состояние и тенденции развития. В сборнике: Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н.С. Антонова. 2018, с. 246–250.
7. Ульянова Е.В. Модели взаимодействия государственного сектора и общественных организаций в сфере волонтерской деятельности: социокультурный анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018, т. 23, № 74, с. 116–121.
8. Соболева Е.В. Активное долголетие как способ преодоления возрастного социального неравенства. В сборнике: Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. Материалы VI Международной научной конференции. Ответственный редактор С.Г. Ивченков. 2018, с. 176–180.
9. Никитина Р.Г. Организации деятельности пожилых волонтеров в целях оказания помощи семьям, имеющих детей-инвалидов. В сборнике: Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н.С. Антонова. 2018, с. 220–223.
10. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Волонтеры «серебряного возраста»: регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017, № 4, с. 35–47.
11. Кряжев К. «Серебряное» волонтерство: помогать можно в любом возрасте. [Электронный ресурс]—Режимдоступа: https://ria.ru/sn_volunteers/20180131/1513516638.html (дата обращения 10.11.2019).
12. Единая информационная система «Добровольцы России». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://добровольцыроссии.рф/projects/> (дата обращения 10.11.2019).

13. Серебряные волонтеры. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://shagvpered.org/serebryanye-volontery/> (дата обращения 18.11.2019).
14. Кто такие волонтеры «серебряного» возраста. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://fingazeta.ru/lifestyle/sobytiya/450317/> (дата обращения 18.11.2019).

List of References

1. Sorokin G.G. Global'noe starenie kak demograficheskii meinstrim sovremennosti // Sotsium i vlast'. 2010, № 1, s. 30–33.
2. Pisarev A.V. Demograficheskoe starenie v Rossii: zhiznedeyatel'nost' pozhilogo naseleniya. RAN ISPI. M.: TsSP, 2005 (PIK VINITI), 254 s.
3. Barsukov V.N., Chekmareva E.A. Posledstviya demograficheskogo stareniya i re-sursnyi potentsial naseleniya «tret'ego» vozrasta // Problemy razvitiya territorii. 2017, № 3, s. 92–108.
4. Gorlova N.I. Vovlechenie volonterov «serebryanogo vozrasta» v praktiku dobrovol'cheskoi deyatel'nosti (na primere deyatel'nosti volonterskikh tsentrov Rossii. Sochi–2014). V sbornike: Mir kul'tury: Kul'turovedenie, Kul'turografiya, kul'turologiya. Sbornik nauchnykh trudov. Kursk. 2016, s. 73–80.
5. Bykova T.A. Sotsial'naya politika v otnoshenii grazhdan pozhilogo vozrasta: opyt i perspektivy razvitiya. V sbornike: Formy i metody sotsial'noi raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeyatel'nosti. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 55-letiyu Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya. Otvetstvennyi redaktor Yu.Yu. Shurygina. 2017, s. 3–4.
6. Protasova S.V. Sotsial'naya zashchita: sostoyanie i tendentsii razvitiya. V sbornike: Sotsial'naya bezopasnost' i sotsial'naya zashchita naseleniya v sovremennykh usloviyakh. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otvetstvennyi redaktor N.S. Antonova. 2018, s. 246–250.
7. Ul'yanova E.V. Modeli vzaimodeistviya gosudarstvennogo sektora i obshchestvennykh organizatsii v sfere volonterskoi deyatel'nosti: sotsiokul'turnyi analiz // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2018, t. 23, № 74, s. 116–121.
8. Soboleva E.V. Aktivnoe dolgoletie kak sposob preodoleniya vozrastnogo sotsial'nogo neravenstva. V sbornike: Sotsial'noe neravenstvo sovremennosti: novaya real'nost' nauchnogo osmysleniya. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Otvetstvennyi redaktor S.G. Ivchenkov. 2018, s. 176–180.
9. Nikitina R.G. Organizatsii deyatel'nosti pozhilykh volonterov v tselyakh okazaniya pomoshchi sem'yam, imeyushikh detei-invalidov. V sbornike: Sotsial'naya bezopasnost' i sotsial'naya zashchita naseleniya v sovremennykh usloviyakh. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otvetstvennyi redaktor N.S. Antonova. 2018, s. 220–223.
10. Ambarova P.A., Zborovskii G.E. Volontery «serebryanogo vozrasta»: regulirovanie temporal'nykh strategii povedeniya vozrastnoi obshchnosti // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2017, № 4, s. 35–47.
11. Kryzhev K. «Serebryanoe» volonterstvo: pomogat' mozhoz v lyubom vozraste. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: https://ria.ru/sn_volunteers/20180131/1513516638.html (data obrashcheniya 10.11.2019).

12. Edinaya informatsionnaya sistema «Dobrovol'tsy Rossii». [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://добровольцыроссии.рф/projects/> (data obrashcheniya 10.11.2019).
13. Serebryanye volonteriy. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://shag-vpered.org/serebryanye-volontery/> (data obrashcheniya 18.11.2019).
14. Kto takie volonteriy «serebryanogo» vozrasta. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://fingazeta.ru/lifestyle/sobytiya/450317/> (data obrashcheniya 18.11.2019).

Контактная информация / Contact Information

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, кафедра статистики, 117997, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36, корп. 3, офис 539 / Plekhanov Russian University of Economics, Department of Statistics, office 539, building 3, 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, The Russian Federation

Золотарева Ольга Анатольевна / Olga A. Zolotareva

+7 (499) 237-93-49, e-mail: Zolotareva.OA@rea.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-241-265

ВОЗМОЖНОСТИ ОЦЕНКИ МАСШТАБОВ ВКЛЮЧЕННОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ В ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКУ OPPORTUNITIES TO ASSESS THE EXTENT OF HOUSEHOLD INVOLVEMENT IN THE SHARING ECONOMY

КУЧМАЕВА Оксана Викторовна

Профессор кафедры народонаселения
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, д.э.н.

Oksana V. KUCHMAEVA

Professor of the Department of Population
of Lomonosov Moscow State University,
Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

Одним из последствий распространения цифровых технологий является формирование модели шеринг-экономики, в которой пользователи делят недоиспользуемые ими в настоящий момент активы для получения материальных и нематериальных выгод. Шеринг-экономика получает все боль-

шее распространение в России. Благодаря шеринг-экономике различные группы потребителей решают проблемы в сфере занятости, сбора средств на проекты, получения услуг и приобретения товаров. Значительная часть исследований затрагивает проблемы оценки масштабов шеринг-экономики, ее вклада в экономическое развитие стран, оценку экономического эффекта шеринг-моделей для владельцев цифровых платформ.

В экономику совместного потребления вовлечены различные социальные группы, и масштабы их включенности и получаемый эффект весьма дифференцированы. Цель работы – определение возможностей и источников информации для получения достоверной информации о включенности различных социально-демографических групп в шеринг-экономику и влиянии шеринг-экономики на их качество жизни. Особый интерес в контексте включенности в шеринг-экономику представляют домохозяйства с детьми как одна из наименее социально защищенных групп населения. Необходима оценка вклада шеринг-экономики в развитие личной экономической инициативы и мобильности, улучшения экономического положения различных типов домохозяйств, развития модели социальной политики. Масштабные выборочные исследования позволили бы получить необходимую доказательную эмпирическую базу для проверки исследовательских гипотез. Корректировка программ обследований, проводимых Росстатом, позволила бы решить важные исследовательские задачи по оценке роли шеринг-экономики в жизни российских домохозяйств.

ABSTRACT

One of the consequences of the spread of digital technologies is the formation of a sharing economy model in which users divide the currently underutilized assets to obtain tangible and intangible benefits. The sharing economy is becoming more widespread in Russia. Thanks to the sharing economy, various groups of consumers solve problems in the field of employment, raising funds for projects, obtaining services and purchasing goods. A significant part of the research deals with the problems of assessing the scale of the sharing economy, its contribution to the economic development of countries, and assessing the economic effect of sharing models for owners of digital platforms. Different social groups are involved in the economy of shared consumption, and the

extent of their involvement and the resulting effect are highly differentiated. The purpose of the work is to identify opportunities and sources of information for obtaining reliable information about the inclusion of various socio-demographic groups in the sharing economy and the impact of the sharing economy on their quality of life. Of particular interest in the context of inclusion in the sharing economy are households with children as one of the least socially protected groups of the population. It is necessary to assess the contribution of the sharing economy to the development of personal economic initiative and mobility, improving the economic situation of different types of households, and developing a social policy model. Large-scale sample studies would provide the necessary evidence-based empirical basis for testing research hypotheses. Adjusting the survey programs carried out by Rosstat would allow solving important research tasks to assess the role of the sharing economy in the life of Russian households.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Шеринг-экономика, экономика совместного пользования, реципрокация, экономика домохозяйств, домохозяйства с детьми, домохозяйства в шеринг-экономике.

KEYWORDS

Sharing economy, sharing economy, reciprocity, household economy, households with children, households in the sharing economy.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из результатов трансформации человеческих коммуникаций под воздействием цифровых технологий можно считать распространение в последние годы «sharing-economy» («шеринг-экономики»), или «экономики совместного потребления». Ее демократичные и понятные принципы сочетаются с традициями реципрокации, взаимопомощи, обмена, которые на протяжении столетий были характерны для различных групп населения. С развитием технологий люди обращаются к практике совместного потребления, значительно расширяя круг участников

и партнеров — до масштабов страны или даже всего мира. Явление sharing-economy вошло в составленный журналом Time список идей, которые изменят мир в ближайшем будущем [1]. Оценка масштабов шеринг-экономики и ее динамики впечатляют. Мировой рынок шеринга составил в 2015 г. \$15 млрд и в перспективе достигнет \$335 млрд к 2025 г. [2].

Концепция модели экономики совместного потребления, изложенная Рэйчел Ботсман и Ру Роджерс в книге «What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption», заключается в том, что в ряде случаев иметь товары/услуги в совместном или временном пользовании выгоднее, чем обладать ими, благодаря снижению издержек [3]. Неиспользуемая в данный момент собственность предоставляется в пользование другим субъектам на постоянной или временной основе.

Шеринг-экономика получает все большее распространение в России. В 2016 г. Россия была признана одной из десяти стран с быстроразвивающейся цифровой экономикой [4]. По оценкам специалистов, в 2018 г. объем транзакций на основных платформах экономики совместного пользования в России составил около 511 млрд руб. В сравнении с 2017 г. показатель вырос примерно на 30% [5]. Доклад Российской ассоциации электронных коммуникаций рассматривает вклад экономики совместного потребления в решение стратегических задач развития России до 2024 г.

Ежегодно в России на С2С¹-платформах приблизительно 8 млн пользователей становятся продавцами, 10 млн — покупателями [6]. Основной вклад в масштабы и динамику экономики совместного пользования вносят именно С2С-продажи (72% от объема транзакций в 2018 г.), услуги частных лиц-фрилансеров (19%), транспорт (каршеринг и карпулинг — каждый приблизительно по 2,5%) и краткосрочная P2P² — аренда жилых помещений (2%) [5, с.

¹ С2С (Consumer-to-Consumer) — «потребитель для другого потребителя». По сути, речь идет о коммерческих транзакциях между потребителями — физическими лицами; в юридическом смысле слова они не являются предпринимателями.

² P2P (Peer-to-Peer) — компьютерные сети, основанные на равноправии участников.

14]. Шеринг-экономика охватывает значительное число потребителей.

Масштабы страны, недостаточная плотность железнодорожно-го сообщения, относительно высокие цены на услуги транспорта привели к тому, что российский рынок карпулинга имеет весьма значительный объем: карпулинг-сообщество России насчитывает около 16 млн чел. и является самым крупным в Европе [5, с. 13].

Исследователи выделяют ряд характеристик экономики совместного потребления, делая акцент на роли современных цифровых технологий. Значительная часть публикаций затрагивает экономический эффект для участников рынка, прежде всего владельцев цифровых платформ. В экономику совместного потребления вовлечены различные социальные группы, и масштабы их включенности и получаемый эффект весьма дифференцированы. Однако насколько достоверно мы можем оценить влияние шеринг-экономики на жизнь людей в условиях имеющегося информационного поля?

Цель работы — определение возможностей и источников информации для получения достоверной информации о включенности различных социально-демографических групп в шеринг-экономику и оценки влияния шеринг-экономики на их качество жизни.

Пока, с точки зрения статистики, шеринг-экономика относится, по сути, к ненаблюдаемой экономике, хотя и охватывает значительную часть потребителей.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКИ

Несмотря на сравнительно небольшой срок существования, современная модель шеринг-экономики имеет несколько определенных, в рамках которых авторы ставят акцент на отдельных значимых характеристиках.

Совместное потребление рассматривается как процесс передачи того, что принадлежит одной группе лиц, в пользование другим лицам [7, р. 126]. Экономику совместного потребления определяют как экономическую модель, в которой пользователи делят не-

доиспользуемые ими в настоящий момент активы для получения материальных и нематериальных выгод [8, р. 23–25].

Ряд авторов делает акцент на современных технологиях, использование которых приводит к культурным, технологическим и экономическим преобразованиям [3; 9]. Экономика совместного потребления представляет собой «деятельность по принципу P2P для получения совместного доступа к товарам и услугам, которая координируется онлайн-услугами на уровне сообществ» [10, р. 1], тем самым связывает продавцов и покупателей с помощью цифровых платформ. Экономика совместного потребления рассматривается как совокупность интернет-платформ, способствующих процессам обмена между пользователями [10; 11]. Отмечается, что огромное влияние на создание различных улучшенных способов обмена, а также усовершенствование старых форм совместного пользования оказывает Web 2.0 [13, р. 7–23].

Исследователи полагают, что экономика совместного потребления приводит к построению социальных связей между пользователями [14; 15].

Экономика совместного потребления позволяет использовать инструменты аренды, бартера, совместного использования [16, р. 126–140; 14; 17] для доступа к необходимым товарам и услугам вместо владения ими.

Подводя итог, можно сказать, что существует несколько определенных шеринг-экономики, однако общим моментом выступает ее характеристика как деятельности для получения совместного доступа к товарам и услугам, которая координируется онлайн-услугами на уровне сообществ. Большая часть исследователей подчеркивает роль Интернета, благодаря которому сформировалась современная модель шеринг-экономики.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКИ

Формирование современной модели шеринг-экономики обусловлено влиянием совокупности трендов мирового социального и

экономического развития. Достаточно большое количество исследований посвящено факторам распространенности шеринг-экономики в различных сегментах экономики, в частности туристическом бизнесе и сфере аренды жилья, каршеринге [18; 19, р. 89–120; 20; 21, р. 25–35; 22]. Важным фактором выступает глобализация экономической и социальной жизни, приводящая к унификации потребительского поведения, что позволяет использовать модели, апробированные в одной стране, во всем мире, а также создавать глобальные проекты, не ограниченные границами конкретных стран.

Прежде всего необходимо отметить, что развитие современных коммуникаций, интернет-сетей и сетевых сообществ существенно изменило модели социального и экономического взаимодействия между людьми в различных странах — и Россия не является исключением. Возникли новые возможности общения, поиска информации, выстраивания личных и профессиональных отношений, осуществления финансовых операций.

Радикальная трансформация используемых технологий ведет к изменению организационно-экономических отношений. Существенно повышается гибкость организации производственных процессов. Особенностью процессов производства и потребления стала их увеличивающаяся индивидуализация. Еще одним фактором распространенности шеринг-моделей выступает растущая сложность бизнес-среды, что приводит к поиску новых форм социального взаимодействия между работодателем и сотрудниками, производителем и потребителями, а также стимулирует развитие экономики совместного потребления.

Укрепление горизонтальных связей в обществе на основе интернет-технологий позволяет людям оптимизировать потребительские расходы и существенно повысить качество жизни, используя принципы совместного потребления.

В России увеличивается распространенность использования сети Интернет различными группами пользователей. В ходе комплексного обследования условий жизни населения (раунд обследования 2018 г.) 72,9% респондентов старше 15 лет ответили, что

пользуются Интернетом. Для осуществления финансовых операций использует Интернет каждый седьмой россиянин; около 6% — выходит в Интернет для поиска или выполнения оплачиваемой работы (5,7%), 15–17% — для приобретения товаров, чаще при покупке одежды, обуви и бытовой техники³.

В условиях интеллектуализации экономики происходит трансформация всех видов собственности. К особенностям отношений собственности относится многообразие ее форм, их переплетение, в основе чего лежит тенденция распределения прав собственности между рядом субъектов. Это «переплетенная» собственность, сетевая собственность, перекрестная собственность, «гибридная» собственность и др. «Переплетенная собственность» предполагает наличие множества разнородных собственников; неопределенные границы между общественными и частными формами собственности с развитием гибридных форм; перекрестное владение собственностью.

Согласно отчету компании ГФК «Глобальные тренды и российский потребитель — 2017» [23], факторы, оказывающие влияние на поведение потребителей, актуальны и для России. Среди ключевых тенденций можно выделить демографические: урбанизацию и миграцию, старение населения (рост числа консервативных пожилых потребителей с высокими требованиями к качеству и удобству), преобладание нуклеарных семей (относительно высокая обеспеченность), равномерное распределение гендерных ролей в принятии решения о покупке.

Отдельное место занимает проблематика доверия к услугам шеринг-экономики. Важная социальная детерминанта — уровень социального доверия в обществе, под воздействием которого развиваются различные формы шеринга. Ряд исследований посвящен ведущей роли онлайн-обзоров, которые формируют репутацию [24, р. 618–644; 25].

³ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html

Использование платформ экономики совместного потребления несет определенный экологический эффект, способствует сохранению ресурсов, положительно влияет на окружающую среду [26]: экономятся природные богатства, ресурсы не уходят на производство лишних вещей. Экологическая значимость шеринга является фактором участия для части пользователей.

Использование потребителями модели шеринг-экономики связано с традициями реципрокации — цифровые технологии расширяют возможность взаимопомощи, используя в качестве средства платежа не только деньги, но и затраты времени.

Все перечисленные факторы способствуют включенности в число пользователей шеринг-экономики различных групп потребителей, решающих с ее помощью проблемы в сфере занятости, сбора средств на проекты, получения услуг и приобретения товаров.

КЛАССИФИКАЦИЯ ШЕРИНГ-МОДЕЛЕЙ

Многообразие сфер деятельности, затрагиваемых шеринг-экономикой, приводит к необходимости проведения классификации, прежде всего с точки зрения объектов шеринга и характера взаиморасчетов.

Бизнес-модели экономики совместного потребления внедряются в различных отраслях — аренде недвижимости и иных вещей, транспорте. Интерес исследователей и практиков привлекает оценка эффективности использования шеринговых моделей бизнесе, например совместных рабочих пространств (коворкинг); сообществ автопопутчиков (карпулинг); краткосрочной аренды помещений – жилых и офисных; совместного финансирования проектов (краудфандинг); продажи товаров; аренды вещей; онлайн-биржи самозанятых исполнителей (фриланс).

Классификация шеринг-моделей, затрагивающих поведение различных групп частных пользователей, домохозяйств, в зависимости от объекта шеринга может быть представлена следующим образом:

1. Краткосрочная аренда жилья напрямую у собственников. При этом выделяют как довольно традиционную аренду за деньги

(AirBnB.ru, Rentmania.ru, Next2U.ru, ЦИАН и др.), так и сдачу жилья в обмен на оказание каких-либо услуг (Obmen Domami, Home-Exchange, Home for Exchange, Homelink, CouchSurfing, BeWelcome, HomeAway), достаточно часто формальной денежной платы с гостей не берут. Основная идея подобных сервисов — взаимопомощь путешественников, культурный обмен.

2. Прокат вещей (BelkaCar, Velobike, Avito.ru, Next2U.ru, Rentmania.ru, «Арендориум», Locolo). Ряд платформ специализируются на отдельных видах товаров, например: Toyrent (сервис аренды детских игрушек), Dress Up Bar (прокат платьев).

3. Продажа, обмен или дарение вещей (Avito.ru, BookCrossing, «Свалка», «Лавка радостей», «Крок и Зябра»).

Существуют сайты, выполняющие значительную социальную функцию. В проекте «Свалка» принимают ненужные в данный момент собственнику вещи — одежду, игрушки, технику, посуду и т.п., приводят их в порядок, а затем продают. Вырученные средства идут на благотворительность. Так же работает магазин одежды «Лавка радостей». В проект «Крок и Зябра» можно отнести ненужные детские вещи — их передадут нуждающимся или продадут по минимальной цене.

4. Совместное финансирование поездок (BlaBlaCar.ru, BeepCar.ru, TwoGo, Довезу!ru, «ДаДаЕду»). Причина появления данных сервисов — рост цен на бензин. В крупных городах основанием для совместных поездок по городу выступают также борьба с пробками и желание помочь решению экологических проблем.

5. Краудфандинг⁴ (planeta.ru, boomstarter, kickstarter).

6. Биржи фрилансеров (Profi.ru, YouDo.ru, Ремонтник.ру, Помогатель.ру, Ярмарка мастеров (livemaster.ru), Etsy.com). Каждый человек, обладающий теми или иными умениями и навыками, может напрямую оказывать услуги: парикмахерские, педагогические, сервисные, по уборке квартир, обучению, ремонту, обслуживанию компьютеров и техники и т.д. — без необходимости при этом об-

⁴ Сбор средств на финансирование стартапа или идеи с помощью добровольных взносов.

ращаться к посреднику-фирме. Платформы напрямую связывают специалиста-представителя услуги и потребителя.

7. Коворкинг (Regus, Деловой, Kovorkingi.ru, SOK, Старт, Офис у дома).

Появляются сети даже для поиска партнера в путешествие, на вечеринку или деловой ужин (EatWith, Meal Sharing, Traveling Spoon и др.), для обмена медицинскими советами, методиками лечения, лекарствами. Расширяется пространство предоставления личных услуг: образовательных, консультационных, по уходу, помощи и др.

Credit Suisse выделил три типа совместного бизнеса: частные лица, продающие или арендующие свои собственные товары и услуги (Airbnb, TaskRabbit), платформы членства, которые позволяют людям легко арендовать предметы или получить доступ к услугам (Zipcar, eLance), и совместные сайты, на которых люди обмениваются в основном нематериальными услугами, такими как обзоры продуктов (TripAdvisor, Yelp), или знаниями (Wikipedia), а также более материальными вещами, такими как финансирование (Kickstarter, Lending Club) [27].

Независимо от объекта шеринга, все модели можно разделить на 3 группы:

- предусматривают финансовые расчеты (аренда жилья, оказание услуг за плату, продажа товаров);
- модели, при которых происходит обмен услуг (предоставление проживания за присмотр за домом и домашними животными, функционирование так называемых банков времени — оплата предоставленной услуги оказанием другого вида услуг, «обмен домами» на время отпуска);
- модели, реализующие прежде всего социальные функции, нацеленные на вовлечение в благотворительность (краудфандинг социальных проектов, дарение вещей).

Очевидно, что различные категории пользователей в различной степени используют те или иные возможности, предоставляемые

шеринг-экономикой. Возраст, наличие семьи, местожительство, уровень дохода, образ жизни влияют на частоту использования тех или иных услуг, формируют потребности в платных или бесплатных сервисах. Комплексную оценку роли моделей шеринг-экономики в жизни потребителей можно получить на основе использования совокупности широкого круга качественных и количественных методов сбора данных, однако задачей исследования в этом случае должна быть оценка масштабов и результативности шеринг-экономики именно для пользователей, а не бизнеса.

ПОЛЬЗОВАТЕЛИ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследования выявляют характеристики бизнес-модели экономики совместного потребления, которые оказывают особое влияние на пользователей: социальные, экономические, экологические [28; 29, с. 66–82]. В работах рассматриваются последствия распространения шеринг-экономики с учетом классификации используемых ресурсов, в том числе стоимостных и временных [30; р. 37–54].

Появляются российские исследования [31], предметом которых прежде всего выступают оценка роли шеринг-экономики в формировании эффективной модели бизнеса и выявление маркетинговых стратегий [32; с. 71–90]. В исследованиях затрагиваются проблемы выявления типологических характеристик участников шеринг-моделей [33; с. 43–64].

В результате опроса пользователей экономики совместного потребления в 60 странах мира Nielsen были выявлены самые популярные услуги шеринг-экономики для пользователей: аренда электроники, частные уроки, аренда инструментов и оборудования, велотранспорта, одежда напрокат. По данным отчета, доступность и широкая распространенность цифровых технологий способствуют постоянному увеличению числа пользователей сервисами и среди старших поколений [34].

Как уже отмечалось, расширяется аудитория шеринг-экономики в России. Пользователи отмечают экономическую выгоду участия в такого рода проектах. Исследование, проведенное в России и спонсируемое Airbnb, показало, что почти 6 из 10 взрослых согласны с тем, что «возможность заимствовать или арендовать чью-либо собственность или имущество в Интернете — отличный способ сэкономить деньги» [35, с. 343–347].

Исследования, проводимые РАЭК, позволяют сформировать демографический портрет российского пользователя шеринг-экономики [5]. Среди пользователей наблюдается небольшой перевес в пользу мужчин (55%). В Европе перевес в пользу мужчин среди пользователей шеринг-экономики менее значительный (52 и 48% соответственно) [36]. В США исследователи фиксируют в этой сфере полный гендерный баланс [37]. Говоря о возрастных группах, стоит отметить сравнительно невысокий уровень вовлеченности в шеринг-экономику в России представителей старшего поколения. Лица старше 45 лет составляют лишь 5% от общей численности пользователей. Страны Европы демонстрируют более равномерное распределение пользователей шеринг-экономики по возрасту в силу более высокого уровня цифровой грамотности и экономической активности старшего населения: 56% пользователей в возрасте от 55 лет пользуются платформами шеринг-экономики.

Исследования демонстрируют опережающее развитие шеринг-экономики в российских городах-миллионниках, поскольку здесь шеринг-сообществам легче набрать критическую массу спроса и предложения [5, с. 12]. Однако данный вывод скорее отражает только экономическую сторону эффективности шеринг-экономики.

С целью выявить наиболее популярные сервисы экономики совместного потребления осенью 2017 г. был проведен онлайн-опрос 10 000 российских пользователей экономики совместного потребления. Однако доля ответивших респондентов составила около 20%, в результате выборка составила лишь 2047 респондентов

[29, с. 66–82]. Исследование показало, что россияне наиболее часто используют такие сервисы, как аренда услуг или вещей, краткосрочная аренда / сдача в аренду квартир у частных лиц, междугородные поездки и покупка вещей на онлайн-платформах (40–50% опрошенных).

Однако такого рода исследования дают возможность выявить отношение к шеринг-экономике не всего населения, а лишь активных пользователей Интернета. Кроме того, заказчика обычно интересуют вопросы экономической эффективности вовлеченности тех или иных групп пользователей в шеринг-экономику. Практически отсутствуют результаты представительных эмпирических исследований о структуре домохозяйств, являющихся пользователями шеринг-моделей, в том числе домохозяйств с детьми, решение каких проблем берет на себя шеринг-экономик.

ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКА И ДОМОХОЗЯЙСТВА С ДЕТЬМИ

Шеринг-экономика затрагивает повседневную жизнь различных групп населения, домохозяйств, она вносит в первую очередь существенные изменения в модели и практики потребления. Особый интерес в контексте включенности в шеринг-экономику представляют домохозяйства с детьми как одна из наименее социально защищенных групп населения. Наличие ребенка или нескольких детей определяет специфику образа жизни домохозяйств, для которых характерны повышенный риск бедности и динамичное изменение потребностей.

Так, к примеру, в России колоссальное развитие получил обмен детскими вещами — как в интернет-сообществах, так и офлайн — среди друзей, знакомых, соседей. Дети быстро вырастают, часто ребенок не успевает снашивать одежду. С другой стороны, цены на детские товары весьма существенны для семьи. В связи с этим шеринг, часто переходящий в чистую «реципрокацию» (безвозмездную помощь, передачу вещей бесплатно) в отношении детских вещей, товаров, игрушек, — один из самых масштабных в рамках

«шеринг-экономики» в России. Путешествия для семей с детьми становятся доступнее с использованием шеринг-платформ. Развитие получают и так называемые банки времени, где люди обмениваются нужными услугами, в том числе по уходу за детьми и нетрудоспособными членами домохозяйств.

Наиболее заинтересованными участниками и потребителями выгод шеринг-экономики сегодня оказываются, как показывает предварительный анализ, небогатые семьи с детьми в крупных и средних городах. Коммуникация и возникновение сетевой сплоченности вокруг задач воспитания, обучения и обеспечения детей оказываются одними из самых активных линий развития шеринг-экономики в современном российском обществе. При этом в малых городах и сельской местности, по сути, сохранились традиции архаической модели шеринг-экономики — помощь местного сообщества и семейной группы.

Взаимоотношения производителя и покупателя также претерпевают изменения. Посредством Интернета появилась возможность напрямую — без посредничества торговых предприятий — покупать товары у производителей. Такая прямая закупка у производителей оказывается гораздо более выгодной, особенно если покупатели объединяются в группы, кооперируются (так называемая потребительская кооперация), чему способствуют интернет-платформы и соцсети. Так, немало семей в России в крупных и средних городах объединились в потребительские группы и покупают экологически чистые продукты непосредственно у производителей сельскохозяйственной продукции.

Модель шеринг-экономики влияет на характер занятости, уровень и образ жизни домохозяйств с детьми. Поиск временных заработков, возможность выполнения работ и оказания услуг через Интернет, через те или иные сетевые сообщества — прекрасная возможность для мам, воспитывающих малолетних детей, не выходить раньше времени на работу на полный рабочий день. Современная цифровая экономика существенно расширяет эти возможности.

Таким образом, шеринг-экономика влияет на возможности занятости родителей и других членов домохозяйств с детьми, их потребительское поведение (приобретение товаров и услуг, участие в услугообмене), меняет характер проведения досуга и отдыха, расширяет возможности социального взаимодействия. Однако мы пока не можем дать количественные оценки включенности различных типов домохозяйств в шеринг-экономику, определить ее вклад в экономическое благополучие и бюджеты домохозяйств. Включенность домохозяйств в шеринг-экономику меняет не только потребительское поведение и вносит финансовый вклад в бюджет домохозяйства, но и влияет на затраты времени, образ жизни. Мы практически ничего не знаем о шеринг-экономике вне Web. По сути, можно говорить не только о «ненаблюдаемой экономике» применимо к домохозяйствам, но и целом скрытом в тени сегменте их социальной жизни.

Источники данных и методы наблюдения

Обзор проводимых исследований в сфере сбора данных о масштабах, параметрах, тенденциях и эффективности шеринг-экономики позволяет сказать, что для сбора данных о шеринг-экономике используются различные способы. Методы включают анализ данных веб-платформ, компаний экономики совместного потребления, операторов онлайн-платежей; масштабные опросы интернет-пользователей; локальные очные опросы пользователей шеринг-экономики (чаще всего 2000–3000 респондентов); экспертные опросы (формализованные и неформализованные); фокус-группы пользователей.

Проводимые исследования преследуют своей целью в основном получение оценки эффективности деятельности в сфере шеринга, емкости рынка. Как уже отмечалось, практически отсутствуют данные, позволяющие оценить роль шеринга в жизни домохозяйств. Проводимые исследования не ориентированы на типологические группы домохозяйств.

Локальные выборочные обследования зачастую вызывают сомнения в контексте репрезентативности данных: выборочная совокупность представляет собой лишь активных пользователей Интернета. Это не дает возможности получить представление о распространенности использования шеринг-моделей среди всего населения страны, региона. Представительность совокупности и, как следствие, репрезентативность полученных результатов в ряде случаев оставляют желать лучшего.

Для исследования российского сегмента шеринг-экономики достоверную информацию могли бы предоставить выборочные обследования Росстата. Большинство исследовательских групп, проводящих опросы на территории России, ограничивают выборочную совокупность 1500–3000 респондентами (ВЦИОМ, Фонд «Общественное мнение», Циркон и ряд других), что достаточно для получения выводов в общероссийском масштабе, однако не дает возможность делать оценки в контексте мнений отдельных социально-демографических групп населения. Маркетинговые исследования характеризуются масштабным подходом к формированию выборки, однако в связи с тем, что интересы емкости рынка играют здесь ведущую роль, выборочная совокупность представляет в основном жителей крупных городов с населением свыше 100 тыс. чел. (TNS) или, реже, 10 тыс. чел. (Исследовательский центр «Ромир»). Другие типы поселений оказываются вне обследований. В последние годы Федеральная служба государственной статистики расширяет круг и программы масштабных выборочных обследований по социально-демографическим вопросам, объем выборки этих обследований позволяет получить репрезентативные оценки не только по России в целом, но и в разрезе субъектов РФ.

Программы выборочных исследований, проводимых Росстатом, в настоящее время включают ряд вопросов, анализ ответов на которые позволяет в какой-то мере приблизиться к пониманию масштабов и причин вовлеченности различных типов домохозяйств

в шеринг-экономику. Программы обследований актуализируются с учетом динамично меняющейся социально-экономической ситуации, возникновения и распространения новых социальных явлений. Так, в программу Обследования рабочей силы внесены вопросы, позволяющие изучать масштабы вахтовой занятости, распространенность волонтерства среди различных групп населения; Обследование доходов населения собирает информацию о работе по найму не только у юридических, но и физических лиц, в различных домохозяйствах.

Программа Обследования рабочей силы позволяет охарактеризовать условия и характер занятости, оказание услуг для других лиц за плату, поиск работы с помощью Интернета, волонтерскую деятельность. Это обследование проводится Росстатом ежемесячно, по представительной выборке, охватывающей 70 тыс. чел. С 2014 г. в рамках Выборочного обследования рабочей силы выявляется доля лиц, работающих на основе трудового договора о выполнении работы на дому с использованием Интернета⁵.

Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением проводится раз в 5 лет, выборочная совокупность составляет 10 тыс. домохозяйств⁶. Данное обследование позволяет получить представление о затратах времени на выполнение различной деятельности в основных сферах, в частности на трудовую деятельность, выполнение домашних обязанностей; уход за детьми и их воспитание.

Комплексное обследование условий жизни населения, проводимое с 2011 г. на совокупности 60 тыс. домохозяйств, позволяет, в частности, выявить потребности и характер использования домохозяйствами различных видов транспорта.

⁵ Данные Выборочного обследования рабочей силы. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/. Дата обращения: 19.10.2019.

⁶ Данные Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/index.html. Дата обращения: 19.10.2019.

Выборочная совокупность Обследования доходов населения и участия в социальных программах составляет 60 тыс. домохозяйств с периодическим (1 раз в 5 лет) увеличением объема выборки до 160 тыс. домашних хозяйств⁷. В ходе данного обследования собирается информация о том, какую работу за деньги выполняли члены домохозяйств, на каких условиях они работали; была ли у них подработка и другие поступления в семейный бюджет.

Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения охватывает 48 тыс. домохозяйств и проводится 1 раз в 2 года. В программу исследования входят вопросы, позволяющие выявить, насколько часто поиск работы осуществляется россиянами с помощью объявлений в Интернете; распространенность оказания необходимой помощи респондентам близкими людьми либо кем-то еще, бесплатно или за плату, в том числе в случае болезни.

Выборочное обследование населения по вопросам использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей выявляет доступ россиян к Интернету, способы и цели его использования; частоту использования интернет-сайтов аукционов (для покупки и продажи товаров), включенность в профессиональные сети, поиск работы с помощью Интернета. Ежемесячно в ходе этого обследования проводится опрос членов примерно 30 тыс. домохозяйств старше 15 лет⁸.

Отражение в программах выборочных исследований актуальных вопросов современной экономической и социальной жизни россиян позволяет надеяться, что масштабы шеринг-экономики также станут объектом их анализа.

⁷ Данные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2019/index.html. Дата обращения: 19.10.2019.

⁸ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.htm. Дата обращения: 14.10.2019.

Выводы

Оценка влияния развития шеринг-экономики на бюджеты российских домохозяйств только недавно привлекла внимание специалистов. В значительной части публикации о включении населения России в шеринг-экономику носят популярный характер и основываются на отдельных кейсах. И хотя рассмотрение эффекта шеринг-экономики увязывается с развитием современных технологий, не стоит упускать из виду необходимость учета традиционных форм экономики обмена, распространенность которых в российском обществе обусловлена как экономическими факторами (потребность в товарах и услугах, которые недоступны для домохозяйств с детьми на обычных рынках), так и социальными (общение и взаимодействие членов местной общины), культурологическими, в том числе экологическими, факторами.

Кроме того, анализ шеринг-экономики, ее последствий и эффективности производится в основном с позиции предложения услуг. Однако оценка эффекта вовлеченности в шеринг-экономику, влияния шеринг-экономики на уровень и качество жизни различных групп населения как потребителей практически не производилась.

Важной исследовательской задачей выступают исследование и оценка возможностей шеринг-экономики для развития личной экономической инициативы и экономической мобильности, повышения экономической устойчивости, а также улучшения экономического положения различных типов домохозяйств, в частности семей с детьми, инвалидов, малообеспеченных категорий граждан в России, развития модели социальной политики в стране. Масштабные выборочные исследования, проводимые Росстатом, позволили бы получить необходимую доказательную эмпирическую базу для проверки исследовательских гипотез. Корректировка программ обследований, проводимых Росстатом, даже без проведения отдельного специализированного обследования или увеличения выборочной совокупности позволила бы решить ряд важных исследовательских задач по оценке роли ше-

ринг-экономики в жизни российских домохозяйств, в частности домохозяйств с детьми:

- выявить типологические группы пользователей шеринг-экономики с учетом их социально-демографических характеристик, типов домохозяйств, роли экономики совместного потребления в бюджете домохозяйства;
- раскрыть специфику традиционных реципрокных моделей совместного потребления, связанных с устойчивыми формами внутрисемейной, родственной и соседско-дружеской взаимопомощи, дарообмена и услугуобмена и провести их сравнительный анализ с современными моделями шеринга;
- исследовать обмен услугами по присмотру за нетрудоспособными членами домохозяйств, за несовершеннолетними детьми, образовательными и социальными услугами, участие членов семейных групп в совместном решении бытовых и хозяйственных проблем и др., что позволяет экономить затраты времени и меняет структуру бюджетов финансов и времени различных домохозяйств, в первую очередь домохозяйств с детьми.

Библиографический список

1. Walsh B. 10 Ideas That Will Change the World. Today's Smart Choice: Don't Own. Share. Time. — Mar. 17, 2011. URL: http://content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,2059521_2059717_2059710,00.html (дата обращения: 15.12.2019).
2. Kindergeran A. Credit Suisse: By 2025, companies could rake in \$335 billion a year from people «sharing». — Nov. 17, 2015. URL: <https://www.businessinsider.com/credit-suisse-sharing-economy-revenue-335-billion-by-2025-2015-11> (дата обращения: 15.12.2019).
3. Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption, HarperBusiness, 2010. ISBN 978-0-06-196354-4.
4. Nielsen. What next in tech? // The Nielsen Company. — 2017. URL: https://www.nielsen.com/content/dam/nielsen-global/apac/docs/reports/2017/nielsen_what_next_in_tech_report.pdf (дата обращения: 15.12.2019).
5. Экономика совместного потребления в России 2018: модели, отрасли, тренды. РАЭК, 2019.
6. «С2С в российском Интернете», Avito, DataInsight, 2017 г.
7. Belk R. Why not share rather than own? // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 2007. — V. 611. — No. 1. — P. 126–140.

8. Botsman R. Sharing's not just for start-ups // Harvard business review. — 2014. — V. 92. — No. 9. — P. 23–25.
9. Schor J. Debating the sharing economy // Journal of Self-Governance & Management Economics. — 2016. — V. 4. — No. 3.
10. Hamari J., Sjoklint M., Ukkonen A. The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption // Journal of the Association for Information Science and Technology. — 2015.
11. Gansky L. The mesh: Why the future of business is sharing. — Penguin, 2010.
12. Grassmuck V.R. The Sharing Turn: Why we are generally nice and have a good chance to cooperate our way out of the mess we have gotten ourselves into, 2012.
13. Belk R. Sharing versus pseudo-sharing in Web 2.0 // Anthropologist. — 2014. — No. 18(1). — P. 7–23.
14. Botsman R., Rogers R. What's mine is yours: how collaborative consumption is changing the way we live, 2011.
15. Frenken K. et al. Smarter regulation for the sharing economy // The Guardian. — 2015. — V. 20.
16. Belk R. Why not share rather than own? // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 2007. — V. 611. — No. 1. — P. 126–140.
17. Zeithaml V.A., Bitner M.J., Gremler D.D. Services marketing: Integrating customer focus across the firm, 2006.
18. Rinne A. 2015 — The year of the sharing economy for cities? // World Economic Forum, published at 21.01.2015. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/01/2015-the-year-of-the-sharing-economy-for-cities> (дата обращения: 15.12.2019).
19. OECD. Policies for the tourism sharing economy // OECD Tourism Trends and Policies 2016, Organisation for Economic Co-operation and Development. — Paris: OECD Publishing, 2016. — P. 89–120.
20. Parker G., Van Alstyne M., Jiang X. Platform ecosystems: How developers invert the firm. — MIT Initiative on the Digital Economy, 2016. URL: <http://ide.mit.edu/sites/default/files/publications/Platform%20Ecosystems-%20How%20Developers%20Invert%20the%20Firm.pdf> (дата обращения: 15.12.2019).
21. Katsoni V. An investigation into the sharing economy phenomenon in the Greek tourism industry in the accommodation sector // Journal of Tourism and Regional Development. — 2017. — No. 7. — P. 25–35.
22. Tussyadiah I., Pesonen J. Drivers and Barriers of Peer-to Peer Accommodation Stay — An Exploratory Study with American and Finnish // Current Issues in Tourism. — 2016.
23. Демидов А.М. Глобальные тренды и российский потребитель. Gfk rus. 2017. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Gfk-Global-Russian-Trends-Sep_2017_Report.pdf (дата обращения: 15.12.2019).
24. Josang A., Ismail R., Boyd C. A survey of trust and reputation systems for online service provision // Decision support systems. — 2007. — 43(2). — P. 618–644.
25. Resnick P., Zeckhauser R. Trust among strangers in Internet transactions: empirical analysis of eBay's reputation system. Advances in Applied Microeconomics, 2002.
26. Bos M., Cuddy A., Doherty K. OPOWER: Increasing energy efficiency through normative influence (B), 2012.

27. Kindergan A. Credit Suisse: By 2025, companies could rake in \$335 billion a year from people «sharing». <https://www.businessinsider.com/credit-suisse-sharing-economy-revenue-335-billion-by-2025-2015-11> (дата обращения: 15.12.2019).
28. Calcagni F., Lipschutz R., Bontempi A. Myths of the Sharing Economy: drivers of and barriers to real sharing practices, 2017.
29. Шалаева А.А., Ребязина В.А., Смирнова М.М. Экономика совместного потребления как новая бизнес-модель // Инновации маркетинговых моделей российских компаний в эпоху диджитал-трансформации / под ред. О.У. Юлдашева. СПб.: СПбГЭУ, 2018. — С. 66–82.
30. Baojun J., Lin T. The Strategic and Economic Implications of Consumer-to-Consumer Product Sharing // Sharing Economy Making Supply Meet Demand. — 2019. — Rotman School of Management University of Toronto. — Toronto, Canada. P. 37–54.
31. Кузнецов А. Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. — № 1.
32. Качони В., Шерешева М.Ю. Экономика совместного потребления в индустрии гостеприимства и туризма. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2019. — № 1. — С. 71–90.
33. Тищенко Н.А., Тищенко О.Э., Ребязина В.А., Слободчук Ю.А. Факторы потребительского поведения в сфере экономики совместного потребления в России на примере компании Airbnb // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. 2019. — № 2. — С. 43–64.
34. Nielsen. What next in tech? // The Nielsen Company. 2017. URL: https://www.nielsen.com/content/dam/niensenglobal/apac/docs/reports/2017/nielsen_whats_next_in_tech_report.pdf (дата обращения: 15.12.2019).
35. Соловьева Е.О. Совместное потребление в современной экономике // Эффективное управление. Сб. материалов 4-й научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного профессора Московского университета М.И. Панова (27 октября 2017 г.). М.: Полиграф сервис, 2018. — С. 343–347.
36. Exploratory Study of consumer issues in peer-to-peer platform markets, VVA, Milieu, GfK, 2017.
37. Smith A. Shared, Collaborative and On Demand: The New Digital Economy, Pew Research, 2016.

List of References

1. Walsh B. 10 Ideas That Will Change the World. Today's Smart Choice: Don't Own. Share. Time. — Mar. 17, 2011. URL: http://content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,2059521_2059717_2059710,00.html (accessed: 15.12.2019).
2. Kindergan A. Credit Suisse: By 2025, companies could rake in \$335 billion a year from people «sharing». — Nov. 17, 2015. URL: <https://www.businessinsider.com/credit-suisse-sharing-economy-revenue-335-billion-by-2025-2015-11> (accessed: 15.12.2019).
3. Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption, HarperBusiness, 2010. ISBN 978-0-06-196354-4.
4. Nielsen. What next in tech? // The Nielsen Company. — 2017. URL: https://www.nielsen.com/content/dam/niensenglobal/apac/docs/reports/2017/nielsen_whats_next_in_tech_report.pdf (accessed: 15.12.2019).
5. Ekonomika sovместnogo potrebleniya v Rossii 2018: modeli, otrasli, trendy. RAEK, 2019.

6. «C2C v rossiiskom Internete», Avito, DataInsight, 2017 g.
7. Belk R. Why not share rather than own? // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. — 2007. — V. 611. — No. 1. — P. 126–140.
8. Botsman R. Sharing's not just for start-ups // *Harvard business review*. — 2014. — V. 92. — No. 9. — P. 23–25.
9. Schor J. Debating the sharing economy // *Journal of Self-Governance & Management Economics*. — 2016. — V. 4. — No. 3.
10. Hamari J., Sjoklint M., Ukkonen A. The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. — 2015.
11. Gansky L. *The mesh: Why the future of business is sharing*. — Penguin, 2010.
12. Grassmuck V.R. *The Sharing Turn: Why we are generally nice and have a good chance to cooperate our way out of the mess we have gotten ourselves into*, 2012.
13. Belk R. Sharing versus pseudo-sharing in Web 2.0 // *Anthropologist*. — 2014. — No. 18(1). — P. 7–23.
14. Botsman R., Rogers R. *What's mine is yours: how collaborative consumption is changing the way we live*, 2011.
15. Frenken K. et al. Smarter regulation for the sharing economy // *The Guardian*. — 2015. — V. 20.
16. Belk R. Why not share rather than own? // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. — 2007. — V. 611. — No. 1. — P. 126–140.
17. Zeithaml V.A., Bitner M.J., Gremler D.D. *Services marketing: Integrating customer focus across the firm*, 2006.
18. Rinne A. 2015 — The year of the sharing economy for cities? // *World Economic Forum*, published at 21.01.2015. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/01/2015-the-year-of-the-sharing-economy-for-cities> (accessed: 15.12.2019).
19. OECD. *Policies for the tourism sharing economy* // *OECD Tourism Trends and Policies 2016, Organisation for Economic Co-operation and Development*. — Paris: OECD Publishing, 2016. — P. 89–120.
20. Parker G., Van Alstyne M., Jiang X. *Platform ecosystems: How developers invert the firm*. — MIT Initiative on the Digital Economy, 2016. URL: <http://ide.mit.edu/sites/default/files/publications/Platform%20Ecosystems-%20How%20Developers%20Invert%20the%20Firm.pdf> (accessed: 15.12.2019).
21. Katsoni V. An investigation into the sharing economy phenomenon in the Greek tourism industry in the accommodation sector // *Journal of Tourism and Regional Development*. — 2017. — No. 7. — P. 25–35.
22. Tussyadiah I., Pesonen J. *Drivers and Barriers of Peer-to Peer Accommodation Stay — An Exploratory Study with American and Finnish* // *Current Issues in Tourism*. — 2016.
23. Demidov A.M. *Global'nye trendy i rossiiskii potrebitel'*. Gfk rus. 2017. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Gfk-Global-Russian-Trends-Sep_2017_Report.pdf (accessed: 15.12.2019).
24. Josang A., Ismail R., Boyd C. A survey of trust and reputation systems for online service provision // *Decision support systems*. — 2007. — 43(2). — P. 618–644.
25. Resnick P., Zeckhauser R. Trust among strangers in Internet transactions: empirical analysis of eBay's reputation system. *Advances in Applied Microeconomics*, 2002.

26. Bos M., Cuddy A., Doherty K. OPOWER: Increasing energy efficiency through normative influence (B), 2012.
27. Kindergan A. Credit Suisse: By 2025, companies could rake in \$335 billion a year from people «sharing». <https://www.businessinsider.com/credit-suisse-sharing-economy-revenue-335-billion-by-2025-2015-11> (accessed: 15.12.2019).
28. Calcagni F., Lipschutz R., Bontempi A. Myths of the Sharing Economy: drivers of and barriers to real sharing practices, 2017.
29. Shalaeva A.A., Rebyazina V.A., Smirnova M.M. *Ekonomika sovместnogo potrebleniya kak novaya biznes-model' // Innovatsii marketingovykh modelei rossiiskikh kompanii v epokhu didzhital transformatsii / pod red. O.U. Yuldasheva. SPb.: SPbGEU, 2018. — S. 66–82.*
30. Baojun J., Lin T. The Strategic and Economic Implications of Consumer-to-Consumer Product Sharing // Sharing Economy Making Supply Meet Demand. — 2019. — Rotman School of Management University of Toronto. — Toronto, Canada. P. 37–54.
31. Kuznetsov A. Kraudfanding: aktual'nye voprosy regulirovaniya // Den'gi i kredit. 2017. — № 1.
32. Katsoni V., Sheresheva M.Yu. *Ekonomika sovместnogo potrebleniya v industrii gostepriimstva i turizma. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 6. Ekonomika. 2019. — № 1. — S. 71–90.*
33. Tishchenko N.A., Tishchenko O.E., Rebyazina V.A., Slobodchuk Yu.A. *Factory potrebitel'skogo povedeniya v sfere ekonomiki sovместnogo potrebleniya v Rossii na primere kompanii Airbnb // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 6. Ekonomika. 2019. — № 2. — S. 45–64.*
34. Nielsen. What next in tech? // The Nielsen Company. 2017. URL: https://www.nielsen.com/content/dam/nielsen/global/apac/docs/reports/2017/nielsen_whats_next_in_tech_report.pdf (accessed: 15.12.2019).
35. Solov'eva E.O. *Sovместное потребление v sovremennoi ekonomike // Effektivnoe upravlenie. Sb. materialov 4-i nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati zaslužennogo professora Moskovskogo universiteta M.I. Panova (27 oktyabrya 2017 g.). M.: Poligraf servis, 2018. S. 345–347.*
36. Exploratory Study of consumer issues in peer-to-peer platform markets, VVA, Milieu, GfK, 2017.
37. Smith A. Shared, Collaborative and On Demand: The New Digital Economy, Pew Research, 2016.

Контактная информация / Contact Information

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 3-й учебный корпус, экономический факультет, кафедра народонаселения (к. 462–466) / Lomonosov Moscow State University, Department of Population, Faculty of Economics, 3rd Academic Building, Building 46, 1, Leninskie Gory, 119991, Moscow, The Russian Federation
 Кучмаева Оксана Викторовна / Oksana V. Kuchmaeva
 E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-266-279

**РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
КОМПАНИЙ НА РОССИЙСКОМ
И МИРОВОМ РЫНКЕ
ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ:
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
DEVELOPMENT OF DOMESTIC
COMPANIES ON THE RUSSIAN
AND WORLD IT MARKET:
STATISTICAL ANALYSIS**

СИМОНОВА Марина Демьяновна

Профессор кафедры учета, статистики и аудита
Московского государственного института
международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации (МГИМО МИД России), д.э.н.

Marina D. SIMONOVA

Professor of Accounting, statistics and auditing
Department, Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation (MGIMO
University), Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

В статье исследованы актуальные проблемы развития рынка информационных технологий (ИТ) в России в современных условиях цифровизации экономики. Особое внимание уделено организационной структуре ИТ-рынка в России. Обосновывается первоочередное внедрение на ИТ-рынке крупных и сложных проектов для государственного сектора России. Выявлены крупнейшие компании, занимающие весомую долю в отрасли по таким показателям, как совокупная выручка, разработка собственных продуктов (АО, ПО, в том числе поставляемых по модели SaaS). Проведен анализ динамики разработки и внедрения различных видов ИТ-продуктов, выявлены особенности перспектив развития ИТ-рынка. Особенности, затрудняющими наращивание темпов роста производства новых продуктов, в условиях острой необходимости импортозамещения, являются: демпинг со стороны традиционных зарубежных поставщиков; в России не производится полный спектр комплектующих, готового оборудования и программного обеспечения; налицо необходимость значительных капиталовложений в отрасль.

ABSTRACT

The paper examines the current problems of development of the market of information technologies (IT) in Russia in the modern conditions of digitalization of the economy. The author focuses on the organizational structure of the IT market in Russia. The first implementation of large and complex projects for the Russian public sector in the IT market is justified. The largest companies that constitute a significant share in the industry according to such indicators as total revenue, development of their own products (JSC, SOFTWARE, including deliveries according to the SaaS model) were identified. The analysis of development and introduction of various types of IT products was carried out. The peculiarities that make it difficult to increase the growth rate of production of new products, in the conditions of the urgent need for import substitution, are dumping by traditional foreign suppliers; in Russia, the full range of components, complex equipment and software are not produced; there is a need for significant investment in the industry.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровизация, информационные технологии, услуги, разработчики, рынок, компании, выручка, импортозамещение.

KEYWORDS

Digitization, information technology, services, developers, market, companies, revenues, import substitution.

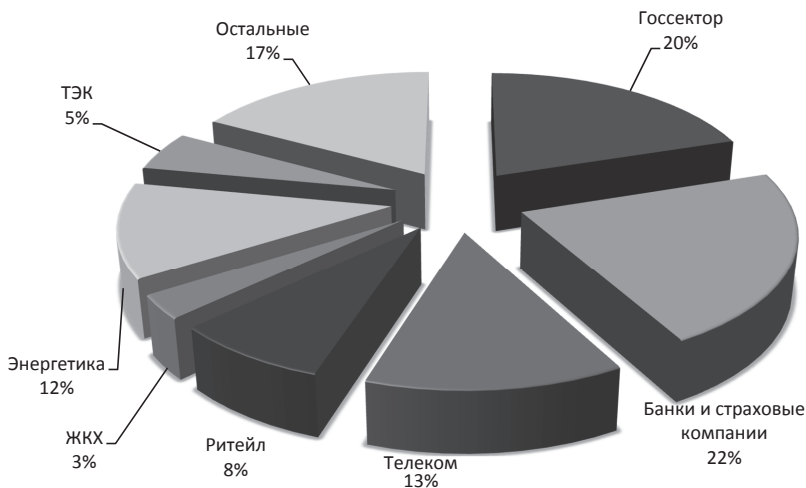
Применение информационных технологий (ИТ) является главной тенденцией мирового развития, они обеспечивают эволюцию цифровой экономики, устойчивое развитие социальной сферы. Конкуренция на большинстве рынков постоянно усиливается, поэтому компаниям необходимо перед внедрением новой ИТ-системы просчитывать и анализировать будущие прибыли и соотносить их с затратами на внедрение и обслуживание [1].

Масштабы ИТ-проектов растут, их портфель постоянно увеличивается, они могут быть рассредоточены по разным подразделениям компании, охватывать несколько регионов или даже стран [4].

Актуальность данной темы усиливается растущим влиянием информационных технологий, цифровизацией экономики, направлениями устойчивого развития [5]. Технологический сектор России становится мировым лидером по количеству первичных размещений акций на бирже. Основания для проведения IPO у компаний различные: приобретение активов, привлечение средств на развитие, повышение гибкости компании, рост популярности бренда. Примером результативного выхода на биржу среди компаний этого сектора стало IPO сервиса микроблогов Twitter в ноябре 2013 г. Торги стартовали на Нью-Йоркской фондовой бирже по цене, превышавшей на 73% котировку размещения, «и к закрытию составили 44,9 долл. В ходе торгов Twitter привлек 1,82 млрд долл. инвестиций, а стоимость компании превысила 25 млрд долл.» [6]. В конце 2013 г. котировки акций

Twitter превысили почти в три раза цену размещения, составлявшую 26 долл., достигнув максимума в 74,73 долл. «На тот момент по рыночной капитализации Twitter сравнялся с интернет-компанией Yahoo» [6]. Растет объем внешнеторговых сделок, предметом которых являются ИТ [3].

Структурный анализ рынка демонстрирует, что госсектор на современном этапе становится лидером по объему потребления ИТ-продукции на российском рынке. Отечественный ИТ-рынок развивается. Отечественным разработчикам ПО оказываются поддержка и льготные условия налогообложения. Банки и страховые компании, развивая деятельность на финансовых рынках, активно используют данные продукты (рис. 1) [2].

Рис. 1. Распределение потребления продуктов на рынке информационных технологий России

Телекоммуникационные системы и энергетика России также постоянно нуждаются в развитии ИТ.

Анализ динамики выручки 10 быстрорастущих ИТ-компаний в 2016–2017 гг. представлен ниже (табл. 1).

Таблица 1

Крупнейшие ИТ-компании на российском рынке в 2017 г.

№	Название компании	Сфера деятельности	Совокупная выручка компании с НДС, млн руб.		Прирост выручки, 2017/2016 (%)
			2017	2016	
1	РТ-Информ	ИТ-услуги	2 000	259	672,8
2	Амтел-Сервис	ИТ-услуги	2 430	494	391,8
3	АйТи Линк	ИТ-услуги	616	149	314,1
4	STG	ИТ-услуги	832	201	313,7
5	Тимлис-технологии	ИТ-услуги	802	357	124,9
6	ИнфоТеКС	Разработка ПО, производство АО	3 958	1 910	107,3
7	Петер-Сервис	ИТ-услуги	6 996	3 399	105,8
8	Luxoft	Разработка ПО	37 542	18 585	102,0
9	Интерпроком	ИТ-услуги	1 422	707	101,0
10	КОРУС Консалтинг	Дистрибуция АО, ИТ-услуги	3 700	2 000	85,0

Источник: CNewsAnalytics, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/reviews/2017/review_table/d3d4c70704e6cf0119d5b0c8fdea35ac7b1821a8/

По данным табл. 1 можно сделать вывод, что несколько компаний в 2017 г. показали прирост выручки более чем на 100%: РТ-Информ (выручка увеличилась на 672,8%); Амтел-Сервис (выручка увеличилась на 391,8%); АйТи Линк (выручка увеличилась на 314,1%); STG (выручка увеличилась на 313,7%); Тимлис-технологии (выручка увеличилась на 124,9%); ИнфоТеКС (выручка увеличилась на 107,3%); Петер-Сервис (выручка увеличилась на 105,8%); Luxoft (выручка увеличилась на 102,0%); Интерпроком (выручка увеличилась на 101,0%). Самый большой рост выручки в 2015 г. наблюдался в секторе ИТ-услуг и разработке ПО.

Рассмотрим динамику выручки 10 крупнейших ИТ-разработчиков России (табл. 2).

Таблица 2

Крупнейшие ИТ-разработчики России

№	Название компании	Выручка от продажи продуктов собственной разработки (АО, ПО, в том числе продукты, поставляемые по модели SaaS) с НДС, млн руб.		Доля выручки от продажи продуктов собственной разработки в общем объеме выручки компании, %	Продукты собственной разработки (АО, ПО, в том числе продукты, поставляемые по модели SaaS)
		2016	2017		
1	Лаборатория Касперского	26 996 670	37 548 540	100	Пул решений под торговой маркой Kaspersky
2	Luxoft	18 585 442	37 542 172	100	...
3	1С	33 300 000	35 600 000	100	Пул решений под торговой маркой 1С
4	Cognitive Technologies	22 697 772	26 783 371	100	E1 Евфрат
5	Сбербанк-Технологии	10 328 583	15 200 000	100	...
6	Центр Финансовых Технологий	12 171 055	12 573 014	71	Пул решений под торговыми марками ЦФТ, Золотая Корона, Faktura.ru, КартСтандарт
7	СКБ Контур	5 500 000	6 977 492	100	Пул решений под торговой маркой Контур
8	ИнфоТеКС	1 909 568	3 958 006	100	Пул решений под торговой маркой ViPNet
9	Прогноз	4 454 698	3 786 493	100	Пул решений под торговой маркой Prognoz
10	Код безопасности	1 604 610	2 304 051	92	Secret Net Studio, Secret Net, Secret Net LSP, Континент, Соболь, vGate, TrustAccess, Jinn

Источник: CNewsAnalytics, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/reviews/2015/review_table/4d005fb72e105016415507573d699f95461aaa78/

Данные табл. 2 демонстрируют, что выручка компаний формируется почти на 100% от продаж продуктов собственной разработки.

Лидерами ИТ-разработок следует указать следующие компании: Лаборатория Касперского, Luxoft, 1С, Cognitive Technologies, Сбербанк-Технологии.

Мировой ИТ-рынок сократился примерно на 3% до 2 трлн долл. в 2015 г. (к 2014 г.) по оценке агентства Gartner, а в 2014 г. — на 5,4% (к 2013 г.) и составил 3,5 трлн долл.

Главным образом, снижение ИТ-рынка объясняется повышающей динамикой курса доллара по отношению к другим валютам, нестабильной политической и экономической ситуацией в Японии, России и Бразилии.

При этом наиболее значительное сокращение продемонстрировал спрос на ИТ со стороны госструктур, производственных и нефтегазовых компаний.

Таблица 3

Мировые ИТ-расходы, млрд долл.

Рыночный сегмент	Объем расходов		Рост 2015/2014, %
	2014	2015	
Аппаратное обеспечение	693	650	-6,40
Системы для дата-центров	142	171	2,90
Программное обеспечение	314	308	-1,90
ИТ-услуги	955	910	-4,70
Всего по ИТ-рынку	2 104	2 039	-3,09
Услуги связи	1 607	1 470	-8,40
Всего	3 711	3 509	-5,40

Источник: Рассчитано автором по данным Gartner, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gartner.com/technology/analysts.jsp>

В российской ИТ-отрасли ситуация также ухудшается, как и на мировом уровне. Объем российского ИТ-рынка снизился на 40% в долларовом исчислении. Традиционно динамика ИТ-расходов в России копирует динамику цен на нефть. Это подтверждает 2015 г., когда наблюдалось рекордное сужение рынка в стоимостном исчислении.

При этом в силу кризисных явлений в экономике в 2015 г. было проведено одно заседание правительственной комиссии по ИТ. Госзаказы и госконтракты позволяют развиваться любой отрасли, а в отрасли информационных технологий — первостепенно. На рынке также снизился спрос на ИТ-инновации: «...инвестиции в информационные технологии сократились на 43%», по данным Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ) [8].

Количество сделок сократилось на 20%, что привело к их среднему стоимостному размеру примерно в 152 млн руб. против 210 млн руб. в 2014 г. (табл. 4).

Таблица 4

Венчурные ИТ-сделки в России

Показатели	2014	2015	2015/2014	
			Абс.	Темп роста (%)
Общий объем сделок, млрд руб.	59,9	34,2	-25,7	57,10
Количество сделок	280	225	-55	80,36
Средний объем сделок, млн руб.	214	152	-62	71,03

Источник: Рассчитано автором по данным ФРИИ, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iidf.ru>

Максимальный запас прочности сохраняют лишь лидеры ИТ-отрасли в России.

Наблюдается различная динамика отдельных сегментов ИТ-рынка. В 2015 и 2016 гг. рост демонстрируют конвергентные решения и флеш-память для систем хранения данных (СХД), а также решения для облачных дата-центров. Таким образом, эти сегменты растут на фоне существенного падения мирового и российского рынка ИТ-инфраструктуры, который включает сегменты серверов, СХД и коммутаторы Ethernet.

Введение экономических санкций со стороны некоторых западных стран повлияло на изменение стратегии информационно-обеспечения в стране путем развития импортозамещения.

Например, в холдинге «Вертолеты России» производится замена импортных аппаратных и программных решений открытыми

продуктами и отечественными разработками. Согласно плану, в 2019 г. до 50% инфраструктурных компонентов и бизнес-приложений холдинга переведено на открытое ПО.

Правительство Московской области приняло решение установить продукт Linux отечественного производства в качестве ОС во всех своих подразделениях. «Речь идет о компьютерах, которые используются для решения задач в прикладных системах. Кроме того, область старается везде отказаться от иностранных СУБД в пользу решений с открытым кодом» [9].

В Челябинской области, например, создан центр внедрения на предприятиях оборонно-промышленного комплекса (ОПК) стандартной информационной системы ядерного оружейного комплекса (ТИС ЯОК). Отечественную ERP планируется установить на 70 предприятиях оборонного значения.

В России стартовало производство некоторых элементов ИТ-инфраструктуры. «Компания “Ижевский радиозавод” запустила производство отечественных персональных компьютеров “Эльбрус-401” и передала первую партию из 80 компьютеров заказчику — МЦСТ, разработчику процессоров “Эльбрус-4С”, используемых в компьютерах “Эльбрус-401”» [9].

Отечественный процессор «Байкал-Т1» разрабатывается российской компанией Fastwel на базе вычислительного модуля для бортовых автоматизированных систем российского применения.

Импортозамещение является небыстрым процессом, но благодаря господдержке набирает темп и расширяет перспективы развития.

Например, авиационно-космический холдинг «Технодинамика», входящий в госкорпорацию «Ростех», остановил тендер по выбору подрядной компании на оказание консультационных услуг по пилотному внедрению ERP-системы на базе ПО SAP. «Отмене процедуры с начальной ценой контракта в 216,4 млн руб. предшествовало разбирательство ФАС, завершившееся не в пользу “Технодинамики”» [9].

К сожалению, наблюдаются обратные примеры среди крупнейших предприятий страны. Так, суммарно тендеры РЖД на импорт решений и лицензий SAP в 2015 г. составили 99,3 млн руб.

Мировые лидеры среди вендоров используют сложившуюся ситуацию в России различным способом. Microsoft и SAP зафиксировали на длительный период цены на техническую поддержку в рублях. Помимо этого, отдельные компании-вендоры, пользуясь дешевым доступом к валютному финансированию, продают продукцию на российском рынке по низким демпинговым ценам.

Самые крупные и сложные внедрения на ИТ-рынке всегда выполняются для государственного сектора. Помимо госзаказов 2018 г. ознаменовался достаточно большим числом успешных проектов. К примеру, российские разработчики компании Cognitive Technologies создали компьютерную модель центрального зрения человека для применения в системах управления автомобилями. Проект не является уникальным с точки зрения мирового рынка, но отставание от международной практики способствовало успеху разработчиков, которые учли накопленные недоработки своих конкурентов. «Компания Cognitive Technologies и КамАЗ объявили о начале совместного проекта, целью которого является создание к 2020 г. на базе КамАЗа беспилотного транспортного средства. На реализацию проекта государством (от Минобрнауки России) было выделено 300 млн руб.» [9].

Российская компания Raidix демонстрирует еще один успешный проект. Ее специалисты произвели надстройку открытой платформы Raidix HPC собственными технологиями и лицензионным ПО Intel для файловой системы Lustre. По утверждению компании, «это первый в мире сугубо коробочный продукт для программного управления СХД без привязки к конкретной аппаратной конфигурации. Ориентировочную стоимость программной платформы Interstellar в компании назвали на уровне \$15 тыс. за один узел, значительную долю этой суммы составила лицензия Intel Lustre» [9].

МИФИ разрабатывает радиоизотопную батарею — миниатюрный атомный источник питания, в котором энергия радиоактив-

ного распада метастабильных элементов (атомных ядер) преобразуется в электричество.

Компания Acronis планирует впервые в мире внедрить квантовое шифрование. Вендор рассчитывает с помощью этой системы обеспечить более высокий уровень безопасности и конфиденциальности. «Ключ шифрования передается по оптоволоконному каналу посредством одиночных фотонов. Попытка перехвата или измерения определенных параметров физических объектов, которые в этом случае являются переносчиками информации, неизбежно искажает другие параметры. В результате отправитель и получатель обнаруживают попытку получить сторонний доступ к информации» [7].

Правительство РФ поддерживает ИТ-отрасль. Подписано постановление, в соответствии с которым с 1 января 2016 г. государственные органы России не могут закупать иностранное программное обеспечение. Импорт ПО возможен только в том случае, если отсутствует аналогичное российское программное обеспечение или по своим функциональным, техническим, эксплуатационным показателям оно не удовлетворяет обоснованным требованиям заказчиков.

Наряду с импортозамещением наблюдается новая тенденция на отечественном рынке аппаратных решений. Компании применяют ИТ-оборудование не только отечественного производства. Азиатские бренды демонстрируют как относительно низкие цены, так и «нейтралитет» по отношению к санкционным мерам. В 2017–2018 гг., по данным IDC, Россия значительно увеличила импорт серверов азиатских брендов.

Таким образом, в современных условиях возникают проблемы развития российского ИТ-рынка. Наблюдается замещение западного импорта аппаратных решений восточным. К сожалению, некоторые азиатские производители укрепляются на отечественном рынке за счет демпинга, осуществляемого отдельными компаниями. Данная ситуация не способствует стимулированию конку-

рентного развития отечественной ИТ-индустрии. Происходит вытеснение наших компаний с российского ИТ-рынка.

Важной чертой отдельных российских решений является их превосходство по качеству азиатских аналогов, при этом их цена ниже. Доля государственных организаций, выражающих готовность к импортозамещению, по данным Национальной ассоциации инноваций и развития ИТ, «значительно выросла в сравнении с аналогичным периодом прошлого года и составила 37%» [11]. Среди этих организаций — Государственная Дума, Министерство промышленности и торговли, Министерство здравоохранения. Выражают заинтересованность компании банковской и телекоммуникационной отрасли.

Следует констатировать, что заменить в России все зарубежные ИТ-решения в краткосрочной перспективе отечественными аналогами не представляется возможным. В нашей стране не осуществляется производство полного ассортимента комплектующих изделий, готового оборудования и ПО. При условии наличия зарубежных программно-аппаратных решений российских аналогов едва обоснована единовременная трата огромных средств компаниями с целью полной замены своих информационных ресурсов отечественным аппаратным и программным обеспечением. В этой связи процесс импортозамещения не может быть быстрым. Он займет от 5 до 10 лет.

На пути импортозамещения на российском ИТ-рынке следует отметить ряд препятствий. Во-первых, это необходимость значительных инвестиций в отрасль с целью производства полного спектра аппаратных ИТ-продуктов. Во-вторых, в спросе наблюдается традиционное предпочтение импортной продукции, что демонстрируют как заказчики, так и системные интеграторы.

В современных условиях информационные технологии являются драйвером экономического роста и устойчивого развития России, обеспечивая рост независимости от импорта данного вида услуг, влияя также на качество социальной поддержки населения.

Библиографический список

1. Воронова Е.Ю. Взаимосвязь динамики затрат и изменений объема производства / Е.Ю. Воронова // Аудиторские ведомости. 2004. № 1. С. 21–32.
2. Вошикова В.Д., Карabetова Д.К. Новые информационные технологии на рынке ИТ-услуг // Материалы VIII Международной электронной научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/1791/>
3. Григорук Н.Е., Галкин С.А. Статистический учет и управление товарными потоками во внешней и внутрирегиональной торговле Евросоюза / Право и управление. XXI век. 2018. № 4 (49). С. 61–69.
4. Коротков А.В., Вершинина А.А., Махова О.А. Методические аспекты статистического моделирования структуры экономических процессов и явлений // Вопросы региональной экономики. 2017. Т. 33. № 4. С. 109–114.
5. Симонова М.Д., Володин А.П. Глобализация рынка информационных технологий в России: анализ развития / В сборнике: Бухгалтерский учет, статистика и аудит: вызовы времени: сборник научных статей. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра учета, статистики и аудита. Москва, 2017. С. 245–259.
6. Обзор и оценка перспектив развития мирового и российского рынков ИТ [Электронный ресурс]. URL: <https://m.habrahabr.ru/company/moex/blog/250463/>
7. Талалай М.А., Анненко Н.М. Российский рынок информационных технологий: состояние и основные ограничители развития // ECONOMICS AND MANAGEMENT. Juvenis scientia. 2016. № 2. С. 128.
8. ФРИИ, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iidf.ru>
9. CNews Analytics, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2017-09-09_rossijskie_razrabotchiki_nauchili_robotov_videt
10. Gartner, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gartner.com/technology/analysts.jsp>
11. PCweek [Электронный ресурс]. URL: <http://pcweek.ru/detail.php?ID=177545>

List of References

1. Voronova E.YU. Vzaimosvyaz' dinamiki zatrat i izmenenij ob'ema proizvodstva / E.YU. Voronova // Auditorskie vedomosti. 2004. № 1. S. 21–32.
2. Voshchikova V.D., Karabetova D.K. Novye informacionnye tekhnologii na rynke IT-uslug // Materialy VIII Mezhdunarodnoj elektronnoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum». URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/1791/>
3. Grigoruk N.E., Galkin S.A. Statisticheskij uchet i upravlenie tovarnymi potokami vo vneshnej i vnutriregeional'noj torgovle Evrosoyuza / Pravo i upravlenie. XXI vek. 2018. № 4 (49). S. 61–69.
4. Korotkov A.V., Vershinina A.A., Mahova O.A. Metodicheskie aspekty statisticheskogo modelirovaniya struktury ekonomicheskikh processov i yavlenij // Voprosy regional'noj ekonomiki. 2017. T. 33. № 4. S. 109–114.
5. Simonova M.D., Volodin A.R. Globalizaciya rynka informacionnyh tekhnologij v Rossii: analiz razvitiya / V sbornike: Buhgalterskij uchet, statistika i audit: vyzovy

- vremeni: sbornik nauchnyh statej. Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii, kafedra ucheta, statistiki i audita. Moskva, 2017. S. 245–259.
6. Obzor i ocenka perspektiv razvitiya mirovogo i rossijskogo rynkov IT [Elektronnyj resurs]. URL: <https://m.habrahabr.ru/company/moex/blog/250463/>
  7. Talalaj M.A., Annenko N.M. Rossijskij rynek informacionnyh tekhnologij: sostoyanie i osnovnye ogranichiteli razvitiya // ECONOMICS AND MANAGEMENT. Juvenis scientia. 2016. № 2. S. 128.
  8. FRII, 2016 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.iidf.ru>
  9. CNews Analytics, 2016 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2015-09-09_rossijskie_razrabotchiki_nauchili_robotov_videt
  10. Gartner, 2016 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gartner.com/technology/analysts.jsp>
  11. PCweek [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pcweek.ru/detail.php?ID=177545>

Контактная информация / Contact Information

МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76 / MGIMO University, 76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, The Russian Federation

Симонова Марина Демьяновна / Marina D. Simonova

+7 (495) 229-38-21, e-mail: rusinamar@mail.ru, kafstat@list.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-280-296

**МОДЕЛИ ЗАВИСИМОСТИ
ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА
ОТ УРОВНЯ ОПЛАТЫ ТРУДА
MODELS OF DEPENDENCE
OF INDICATORS
OF SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE
REGION ON THE LEVEL
OF PAYMENT OF LABOR**

САДОВНИКОВА Наталья Алексеевна
Заведующая кафедрой статистики
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор

Natalia A. SADOVNIKOVA
Head of the Department of Statistics, Plekhanov
Russian University of Economics,
Doctor of Economics, Professor

ЗОЛОТАРЕВА Ольга Анатольевна

Доцент кафедры статистики
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова, к.э.н.

Olga A. ZOLOTAREVA

Associate Professor of the Department of Statistics,
Plekhanov Russian University of Economics,
PhD in Economics

АННОТАЦИЯ

Эффективность управления всех уровней, прежде всего стратегического, в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации в условиях многофакторности, динамичности и неопределенности изменения ситуации в стране и мире, усиления внешних и внутренних угроз невозможна без качественного целеполагания, стратегического планирования и прогнозирования. Осознание роли и значимости взаимозависимостей социально-экономических явлений и процессов определяет результативность реализации принятых стратегических документов, направленных на сбалансированность пространственного развития, достижение научно-технологического, социально-гуманитарного и экономического развития Российской Федерации. Приведенные в статье модели зависимостей индикаторов социально-экономического развития Московской области как части Московской агломерации в этом контексте приобретают высокую практическую значимость. Авторами построены точечные и интервальные прогнозы ряда показателей социально-экономического развития Московской области до 2022 г. Результаты моделирования и прогнозирования региона могут быть использованы органами государственного и местного управления при выработке/корректировке мер, направленных на достижение экономического роста.

ABSTRACT

The effectiveness of management at all levels, especially strategic, in the field of ensuring national security and socio-economic development of the Russian

Federation in the face of multifactor, dynamism and uncertainty changes in the situation in the country and the world, strengthening external and internal threats, is impossible without high-quality goal-setting, strategic planning and forecasting. Awareness of the role and significance of the interdependencies of socio-economic phenomena and processes determines the effectiveness of the implementation of the adopted strategic documents aimed at balancing spatial development, achieving scientific, technological, socio-humanitarian and economic development of the Russian Federation. The models of dependencies of indicators of socio-economic development of the Moscow region presented in the article as part of the Moscow agglomeration in this context acquire high practical importance. The authors constructed point and interval forecasts of a number of indicators of the socio-economic development of the Moscow region until 2022. The results of modeling and forecasting of the region can be used by state and local governments in the development/adjustment of measures aimed at achieving economic growth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социально-экономическое развитие региона, Московская область, валовый региональный продукт, инвестиции в основной капитал, заработная плата.

KEYWORDS

Socio-economic development of the region, Moscow region, gross regional product, investment in fixed assets, wages.

На Петербургском международном экономическом форуме 2017 г. глава Центра стратегических разработок Алексей Кудрин определил необходимость развития агломераций: «Если Россия хочет как страна остаться конкурентоспособной, если Россия хочет быстро расти, она должна вырастить и создать свои крупнейшие агломерации» [1]. В дальнейшем это нашло отражение в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р: «Общемировой тенденцией пространственного развития в начале

XXI в. является концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации» [2].

Агломерации как естественное продолжение жизненного цикла городов возникают во всем мире.

Развитие агломераций должно способствовать достижению сбалансированного пространственного развития территорий страны, повышению предпринимательской активности в большинстве малых и средних городов, на сельских территориях, а также в целом социально-экономическому росту малых и средних городов, расположенных в агломерации. В этом контексте можно говорить о сдерживании чрезмерной концентрации промышленности и населения в мегаполисах и наиболее крупных городах Российской Федерации.

В России крупнейшей агломерацией является Московская, в состав которой включают г. Москву и Московскую область [3]. Московская городская агломерация признается самой большой агломерацией по численности населения в Европе [4].

В топ-10 агломераций мира по первому глобальному рейтингу агломераций «Эффект масштаба», представленному PwC, Московская агломерация занимает 6-е место. Отметим, что на 1-м месте находится агломерация Нью-Йорка, являющаяся «лидером по уровню экономического развития — производительности труда и, соответственно, среднему уровню доходов» [5]; 2-е место занимает агломерация Лондона, которая «находится в группе лидеров по большинству показателей, однако не выделяется в явном виде ни по одному из них, что говорит о сбалансированном развитии агломерации»; на 3-м — агломерация Сиднея, для которой характерно высокое качество системы образования и открытости экономики, агломерация «лидирует по показателям развития интеллектуального капитала и имеет самые высокие показатели качества жизни» [5].

В контексте нашего исследования интерес представляет развитие Московской области, которая является спутником столи-

цы и характеризуется как один из высококонкурентоспособных экономических центров Российской Федерации, чему способствует и агломерация со столицей, и расположение региона в центральной и исторической части страны. В свою очередь, это должно способствовать формированию динамичной и высокотехнологичной экономики, позволяющей обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие региона.

Московская область сегодня существенно укрепила свои позиции среди ряда экономически развитых регионов Российской Федерации. При этом важно отметить, что потенциал социально-экономического развития региона во многом обусловлен его географическим положением, многие города Московской области являются «городами-спутниками» Москвы, что представляется как положительным для развития региона, так и в определенной степени является преградой для экономического роста.

За период времени с 2002 по 2018 г. в Московской области зафиксирован ежегодный рост среднемесячной номинальной численной заработной платы работников организаций, однако скорость этого роста колебалась, то уменьшаясь, то возрастая. Проблема выявленной динамики кроется в том, что Подмосковье является спутником столицы, в которой средняя заработная плата в 1,5 раза выше, что определяет низкую мотивацию к занятости в экономике Московской области жителей региона и их существенную ориентацию на трудоустройство в столице. Это находит отражение в соответствующих изменениях скоростей роста валового регионального продукта на душу населения, ожидаемой продолжительности жизни жителей региона, индексе производительности труда и других индикаторах социально-экономического развития Московской области. Особую тревогу вызывают колебания в динамике уровня инвестиций в основной капитал, в последние годы замедление роста заработной платы приводило не просто к уменьшению скорости роста, а к уменьшению объемов инвестиций в основной капитал. Уменьшение скорости роста

заработной платы в 2015 г. до 5,3% с 8,15% в 2014 г. привело к снижению объема инвестиций в основной капитал на 3,24% в 2015 г., в 2016 г. очередное, пусть и менее заметное уменьшение скорости роста заработной платы (среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций увеличилась лишь на 4,95%) привело к сокращению объема инвестиций в основной капитал на 0,44%. И только в 2017 г. достигнутое увеличение скорости роста заработной платы (темп прироста составил 9,8%) повлияло на рост объема инвестиций в основной капитал на 8,4%. В 2018 г. объем инвестиций в основной капитал вырос на 22,7% при росте среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций на 10,9%. Это свидетельствует о реальных угрозах социально-экономическому и цифровому развитию Московской области, что характеризуется затруднением обеспечения благоприятного инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности Подмоскovie. В этом контексте особую практическую значимость приобретает моделирование зависимости индикаторов социально-экономического развития региона от уровня оплаты труда.

Построение статистических моделей оценки влияния уровня оплаты труда на изменение социально-экономических индикаторов развития Московской области необходимо проводить в соответствии с методикой, включающей выявление факторов, существенно и статистически значимо влияющих на моделируемые показатели, анализ временной информации на наличие или отсутствие тенденции в их изменении, анализ факторов случайности, влияющих на уровень оплаты труда в регионе, и как результат — построение моделей зависимости и входящих в них параметров, статистическая значимость которых подтверждается на основе математико-статистических критериев, оценки их точности и надежности.

Модели тенденции среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской

области построены методом экстраполяции трендовых моделей и адаптивными методами прогнозирования, анализ показателей адекватности, точности и качества которых показал, что наилучшую аппроксимацию дала модель АРИСС (2, 1, 1) со следующими параметрами (табл. 1).

Таблица 1.

Параметры модели АРИСС (2, 1, 1) в оценке среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области

Модель	a1	a2	a3
АРИСС (2, 1, 1)	-0,480	0,349	0,932

Прогнозные значения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области на 2020–2022 гг. на основе адаптивной модели АРИСС (2, 1, 1) представлены в табл. 2.

Таблица 2.

Прогнозные значения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области на 2020–2022 гг.

Годы	Прогноз		
	Значение	Нижняя граница	Верхняя граница
2020	56464,348	54464,008	58464,688
2021	59397,398	57396,809	61397,988
2022	62475,223	60474,629	64475,816

Анализируя перспективы роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области, можно отметить, что в 2022 г. в регионе она будет колебаться в пределах 60474,629–64475,816 руб. и составит 62475,223 руб.

Прогноз валового регионального продукта на душу населения в Московской области на краткосрочную перспективу представлен в табл. 3.

Таблица 3.

Прогнозные значения валового регионального продукта на душу населения в Московской области на 2020–2022 гг.

Годы	Прогноз		
	Значение	Нижняя граница	Верхняя граница
2020	526428,563	496503,688	556353,438
2021	563834,750	533909,563	593759,938
2022	606262,500	576337,063	636187,938

В 2020 г. величина валового регионального продукта на душу населения в Московской области составит 526428,563 руб., и в последующие периоды будет наблюдаться рост данного индикатора.

Сравнивая результаты моделей адаптивных и трендовых, методом экстраполяции полученных, по показателю инвестиций в основной капитал, построен прогноз данного индикатора (табл. 4).

Таблица 4.

Прогнозные значения инвестиций в основной капитал Московской области на 2020–2022 гг.

Годы	Прогноз		
	Значение	Нижняя граница	Верхняя граница
2020	728463,313	654761,938	802164,688
2021	721618,125	647916,500	795319,750
2022	739906,000	666204,250	813607,750

Перспективы роста инвестиций в основной капитал Московской области таковы, что в 2020 г. они составят 728463,313 млн руб.

Анализируя перспективы изменения уровня безработицы в Московской области, можно отметить, что в 2020 г. в регионе значения показателя будут колебаться в пределах 2,454–4,608%. В последующие годы предполагается ожидать снижение уровня безработицы в регионе.

Динамика оборота розничной торговли на душу населения в Московской области в 2020 г. будет колебаться в пределах

295938,781–329730,719 руб. В последующие годы также предполагается рост данного показателя в регионе.

Доказав, на основе показателей и критериев, точность и адекватность модели потребительских расходов в среднем на душу населения в Московской области, на ее основе произведена оценка перспектив изменения данного показателя в регионе на среднесрочную перспективу (табл. 5).

Таблица 5.

Прогнозные значения потребительских расходов в среднем на душу населения в Московской области на 2020–2022 гг.

Годы	Прогноз		
	Значение	Нижняя граница	Верхняя граница
2020	36972,348	35237,375	38707,320
2021	39008,078	37273,105	40743,051
2022	41044,129	39309,156	42779,102

Перспективы изменения потребительских расходов в среднем на душу населения в Московской области таковы, что в 2020 г. в регионе показатель будет колебаться в пределах 35237,375–38707,320 руб. В последующие годы предполагается рост данного показателя в регионе.

Проанализировав тенденции изменения и построение моделей каждого из индикаторов социально-экономического развития Московской области, представляет существенный интерес исследовать, какие из рассмотренных выше показателей влияют на среднемесячную номинальную начисленную заработную плату работников региона.

Реализация данной задачи осуществлена на основе построения матрицы парных коэффициентов корреляции (табл. 7).

Анализируя значения коэффициентов корреляции, необходимо отметить, что связь между среднемесячной номинальной начисленной заработной платой работников организаций и уровнем безработицы в Московской области практически отсутствует

(0,340). В связи с этим данный индикатор будет исключен из дальнейшего анализа. Между остальными индикаторами существует сильная взаимосвязь.

Таблица 7.

**Матрица парных коэффициентов корреляции
между индикаторами социально-экономического развития
Московской области**

Переменные	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в организациях	Валовый региональный продукт на душу населения	Инвестиции в основной капитал	Уровень безработицы	Оборот розничной торговли	Потребительские расходы в среднем на душу населения
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в организациях	1,000	0,994	0,969	-0,340	0,997	0,998
Валовый региональный продукт на душу населения	0,994	1,000	0,964	-0,368	0,996	0,997
Инвестиции в основной капитал	0,969	0,964	1,000	-0,495	0,969	0,968
Уровень безработицы	-0,340	-0,368	-0,495	1,000	-0,350	-0,354
Оборот розничной торговли	0,997	0,996	0,969	-0,350	1,000	0,999
Потребительские расходы в среднем на душу населения	0,998	0,997	0,968	-0,354	0,999	1,000

Наличие автокорреляции в уровнях изучаемых показателей, несомненно, искажает оценку реально существующей взаимосвязи между признаками. Однако скорректированные коэффициенты

корреляции между показателями социально-экономического развития подтверждают наличие сильной зависимости между ними.

В ходе проведенного исследования показатель среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях, а также все рассмотренные выше индикаторы социально-экономического развития Московской области содержат автокорреляцию, тем самым делается невозможным построение моделей регрессии в классической форме, поэтому необходимо построение моделей авторегрессии с включением времени в качестве дополнительного факторного признака наряду с индикаторами социально-экономического развития региона.

В случае если в изучаемых индикаторах существует автокорреляция в изменении их уровней, то многофакторной моделью зависимости будет авторегрессионная модель вида:

$$\bar{y}_{1,2,\dots,k} = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + \dots + a_kx_k + a_{k+1}t.$$

В ходе исследования были построены следующие модели оценки влияния индикаторов социально-экономического развития Московской области на уровень оплаты труда:

- Y — среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в организации, руб.;
 X_1 — валовый региональный продукт на душу населения, руб.;
 X_2 — инвестиции в основной капитал, млн руб.
- Y — Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в организации, руб.;
 X_1 — оборот розничной торговли на душу населения, руб.;
 X_2 — потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.

В связи с тем, что в уровнях временных рядов показателей социально-экономического развития Московской области за 2002–2018 гг. наблюдалась автокорреляция, была построена авторегрессионная модель зависимости среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации от валового регионального продукта на душу населения и ин-

вестиций в основной капитал с включением фактора времени (табл. 8).

Таблица 8.

Оценки коэффициентов регрессии среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации от валового регионального продукта на душу населения и инвестиций в основной капитал с включением фактора времени

Переменная	Коэффициент	Среднеквадратическое отклонение	t-значение	Нижняя оценка	Верхняя оценка	Эластичность	Бета-коэффициент
a0	-856,871	690,991	-2,240	-1617,689	-96,053	0,000	0,000
a1	0,047	0,024	1,958	0,021	0,074	0,502	0,495
a2	0,009	0,007	2,027	-0,008	0,008	0,003	0,003
a3	1561,215	623,768	2,503	874,414	2248,016	0,542	0,512

Таким образом, авторегрессионная модель зависимости среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации от валового регионального продукта на душу населения и инвестиций в основной капитал с включением фактора времени имеет вид:

$$\hat{Y}_{x,t} = -856,871 + 0,047 X_1 + 0,009 X_2 + 1561,215 t.$$

Представленная модель статистически значима по F-критерию Фишера–Снедекора и содержит статистически значимые параметры по t-критерию Стьюдента.

Проверка точности построенной модели зависимости среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации от валового регионального продукта на душу населения и инвестиций в основной капитал осуществлена также методом ретроспективного прогнозирования. В качестве проверочного периода при ретроспективном прогнозировании были рассмотрены последние три уровня исходного временного ряда среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации (табл. 9).

Таблица 9.

Ретроспективный прогноз среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации Московской области

Годы	Фактические данные	Прогноз	Нижняя граница	Верхняя граница	Абсолютное отклонение	Относительное отклонение
2015	40643,000	41774,570	39927,152	43621,988	-1131,570	-2,784
2016	42656,000	45528,516	42582,691	48474,340	-2872,516	-6,734
2017	46836,000	47510,055	45233,512	49786,598	-674,055	-1,439

Анализ значений абсолютных и относительных отклонений свидетельствует о достаточно высокой точности полученных ретроспективных характеристик, что, в свою очередь, свидетельствует о высоком качестве полученной модели зависимости среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации от валового регионального продукта на душу населения и инвестиций в основной капитал.

Параметры модели показывают, что при увеличении валового регионального продукта на душу населения на 1 руб. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в организации в среднем увеличивается на 0,047 руб., а рост инвестиций в основной капитал Московской области дает в среднем рост уровня оплаты труда на 0,009 руб.

Таблица 10.

Оценки коэффициентов регрессии среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации от оборота розничной торговли на душу населения и потребительских расходов в среднем на душу населения с включением фактора времени

Переменная	Коэффициент	Среднеквадратическое отклонение	t-значение	Нижняя оценка	Верхняя оценка	Эластичность	Бета-коэффициент
a0	111,863	421,786	0,265	-352,545	576,271	0,000	0,000
a1	-0,060	0,055	-1,095	-0,121	0,000	-0,348	-0,353
a2	2,052	0,566	3,623	1,428	2,675	1,316	1,345
a3	112,691	510,776	0,221	-449,701	675,082	0,039	0,038

В уровнях временных рядов показателей социально-экономического развития Московской области за 2002–2017 гг. наблюдалась автокорреляция, поэтому была построена авторегрессионная модель зависимости среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации от оборота розничной торговли на душу населения и потребительских расходов в среднем на душу населения, а также фактора времени (табл. 10).

Таким образом, авторегрессионная модель зависимости среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации от оборота розничной торговли на душу населения и потребительских расходов в среднем на душу населения с включением фактора времени имеет вид:

$$\hat{Y}_{x,t} = 111,863 - 0,060 X_1 + 2,052 X_2 + 112,691 t.$$

Представленная модель статистически значима по F-критерию Фишера–Снедекора (5153,885) и содержит статистически значимые параметры по t-критерию Стьюдента.

Таблица 11.

Ретроспективный прогноз среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации Московской области от оборота розничной торговли на душу населения и потребительских расходов в среднем на душу населения

Годы	Фактические данные	Прогноз	Нижняя граница	Верхняя граница	Абсолютное отклонение	Относительное отклонение
2015	40643,000	41589,070	40811,656	42366,484	-946,070	-2,328
2016	42656,000	44678,906	43742,129	45615,684	-2022,906	-4,742
2017	46836,000	48417,781	47259,887	49575,676	-1581,781	-3,377

Анализ значений абсолютных и относительных отклонений свидетельствует о достаточно высокой точности полученных ретроспективных характеристик, что, в свою очередь, свидетельствует о высоком качестве полученной модели зависимости среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников

в организации от оборота розничной торговли на душу населения и потребительских расходов в среднем на душу населения.

Проверка точности построенной модели зависимости среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации от оборота розничной торговли на душу населения и потребительских расходов в среднем на душу населения осуществляется также методом ретроспективного прогнозирования. В качестве проверочного периода при ретроспективном прогнозировании были рассмотрены последние три уровня исходного временного ряда среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации (табл. 11).

Параметры модели показывают, что при увеличении оборота розничной торговли на душу населения на 1 руб. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в организации в среднем снижается на 0,060 руб., а рост потребительских расходов на душу населения в Московской области дает в среднем рост уровня оплаты труда на 2,052 руб.

Таким образом, на уровень среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организации Московской области влияют валовый региональный продукт на душу населения, инвестиции в основной капитал, оборот розничной торговли на душу населения и величина потребительских расходов в среднем на душу населения.

В целом итоги моделирования и прогнозирования социально-экономического развития Московской области позволяют говорить о позитивной динамике целого ряда социально-экономических индикаторов, однако на рынке труда Подмосковья, несмотря на рост средней заработной платы, имеются существенные, не решенные до настоящего времени проблемы. В отличие от г. Москвы, где наблюдается минимальное значение коэффициента напряженности на рынке труда среди всех регионов Российской Федерации, данный показатель в Московской области хоть и сократился в последние годы, но при этом рейтинг Подмосковья по нему среди всех регионов Российской Федерации существенно

упал. Такая ситуация явно показывает, что Московская область не в полной степени реализует свои возможности и существует нереализованный потенциал ее развития, в том числе основанный на росте наукоемких отраслей экономики. Преодолев имеющиеся проблемы, Московская агломерация как реально существующий и развивающийся быстрыми темпами не просто крупнейший центр экономического роста Российской Федерации, а «локомотив» способна обеспечить «рывок» в экономике.

Библиографический список

1. Кудрин: России необходимо создать 20 крупнейших агломераций. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4308990> (дата обращения 16.12.2019).
2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 16.12.2019).
3. Крупные городские агломерации России. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://vseon.com/analitika/aglomeratsiya/krupnye-gorodskie-aglomeracii-rossii> (дата обращения 18.12.2019).
4. Крупнейшие городские агломерации Европы: список. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.statdata.ru/europe-krupnejsie-gorodskie-aglomeracii-spisok> (дата обращения 18.12.2019).
5. Глобальный рейтинг агломераций «Эффект масштаба», PwC. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/assets/agglomerations-rus-full.pdf> (дата обращения 18.12.2019).
6. Росстат. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.gks.ru> (дата обращения 09.11.2019).

List of References

1. Kudrin: Rossii neobkhodimo sozdat' 20 krupneishikh aglomeratsii. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4308990> (data obrashcheniya 16.12.2019).
2. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (data obrashcheniya 16.12.2019).
3. Krupnye gorodskie aglomeratsii Rossii. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <http://vseon.com/analitika/aglomeratsiya/krupnye-gorodskie-aglomeracii-rossii> (data obrashcheniya 18.12.2019).
4. Krupneishie gorodskie aglomeratsii Evropy: spisok. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <http://www.statdata.ru/europe-krupnejsie-gorodskie-aglomeracii-spisok> (data obrashcheniya 18.12.2019).

5. Global'nyi reiting aglomeratsii «Effekt masshtaba», PwC. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://www.pwc.ru/ru/assets/agglomerations-rus-full.pdf> (data obrashcheniya 18.12.2019).
6. Rosstat. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://www.gks.ru> (data obrashcheniya 09.11.2019).

Контактная информация / Contact Information

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, кафедра статистики, 117997, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36, корпус 3, офис 539 / Plekhanov Russian University of Economics, Department of Statistics, office 539, building 3, 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, The Russian Federation
Садовникова Наталья Алексеевна / Natalia A. Sadovnikova
+7 (499) 237-93-49, e-mail: Sadovnikova.NA@rea.ru
Золотарева Ольга Анатольевна / Olga A. Zolotareva
+7 (499) 237-93-49, e-mail: Zolotareva.OA@rea.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-297-310

**РЕГУЛИРУЕМАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
КАК МЕХАНИЗМ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**
**ADJUSTABLE DIFFERENTIATION
AS A MECHANISM OF
SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

ГЛИНСКИЙ Владимир Васильевич
Заведующий кафедрой статистики
Новосибирского государственного университета
экономики и управления «НИНХ», д.э.н.

Vladimir V. GLINSKIY
Head of the Department of Statistics, Novosibirsk
State University of Economics and Management,
Doctor of Economics

СЕРГА Людмила Константиновна
Доцент кафедры статистики Новосибирского
государственного университета экономики
и управления «НИНХ», к.э.н.

Lyudmila K. SERGA
Associate Professor, Department of Statistics,
Novosibirsk State University of Economics and
Management, PhD in Economics

АННОТАЦИЯ

Решение проблем экономического роста национальной экономики определяется развитием отдельных регионов на основе учета пространственных закономерностей развития и использования новых механизмов территориального управления. В качестве такого механизма управления регионом предлагается построение пространственной модели на основе управления процессом неравномерности развития территорией на уровне «стимулирующей» социально-экономической дифференциации. Предлагаемая концепция регулируемой дифференциации развития основывается на расширении теоретических и методологических представлений в части экономической теории, теории устойчивого развития, закладывает основы теории стимулирующей неравномерности.

ABSTRACT

The instability of the world economic system determines the importance of spatial patterns of development and new mechanisms of territorial governance. In this regard, as a mechanism for managing the region, it is proposed to build a spatial model based on managing the process of uneven development of the territory at the level of «stimulating» socio-economic differentiation. The proposed concept of regulated differentiation of development is based on the expansion of theoretical and methodological provisions of economic theory, theory of sustainable development, lays the foundation for the theory of stimulating unevenness.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Неравномерность развития, концепция регулируемой дифференциации, пространственное развитие, экономический рост, регион, фактор роста, «стимулирующий» уровень дифференциации, устойчивое развитие.

KEYWORDS

Uneven development, concept of regulated differentiation, spatial development, the economic growth, region, growth factor, «stimulating» level of differentiation, sustainable development.

В условиях информатизации и цифровизации экономики и общества как новой парадигмы развития происходит трансформация не только общественного сознания, но и наблюдаются значительные изменения в экономической науке, выступающей базой для формирования экономической политики государства. Это выражается в первую очередь в зарождении и развитии новых, явных и неявных, учтенных и неучтенных экономических, технологических и социальных факторов экономики. Современная экономика все больше определяется пространственными, отраслевыми факторами роста. Устойчивость развития экономики страны напрямую зависит от социальной и экономической устойчивости развития ее регионов. Одним из определяющих факторов современной экономики является неравномерность и дифференциация территориального развития, которые могут выступать как стимулом, так и тормозом экономического развития [1, 2].

В соответствии с теорией дифференциации одним из общих законов развития является «закон дифференциации (расчленение, разбиение исходного неразвитого целого на специализированные элементы в процессе развития). Известный европейский ученый XX в. Х. Вернер утверждал: там, где имеет место развитие, оно идет от состояний меньшей дифференцированности систем к состояниям все большей их дифференцированности, переходя в итоге к иерархической упорядоченности» (иерархической интеграции) [3, 4]. Параллельно с теорией дифференциации в трудах Л. фон Берталанфи [5, 6] и в сочинениях А. Богданова [7] были сформулированы общесистемные закономерности и принципы функционирования и развития сложных систем (в частности «принцип прогрессирующей сегрегации»), которые вскрывают прогрессирующий характер потери взаимодействий между элементами в процессе развития дифференциации в системе. По мнению Берталанфи, значительная часть межэлементных взаимодействий в ходе дифференциации ослабевает в результате их промежуточного упорядочения центром и ведет к тому, что

функционирование системы как целого в итоге обеспечивается интеграцией действия ее элементов. Тем самым обеспечивается баланс интеграции и дифференциации, централизации и децентрализации. И следовательно, управление дифференциацией необходимо. Изначально экспериментальное обоснование дифференциации как общего закона развития было получено в биологии. Эта идея сегодня как никогда актуальна в контексте исследования экономики и общества. Дифференциация социально-экономических явлений достаточно широко изучена в части исследования доходов населения. В последнее время вопросы неравенства социально-экономического развития и дифференциации отдельных его аспектов все чаще находят отражение в исследованиях различных научных школ, выработано множество инструментальных подходов. Однако методы анализа дифференциации социально-экономического развития регионов либо отсутствуют, либо имеют фрагментарный характер. В публикациях, посвященных исследованию межрегиональной дифференциации, в основном обсуждаются подходы, которые обычно применяются для ее анализа: типологизация, ранжирование, вариационный и индексный методы. Проблемы дисбаланса развития социально-экономических систем, вопросы неравенства отдельных составляющих, дестимулирующего влияния дифференциации развития отдельных аспектов на экономический рост рассматриваются в работах С.В. Баранова, К.П. Глущенко, Ю.С. Зайцевой, Е.Н. Катаева, Е.А. Коломак, Е.А. Конопацкой, Б.Л. Лавровского, М.В. Морошкиной, Е.А. Погодиной, Т.П. Скуфьиной и др. [8–15].

Большинством исследователей отмечаются отрицательное воздействие чрезмерной дифференциации территориальных образований на их социально-экономическое развитие и необходимость его выравнивания путем дотаций и субвенций [16–19]. Ряд принятых основных государственных документов направлен на регулирование социально-экономического и инновационного развития регионов (концепции, стратегии, комплексные программы, кон-

цепции и программы формирования региональных кластеров, городских агломераций, программы индустриализации региональной экономики) с целью выравнивания уровня их развития. Так, в феврале 2019 г. принята «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», стратегической целью которой является «обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития России, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни людей, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, обеспечение национальной безопасности» [20]. Задача выравнивания уровня развития ставится не только для территорий муниципального уровня, но и субъектов РФ. Их также отличает неравномерность развития, с одной стороны, и желание стать территорией опережающего роста, с другой.

Однако у экспертного сообщества и органов управления разного уровня до сих пор нет единства в понимании степени равномерности развития территорий, предела сокращения межрегиональных социально-экономических диспропорций и оценки влияния фактора территориальной дифференциации на развитие региональной экономики и экономики России в целом [1]. Как известно, уравниловка и равномерность развития ведут к стагнации и застою, на каком бы экономическом уровне это не происходило. Для развития необходима конкуренция, формирующая лидеров и аутсайдеров. Так, в Стратегии указано, что помимо прочих одной из основных проблем «пространственного развития Российской Федерации является недостаточное количество центров экономического роста для обеспечения ускорения экономического роста Российской Федерации» [20]. Создание таких центров непосредственно повлечет за собой ускоренное развитие соответствующих территориальных образований и дальнейшую внутрирегиональную дифференциацию, но одновременно выступит фактором экономического роста региона.

Однако на текущий момент нет принятого и согласованного концепта уровня и степени дифференциации развития внутренних территорий региона, нет оптимальной пространственно-ориентированной модели развития страны в целом, учитывающей, помимо технологических и социальных, фактор неравномерности и дифференциации развития.

Поэтому необходимы разработка теории и методологии исследования дифференциации территориальных образований, определение оптимального, «стимулирующего» уровня дифференциации с целью достижения устойчивого развития региональной экономики, моделирование влияния современной пространственной организации производства и общественного функционирования социально-экономических систем.

Влияние уровня внутритерриториальной дифференциации социально-экономического развития на экономический рост региона авторами было доказано в работе [21]. Для оценки уровня внутритерриториальной дифференциации муниципальных районов отдельных субъектов РФ использовался децильный коэффициент дифференциации по методологии, представленной в [1, 21] за 2015 г. На основе полученной оценки выполнено распределение субъектов РФ и проведена их типологизация, построена теоретическая модель зависимости экономического роста от территориальной дифференциации, описываемая полиномом 5-го порядка (рис.):

$$y = 0,0902x^5 - 2,0375x^4 + 17,4820x^3 - 70,4920x^2 + 130,7600x - 76,6180$$
$$R^2 = 0,1354,$$

где y — индикатор экономического роста (темп прироста среднедушевого ВРП субъекта РФ);

x — уровень внутритерриториальной дифференциации социально-экономического развития субъекта РФ (децильный коэффициент дифференциации).

Максимальное значение y принимает при $x = 2,001$. Это означает, что уровень дифференциации, равный 2,001, является гра-

ницей (критической точкой) разбиения субъектов РФ на 2 группы:

- субъекты, внутритерриториальная дифференциация которых стимулирует региональную экономику (коэффициент корреляции (r) равен 0,447);

- субъекты, высокий уровень дифференциации в которых дестимулирует экономический рост ($r = -0,192$).

Рис. Корреляция между темпом прироста среднедушевого ВРП и уровнем дифференциации в 2015 г.

Таким образом, в 2015 г. дифференциация с уровнем ниже 2,001 являлась стимулом, в остальных случаях выступала тормозом роста экономики России. В динамике критический уровень дифференциации может измениться. Полученная типология регионов дает возможность разрабатывать стратегию их дальнейшего развития в зависимости от фактического уровня территориальной дифференциации.

Типология территорий по степени воздействия дифференциации на экономическое развитие и социальную стабильность, оптимальности пространственного размещения производительных

сил, уровню потенциала кластерообразования, подверженности процессам агломерации создаст базу для стратегического планирования и решения среднесрочных управленческих задач в регионе. Поиск механизмов управления дифференциацией развития актуален для органов управления развитием макрорегионов, регионов и мегаполисов, малых и средних городов, для бизнеса, государственного и частного, в особенности имеющих монопольное положение на рынке и владеющих объектами производственной и социальной инфраструктуры.

В России 20 крупнейших городов формируют 50% национального ВВП, 3 из них являются субъектами РФ, остальные являются центрами регионального хозяйства. В дальнейшем тенденция к росту удельного веса крупных городов сохранится [22]. Это естественный этап в развитии пространственной экономики, так как мегаполисы в результате концентрации на своей территории крупнейших мировых корпораций, мощной финансовой системы и столичных функций играют важную роль в обеспечении экономического роста не только своей страны, но и регионов мира. Вместе с тем можно отметить наметившееся расширение научных интересов отечественных и зарубежных ученых в сторону изучения развития регионов, роли малых и средних городов с позиций устойчивого развития.

В соответствии с глобальной концепцией устойчивого развития это означает выявление и решение множества разновекторных и во многом противоречивых задач и проблем экономического роста. Главными проблемами региональной экономики выступают: повышение качества жизни населения региона в целом, ускорение экономического роста и обеспечение занятости местного населения в условиях открытости региона для трудовой миграции, «местная и глобальная экологическая устойчивость, защита и улучшение окружающей среды, международная кооперация, возникновение и рост новых секторов экономики и поддержка действующих секторов в условиях международной глобализации экономических связей и разделения труда» [23].

Как отмечалось выше, решение проблем экономического роста национальной экономики определяется развитием отдельных регионов на основе учета пространственных закономерностей развития и использования новых механизмов территориального управления. В этой связи регион должен рассматриваться как социально-экономическая система, состоящая из обеспечивающих и функционирующих в едином природно-экологическом пространстве подсистем (социально-экономического, транспортного и инженерного обслуживания) [24]. Инфраструктурная и институциональная специфика территориальной и рыночной организации, обеспечивающая конечные результаты деятельности хозяйствующих субъектов, определяет механизмы управления развитием региона.

Отсутствие логической модели устойчивого развития региональной экономики не позволяет исследователям выйти на адекватное понимание всех глобальных изменений, происходящих в ней. В этой связи построение теории и методологии исследования устойчивого развития региональной экономики через призму неравномерности и дифференциации развития внутрорегиональных экономических единиц на основе современного инструментария рассматривается как концептуальный инструмент, способный помочь структурировать представления и подходы к оценке стимулирующей неравномерности развития региональной экономики и выработать комплексный подход, помогающий осуществлять опережающий прогноз трендов и сценариев развития экономики регионов, контролировать экономический рост и социальную стабильность с использованием фреймового метода управления.

Отмеченное выше позволяет выдвинуть концепцию регулируемой дифференциации социально-регионального развития. Выдвижение концепции основывается на расширении теоретических и методологических представлений в части экономической теории, предполагает дальнейшее развитие положений теории устойчивого развития, закладывает основы теории стимулирующей неравномерности.

Побуждением к формулированию заявленной концепции явились, таким образом, следующие основания: мировая экономика — это сложная система с иерархией подсистем различных уровней: страны, объединения стран, внутри страны — макрорегионы, регионы, районы, агломерации; в рыночной экономике состояние равновесия неустойчиво; цикличность развития — закономерный процесс; неравномерность — детерминанта экономического развития территории.

Возникает научное противоречие: с одной стороны, неравномерность развития территорий региона или страны приводит к росту их социально-экономической дифференциации, высокая дифференциация социально-экономического развития, в свою очередь, способствует ускоренному экономическому росту за счет развитых территорий. Одновременно недостаточное качество жизни населения отсталых регионов выступает источником социального напряжения, что чаще всего и происходит. С другой стороны, выравнивание экономического развития территорий ведет к снижению внутритерриториальной дифференциации региона (страны), социально-экономическому равновесию, стабильности, но не стимулирует экономический рост (экономика приходит к застою), как результат — спад уровня жизни населения, что опять же чревато социальным взрывом.

Из сформулированного противоречия выводится необходимость определения пороговых значений (интервала значений) уровня дифференциации развития региона (страны), оказывающей стимулирующее (дестимулирующее) воздействие (подробнее см. [2]), определения специализированных факторов экономического развития внутри каждого интервала и разработки нормативных стратегий развития. Перечисленные признаки (уровень неравномерности развития территорий, уровень экономического развития (или экономический рост), уровень социальной напряженности) могут выступать координатами трехмерного пространства функционирования региональной экономики.

По выделенным признакам устанавливаются и обосновываются критические точки (пороги) перехода от стимулирующего уровня к дестимулирующему, выявляется взаимосвязь между региональными экономическими единицами и типом их отображения в информационном пространстве, на основе построения обучающих множеств выполняется типология и формулируются нормативные стратегии развития региональных экономических единиц.

Таким образом, концепция регулируемой дифференциации социально-экономического развития позволяет выполнять поиск оптимальной и/или равновесной траектории развития, формализовать и реализовать ее, обеспечивая согласованность ключевых параметров экономического роста и максимально возможную эффективность использования ресурсов. Выдвижение концепции основывается на расширении теоретических и методологических представлений в части экономической теории, предполагает дальнейшее развитие положений теории устойчивого развития, закладывает основы теории стимулирующей неравномерности.

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ 20-010-00560.

Библиографический список

1. Glinskiy V., Serga L., Novikov A., Bulkina A., Litvintseva G. Investigation of Correlation Between the Regions Sustainability and Territorial Differentiation // *Procedia Manufacturing*. 2017. Vol. 8. P. 323–329. doi.org/10.1016/J.PROMFG.2017.02.041
2. Глинский В.В., Серга Л.К., Кисельников А.А., Храмцова Т.Г. О направлениях воздействия территориальной дифференциации на экономический рост // *Вестник НГУЭУ*. 2018. № 4. С. 64–71. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36826039>
3. Werner H. *Comparative Psychology of Mental Development*. N.Y., 2004.
4. Поддьяков А.Н. Сравнительная психология развития Х. Вернера в современном контексте // *Культурно-историческая психология*. 2007. Т. 3. № 1. С. 63–72.
5. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем — обзор проблем и результатов // *Системные исследования*. Ежегодник. М.: Наука, 1969. 203 с.
6. Бергаланфи Л. фон. История и статус общей теории систем // *Системные исследования*: Ежегодник, 1972. М.: Наука, 1973.

7. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука / сост., предисловие и комментарии Г.Д. Гловели, послесловие В.В. Попкова. М.: Финансы, 2003.
8. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Сравнительная динамика экономического роста и межрегиональная дифференциация территории российского Севера // Вопросы статистики. 2015. № 11. С. 69–77.
9. Глушенко К.П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 39–58.
10. Зайцева Ю.С. Межрегиональная дифференциация в странах БРИК: возможности оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5. С. 44–51.
11. Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 26–35.
12. Конопацкая Е.А. Дифференциация регионов Российской Федерации по уровню развития человеческого капитала // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2011. № 2. С. 178–184.
13. Лавровский Б.Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2003. № 4 (т. 7). С. 524–537.
14. Морощкина М.В. Межрегиональная дифференциация субъектов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 45. С. 20–26.
15. Погодина Е.А., Катаев Е.Н. Оценка уровня и глубины дифференциации экономического и социального развития регионов Приволжского федерального округа // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 21. С. 30–37.
16. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУВШЭ, 2003.
17. Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 85–106.
18. Ахмедуев А.Ш. Проблемы чрезмерной поляризации уровня социально-экономического развития регионов России и императивы модернизации государственной региональной политики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 6. С. 37–51.
19. Архипова Л.С., Гагарина Г.Ю. Пространственная дифференциация регионов РФ и их конкурентоспособность // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2015. Т. 25, Вып. 4. С. 19–27.
20. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2019 г. № 207-р.
21. Глинский В.В., Серга Л.К., Булкина А.М. Дифференциация муниципальных образований как фактор экономического развития территорий // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 46–52. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26620961>
22. Глинский В.В., Серга Л.К. Города-миллионники как основа экономического роста региона // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 5. С. 51–58.
23. Glinskiy V., Serga L., Khvan M., Zaykov K. A Spatio-Dynamic Modelling of Environmental Safety of the Russian Federation Regions // Procedia Manufacturing. 2017. Vol. 8. P. 315–322. doi.org/10.1016/j.PROMFG.2017.02.040

24. Glinskiy V., Serga L., Simonova E., Zaykov K. Methodological Approach to Modelling of Economic Growth of Innovative Economy of the Region // *Information*. 2017. Vol. 20. № 10. P. 7171–7178. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35734374>

List of References

1. Glinskiy V., Serga L., Novikov A., Bulkina A., Litvintseva G. Investigation of Correlation Between the Regions Sustainability and Territorial Differentiation // *Procedia Manufacturing*. 2017. Vol. 8. P. 323–329. doi.org/10.1016/j.promfg.2017.02.041
2. Glinskiy V.V., Serga L.K., Kisel'nikov A.A., Khramtsova T.G. O napravleniyakh vozdeistviya territorial'noi differentsiatsii na ekonomicheskii rost // *Vestnik NGUEU*. 2018. № 4. S. 64–71. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36826039>
3. Werner H. *Comparative Psychology of Mental Development*. N.Y., 2004.
4. Podd'yakov A.N. Sravnitel'naya psikhologiya razvitiya Kh. Vernera v sovremennom kontekste // *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2007. T. 3. № 1. S. 65–72.
5. Bertalanfi L. fon. *Obshchaya teoriya sistem — obzor problem i rezul'tatov* // *Sistemnye issledovaniya*. Ezhegodnik. M.: Nauka, 1969. 203 s.
6. Bertalanfi L. fon. *Istoriya i status obshchei teorii sistem* // *Sistemnye issledovaniya: Ezhegodnik*, 1972. M.: Nauka, 1973.
7. Bogdanov A.A. *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka / sost., predislavie i kommentarii G.D. Gloveli, posleslovie V.V. Popkova*. M.: Finansy, 2003.
8. Baranov S.V., Skuf'ina T.P. Sravnitel'naya dinamika ekonomicheskogo rosta i mezhregional'naya differentsiatsiya territorii rossiiskogo Severa // *Voprosy statistiki*. 2015. № 11. S. 69–77.
9. Glushchenko K.P. Ob otsenke mezhregional'nogo neravenstva // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2015. № 4. S. 39–58.
10. Zaitseva Yu.S. Mezhregional'naya differentsiatsiya v stranakh BRIK: vozmozhnosti otsenki // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2010. № 5. S. 44–51.
11. Kolomak E.A. Mezhregional'noe neravenstvo v Rossii: ekonomicheskii i sotsial'nyi aspekty // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2010. № 1. S. 26–35.
12. Konopatskaya E.A. Differentsiatsiya regionov Rossiiskoi Federatsii po urovnyu razvitiya chelovecheskogo kapitala // *Ekonomika, statistika i informatika*. Vestnik UMO. 2011. № 2. S. 178–184.
13. Lavrovskii B.L. Territorial'naya differentsiatsiya i podkhody k ee oslableniyu v Rossiiskoi Federatsii // *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2003. № 4 (t. 7). S. 524–537.
14. Moroshkina M.V. Mezhregional'naya differentsiatsiya sub'ektov Rossiiskoi Federatsii // *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2014. № 45. S. 20–26.
15. Pogodina E.A., Kataev E.N. Otsenka urovnya i glubiny differentsiatsii ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga // *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2014. № 21. S. 30–37.
16. Granberg A.G. *Osnovy regional'noi ekonomiki*. M.: GUVShE, 2005.
17. Kolomak E.A. *Prostranstvennoe razvitie Rossii v XXI v.* // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2019. T. 15. № 4. S. 85–106.
18. Akhmeduev A.Sh. *Problemy chrezmernoi polyarizatsii urovnya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii i imperativy modernizatsii gosudarstvennoi*

- regional'noi politiki // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2017. № 6. S. 37–51.
19. Arkhipova L.S., Gagarina G.Yu. Prostranstvennaya differentsiatsiya regionov RF i ikh konkurentosposobnost' // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo. 2015. T. 25, Vyp. 4. S. 19–27.
  20. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda, utverzhdannaya rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 13 fevralya 2019 g. № 207-r.
  21. Glinskiy V.V., Serga L.K., Bulkina A.M. Differentsiatsiya munitsipal'nykh obrazovaniy kak faktor ekonomicheskogo razvitiya territorii // Voprosy statistiki. 2016. № 8. S. 46–52. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26620961>
  22. Glinskiy V.V., Serga L.K. Goroda-millionniki kak osnova ekonomicheskogo rosta regiona // Intellekt. Innovatsii. Investitsii. 2019. № 5. S. 51–58.
  23. Glinskiy V., Serga L., Khvan M., Zaykov K. A Spatio-Dynamic Modelling of Environmental Safety of the Russian Federation Regions // Procedia Manufacturing. 2017. Vol. 8. P. 315–322. doi.org/10.1016/j.PROMFG.2017.02.040
  24. Glinskiy V., Serga L., Simonova E., Zaykov K. Methodological Approach to Modelling of Economic Growth of Innovative Economy of the Region // Information. 2017. Vol. 20. № 10. P. 7171–7178. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35734374>

Контактная информация / Contact information

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56 / Novosibirsk State University of Economics and Management, 56, Kamenskaya street, Novosibirsk, 630099, The Russian Federation
Глинский Владимир Васильевич / Vladimir V. Glinskiy
E-mail: v.v.glinskiy@nsuem.ru
Серга Людмила Константиновна / Lyudmila K. Serga
E-mail: l.k.serga@nsuem.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-311-340

**МОДЕЛЬ ВОСПРОИЗВОДСТВА
ГЕОЭКОНОМИКИ
В КАТЕГОРИЯХ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОЛИТЭКОНОМИИ (ЭССЕ)
GEOECONOMIC
REPRODUCTION MODEL
IN CATEGORIES OF
ANTHROPOLOGICAL POLITICAL
ECONOMICS (ESSAY)**

ПОНОМАРЕВ Владимир Петрович

Член Вольного экономического общества России,
профессор Горного института Национального
исследовательского технологического
университета «МИСиС», д.э.н.

Vladimir P. PONOMARIOV

Member of the Free Economic Society of Russia,
Professor of Mining Institute, The National
University of Science and Technology MISIS,
Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

Автор предлагает новый подход к построению глобальной модели воспроизводства. Для этого он использует свою оригинальную теорию Антропологической политэкономии. Эта модель глобального воспроизводства соединяет план и рынок, реальный и финансовый сектора экономики на национальном и международном уровнях в компактном виде, который удобен для стратегического анализа крупных бизнес-проектов.

ABSTRACT

The author offers a new approach to building a global model of reproduction. This, he uses his original theory of Anthropological Political Economy. This model of global reproduction connects the plan and the market, the real and financial sectors of the economy at the national and international levels in a compact form, which is convenient for strategic analysis of large business projects.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Воспроизводство, эндогенная модель динамики глобальной экономики, модель национальной экономики, модель субъекта экономики, Геошахматы.

KEYWORDS

Reproduction, endogenous dynamic model of the global economy, the national economy model, the economy subject model, Geo-chess.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ведущие экономисты планеты, в том числе нобелевские лауреаты Джордж Акерлоф, сэр Джеймс Миррлис, Майкл Спенс, Джозеф Стиглиц, Амартия Сен, Пол Кругман, Уильям Нордхаус, Пол Ромер и многие другие, отмечают наличие кризиса в современной экономической теории. Экономическая наука стоит на пороге рождения нового экономического мышления. Специально для этих целей Дж. Сорос и ведущие финансовые организации мира создали международный Институт нового экономического мышления (INET, New York, 2009), который привлекает молодых экономистов для

разработки проблемы устойчивого функционирования мировой финансовой системы и экономики.

Однако за истекшее десятилетие не удалось приблизиться к решению данной проблемы. Западным экономистам, на мой взгляд, мешает инерция и ограниченность монетаристского подхода, доминирующего в их научном мышлении. Они обнаружили фатальный отрыв финансового сектора от реальной экономики, но вернуться к изучению движения натурально-стоимостных потоков товаров и услуг в полной мере не могут по двум причинам: а) узко поставлена первоначальная задача по нормализации функционирования мировой денежно-финансовой системы с позиций доминирования монетарных теорий; б) отсутствует опыт анализа натурально-стоимостных потоков на базе теории Маркса.

Ученые ищут стабильность в работе мировой экономики, анализируя лишь видимую ее часть, не затрагивая организм Геоэкономики в целом. Об экономической кибернетике ученые XX в. говорили и забыли, отдав приоритет воле политиков, ТНК и мировых финансовых институтов. Поэтому «тайна саморазвития» в экономической кибернетике оказалась не раскрытой. Свободный рынок и конкуренция — это только видимая часть айсберга самовоспроизводства национальных экономик, Геоэкономики и личности каждого человека.

Мы также видели, как в XX в. сверхмонополия политической власти изнутри уничтожила мир социализма во главе с СССР. Теперь мы наблюдаем, как монополия экономической власти ТНК уничтожает собственный процветающий мир западного капитализма во главе с США. Некоторые западные аналитики даже заговорили о завершении эры капитализма, что мне также представляется однобокой точкой зрения.

Очевидно, ни апологеты «плана», ни апологеты «свободного рынка» такого финала своей деятельности не предполагали. Их целью было всестороннее укрепление основ и процветание собственных экономических систем. Этот факт является сильным под-

тверждением истинности объективно действующих законов эволюции мирового сообщества.

Человечество развивается как под влиянием объективных законов саморазвития (воспроизводства), определяющих общий вектор исторического прогресса, так и под влиянием стохастических флуктуаций со стороны сильных игроков на «великой шахматной доске» мира, создающих хаос и неопределенность на коротких интервалах истории. Наложение этих двух процессов эндогенного («альфа») и экзогенного («омега») характера составляет основу динамики мировой экономики.

Таким образом, развитие мировой экономики происходит под воздействием глубинных процессов эволюции человечества, а не из-за конфликта между раздутыми «пузырями» финансов и «узкими рынками» реальных товаров и услуг. Вся теория деловых циклов — это попытка экономистов смягчить последствия стохастических процессов хаотичного воздействия сильных игроков на мировом рынке. Знания о самовоспроизводстве Геоэкономики или об экономической кибернетике Глобального социума могут кардинальным образом улучшить функционирование как реального, так и финансового секторов мировой экономики. Настоящая статья посвящена вопросам создания именно такой теории и модели воспроизводства Геоэкономики, испытывающей влияние долговременных «альфа» и конъюнктурных «омега» процессов.

2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ

Традиционная экономическая мысль движется снизу вверх, отталкиваясь от абстрактных поведенческих моделей «человека экономического» к макроэкономическим системам. Наш подход ориентирован на всестороннее изучение экономических систем в том естественном виде, который они имеют в хозяйственной практике и статистике. При этом мы отдаем приоритет не эконометрии, которая грешит *a priori* заданными стереотипами, а на-

турным наблюдениям и их научной интерпретации так, как это делают физики и другие «натуралисты».

В качестве такого инструментария для наблюдения и анализа мы используем идеи Антропологической политэкономии, которая базируется на политэкономическом обобщении междисциплинарных знаний о человеке, обществе и природе [1, 2, 3 и др.].

Если воспроизводство существует на уровне личности человека, национальной экономики и мирового хозяйства, то это автоматически (по определению) снимает вопрос о противостоянии «богатства» и «бедности».

«Бедный человек» — это тот, кто не может *воспроизводить самого себя и уклад своей жизни*. Для того чтобы просто жить, человек должен каждый день потреблять не менее 20 ккал продуктов питания на 1 кг своего веса. Для выполнения работы ему требуется еще примерно столько же энергии. Так что воспроизводство самого себя можно воспринимать как в узком физиологическом, так и более широком социально-бытовом смысле, включая привычный уклад жизни и потребности в развитии собственной личности, а также близких людей, не имеющих возможности самостоятельно обеспечивать свои жизненные потребности.

Поскольку «воспроизводство» тесно связано с «самовозрастанием стоимости» и категорией «капитала», это значит, что номенклатура капитализируемых первичных факторов общественного производства должна расширяться по мере получения новых знаний о социуме, человеке и природе. Так и происходит на самом деле: производительный (физический) капитал Карла Маркса ([4], 1887) в теории со временем был дополнен человеческим капиталом Гэри Беккера ([5], 1964), социальным капиталом Пьера Бурдьё ([6], 1983) и природным (естественным) капиталом Роберта Костанца ([7], 1997). Эти четыре вида капитала являются первичными факторами современного общественного производства. В экономической литературе встречаются также другие расширения понятия «капитал»: финансовый, интеллектуальный,

культурный и др. Но эти виды капитала являются производными по отношению к названным первичным факторам-капиталам.

Один из фундаментальных процессов, характеризующих воспроизводство Геоэкономики в XXI в., — это выравнивание доходов между богатыми и бедными странами (см. рис. 1).

Рис. 1. Пространственно-временная шкала эволюции Геосоциума (гипотеза)

Сверхмонополизм привел к разрыву между уровнем жизни богатых и бедных стран и затем бумерангом ударил по богатым странам стагнацией и сужением рынков. Развивающиеся страны постепенно осознают и исправляют сложившееся положение. Эту естественную и ожидаемую реакцию развитые страны воспринимают как посягательство на свои национальные интересы. Но экономика потому и является наукой, что она изучает объективные законы развития Геосоциума, и это — один из них.

Геоэкономического пространства (Н, К, S, W), перемещающегося по планетарному вектору времени жизни (Т1, Т2...), причем координата времени одновременно отображает эволюцию экологии Земли.

Эксперты Римского клуба в 1972 г. (доклад Медоуза) объявили о приближении человечества к красной черте исчерпания жизненно важных природных ресурсов. Сегодня мы наблюдаем этот процесс на примере резкого изменения климата и ряда других аномалий. Появление «зеленых технологий» (Германия, Япония и др.) и концепции *экологической экономики* (США), а также актуализация идей академика В.И. Вернадского о преобразовании Геосоциума Земли в ноосферу дают основания прогнозировать в ближайшем будущем переход в новую эру производительной деятельности людей без ущерба, а даже во благо процветания жизни на планете. Это — нормативная цель, к которой осознанно или интуитивно стремятся все нации на Земле.

Текущее социально-историческое время Т1, основанное на развитии Геосоциума за счет исчерпания жизненно важных ресурсов Земли, сменяется чередой исторических эпох нового экологического качества (время Т2), когда развитие цивилизации воспроизводит природное богатство планеты, превращая его в природный капитал.

Эта концепция содержит в себе основополагающие признаки экзистенциальной философии европейских философов (Кьеркегор, Ясперс, Хайдеггер, Сартр, Ницше и др.) конца XIX — начала XX в., учения которых ориентированы на развитие мира и человека через преодоление личностью предела собственных креативных способностей. Поэтому мы можем говорить об экзистенциальной концепции развития Геоэкономики, представленной в данной статье.

4. О ТРЕТЬЕЙ СУЩНОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ

Прежде чем двигаться дальше, следует рассмотреть некоторые принципиальные методические уточнения из современного *функции-*

онального анализа, охватывающие как числовые функции, так и образные функции, соединяющие однозначными или многозначными связями «независимые» $\{X\}$ и «зависимые» $\{Y\}$ переменные.

Экономисты привыкли строго различать независимые и зависимые переменные в изоморфных генеральных совокупностях. В современном функциональном анализе исследователи часто опираются на теорию множеств и связывают $\{X\}$ с $\{Y\}$ через правило соответствия f . Это существенно расширяет функциональный анализ, позволяет соединять в единое уравнение или систему разнородные множества. При таком подходе сама функция приобретает значение третьей сущности, которую еще следует уточнять по ходу функционального анализа. Так, привычная жесткая запись числовой функции (1):

$$Y=f(X) \tag{1}$$

приобретает более свободный в смысле изоморфизма вид (2):

$$Y \xrightarrow{f} X, \tag{2}$$

при этом f может быть как однозначной функцией, так и многозначной, что записывают с помощью выражения (3):

$$f: X \longrightarrow B, \tag{3}$$

где B — семейство подмножеств множества Y . Тогда $f(x)$ будет множеством для всякого $x \in X$.

Функция однозначна, если каждому значению аргумента соответствует единственное значение функции, и многозначна, если хотя бы одному значению аргумента соответствует два значения функции или более [8]. Это важно для нашей модели, так как эволюционирующие независимые и зависимые аргументы часто разнородны и постоянно меняются местами, а функции также подвержены эволюционным (воспроизводственным) процессам, как и аргументы.

5. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ВОСПРОИЗВОДСТВО»

Существует *фундаментальное свойство* национальной экономики, состоящее в претекании вещественно-стоимостной состав-

ляющей конечного продукта Y в соответствующие виды капитала. Будем называть это свойство *производительным потреблением*. Если экономика идеально сбалансирована, то весь Y инвестируется в совокупный капитал W (см. рис. 3).

Формальное определение:

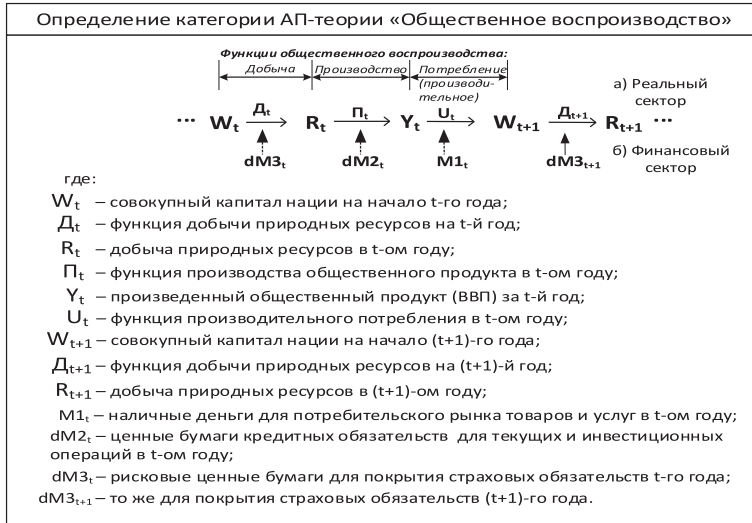

Рис. 3. Общественное воспроизводство

Вербальное определение:

Общественное воспроизводство — это бесконечный циклический процесс эколого-компенсационной добычи природных ресурсов, производства и производительного потребления финальных товаров и услуг в виде добавленных стоимостей на каждый воспроизводимый фактор-капитал (человеческий, экономический, социальный), ориентированный на развитие личности человека. Этот процесс протекает в базовом реальном и дополняющем финансовом секторах экономики, при обеспечении денег и обязательств соответствующими натурально-вещественными агрегатами общественного продукта и факторами-капиталами.

Как показала история, ни золото, ни плавающие курсы «твердой валюты» не способны длительное время обеспечивать баланс стоимости товаров и массы денег. Текущий век цифровых экономик дает человечеству принципиально новый шанс решения этой проблемы. И это не биткоины, а прямой контроль за товарной и денежной массой на базе АП-теории.

Воспроизводство существует как всеобщий процесс, свойственный факторам-капиталам, природным ресурсам, производственным и потребительским отношениям, коммерческому и государственному секторам экономики, денежным и кредитно-финансовым системам (см. рис. 4).

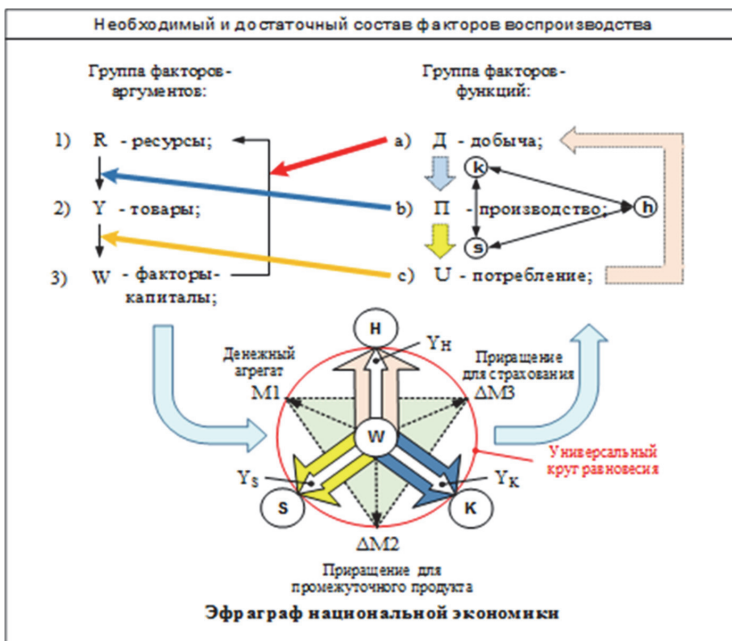
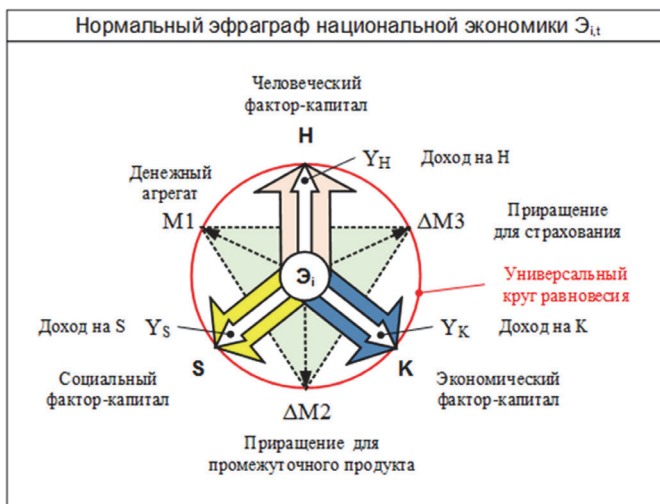

Рис. 4. Состав факторов воспроизводства

В нижней части рис. 4 показан образ национальной экономики в виде экономического фрактала (эфраграфа), трехслойной ле-

пестковой диаграммы: 1) факторы-капиталы; 2) товары и услуги; 3) денежные агрегаты. При этом все статистические параметры первого и второго уровня измерены по отношению к стоимости человеческого капитала (см. рис. 5).

Рис. 5. Нормальный эфраграф национальной экономики

Статистический денежный агрегат M_1 и приращения денег dM_2 , dM_3 на эфраграфе представлены отношениями их значений к соответствующим нормативам, сбалансированным с потоками произведенной продукции.

Если какой-либо из параметров выходит за универсальный круг равновесия, значит он присутствует в экономике в избыточном количестве, а если не достает до круга, то экономика испытывает дефицит. При допустимом проценте отклонений (например, 5 или 10%) эфраграф считается сбалансированным, а пропорции в экономике соответствуют режиму самовоспроизводства. Это значит, что никаких регулирующих мер применять не следует. Во всех функционалах главным и единственным движителем экономических отношений является человек (см. рис. 6).

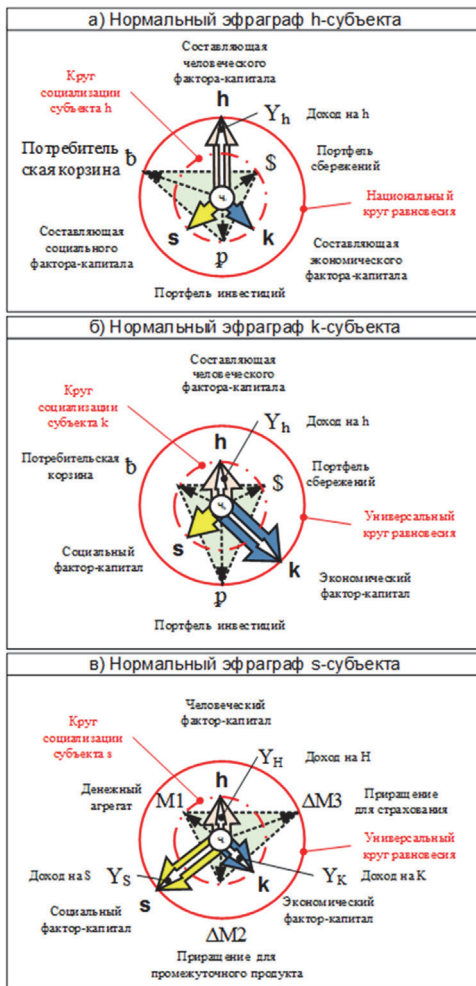

Рис. 6. Эфраграфы субъектов

В эфраграфах субъектов экономических отношений кроме универсального круга равновесия существует также внутренний круг социализации каждого из субъектов в национальную экономику.

6. «ГОРДИЕВ УЗЕЛ» СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В середине XX в. в экономической литературе и научной практике появилась плодотворная идея — «человеческий капитал», которая прочно вошла в современный образ экономического мышления. Не секрет, что, введя в экономическое мышление термин «человеческий капитал», ее авторы, в том числе Джейкоб Минсер (1958), Теодор Шульц (1961), Гэри Беккер (1964) и др., ввели этот термин как идею, но не как политэкономическую категорию.

Если начать изучение взаимосвязанных элементов социально-экономической системы, начиная с модели человека, затем выполнить синтез моделей многих людей в модель социума и наконец синтезировать модели социумов в общую модель Геоэкономической системы, а именно этот путь логично вытекает из постановки социальной проблемы Вальраса ([9], 1883) и его многочисленных последователей, предпочитающих абстрактные дифференциальные уравнения живым человеческим отношениям, то нетрудно убедиться, что мы имеем дело с туго затянутым «Гордиевым узлом». Каждый новый Александр Македонский, в лице современных теоретиков, добавляет к этому узлу еще несколько узелков, а затем рассекает их мечом, получая очередную модификацию формулы Кобба–Дугласа. И этому способу поиска истины не видно конца.

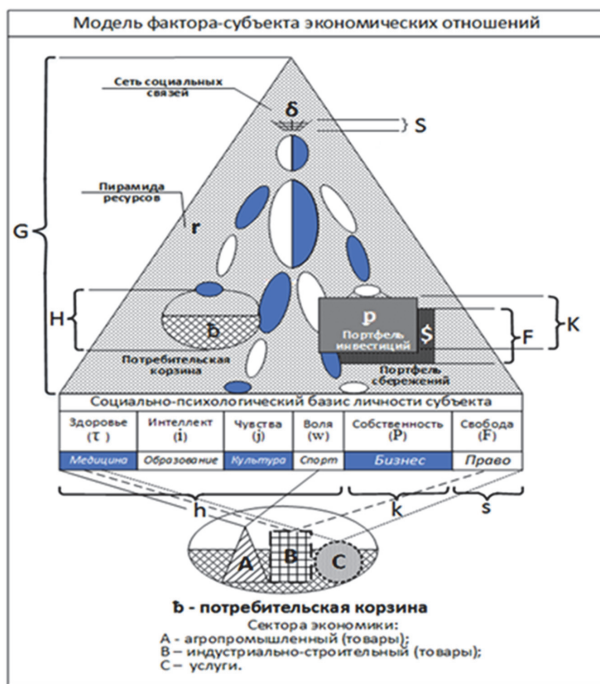
Но можно идти и другим путем: набраться терпения и начать распутывать логические нити, которые оказались сетью социальных отношений Пьера Бурдьё. Чтобы упростить труд пользователей полученных знаний, систематизированную, но все еще необъятную информацию можно сжимать с помощью фрактальных образов и получать агрегатные модели компактного вида, удобные для решения конкретных стратегических задач. Да простят меня нобелевские лауреаты, но я пошел именно этим путем.

За последние 30 лет (1989–2019) я выполнил самостоятельные междисциплинарные исследования от социальной философии до

физиологии мышления человека и получил представленную ниже модель субъекта экономических отношений.

7. АП-МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА ЭКОНОМИКИ

Эта модель является обобщенным образно-числовым агрегатом, структурирующим информацию о социально-экономических и социально-психологических характеристиках состояния человека, которые получают числовую определенность из анализа и обобщения статистики (см. рис. 7).

Рис. 7. Модель фактора-субъекта экономических отношений

Источник: работы автора ([3], 1992), ([1], 2006), ([2], 2013).

Главное отличие АП-модели человека от прототипов состоит в том, что, кроме полезных для экономики потребительской и произво-

дительной функций, человек желает жить здоровой и полноценной жизнью, для которой экономические отношения, в которых он участвует, лишь средство достижения множества других, важных для него целей. Достижение этих целей наполняет человека смыслом самореализации и радостью бытия. «Благоговение перед жизнью» — вот состояние (по Швейцеру), которое испытывает человек, созидаящий новый мир на Земле. Для такого человека не требуются специальные мотиваторы его продуктивной деятельности, например максимизация дохода как человека, мыслящего «экономически рационально». Его труд овеян вдохновением творческого поиска и, безусловно, становится в высшей степени продуктивным, так как человек вкладывает в свой труд все душевные силы. Психологи называют этот процесс установкой на самореализацию. Именно это и преследует предлагаемая АП-модель человека, адаптированная к экономическим отношениям и не завершенная в своей формализации. АП-модель самообучаема, т.е. открыта для ее дальнейшего «неэкономического развития», которое также требует соответствующих материальных, нематериальных и денежных ресурсов, как и факторы экономического развития.

Физики нашли замечательный прием, обогативший их теоретическое мышление, назвав еще не познанные элементарные объекты кварками. Назовем и мы еще не познанные нами элементы конструирования творческих общественных отношений *социальными кварками*, которые зарождаются на уровне индивидуальной деятельности людей и затем служат «конструкционными элементами» для развития более совершенного социума. Таким образом, АП-модель ориентирована на формализацию механизма саморазвития национальной экономики через развитие человека.

Кстати сказать, конструктивные идеи проф. Г.Б. Клейнера по «нанoeкономическому уровню» [14], продолжающего развивать идеи К. Эрроу [15], хорошо корреспондируют с данной АП-теорией. Уже на уровне субъекта экономических отношений мы можем

идентифицировать элементы всех иерархических уровней национальной экономики подобно тому, как на уровне геномов программируется организм и личность человека.

Макроуровень национальной экономики в АП-модели человека представлен факторами производства в составе: H — человеческий, K — экономический и S — социальный капиталы.

Эндоуровень отраслей народного хозяйства в АП-модели представлен в составе: A — аграрный сектор; B — индустриальный сектор; C — сектор услуг, которые участвуют в формировании потребительских корзин, а также портфелей инвестиций и сбережений, исчисленных в рыночных ценах конечного потребления.

Микроуровень определяет в АП-модели использование субъектами конечного продукта Y в следующем составе:

b — стандартизованная потребительская корзина;

F — портфель инвестиций ($\$$ — сбережения, формирующие F — финансы социума);

δ — сеть социально-экономических связей. Все стоимости исчислены на агрегированного субъекта, участвующего в соответствующих экономических отношениях.

Наноуровень определяет в АП-модели индивидуальное развитие среднестатистической личности (физическое, психическое, культурное, профессиональное) и ее производительной функции от факторов в составе: h — человеческий капитал, k — активы и s — социальные связи субъекта.

Процесс воспроизводства невозможен без материальных ресурсов R , которые социум изымает из окружающей природной среды, возвращая вместо этого вредные отходы и исчерпание ресурсного потенциала G .

Из отображенных на схеме рис. 7 параметров неописанными остались лишь показатели социально-психологического базиса человека, которые в явном виде в общую модель национальной экономики мы на данном этапе ее разработки не помещаем и определяем в «аппендиксах», т.е. справочно, в качестве дополнительных

критериев стратегического анализа. Эта структура ложится в основу базовой схемы устойчивого воспроизводства.

Следует заметить, что по мере развития цифровой экономики каждый человек становится объектом маркетинговых систем. Поэтому предлагаемая идея построения модели человека имеет перспективу стратегического развития, так как персонификация спроса и предложения имеет тенденцию углубления в проблемы жизнедеятельности каждой личности. В идеале спрос трансформируется в потребность, а предложение — в производство товаров и услуг для покрытия потребности. Здесь «рынок» и «план» сливаются в единую открытую систему «белых ящиков».

8. НОВАЯ КАТЕГОРИЯ — «ФАКТОР-КАПИТАЛ»

К великой радости философов и «трудовиков», в АП-теории человек наконец-то становится главной ценностью экономической системы социума. Он занимает свое законное место в качестве ядра всех факторов производства, исчисленных как в стоимостных показателях (деньги), так и в натуральных гуманитарных показателях (здоровье, время жизни, знания, навыки, интеллект, чувства, воля/желания, свобода, собственность). Человек становится главным богатством нации, определяемым в количественном и качественном измерении.

Каждый фактор-капитал не существует сам по себе; он существует только как структурный компонент совокупного капитала страны (W), т.е. как основной и единственный фактор генерации общественного продукта (ВВП).

9. ГЕОГРАФИЯ, ГЕОЭКОНОМИКА, ГЕОШАХМАТЫ

При построении модели Геоэкономики невозможно обойти молчанием решение принципиальной проблемы о роли и месте географии в этой модели. В экономической географии задача отображения экономических объектов решается прямым нанесением их на карту. Для уточнения справочных материалов географы

используют систему ГИС. Но этого недостаточно для наблюдения за протеканием процессов мировой экономики. Географическое пространство принципиально невозможно свести к Геоэкономическому пространству с координатами эволюции человеческого, экономического и социального капиталов. Однако и без географической карты полноценной Геоэкономики быть не может. Из этого трудного положения выход может быть только один — перед глазами аналитика должны быть две карты мира: географическая карта мира и виртуальная многомерная матрица Геоэкономического пространства. Первая карта дает представление о реальном местоположении стран и ресурсов, включая общее экологическое состояние регионов на территории планеты, а вторая мнемосхема Геоэкономического пространства показывает состояние и динамику эволюции мирового социально-экономического развития, ориентированного на принятие стратегических бизнес-решений и национальной внешней политики.

Для удобства стратегического мышления политологом З. Бжезинским была предложена идея распространения аналогий игры в шахматы при геостратегическом анализе в виде «Великой шахматной доски» [16]. Эта идея использована нами при разработке АП-модели Геоэкономики, чтобы:

- во-первых, повысить творческое стратегическое мышление пользователей модели;
- во-вторых, унифицировать шкалу социально-экономического развития стран мира по принципу ранжирования ценности шахматных фигур. В этом случае стремление «пешки» пройти путь развития и превратиться в «ферзя» является вполне естественным желанием человека и нации к самореализации;
- в-третьих, игровая сторона модели при ее корректном упрощении делает модель доступной для понимания пользователей разного уровня экономической и финансовой подготовки. Этот прием снимает психологический барьер со схоластики политэкономических знаний.

10. АП-модель Геоэкономики (GEM-модель)

Мнемосхема модели Геоэкономики в стилизованном виде «Мягкой силы человечества» представлена на рис. 8.

Мы вводим такой образ «Мягкой силы» (вместо «Невидимой руки рынка») как животворящей любви человечества к каждому человеку. «Западный» и «Восточный» мир через Евразию находят консенсус и строят новый миропорядок на планете. Эта аллегория помогает пользователям модели настроиться на выработку миролюбивой стратегии своего бизнеса.

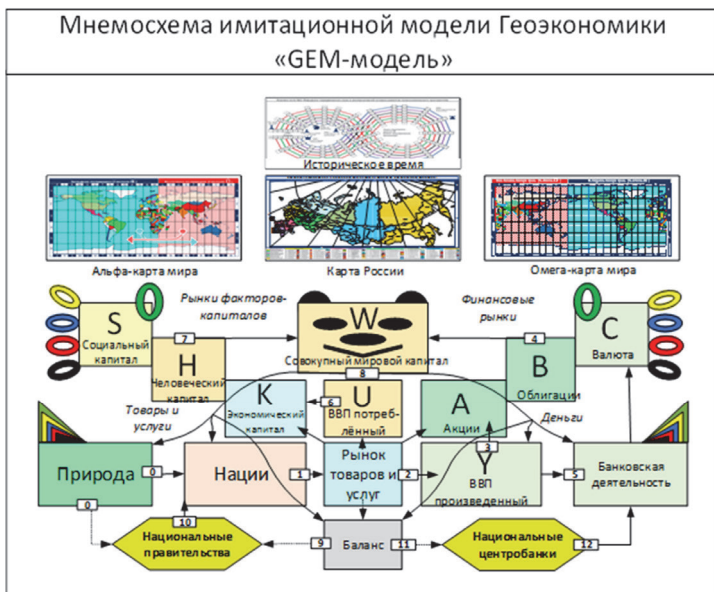

Рис. 8. Образ «Мягкая сила человечества»

При этом существуют международная конкуренция (как объективный закон технического прогресса) и международное сотрудничество (как объективный закон социального развития). «Невидимая рука» Адама Смита продолжает управлять созданием новых технологических укладов, а «мягкая сила» Лао-Цзы (Китай) и Джо-

зефа Ная (США) [17] продолжает творить социально справедливый мир на Земле XXI в.

Ключевой матрицей АП-модели Геоэкономики служит матрица внешней торговли (на рис. 8 «Рынок товаров и услуг») (см. табл. 1).

Таблица 1.

Глобальная матрица внешней торговли и мирового ВВП, в трлн USD, рыночных ценах по текущему курсу валют, 2015 г. (пример)

Страна-агент	Западное полушарие					Восточное полушарие					Экспорт	ВВП произ-веденный		
	US	EU	BS	Ar	OW	OE	In	Ch	Ru	Jp				
Страна-контрагент	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10				
Западное полушарие	US	1	18,1	0,3	0,1	0,1	0,6	0,5	0,2	0,4	0,1	0,1	2,4	20,5
	EU	2	0,3	16,6	0,1	0,1	0,7	0,5	0,1	0,3	0,1	0,1	2,2	18,8
	BS	3	0,1	0,1	1,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,3	1,9
	Ar	4	0,5	0,0	0,0	2,3	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,5	2,8
	OW	5	0,5	0,5	0,0	0,1	2,7	0,1	0,1	0,7	0,0	0,1	2,1	4,8
Восточное полушарие	OE	6	0,6	0,4	0,1	0,0	0,1	3,8	0,1	0,7	0,0	0,1	2,2	6,0
	In	7	0,3	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	8,5	0,1	0,0	0,0	0,5	9,0
	Ch	8	0,6	0,5	0,1	0,1	0,5	0,5	0,1	11,8	0,1	0,3	2,7	14,4
	Ru	9	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,1	1,2	0,1	0,5	1,6
	Jp	10	0,2	0,2	0,0	0,1	0,2	0,1	0,0	0,2	0,0	4,1	0,9	5,0
Импорт		3,1	2,1	0,3	0,4	2,2	1,7	0,6	2,6	0,3	0,9	14,2	14,2	
ВВП потреблённый		21,2	18,7	1,8	2,7	4,9	5,5	9,1	14,3	1,5	5,0	84,7	84,8	

Источник: Данные ВБ, ВТО, др. источники Интернета и оценки автора.

Примечание: на главной диагонали приведены объемы потребления странами конечного продукта собственного производства. По горизонталю – экспорт, по вертикали – импорт той страны, которая расположена на главной диагонали. Итоги строк и столбцов равны произведенному и используемому ВВП.

Матрица внешней торговли одновременно отражает структуру экспортно-импортных связей и структуру натурально-стоимостного распределения ВВП в каждой из национальных экономик. В базовом варианте принята матрица размерностью 10x10, где представлены ключевые страны Западного и Восточного полушарий, имеющие диаметрально противоположные цивилизационные взгляды на доминирование в управлении «свободного рынка»

и «государственного управления». Поэтому распределение сил и общая конфигурация политических карт этими локальными цивилизациями видятся по-разному: для западных субъектов — карта «Альфа» (на рис. 8 вверху слева), для восточных субъектов — карта «Омега» (на рис. 8 вверху справа). Пользователю, работающему на модели, следует учитывать обе ментальности или, выражаясь фигурально, «разыгрывать» как «Американскую карту», так и «Китайскую карту».

Рис. 9. Инсталляция модели Геошахмат

Отталкиваясь от матрицы внешней торговли, мы строим все остальные матрицы по цепочкам воспроизводства экономических отношений реального сектора экономики (три α -матрицы слева), кредитно-финансовых отношений (три α -матрицы справа), а также Ω -матрицы состояния демографии, экологии и государственных секторов в заданной страновой структуре Геосоциума. Информацией служат официальные статистические данные ООН, ее структурных организаций, а также данные национальных статисти-

стик, опубликованные в Интернете. Альтернативные прогнозные сценарии развития Геоэкономического пространства строятся моделью автоматически по встроенным алгоритмам, имитирующим выявленные нами в процессе анализа закономерности эволюции мировой экономики. Некоторые закономерности опубликованы в 30 статьях автора в международных электронных изданиях за 2013–2019 гг. (см. e-library).

Описанные в общих чертах модели приобретают вещественную оболочку в виде натуральных инсталляций, которые приближают моделирование динамики Геоэкономического пространства к Геошахматам. Вариант такой инсталляции приведен на рис. 9.

Несмотря на игровой стиль настоящих исследований, его смысловое содержание имеет строгое научное обоснование, не теряя при этом эвристической роли, что помогает образно понимать механизмы саморазвития и государственного регулирования национальных экономик и Геоэкономического пространства в целом. При этом сохранены преемственность классических экономических теорий и существующая международная статистика (см. табл. 2).

Из-за ограниченности объема статьи нет возможности привести более детальные обоснования предложенных идей и положений АП-теории и имитационной модели, а также их иллюстраций числовыми примерами. Эта информация приведена в публикациях и лекциях автора по курсу «Геоэкономика» программы MBA MINING Горного института НИТУ «МИСиС». Вместе с тем даже из приведенного здесь небольшого материала видно, что на это направление развития экономической теории научной общественности России следует как минимум обратить серьезное критическое внимание и как максимум поддержать в конструктивном плане развития нового экономического мышления.

РЕЗЮМЕ

Предложена конструктивная постановка проблемы дальнейшего развития экономической теории применительно к реально-

Таблица 2.

Корреспонденция ключевых экономических категорий классических и АП-теории в производстве смешанной экономики (СЭ)

Аспект формализации национальной экономики	Базовые формулы классических теорий	То же в АП-модели воспроизводства СЭ
<p>1. Новая категория АП-теории – совокупный фактор-капитал нации W.</p>	<p>Субъектно-объектная категория «фактор-капитал» аналогов не имеет.</p>	$W = \begin{cases} H = f_1(h, k, s); \\ K = f_2(h, k, s); \\ S = f_3(h, k, s), \end{cases}$ <p>где: W – совокупный фактор-капитал; H, K, S – человеческий, экономический и социальный факторы-капиталы; h, k, s – субъектно-объектные социальные квари факторов (личностей) экономики.</p>
<p>2. Кейнсианская категория совокупного спроса AD для определения цены равновесия.</p>	<p>$AD = C + I + G + (Ex - Im)$, где: AD – совокупный спрос; C – потребительские расходы; I – инвестиции; G – государственные расходы; (Ex - Im) – экспорт минус импорт.</p>	<p>$Y = Y_h + Y_k + Y_s + (Ex - Im)$, где: Y – используемый конечный продукт (ВВП) в натуральном исчислении; Y_h – использование части ВВП работниками; Y_k – использование части ВВП предпринимателями; Y_s – использование части ВВП государством; (Ex - Im) – экспорт минус импорт.</p>

Аспект формализации национальной экономики	Базовые формулы классических теорий	То же в АП-модели воспроизводства СЭ
<p>3. Марков баланс межотраслевых натуральных потоков для определения пропорций нормального общественного воспроизводства (модель Леонтьева «Затраты-выпуск»; модель Стоуна «Система национальных счетов»).</p>	<p>$\bar{A}: C_a + V_a + P_a + (EX_a - Im_a) = X_a;$ $\bar{B}: C_b + V_b + P_b + (EX_b - Im_b) = X_b;$ $\bar{C}: C_c + V_c + P_c + (EX_c - Im_c) = X_c;$ $\Sigma: C + V + M + (EX - Im) = X,$ где: С – материальные затраты, налоги и платежи; V – чистая компенсация труда наемных работников; P – чистая компенсация прибыли бизнеса; (EX-Im) – сальдо внешней торговли; X – валовый выпуск общественного продукта; А, В, С – сектора экономики: аграрный, индустриальный, услуги.</p>	<p>$\bar{A}: Y_{ah} + Y_{ak} + Y_{as} + (EX_a - Im_a) = Y_{ds};$ $\bar{B}: Y_{bh} + Y_{bk} + Y_{bs} + (EX_b - Im_b) = Y_{bs};$ $\bar{C}: Y_{ch} + Y_{ck} + Y_{cs} + (EX_c - Im_c) = Y_{cs};$ $\Sigma: Y_h + Y_k + Y_s + (EX - Im) = Y,$ здесь содержательное толкование показателей и индексов соответствует логике предыдущих (упомянутых выше) пунктов в натурально-стоимостном выражении.</p>
<p>4. Формула воспроизводства совокупного фактора-капитала нации {W}.</p>	<p>Аналогов нет.</p>	<p>$W_t \xrightarrow{\Delta t, divZ} R_t \xrightarrow{\Delta t, \Delta MZ, M1} Y_t \xrightarrow{U_t} W_{t+1}$ где: Δ – добыча; Π – производство; U – потребление; остальные параметры проименованы в этой таблице.</p>

Таблица 2 (окончание).

Аспект формализации национальной экономики	Базовые формулы классических теорий	То же в АП-модели воспроизводства СЭ
<p>5. Монетарный баланс объема производства и массы денег для нормального товарно-денежного обращения.</p>	<p>$M*V=P*Q$, где: M – денежная масса; V – скорость обращения денег; P – уровень цен; Q – объем производства.</p>	<p>$M_1*V_1+dM_2*V_2+dM_3*V_3 =$ $P_1*Y_h+P_2*(X-Y+Y_k) + P_3*Y_s$, где: M1 и dM2, dM3 – агрегат наличных денег и приращения денежных агрегатов для инвестиций и страхования; V1, V2, V3 – скорости обращения денег; P1, P2, P3 – уровни цен; X – валовый выпуск; Y – совокупная добавленная стоимость; Yh, Yk, Ys – доходы на факторы капитала.</p>

стям XXI в., суть которой заключается в выявлении и модельной формализации эндогенного процесса саморазвития смешанных социально-экономических систем при одновременном экзогенном государственном политическом управлении этими системами на общенациональном и человеческом уровнях.

Определены основные принципы Антропологической политической экономии (АП) как сквозного метода моделирования многоуровневого процесса саморазвития экономических систем от человека до национальной экономики и Геоэкономики в целом.

Разработан и апробирован фрактально-экономический принцип агрегации и дезагрегации экономических моделей трех уровней (ключевой субъект, национальная экономика, Геосоциум), базирующийся на образно-числовом моделировании динамики субъектов экономических отношений. Этот принцип позволяет корректно сжимать сложные социально-экономические объекты до компактного уровня, удобного для стратегического анализа и планирования.

Для формализации геостратегического анализа впервые в экономической теории использован полиморфный метод многофункционального анализа, позволяющий существенно уточнить определение политэкономической категории общественного воспроизводства и условий саморазвития экономических систем.

Дано расширенное определение общественного воспроизводства как бесконечного циклического процесса эколого-компенсационной добычи природных ресурсов, производства и производительного потребления финальных товаров и услуг в виде добавленных стоимостей на каждый воспроизводимый фактор-капитал (человеческий, экономический, социальный), ориентированного на развитие личности человека. Показано, что этот процесс протекает в базовом реальном и дополняющем финансовом секторах экономики, при обеспечении денег и кредитно-финансовых обязательств соответствующими натурально-вещественными агрегатами общественного продукта и факторами-капиталами.

Предложен общий вид АП-модели человека как субъекта экономических отношений, в структуру которой входит психофизиология развития личности и социальная психология поведения субъекта экономических отношений. Показано, что детерминанты личности и ее социализации зависят от продуктового состава потребительской корзины, индивидуальных портфелей инвестиций и сбережений.

Показано, что субъекты экономических отношений, взаимодействуя друг с другом, используют свои индивидуальные социальные кварки и формируют единый производительный макроэкономический фактор в виде совокупного национального капитала, который воспроизводится при производительном потреблении финальных товаров и услуг каждым из составляющих факторов-капиталов. При этом весь годовой ВВП они инвестируют в приращение совокупного капитала нации полностью и без остатка в случае, если экономика внутренне сбалансирована (что возможно только при цифровой экономике!). Для выявления параметров сбалансированности предложено использовать эфраграфы (трехслойные лепестковые диаграммы) ключевых параметров экономических субъектов и национальных экономик относительно их нормативных значений.

Показано, что синтез географии и Геоэкономики возможен лишь как мнемонический процесс мобилизации мышления пользователя. Для расширения круга пользователей модель Геоэкономики формализована с элементами настольной игры, снимающей психологический барьер в понимании сложной многоуровневой структуры национальной экономики и ключевых субъектов в Геоэкономическом пространстве в стиле Геошахмат. Сжатие информации и деловая игра переводят теоретическую модель в инструментарий стратегического менеджмента компаний (ТНК).

Разработана принципиальная структура АП-модели как инструмента геостратегического планирования в составе: программного продукта, многоэкранной мониторинговой мнемосхемы и инстал-

ляции настольной игры Геошахматы на 16 досках-матрицах с наборами фрактальных фигур основных факторов по ключевым странам Западного и Восточного полушарий. При этом динамику положения на досках-матрицах дублируют позиции на 16 мониторах мнемосхемы, визуализирующих имитационные расчеты модели.

Показана преемственность научных знаний классических школ политэкономии и экономики с положениями АП-теории, ключевые формулы которой выводятся как частные случаи фундаментальных формул «мейнстрима» рыночного и планового периода. АП-теория в этом случае работает как метанаука (по Бертрану Расселу), что косвенно подтверждает ее истинность.

Поставленные Президентом России В.В. Путиным национальные задачи настоятельно требуют прорыва к новым экономическим знаниям. Традиционно такие прорывы происходили в научных кругах Западного мира, который сегодня находится в состоянии глубокого духовного кризиса. Поэтому, как мне представляется, российская наука должна взять инициативу в свои руки.

Библиографический список

1. Пономарев В.П. Социоментальная антропология: Естественно-гуманитарный синтез. — М.: Мысль, 2006.
2. Пономарев В.П. Антропологическая политэкономия: концепция теории саморазвития. — Саарбрюккен: LAP, 2013.
3. Пономарев В.П. Метаэкономика: Саморегуляция общественных отношений. — М.: МБЦМ, 1992.
4. Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. — Hamburg: Verlag von Otto Meissner, 1867.
5. Gary Becker (1993) [1964]. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education (3rd ed.). Chicago: The University of Chicago Press.
6. Bourdieu, Pierre. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Güttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198.
7. Robert Costanza. Frontiers in Ecological Economics: Transdisciplinary Essays // Hardcover. — October 1, 1997.
8. Корн Г., Корн Т. Справочник по математике. Для научных работников и инженеров. М., 1973, 4.2–2. Функции со специальными свойствами. (а), стр. 99.
9. Leon Walras. Richesse Sociale. Theorie mathematique. — Lausanne: Imprimerie corbaz & Cie, Editeurs; Guillaum & Cie, Paris; Ermanno Loescher E. Co, Rome; Verlag von Duncker & Humblot, Leipzig. 1883.

10. Людвиг фон Мизес. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. — Челябинск: Социум. 2008.
11. Romer P.M. Increasing Returns and Long-Time Growth // Journal of Political Economy. — 1986. — Vol. 94, No. 5. — P. 1002–1037.
12. Arrow K.J. The Economic Implications of Learning by Doing // The Review of Economic Studies. — 1962. — Vol. 29, No. 3. — P. 155–173.
13. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. — «Экономическая школа», 1998.
14. Клейнер Г.Б. Наноэкономика. — Журнал «Вопросы экономики», № 12, 2004. — С. 70–93.
15. Arrow K. Reflections on the essays // Arrow and the Foundations of the Theory of Economic Policy. L., 1987. — P. 734.
16. Zbigniew Brzezinski. The Grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. — Basic Books, 1997.
17. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. — Public Affairs, 2004.

Контактная информация / Contact Information

Горный институт НИТУ «МИСиС», 119049, г. Москва, Ленинский проспект, 4 / Mining Institute, The National University of Science and Technology MISIS, 4, Leninsky prospekt, Moscow, 119049, The Russian Federation

Пономарев Владимир Петрович / Vladimir P. Ponomarev

+7 (906) 041-81-90, e-mail: prof.ponomar@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-341-353

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПИТАНИЯ КАК ТУРИСТСКИЙ РЕСУРС ТРАНСГРАНИЧЬЯ РОССИИ И МОНГОЛИИ

NATIONAL NUTRITION SYSTEM AS TOURIST RESOURCE OF CROSS-BORDER AREA OF RUSSIA AND MONGOLIA

ТАТАРОВА Светлана Петровна

Доцент кафедры социально-культурной деятельности Восточно-Сибирского государственного института культуры, д.с.н.

Svetlana P. TATAROVA

Associate professor of sociocultural activity,
East-Siberian state Institute of Culture,
Doctor of sociological sciences

ЗАТЕЕВА Надежда Александровна

Доцент кафедры социально-культурной деятельности Восточно-Сибирского государственного института культуры, к.с.н.

Nadezhda A. ZATEEVA

Associate professor of sociocultural activity,
East-Siberian state Institute of Culture,
Ph.D. (Sociological)

АННОТАЦИЯ

Желание получить аутентичный опыт приобщения к культуре, образу жизни населения дополняется получением впечатлений от дегустации национальной кухни. Цель работы – определение национальной системы питания как туристского ресурса трансграничья России и Монголии. Рассматривается система питания, сложившаяся у монгольских народов, раскрываются факторы, влияющие на ее изменения. Монгольские народы, наряду с общностью быта, ведения хозяйства, имеют схожие традиции приготовления повседневных и праздничных блюд. Процессы ассимиляции и глобализации в существенной степени изменяют традиции приготовления и употребления национальной пищи. Для развития туристской дестинации важен поиск новых путей организации питания.

ABSTRACT

The cross-border area of Mongolia and Russia (Republic of Buryatia) is potentially attractive for tourists. Tasting dishes of national cuisine, participating in the specific ceremonies of cooking and eating food satisfies the need for tourists to acquire authentic experience in familiarizing themselves with the original culture, lifestyle of the population of a certain territory. The traditions of preparing and eating national food underwent changes both in Mongolia and in Russia (Republic of Buryatia). Currently, in Mongolia, the level of adherence to food traditions is higher than in Buryatia. At the same time, in both countries the practice of home cooking of national dishes remains. Customs associated with festive and ritual food are more common. For the development of tourist destinations, strengthening the image of the territories of the cross-border of Russia and Mongolia, it is important, on the one hand, to preserve the totality of traditions and dishes of national cuisine and, on the other, to search for new ways of organizing meals.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Система питания, монгольские народы, трансграничье России и Монголии, гастрономический туризм.

KEYWORDS

Nutrition system, Mongolian peoples, cross-border area of Russia and Mongolia, gastronomic tourism.

Одним из направлений экономического развития регионов является туризм. Трансграничные районы Монголии и России относятся к регионам, характеризующимся интересными культурными объектами, красивой величественной природой, многонациональным составом с уникальными историей и традициями. Все перечисленное выше выводит данные территории в число регионов с хорошим туристским потенциалом.

Благодаря развитию туризма ожидается создание дополнительных рабочих мест, поступление доходов в казну, повышение уровня жизни населения. Туризм может выступать катализатором развития экономики, мелкого и среднего бизнеса, строительства, сельского хозяйства, стимулировать развитие инфраструктуры, транспорта. Для разных видов туризма примечательны различные объекты (для религиозного туризма — культовые предметы, религиозные сооружения, атрибуты веры, служители; для лечебно-оздоровительного — наличие минеральных, грязевых и других лечебниц, профессиональный медицинский персонал, зарекомендовавшие себя лечебные процедуры; для событийного — культурная, спортивная, традиционная жизнь, необычные явления, мероприятия, праздники, фестивали; для гастрономического — дегустация еды, напитков, знакомство с особенностями приготовления пищи и т.д.). Несмотря на видовое разнообразие и пристальный взгляд на конкретный объект познания, у большинства туристов, прибывших из других стран, интерес вызывают природные и культурные достопримечательности, быт, традиции народов, проживающих на определенной территории. И чем более мозаична картина, представленная туристу, чем насыщеннее и разнообразнее программа, тем больше впечатлений получает путешественник.

Гастрономия является значимым ресурсом территории, источником формирования ее идентичности, а для путешественника представление о культуре народа будет не полным, если не отведают национальные блюда. Ценители кухни чаще всего едут в сугубо гастрономические, кулинарные туры, однако принятие пищи

сопровождает и все другие виды туризма, дополняя и обогащая общее представление о стране.

Изучение питания долгое время было одним из составляющих элементов этнографических и экономических исследований. Образ жизни, быт и питание кочевых народов в XIX–XX вв. становились объектом внимания целого ряда исследователей: Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, В.А. Обручева, Г.Е. Грумм-Гржимайло и др. Исследования начала XX в. Б.Я. Владимирцова, А.В. Бурдукова, Е.И. Тугутова позволили получить эмпирические материалы о жизни и специфике питания бурят и монголов. Различным аспектам национальной кулинарии, элементам культуры питания и факторам, определяющим становление системы питания монгольских народов, посвящены работы А.Е. Пахутова [12], Н.Л. Жуковской [7, 8], М.Д. Цыбенковой [14], Г.Р. Галдановой [3].

Конструирование моделей питания различных народов стало предметом исследователей современности [6, 13]. Обобщение и сбор материалов по данной проблематике с 2014 г. осуществляет кафедра иностранных языков Московского государственного университета посредством проведения крупных международных научно-практических конференций и публикации научных сборников [9].

Описание пищевой культуры народа наряду с другими впечатлениями от посещения различных стран осуществляли путешественники, такие как Марко Поло, Афанасий Никитин, Плано Карпини. Выражение идеи о том, что люди познают культуру через местную пищу, реализовалось в понятии «кулинарный туризм», использованном в 1998 г. доцентом кафедры народной культуры университета Bowling Green Люси Лонг (штат Огайо, США), что заложило основу развития гастрономического туризма как специального вида туризма [10]. Свое развитие гастрономический туризм получил с основанием в 2003 г. некоммерческой негосударственной Международной ассоциации гастрономического туризма (World Food Travel Association), а также в 2015 г. — Российской ассоциации гастрономического туризма (АГТС) [1].

Различным аспектам развития кулинарного туризма посвящен целый ряд исследований [2, 4, 5]. Ученые предлагают использовать термин «кулинарный туризм» «в случаях, когда актуальны дегустация и мастер-классы, различные форумы по повышению квалификации и познанию новых рецептов» [11, с. 88]. Однако сегодня используют и более широкое трактование продовольственного (гастрономического) туризма, когда турист предпочитает в путешествиях пробовать еду, познавая культуру того или иного народа через данную практику, независимо от того, питается он в ресторане или покупает местные продукты в магазине [11, с. 88]. Не углубляясь в тонкости определений и научных споров о том, какая роль отводится в том или ином виде туризма еде, будем считать, что именно пища позволяет лучше познать культуру местного населения.

Желание дегустировать пищу местного населения стимулируется посредством увеличения телевизионных шоу, в которых рассматриваются вопросы приготовления пищи у разных народов, традиции ее потребления. Кроме того, целый ряд программ по телевидению и множество страниц в социальных сетях посвящены экологии питания, безопасности продуктов. В связи с обращением к вопросам здорового образа жизни населения различных стран мира все чаще возникают вопросы правильного питания, а также особая важность придается потреблению экологически чистых продуктов.

Известно, что кулинария народов выступает одним из важных элементов национальной культуры, подчеркивающих ее своеобразие, уникальность и этническую самобытность. Пища как наиболее устойчивая часть материальной культуры сохраняет традиционные особенности, выступает устойчивым признаком национальной идентичности. Именно поэтому туристам, жаждущим познания национальной культуры народа, так интересна кухня.

Статья основывается на результатах сравнительного социологического исследования монгольских народов, проведенного в Монголии и России (Республика Бурятия). Анкетирование осу-

ществлялось по специально разработанному инструментарию профессора Монгольского государственного университета (МонГУ) Ж. Эрхемтогса. Исследование проведено независимыми коллективами указанных стран. В выборку попало как городское, так и сельское население трансграничья Монголии и России (Республики Бурятия). Однако опрашивались только представители монгольских народов (монголы и буряты).

Монгольские народы, проживающие на территории указанных стран, на протяжении длительного периода развивались в едином культурном пространстве, имели общую историю, образ жизни, элементы материальной и духовной культуры. Их роднит сходство языка, религиозные верования, ценностные ориентации, менталитет. Похожими являются и вкусовые пристрастия, особенности приготовления продуктов. Пища у кочевых народов всегда рассматривалась с утилитарной позиции, культура еды никогда не было. Большое значение придавалось традиции домашнего приготовления еды. Главным в трапезе становилось общение родственников, а семейная пища рассматривалась как основа хранения и передачи национальных традиций питания.

Ускорение жизненного ритма, реклама быстрого питания, популяризация западной модели жизни в целом и питания в частности разрушают традиции семейной кулинарии. Расширение сети ресторанов и кафе с национальной кухней народов мира, проведение в них мастер-классов по приготовлению блюд, разнообразие кулинарных шоу-программ предоставили возможность готовить и вкушать блюда других народов, очаровывающих вкусами далекой неведомой жизни. В связи с этим в современном обществе восприятие пищи своего народа нередко искажается. Сегодня у подрастающего поколения проявляется отсутствие патриотизма по отношению к пищевой культуре собственного народа, появилась усталость от привычных блюд, стеснение за непопулярность национальной кухни. Нередко кухня своего народа рассматривается как примитивная, поскольку достаточно прочно в нашу жизнь вошли стереотипы о том, что хорошая кухня — это пикантная, сложная, многокомпо-

нентная. В связи с этим задачами формирования национального самосознания являются повышение этнической самооценки, отказ от устойчивых негативных оценок. Важно увидеть прелесть национальной кухни в ее простоте, в доступности продуктов, экологичности их приготовления. Отсутствие разнообразия компонентов блюд не говорит ни о бедности, ни об оторванности от внешнего мира, а о национальных особенностях и вкусовых предпочтениях народа.

Результаты исследования, проведенного в России и Монголии, показывают, что монгольские народы еще сохранили традиции приготовления национальной кухни. Радует тот факт, что, даже обосновавшись в городской местности, современные буряты и монголы продолжают готовить национальные блюда. По-прежнему традиционные кушанья готовятся как в повседневной жизни, так и имеют большое значение в праздничной культуре бурят и монголов. Безусловно, кухня монгольских народов, впрочем, как и кухня других народов, постепенно модифицируется, вбирает в себя что-то новое, адаптируется к современным условиям существования. Влияние урбанизации, ассимиляционных и глобализационных процессов привело к тому, что в повседневной кухне постепенно появляются блюда других национальностей. Причем данный процесс активнее происходит в Республике Бурятия, нежели в Монголии (табл. 1).

Таблица 1.

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Укажите предпочтения питания Вашей семьи», в %**

Ответы респондентов	Республика Бурятия	Монголия
Предпочитаем в основном национальные блюда своего народа, иногда кухню других народов	44,1	57,2
В основном блюда других национальностей, иногда свои национальные блюда	31,2	6,1
Только свои национальные блюда	4,0	30,4
Только блюда других национальностей	1,3	1,01
Другой вариант	14,3	5,2
Нет ответа	5,1	0,09

В русле развития этнокультурного и гастрономического туризма, где значимым для путешественника является получение аутентичного опыта прикосновения к другой культуре, становится важным сохранение национальных особенностей, культуры, одежды, языка, пищи. Важно, как и во многих странах, сделать свою культуру брендом, подчеркивая ее достоинства, умело пропагандируя и продвигая ее элементы, тем самым создавая и поддерживая имидж территории.

Несмотря на высокие показатели заимствования блюд из кулинарии народов различных стран мира, традиции приготовления пищи своего народа продолжают сохраняться. Наиболее наглядно это выражается в ходе праздничных мероприятий. По результатам исследования становится очевидно, что в обеих странах в праздники высок интерес к традиционной кухне своего народа (табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Где Вы отмечаете праздничные дни и какие блюда предпочитаете?», в %

Ответы респондентов	Республика Бурятия	Монголия
Дома. Традиционные национальные блюда	75,3	75,7
Дома. Азиатские национальные блюда	7,6	4,8
Дома. Русские и европейские блюда	12,7	2,1
Вне дома. Национальные блюда своего народа	9,8	3,7
Вне дома. Азиатская кухня	5,1	8,1
Вне дома. Европейская кухня	3,3	3,8
Другой ответ	5,1	1,8

Одной из причин низких показателей у ответов «отмечаю праздники вне дома и предпочитаю национальные блюда своего народа» и «отмечаю праздники вне дома и предпочитаю азиатскую, европейскую кухню» является то, что количество ресторанов, где подают национальные кушанья, с красивой праздничной обстановкой, по доступной цене, не велико. Хотя, стоит отметить,

что ресторанный бизнес сегодня развивается и кухни народов мира в них представлены, однако выбор таковых все же невелик. К сожалению, отсутствие национальной кухни и наличие кулинарии других народов имеют две стороны медали. С одной стороны, путешественнику, долго находящемуся в чужой стране, иногда хочется своей национальной кухни, и благо, что он может ее отведать в путешествии. С другой стороны, для путешественника, жаждущего познания чужой культуры, ценна именно кухня аборигенов. Более того, местная кухня способствует возникновению у туристов ощущения места, чувства дома, комфорта и безопасности.

Помимо состава пищи, особенности национальной кухни определяются социальными функциями еды, пищевой обрядовостью, имеющей давние исторические корни. Наиболее ярко это проявляется в праздновании национального праздника у народов обеих стран — Нового года по лунному календарю (Сагаалгана в России; Цагаан сара — в Монголии). Как символ чистых помыслов в дни празднования Белого месяца на стол готовятся кушанья из молока и его производных, так называемая белая пища. Помимо особенностей приготовления праздничных блюд интересны обряды встречи Нового года, традиции навещать в этот период старшее поколение, уделять внимание наиболее почитаемым людям своего рода. Это наиболее почитаемый и распространенный праздник у монгольских народов, и на вопрос, важно ли сохранять традицию празднования Сагаалгана, практически все опрошенные респонденты дали положительный ответ (табл. 3).

Таблица 3.

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Важно ли, на Ваш взгляд, отмечать Сагаалган?», в %**

Ответы респондентов	Республика Бурятия	Монголия
ДА	86,6	90,9
НЕТ	2,2	6,2
Другой ответ	0,7	2,9
Нет ответа	10,5	0

Таким образом, пища является важной составной частью семейно-бытовой, повседневной и праздничной обрядности монгольских народов. В связи с этим посещения праздничных, обрядовых мероприятий, сопровождающихся принятием пищи, оригинальной национальной подачей блюд, могут стать для туриста интересными событиями, где, помимо других впечатлений, туристы могут понять, какова местная еда на вкус, насколько им близка культура народа через местную пищу.

Приятным бонусом для путешественников является получение от принимающей стороны вкусного подарка, после проведенной дегустации или просто обеда. Если подобный подарок имеет товарный вид, качественно упакован, подлежит перевозке, это будет стимулировать покупательский спрос на данный товар, который можно увезти домой как напоминание о месте пребывания либо как сувенир в подарок друзьям и родным.

К сожалению, на сегодняшний день разнообразием кулинарной сувенирной продукции монгольские народы похвастаться не могут. Поэтому, на наш взгляд, важно развивать изготовление гастрономической сувенирной продукции в качестве дополнительной услуги. Это, помимо дополнительного дохода и популяризации элементов культур коренных народов региона, может выступать как фактор развития производства и увеличения рабочих мест, а также как условие формирования позитивного имиджа региона и приумножения числа повторных туристов.

Таким образом, пища — важная составляющая повседневной жизни человека, которая не только заряжает человека энергией, но и формирует социокультурные условия его существования. Культура еды позволяет понять характер народа, его традиции и обычаи, а потому требует трепетного отношения к себе. Кулинарные предпочтения формируются и оказываются стойкими на протяжении нескольких поколений и выступают одной из наименее изолированных частей национальной культуры. Национальная кухня отражает историю народов с их традиционными и своеобразными

ми формами жизнедеятельности и, несмотря на ассимиляционные процессы, глобализацию и адаптацию к современной жизни, продолжает оставаться стержнем и опорой культуры народа, поддерживающими этнические корни. Именно поэтому национальная кулинария помогает создать образ народа, увидеть и понять его традиции и ментальность, а потому вызывает у туристов неподдельный интерес. Сохраняя кулинарные рецепты, поддерживая культуру питания, тем самым заявляется национальная самобытность, проявляются характер и традиции народа, что всегда будет составлять стержень сохранения культуры и будет востребовано и цениться извне, повышая туристскую привлекательность региона.

Таким образом, национальная кухня может выступать значимым элементом в формировании брендинга территорий и специфическим туристским ресурсом, позволяющим развивать потенциал туристских дестинаций и способствующим созданию новых туристских продуктов. Важно поддержание и продвижение различных вариантов питания, что позволяет сохранить региональную идентичность территории и повысить ее туристскую привлекательность. Связь гастрономии и туризма способствует увеличению притока туристов, удлинению сроков их пребывания, повышает прибыль от туризма, помогает развиваться местным производителям, продвигает идею важности высокого качества и экологической безопасности питания, а также поддерживает туристский имидж местности.

Библиографический список

1. Ассоциация гастрономического туризма России [Электронный ресурс]. — URL: <http://агтф.рф> (дата обращения 16.01.2020).
2. Буценко Е.Д. Гастрономический туризм как популярное направление в туризме // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — № 33. — С. 56–60.
3. Галданова Г.Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. — Новосибирск: Наука, 1993. — С. 141–150.
4. Данилов С.В. Гастрономический туризм как креативная практика диалога цивилизаций // Креативная экономика и социальные инновации. — 2016. — № 3 (16). — С. 6–15.

5. Драчева Е.Л., Христов Т.Т. Гастрономический туризм: современные тенденции и перспективы // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2015. — № 3. — С. 44.
6. Дробышев Ю.И., Сыртыпова С.-Х.Д. Дополнительные источники жизнеобеспечения кочевников Центральной Азии // Аридные экосистемы. — 2016. — Т. 22. — № 3 (68). — С. 92–98.
7. Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии (К вопросу об экологических основах формирования модели питания) // Советская этнография. — 1979. — № 5. — С. 64–75.
8. Жуковская Н.Л. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. — М.: Наука, 1990. — 112 с.
9. История еды и традиции питания народов мира: Материалы II Международного симпозиума. Выпуск II [сборник статей]. — М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. — 460 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://gastac.ru/114> (дата обращения 26.11.2019).
10. Ли С.В., Агаева Н.Ю. Гастрономический туризм. Современные тенденции и перспективы // Материалы студенческой научной конференции за 2018 год. В 2 ч. Ч. 2. Экономические и гуманитарные науки / под общ. ред. проф. С.Т. Антипова; Воронеж. гос. ун-т инж. технол. — Воронеж: ВГУИТ, 2018. — С. 291.
11. Морозов А.А. Гастрономический туризм: к истории понятия // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — № 2. — С. 87–92.
12. Пахутов А.Е. Традиционная пища монгольских народов как историко-этнографический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. — 24 с.
13. Традиционная пища как выражение этнического самосознания — М.: Наука, 2001. — 293 с.
14. Цыбенова М.Д. Пища средневековых монголов // Средневековая культура монгольских народов. — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 125–135.

List of References

1. Assotsiatsiya gastronomicheskogo turizma Rossii [Association of gastronomic tourism of Russia]. (In Russ.) Available at: <http://artf.pф> (accessed 16.01.2020).
2. Butsenko E.D. Gastronomicheskiy turizm kak populyarnoye napravleniye v turizme [Gastronomic tourism as a popular destination in tourism]. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept» [Concept]. 2015, № 33, s. 56–60. (In Russ.)
3. Galdanova G.R. Ritual'naya pishcha mongol'skikh narodov [Ritual food of the Mongolian peoples]. Iz istorii khozyaystva i material'noy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov [From the history of the economy and material culture of the Turkic-Mongolian peoples]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993, s. 141–150. (In Russ.)
4. Danilov S.V. Gastronomicheskiy turizm kak kreativnaya praktika dialoga tsivilizatsiy [Gastronomic tourism as creative practice in dialogue of civilizations]. Kreativnaya ekonomika i sotsial'nyye innovatsii [Creative Economics and Social Innovations]. 2016, № 3 (16), s. 6–15. (In Russ.)
5. Dracheva E.L., Khristov T.T. Gastronomicheskiy turizm: sovremennyye tendentsii i perspektivy [Gastronomic tourism: the current trends and prospects]. Rossiyskiye

- regiony: vzglyad v budushcheye [Russian regions: looking into the future]. 2015, № 3, s. 44. (In Russ.)
6. Drobyshev Y.I., Syrtyanova S.-K.D. Dopolnitel'nyye istochniki zhizneobespecheniya kochevnikov Tsentral'noy Azii [Additional sources of livelihood in the nomads of Central Asia]. Aridnyye ekosistemy [Arid Ecosystems]. 2016, t. 6, № 3, s. 220–225. (In Russ.)
  7. Zhukovskaya N.L. Pishcha kochevnikov Tsentral'noy Azii (K voprosu ob ekologicheskikh osnovakh formirovaniya modeli pitaniya) [Food of nomads of Central Asia (To a question of the environmental basis of the formation of the nutrition model)]. Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. 1979, № 5, s. 64–75. (In Russ.)
  8. Zhukovskaya N.L. Sud'ba kochevoy kul'tury. Rasskazy o Mongolii i mongolakh [The destiny of nomadic culture. The stories of Mongolia and the Mongols]. M.: Nauka Publ., 1990, 112 s. (In Russ.)
  9. Istoriya edy i traditsii pitaniya narodov mira. Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma. Vypusk II [sbornik statey]. [The history of food and nutrition traditions of the peoples of the world. Materials of the II International Symposium]. M.: Tsentr po izucheniyu vzaimodeystviya kul'tur Publ., 2016, 460 s. (In Russ.) Available at: <http://gastac.ru/114> (accessed 26.11.2019).
  10. Li S.V., Agayeva N.Y. Gastronomicheskiy turizm. Sovremennyye tendentsii i perspektivy [Gastronomic tourism. The current trends and prospects]. Materialy studencheskoy nauchnoy konferentsii za 2018 god. Ekonomicheskiye i gumanitarnyye nauki [Materials of the student scientific conference for 2018. Economic and human sciences]. Voronezh: Voronezh. gos. univer. inzhenern. tekhn. Publ., 2018, s. 291. (In Russ.)
  11. Morozov A.A. Gastronomicheskiy turizm: k istorii ponyatiya [Gastronomic tourism: on the history of concept]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economy and Business], 2019, № 2, s. 87–92. (In Russ.) DOI: 10.24411/2411–0450–2019–10373.
  12. Pakhutov A.E. Traditsionnaya pishcha mongol'skikh narodov kak istoriko-etnograficheskiy istochnik. Diss. cand. ist. nauk [Traditional food of the Mongolian peoples as a historical and ethnographic source. Cand. hist. sci. diss.] M.: 1979, 24 s. (In Russ.)
  13. Traditsionnaya pishcha kak vyrazheniye etnicheskogo samosoznaniya [Traditional food as an expression of ethnic self-consciousness]. M.: Nauka Publ., 2001, 293 s. (In Russ.)
  14. Tsybenova M.D. Pishcha srednekovykh mongolov [Food of the Mongols of the Middle Ages]. Srednekovaya kul'tura mongol'skikh narodov [The medieval culture of the Mongolian peoples]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992, s. 125–135. (In Russ.)

Контактная информация / Contact Information

ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой В., 1 / East-Siberian State Institute of culture, 1, V. Tereshkova street, Ulan-Ude, 670031, The Russian Federation

Татарова Светлана Петровна / Svetlana P. Tatarova

+7 (908) 598-03-00, e-mail: svetlana.tatar@inbox.ru

Затева Надежда Александровна / Nadezhda A. Zateeva

+7 (924) 397-29-40, e-mail: z.n.a.-79@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-354-361

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (ЧАСТЬ 2)¹

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF RUSSIAN INDUSTRY (PART 2)

АНИСИМОВ Константин Владимирович
Аспирант кафедры «Менеджмент
и маркетинг высокотехнологичных отраслей
промышленности» ФГБОУ ВО «Московский
авиационный институт (национальный
исследовательский университет)»

Konstantin V. ANISIMOV
Postgraduate at the Management and marketing of
high-tech industries Department Moscow Aviation
Institute (National Research University)

АННОТАЦИЯ

Заключительная часть исследования посвящена дальнейшему анализу тенденций изменения динамики промышленного производства в России за последние годы. Автором анализируются колебания динамики функционирования промышленности в разрезе ее отраслевой специфики. Отмечаются определенные диспропорции в структуре обрабатывающего производства, свидетельствующие о доминирующем характере отраслей, связанных с сырьевым сектором экономики. На основе проанализированных данных определяется объективная необходимость системного развития высокотехнологичных предприятий с применением технологий цифровизации производства.

¹ Первая часть статьи опубликована в Научных трудах ВЭО России, том № 1 (221), 2020 г. [7].

ABSTRACT

The final part of the research is devoted to further analysis of industrial production dynamics trends in Russia in recent years. The author analyzes fluctuations in the industry functioning dynamics in the context of its industry specifics. There are certain discrepancies in the manufacturing production structure, indicating the dominant nature of the sectors associated with the raw material economy. Based on the analyzed data, the objective necessity of system high-tech enterprises' development with the production digitalization technologies usage is determined.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Промышленность, динамика промышленного производства, структура обрабатывающего производства, высокотехнологичные отрасли промышленности, импортозамещение, цифровизация производства.

KEYWORDS

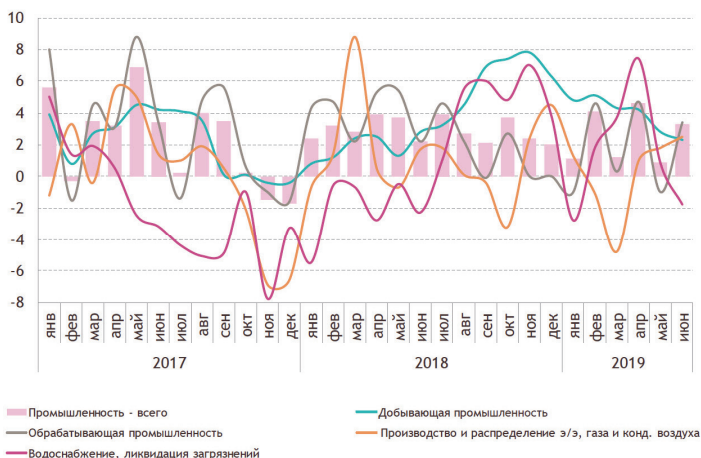
Industry, industrial production dynamics, manufacturing production structure, high-tech industries, import substitution, production digitalization.

Проанализировав в первой части статьи [7] динамику изменения индекса промышленного производства за последние пять с половиной лет, рассмотрим эти изменения более детально в помесечном выражении (рис. 1) [1].

Как можно отметить из данных графика на рис. 1, практически у всех индексов в течение анализируемого периода заметны существенные колебания, связанные с различными экономическими факторами. Отрицательные значения индекса промышленности в целом отмечены в феврале (-0,4%), ноябре (-1,6%) и декабре (-1,8%) 2017 г. Среди отдельных отраслей промышленности ниже всего за рассматриваемый период опускался индекс производства, связанного с водоснабжением и ликвидацией загрязнений: до 7,9% в ноябре 2017 г. Среди всех направлений данная отрасль находилась в зоне отрицательной динамики дольше остальных — с мая 2017-го по июль 2018 г. — и затем демонстрировала отрицательные значе-

ния в январе и июне 2019 г. Индекс развития обрабатывающей промышленности за анализируемый период ни разу не опускался ниже -2%, а наибольший спад был зафиксирован в январе 2018 г. и составил -1,9%. Позитивнее остальных выглядит динамика индекса развития добывающей промышленности, максимальный рост которой зафиксирован в ноябре 2018 г., составив в этом интервале порядка 8%.

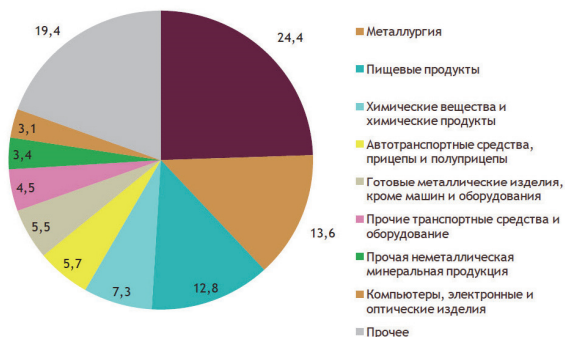

Рис. 1. Месячная динамика промышленного производства и его компонентов в годовом выражении за 2017–2019 гг., % [1]

Рассмотрим структуру обрабатывающего производства с точки зрения соотношения стоимости отгруженной продукции, произведенной различными отраслями (рис. 2) [1].

Как можно отметить из данных диаграммы на рис. 2, наибольшую долю в 24,4% в обрабатывающем производстве занимает продукция предприятий, занятых в переработке кокса и нефтепродуктов. Чуть меньшую долю в 19,4% составляет продукция предприятий из менее крупных отраслей, вошедших в категорию «Прочее». На 3-м месте с показателем в 13,6% находится продукция, выпускаемая предприятиями металлургической, а на

4-м — продукция предприятий пищевой промышленности, составляющая 12,8% от стоимости всей продукции, произведенной в рамках обрабатывающей промышленности. 7,3% в структуре обрабатывающего производства занимают химические вещества и продукты, 5,7% — автотранспортные средства, прицепы и полуприцепы. Менее крупные доли у категорий «Готовые металлические изделия» (5,5%), «Прочие транспортные средства и оборудование» (4,5%), «Прочая неметаллическая минеральная продукция» (3,4%) и «Компьютеры, электронные и оптические изделия» (3,1%).

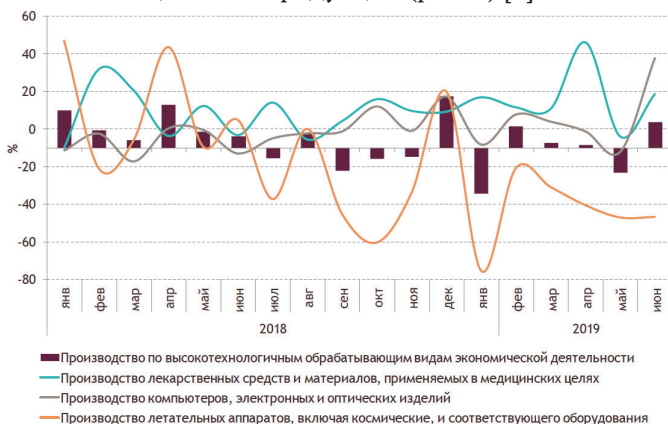

Рис. 2. Структура обрабатывающего производства в 2018 г., в % [1]

Из приведенных данных можно отметить, что наибольший вес в рассмотренной структуре обрабатывающего производства занимают отрасли, связанные с переработкой природных ресурсов (кокса, нефтепродуктов, металлической руды), в то время как высокотехнологичные сектора (к примеру, автотранспортные средства, компьютеры и электронные изделия) находятся на значительно более скромных позициях с точки зрения объемов производства. Общая стоимость произведенной ими продукции в совокупности составляет лишь 13,3%, что в 1,8 раза меньше, чем стоимость произведенных предприятиями угольной и нефтеперерабатывающей промышленности кокса и нефтепродуктов. Столь высокий дисбаланс отражает зависимость российской экономики от экспорта природных ресурсов, когда даже в обрабатывающей

промышленности наибольший вес имеют те отрасли, которые связаны с переработкой этих ресурсов.

В этом контексте особого внимания заслуживает анализ динамики развития высокотехнологичных отраслей промышленности, предприятия из состава которых выступают основными производителями инновационной продукции (рис. 3) [1].

Рис. 3. Темпы прироста производства высокотехнологичных видов экономической деятельности за 2018–2019 гг. [1]

На рис. 3 представлена динамика прироста производства ряда высокотехнологичных отраслей промышленности: фармацевтической, электронной, оптической и аэрокосмической, а также показан общий агрегированный индекс прироста высокотехнологичного производства по данным отраслям. Из данных графика можно отметить достаточно высокий уровень колебания индексов, особенно в случае аэрокосмической продукции. Наиболее позитивные результаты отмечены у предприятий фармацевтической промышленности, индекс которой на протяжении всего интервала измерений не опускался до отрицательных значений. Наивысшего роста он достигал в феврале 2018 г. (34,1%) и апреле 2019 г. (46,9%). В остальное время его усредненное значение за рассматриваемый период составляло 10–12%. Менее позитивные

результаты показала динамика индекса выпуска компьютеров, электронных и оптических изделий, принимая отрицательные значения в марте (-18,1%) и июне (-8,5%) 2018 г., а также в мае 2019 г. (-12,2%). Максимальные значения он принимал в октябре (14,3%) и декабре (18,9%) 2018 г., а также в июне (37,9%) 2019 г. Наиболее кризисным направлением стало производство летательных аппаратов, включая космические, и сопутствующего оборудования, индекс которого находился в зоне отрицательных значений большую часть из рассматриваемого периода, опускаясь все ниже до экстремальных величин, отражающих глубокий кризис в отрасли. Так, в июле 2018 г. он упал до -37,5%, в октябре того же года — до -61,8%, а в январе 2019 г. он и вовсе подошел к отметке -80%.

Как отмечают в своем исследовании эксперты Аналитического центра при Правительстве РФ, развитие российского высокотехнологичного производства в последние годы существенно замедлилось. Достигнув в 2016 г. прироста в 10,1%, в 2017 г. темпы его развития снизились до 5%, а в 2018 г. и вовсе упали до -4,9%, а результаты первого полугодия 2019 г. показали сокращение объемов производства на 11,5% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [1].

Проведенный выше анализ показал существенное замедление темпов развития высокотехнологичных отраслей промышленности, что является достаточно тревожным сигналом не только для участников этих отраслей, но и для экономики в целом. Он свидетельствует о том, что в качестве локомотивных отраслей в развитии промышленности по-прежнему выступают отрасли, связанные с добычей и переработкой природных ресурсов. Примечательно, что эти отрасли доминируют даже в структуре обрабатывающей промышленности, которая традиционно воспринимается в качестве основного драйвера инновационного развития экономики. В сущности, это является проявлением инерционности трансформации российской промышленности, ставшей следствием многолетнего господства ресурсной экономической модели, когда получаемые от ее использования сверхдоходы прочно закрепили за ней ста-

тус наиболее надежного механизма пополнения государственного бюджета.

В то же время объективная необходимость развития импортозамещения на фоне активного перехода мировой промышленности к следующему технологическому укладу определяет важность построения собственной инновационно-ориентированной промышленной системы. Понимание этой необходимости руководством государства очевидно из определяемых им как в информационном, так и в законодательно-правовом поле приоритетов развития российской экономики, связанных с ее цифровизацией, развитием технологий искусственного интеллекта и прогрессивных форм автоматизации производства. Активное распространение этих и иных инструментов развития промышленности на Западе и в странах Азии уже в настоящее время позволяет им существенно увеличить технологический разрыв с менее развитыми государствами, радикально трансформируя собственные производственные системы. Фактически это создает точку бифуркации, в рамках которой каждое государство само определяет собственное технологическое будущее — стремиться к технологическому лидерству через прямое участие в новой промышленной революции или действовать в рамках прежних моделей организации и управления производством.

Важным фактором здесь является то, что уже в ближайшее десятилетие прогнозируется настолько значительное увеличение роли цифровизации в развитии промышленности, что отстающие страны впоследствии окажутся просто неспособны преодолеть его и достичь по темпам модернизации промышленности уровня сегодняшних лидеров.

Библиографический список

1. Тузов К.А., Сабельников И.И. Динамика промышленного производства в России: опережающий рост добывающего сектора. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики, № 51 // Аналитический центр при Правительстве РФ. Июль 2019 г. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/23445.pdf>
2. Рождественский А.В., Голов Р.С. Экономическое развитие машиностроения России: состояние, динамика развития и основные векторы модернизации // Экономика и управление в машиностроении. 2015. № 1. С. 5–12.

3. Голов Р.С., Мыльник А.В. Теоретические основы реиндустриализации экономики в контексте системной инновационной модернизации промышленности // Экономика и управление в машиностроении. 2016. № 3. С. 15–20.
4. Голов Р.С. Теоретическая база инновационно-инвестиционной деятельности промышленного производства // Технология машиностроения. 2009. № 10. С. 50–53.
5. Голов Р.С., Мыльник А.В. Системная реиндустриализация экономики: существующие предпосылки и оптимальные пути ее реализации // Экономика и управление в машиностроении. 2017. № 1. С. 59–64.
6. Агарков А.П., Голов Р.С., Голиков А.М., Голиков С.А. Проблемы инновационного развития машиностроительного производства // Экономика и управление в машиностроении. 2011. № 1. С. 24–26.
7. Анисимов К.В. Анализ современного состояния в российской промышленности (часть 1) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 221. С. 255–269.

List of References

1. Tuzov K.A., Sabelnikov I.I. The dynamics of industrial production in Russia: the outstripping growth of the mining sector. Bulletin on current trends of the Russian economy, No. 51 // Analytical Center under the Government of the Russian Federation. July 2019. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/23445.pdf>
2. Rojdestvenskiy A.V., Golov R.S. Economic development of machine-building in Russia: state, dynamics of development and main vectors of modernization // Economics and management in machine-building. 2015. No. 1. P. 5–12.
3. Golov R.S., Mylnik A.V. Theoretical foundations of reindustrialization of the economy in the context of system innovation modernization of industry // Economics and management in mechanical engineering. 2016. No. 3. P. 15–20.
4. Golov R.S. The theoretical basis of innovative-investment activity of industrial production // Technology of mechanical engineering. 2009. No. 10. P. 50–53.
5. Golov R.S., Mylnik A.V. System re-industrialization of the economy: existing trends and optimal implementation ways // Economics and management in mechanical engineering. 2017. No. 1. P. 59–64.
6. Agarkov A.P., Golov R.S., Golikov A.M., Golikov S.A. Machine-building manufacture innovative development problems // Economics and management in mechanical engineering. 2011. No. 1. P. 24–26.
7. Anisimov K.V. Analiz sovremennogo sostojanija v rossijskoj promyshlennosti (chast' 1) // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2020. T. 221. S. 255–269.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4, А-80, ГСП-3 / Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, The Russian Federation

Анисимов Константин Владимирович / Konstantin V. Anisimov
+7 (499) 158-42-69, e-mail: kaf501@mai.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-362-379

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (ЧАСТЬ 2)¹

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF ENERGY SAVING IN THE RUSSIAN INDUSTRY (PART 2)

ПАЛАМАРЧУК Алексей Григорьевич
Аспирант кафедры «Менеджмент
и маркетинг высокотехнологических отраслей
промышленности» ФГБОУ ВО «Московский
авиационный институт (национальный
исследовательский университет)»

Aleksey G. PALAMARCHUK
Postgraduate at the Management and marketing
of high-tech industries Department
Moscow Aviation Institute
(National Research University)

АННОТАЦИЯ

Во второй части исследования автором проанализированы глубинные причины высокой энергоемкости промышленных предприятий. Рассматривается влияние на сохранение тенденции избыточного энергопо-

¹ Первая часть статьи опубликована в Научных трудах ВЭО России, том № 1 (221), 2020 г. [7].

требления в производственной сфере различных факторов, в том числе связанных с кризисом промышленности в 90-х гг. прошлого столетия. Анализируется роль и значимость законодательно-правовой базы в сфере энергосбережения, начало формирования которой было положено с введением в действие Федерального закона № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности...» в 2009 г. Подробно рассматриваются понятие и сущность энергетического аудита и энерго-сервиса как ключевых инструментов энергосбережения на промышленных предприятиях.

ABSTRACT

In the second part of the research, author analyzes the underlying causes of industrial enterprises' high energy intensity. The influence of various factors, including those related to the industrial crisis in the 90s of the last century, of the excessive energy consumption trend continuation in the production sector is considered. The article analyzes the role and significance of the legal framework in the field of energy saving, which was initiated with the introduction of Federal law No. 261-FZ «About energy saving and energy efficiency...» in 2009. The concept and essence of energy audit and energy service as key energy saving tools in industrial enterprises are considered in detail.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Энергоемкость экономики, энергосбережение, кластеры, энергоэффект, модернизация промышленности, энергетический аудит, энергетический сервис.

KEYWORDS

Economy's energy intensity, energy saving, clusters, energy effect, industrial modernization, energy audit, energy service.

Проведенный в первой части статьи [7] анализ сравнительной энергоемкости и энергоэффективности российской и зарубежной промышленных систем позволяет сделать вывод о наличии у России существенного потенциала энергосбережения. Как можно отметить из данных, приведенных в первой

части статьи, современная отечественная промышленность, к сожалению, является одной из самых энергоемких в мире [7]. Наряду с перечисленными в первой части статьи причинами [7], на высокий уровень ее энергопотребления влияет ряд факторов.

Ключевым из данных факторов выступает использование на предприятиях значительной доли устаревшего производственного оборудования. При его создании в 70–80-х гг. прошлого столетия, в большинстве своем, разработчики в принципе уделяли достаточно мало внимания такому параметру его функционирования, как энергоэффективность, не включая его в число первоочередных технических критериев при его проектировании. Применение подобного оборудования российскими предприятиями в современных условиях вызвано, как правило, отсутствием необходимых средств на модернизацию производства.

В числе причин подобной ситуации следует отметить длительный и глубокий кризис российской промышленности, вызванный распадом Советского Союза и стремительным переходом от плановой экономической системы к рыночной экономике. Для подавляющего большинства предприятий, при отсутствии времени на адаптацию к изменившейся экономической реальности, эти события стали серьезным экономическим потрясением, за которым последовали многочисленные банкротства и остановка производства десятков заводов по всей стране. В этот период в рамках массовых сокращений персонала были уволены тысячи опытных инженеров, конструкторов и рабочих, обладавших необходимыми компетенциями для развития и технического переоснащения предприятий, что также снизило возможности руководства в плане модернизации и автоматизации производства.

Эти процессы происходили на фоне общего фундаментального кризиса российской экономики, длившегося практически до конца 90-х гг. XX в., в условиях которого государство не имело возможностей и ресурсов для обеспечения поддержки собственной промышленности. В этот период на большинстве предприятий в принципе

не проводились мероприятия по модернизации производства, что привело к техническому отставанию российской промышленности от ведущих промышленно развитых государств Запада и Азии. Лишь к началу 2000-х гг. российская экономика вышла из затяжного кризиса, что позволило руководству государства инициировать процессы модернизации промышленности, обеспечивая их необходимыми экономическими ресурсами и привлекая в развитие предприятий отечественные и зарубежные инвестиции.

Образовавшееся техническое и технологическое отставание российской промышленности привело к высокой степени инерционности ее дальнейшего развития. Прежде всего это было связано с массовыми сокращениями опытных специалистов, произошедшими в 90-х гг. XX в., которые привели к уходу из отрасли тех профессионалов, которые обладали необходимыми компетенциями для осуществления технического и инновационного развития предприятий. Кроме того, при установлении новым руководством России курса на модернизацию экономики и промышленности методология ее проведения в экспертном и профессиональном сообществах попросту отсутствовала. Имевшиеся на тот момент разработки в области технического развития промышленности, созданные еще в советский период времени, были ориентированы на плановую модель экономики и не подразумевали экономического развития предприятий в условиях открытого рынка.

На данном этапе в разработку методологических и прикладных основ развития промышленности активно включились сотни российских ученых, формируя теорию, методологию, методы, подходы и инструменты для решения этой проблемы. В этой работе ими был учтен опыт инновационного развития промышленности, накопленный к тому времени ведущими индустриальными державами, а также ценные практически ориентированные элементы организации высокотехнологичного производства, созданные в советский период. Благодаря подобному синергетическому использованию российского и зарубежного опыта, российскому на-

учному сообществу удалось сформировать следующий виток развития отечественной инноватики, создав при этом уникальные модели управления инновационно-инвестиционной деятельностью, кластерных и сетевых структур, автоматизированных систем управления предприятиями и др.

Внедрение их разработок в промышленной сфере на микроуровне позволило за достаточно короткий период времени сформировать базисные основы эффективного управления внедрением и коммерциализацией инноваций на предприятиях, обеспечив при этом их руководство необходимым инструментарием для оценки эффективности инновационно-инвестиционных проектов. Усвоение новой методологии позволило руководству предприятий совершенно иначе взглянуть на процессы создания инноваций, а также на роль в этой деятельности университетов и научно-исследовательских институтов. Это позволило достичь качественных изменений на мезоуровне: осознание необходимости привлечения к работе по созданию инноваций представителей науки способствовало консолидации предприятий с научными структурами в рамках совместных кластеров. Развитие кластеров, в свою очередь, привело к изменению ландшафта всей промышленности уже на макроуровне. Понимание важности подобной организационно-технологической интеграции открыло для ученых, экспертов и руководства государства перспективы формирования высокотехнологичной индустриальной экономики путем дальнейшего объединения кластерных и сетевых структур на базе отраслевых и региональных инновационных систем, крупных национальных технологических платформ с их конечной консолидацией в рамках национальной инновационной системы (НИС).

При этом следует отметить, что проблема избыточной энергоемкости российской промышленности долгое время оставалась за пределами фокуса внимания экспертного и научного сообществ. Лишь в 2009 г. энергоэффективность и ресурсосбережение были официально приняты в качестве одного из приоритетных направлений

модернизации экономики. В числе других направлений ее модернизации были определены ядерные, космические, медицинские, а также стратегические информационные технологии. Первое заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России состоялось под председательством являвшегося на тот момент президентом РФ Д.А. Медведева 18 июня 2009 г.

Вторым значимым шагом государства в направлении повышения энергоэффективности экономики и промышленности стал ввод в действие Федерального закона № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 ноября 2009 г. В данном законе впервые были в четкой структурированной форме изложены основные направления государственной политики в области энергосбережения. Действовавший до этого Федеральный закон № 28-ФЗ «Об энергосбережении» от 3 апреля 1996 г. обладал крайне слабой детализацией в части конкретных полномочий государственного аппарата и его отдельных органов, участников рынка и общества, не устанавливал сроки их выполнения. Он представлял собой, по сути, рамочный документ, направленный на определение основных направлений энергосбережения и создание общего концептуального контекста. Справедливости ради следует отметить, что даже его разработка в условиях стремительного перехода государства к рыночной экономике стала первым и значимым шагом на пути к повышению энергоэффективности экономики.

В то же время он не обладал достаточной практикоориентированностью, прикладной детализацией и элементами, связанными с государственным мониторингом и контролем, необходимыми для реального системного развития энергосбережения. В отличие от Федерального закона № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности...», в нем отсутствовали четкие требования к энергоэффективности различных типов зданий, крайне слабо были формализованы принципы обеспечения

энергосбережения в отдельных секторах экономики. Также данный закон не предусматривал конкретные сроки обеспечения зданий и сооружений приборами учета энергоресурсов и формат отчетности об их потреблении. В нем отсутствовали положения об одном из основных механизмов энергосбережения — энергетическом сервисе и условиях его внедрения и ряд других важных практических элементов.

Эти недостатки негативно сказались на темпах внедрения энергосбережения в различных отраслях экономики, промышленности и в социальной сфере. Как показала практика, отсутствие мер жесткого государственного контроля и ответственности участников рынка за внедрение энергосберегающих мероприятий привело к игнорированию ими самой деятельности по повышению энергоэффективности. Отчасти это объясняется экономическим кризисом и дефолтом, произошедшим в 1998 г., поскольку у предприятий и организаций зачастую не было достаточных средств на проведение энергетических обследований и внедрение энергосберегающего оборудования. В то же время подобное индифферентное отношение к данной области сохранилось у них и в первой половине 2000-х гг., когда экономика демонстрировала уверенный рост и в распоряжении предприятий были достаточные объемы инвестиций для внедрения энергоэффективных технологий.

Достаточно малое внимание уделялось данной проблематике и представителями научного сообщества. Отсутствие широкого практического интереса и четко сформулированного запроса от государства и участников рынка на разработки в сфере энергосбережения привело к тому, что над созданием методологии развития энергосбережения в условиях российской экономики работали лишь отдельные ученые, специализирующиеся преимущественно на исследованиях в сфере энергетики. Ученые-экономисты подобные исследования, к сожалению, практически не проводили, что негативно сказалось на адаптации технических методов повышения энергоэффективности к условиям реальной экономики.

Введенный в действие в 2009 г. Федеральный закон № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности...» стал, по сути, основой для реализации системной государственной политики в области энергосбережения. Включая в себя его четкие критерии, принципы, методы и понятийный аппарат, этот законодательный акт послужил также базисом для формирования энергосбережения как целостной отрасли. Этому способствовала активная позиция профильных министерств и ведомств, на которые была возложена задача практической реализации энергосберегающей политики с выделением им соответствующих полномочий и бюджетных средств на выполнение ее отдельных задач. Следует отметить, что подобный путь развития сферы энергоэффективности, в котором государственная политика и ресурсы играли роль первоочередного драйвера, прошли и ведущие западные государства.

В частности, в США именно государство создало фундамент для формирования отрасли энергосбережения. Поводом к развитию энергосбережения послужил крупный энергетический кризис, произошедший в 1973 г. из-за их поддержки Израиля в военном конфликте с рядом арабских стран, известном как «Война судного дня». Введенное арабскими государствами эмбарго на поставку нефти в США и ряд других западных стран привело к серьезному дефициту энергоносителей, росту цен на все виды топлива. Столь серьезное экономическое потрясение привело руководство Соединенных Штатов к переосмыслению своих подходов к управлению топливно-энергетическим комплексом и к пониманию необходимости рационализации использования всех видов энергии и энергоресурсов.

В качестве ответа на полученный негативный опыт американскими учеными и специалистами была разработана одна из первых в мире государственных программ по энергосбережению — Федеральная программа по энергетическому менеджменту. Целевой сферой ее применения стали государственные и муниципальные

здания по всей стране. Для ее реализации правительством был выделен отдельный бюджет, в рамках которого осуществлялись энергосберегающие мероприятия и обучение ответственных за энергосбережение сотрудников государственных организаций. Внедрение мероприятий и обучение персонала проводились при постоянной поддержке штата государственных специалистов. Это позволило создать базовую методологическую и экономическую инфраструктуру для дальнейшего развития энергосбережения уже с привлечением частных инвестиционных ресурсов. Первичное участие государства в ее создании с дальнейшей экономической поддержкой инициатив по повышению энергоэффективности стало важным сигналом для инвесторов и предпринимателей, способствуя созданию ими частных компаний в данной сфере. Подобный подход применялся и в ряде европейских стран, в частности в Германии, Англии, Франции и Италии, на сегодняшний день являющихся признанными мировыми лидерами в области энергосбережения.

Практическое применение положений, изложенных в Федеральном законе № 261-ФЗ, в промышленной сфере способствовало проведению процессов подготовки предприятий к реализации энергосбережения. Среди мер такой подготовки следует отметить в первую очередь проведение комплексных энергетических обследований, позволивших выявить утечки энергии и энергоресурсов, определив текущее техническое состояние систем энергоснабжения и инженерных коммуникаций предприятий. Под *энергетическим обследованием (энергетическим аудитом)* понимается комплекс аналитических и инженерно-технических методов и инструментов, направленный на системное обследование объекта недвижимости с целью установления параметров состояния его инженерных и энергетических коммуникаций, динамики энергопотребления, определения технических проблем и утечек энергии с последующей разработкой перечня рекомендуемых энергосберегающих мероприятий. Проведение энергетических аудитов, согласно требованиям

данного Закона, может осуществляться исключительно компаниями — членами специализированных саморегулируемых организаций (СРО). На практике энергетические аудиты стали для предприятий важным подготовительным этапом, предоставив в распоряжение их руководства развернутую картину состояния систем энергопотребления, текущих технических проблем, выявив наиболее энергоемкое оборудование и изношенные участки энергетических коммуникаций. При этом наличие у руководства перечня рекомендуемых энергосберегающих мероприятий позволило рационализировать сам процесс их финансирования, исходя из уровня экономической эффективности конкретных мероприятий и технологий с учетом результатов обследования и выявленных технических проблем.

Еще одним шагом на пути к энергосбережению в промышленности, следующим из положений Федерального закона № 261-ФЗ, стала обязанность предприятий устанавливать на своих объектах приборы учета энергии и энергоресурсов. Благодаря их применению руководители предприятий получили в свое распоряжение развернутую информацию о динамике их потребления как для нужд производства, так и в его административных и обеспечивающих подсистемах. Это позволило им оптимизировать режимы работы отдельных цехов и зданий, снизив тем самым среднесуточное количество пиковых нагрузок и перегрузок энергосистем, в том числе благодаря изменению графика и смен работы отдельных подразделений предприятия. Вместе с тем установка приборов и систем учета энергии обеспечила соблюдение прозрачности во взаиморасчетах между предприятиями и организациями — поставщиками энергии. Если раньше поставщики могли искусственно завышать количество поставленной энергии, тем самым получая сверхприбыли, то теперь, обладая точной информацией о количестве и качественных параметрах потребленной энергии, предприятие получило возможность оплачивать только ее реально потребленный объем.

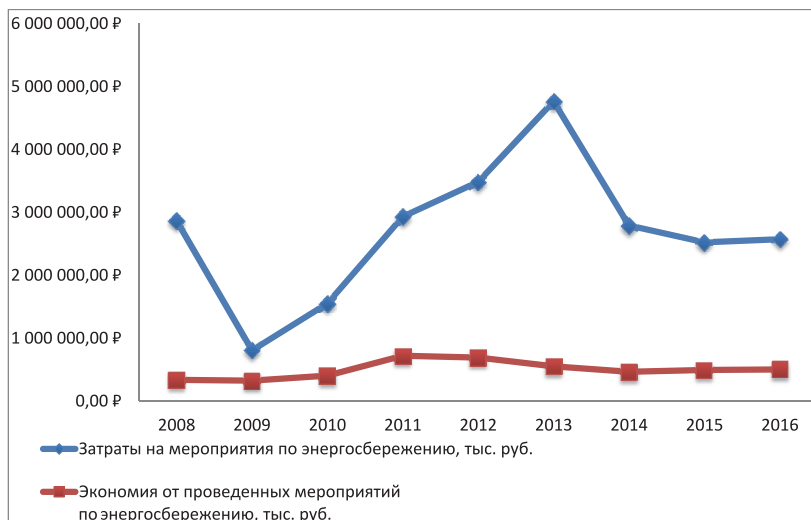

В рамках дальнейшего развития политики в сфере энергосбережения Министерством энергетики РФ была разработана и введена в действие Государственная программа Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ № 2446-р от 27 декабря 2010 г. Ключевой целью ее реализации выступило снижение энергоемкости ВВП на 40% за период с 2007 по 2020 г. Для достижения этой и иных содержащихся в ней целей на реализацию программы было предусмотрено финансирование из федерального бюджета в объеме 70 млрд руб., распределенное на два этапа — 35 млрд руб. с 2011 по 2015 г. и 35 млрд руб. с 2016 по 2020 г. В контексте повышения энергоэффективности промышленности разработчиками программы в ее структуре была выделена подпрограмма «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в промышленности». Согласно целевым критериям этой подпрограммы, объем экономии первичной энергии в годовом выражении к концу первого этапа (к началу 2016 г.) должен был составить 34,33 млн тонн условного топлива (т.у.т.), а к окончанию второго этапа (на начало 2021 г.) — 50,75 млн т.у.т.

Помимо финансирования проведения энергетических аудитов, подпрограмма предусматривала финансовое стимулирование энергосберегающих проектов, предлагаемых предприятиями на условиях их совместного финансирования, а также реализацию в их структуре типовых проектов, в число которых вошли следующие:

- «Эффективные электродвигатели»: закупка предприятием и установка электродвигателей с высоким классом энергоэффективности вместо перемотки старых моделей.
- «Регулируемый электропривод»: закупка и установка регулируемого электропривода на предприятии.
- «Эффективные системы сжатого воздуха»: внедрение технологий по оптимизации систем управления сжатым воздухом и устранения его утечек, а также утилизации тепла.

- «Эффективные системы промышленного освещения»: автоматизация систем освещения и применение энергоэффективных ламп.
- «Эффективные системы пароснабжения»: комплексные мероприятия, предусматривающие организацию учета производимого предприятием пара, использующегося в производстве.

Рис. 1. Соотношение средств, затраченных на энергосберегающие мероприятия, и полученного эффекта от их реализации с 2008 по 2016 г. (тыс. руб.)

Представителями федеральных министерств и ведомств ожидалось, что вложение столь значительных объемов финансовых ресурсов в мероприятия по энергосбережению во всех отраслях экономики позволит в ближайшие годы получить существенный энергетический эффект, приблизив российскую экономику по уровню энергоэффективности к мировым лидерам. Как показал проведенный автором анализ, данная цель, к сожалению, не была достигнута. Об этом свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики о динамике затрат на энер-

госбережение в масштабах всей экономики и уровне достигнутого энергоэффекта (рис. 1) [1].

Как можно отметить из данных диаграммы на рис. 1, существенной является разница между уровнем затрат на энергосбережение и средствами, полученными вследствие достигнутого уровня экономии энергии и энергоресурсов. Так, масштабные вложения в развитие энергосбережения начались еще в 2008 г., в котором в различные энергоэффективные мероприятия было вложено 2,87 млрд руб. В 2010 г. размер вложений в работу по данному направлению составил 1,55 млрд руб., а уже в 2011-м — 2,93 млрд руб. Максимальные показатели по затратам на энергосбережение были достигнуты в 2013 г., когда на повышение энергоэффективности были направлены бюджетные средства в размере 4,76 млрд руб. В 2014 г. величина данного показателя составила 2,79 млрд руб., несколько снизившись в 2015-м до уровня в 2,52 млрд руб. В то же время размер экономии от внедренных энергосберегающих мероприятий является более чем скромным. К примеру, в 2009 г. он составил лишь 324 млн руб., в 2010-м — 405 млн руб. Эту динамику не смог изменить даже уверенный рост вложений в реализацию подобных мероприятий в 2011–2013 гг., в которые достигнутый эффект оказался на том же уровне: в 2011 г. он составил 720 млн руб., в 2012-м — 692 млн руб., а в 2013-м — лишь 552 млн руб. Таким образом, на реализацию энергосбережения в 2012 г. было потрачено в 5 раз больше средств по сравнению с полученной экономией в финансовом выражении, а в 2013 г. этот разрыв составил и вовсе 8,5 раза. Рассмотренные показатели соотношения затрат бюджетных ресурсов на энергосбережение и достигнутых результатов позволяют сделать вывод о крайне низкой результативности, при которой сами внедренные мероприятия оказались глубоко убыточными, а полученная экономия была несопоставима с масштабами вложенных в повышение энергоэффективности средств.

В рамках анализа причин столь низкой эффективности реализованных мероприятий применительно к сфере промышленности

автором был определен ряд проблем и барьеров, которые не позволили достичь значительного эффекта от внедрения проектов по повышению энергоэффективности.

Первая и основная причина низкой результативности принимаемых мер по энергосбережению заключается в том, что их практическая реализация большинством промышленных предприятий представляет собой выборочное внедрение наименее затратных мероприятий и не обладает системностью, затрагивая лишь отдельные участки инженерных систем и группы оборудования. Зачастую в основе этих мероприятий лежит незначительный по масштабам капитальный ремонт ограждающих конструкций, замена источников освещения, установка датчиков присутствия рабочих в производственных помещениях и т.д. Еще одним малозатратным мероприятием выступает обучение сотрудников предприятия основам энергосберегающего поведения на производстве, реализацию которого для главных инженеров и главных энергетиков государственных промышленных организаций проводило ФГБУ «Российское энергетическое агентство». При этом лишь малая доля предприятий фокусировалась на устранении наиболее значимых причин избыточной энергоемкости. Во многом подобный подход руководства предприятий к энергосбережению связан с отсутствием у них достаточных финансовых ресурсов, необходимых для проведения модернизации энергетического и производственного оборудования, инженерных систем и сетей предприятия, внедрения автоматизированных систем управления энергосбережением. Выделенные на реализацию энергосберегающей политики средства государственного бюджета в масштабах всей промышленности, с учетом уровня стоимости нового производственного оборудования, эти затраты не покрывали. Недостаток финансовых ресурсов и высокая стоимость их привлечения за счет банковских кредитов и иных заемных средств стали для предприятий ключевым барьером на пути к повышению энергоэффективности производства.

Вторая причина заключается в неверном понимании механизма энергосбережения со стороны руководства предприятий. В частности, декларируемое Федеральным законом № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности...» активное проведение энергетических обследований вкупе с повсеместной установкой приборов учета энергии и энергоресурсов многими руководителями воспринималось как непосредственно энергосберегающие мероприятия, которые должны принести существенный экономический эффект. В действительности эти мероприятия представляют собой необходимый уровень подготовки к реализации энергосбережения. Они предназначены для анализа текущего состояния энергопотребления и существующих проблем в данной сфере с созданием необходимой аппаратной инфраструктуры для обеспечения учета потребления энергии и энергоресурсов в режиме реального времени. При этом практическое энергосбережение следует за ними уже в форме конкретных проектов по модернизации и автоматизации производства, внедрению энергоэффективных технологий и систем и т.д.

В качестве третьей причины, тесно связанной с первыми двумя, выступает крайне низкое использование одного из наиболее эффективных механизмов современного энергосбережения — энергетического сервиса (энергосервиса). Под *энергетическим сервисом* понимается комплекс аналитических и прикладных мероприятий по повышению энергетической эффективности организации, выполняемый специализированной энергосервисной компанией (ЭСКО) за счет вложения в проект собственных финансовых и материальных ресурсов с их последующим возвратом из получаемой заказчиком экономии в течение срока действия энергосервисного договора (контракта). Из представленного определения можно отметить, что энергетический сервис представляет собой весьма нестандартный по обычным меркам подход к энергосбережению. В традиционном понимании любой проект, в том числе в сфере энергосбережения, требует финансовых вложений со стороны самого заказчика.

Зачастую именно этот фактор представляет собой ключевой барьер на пути энергосбережения в российской промышленности, когда у предприятия отсутствуют необходимые ресурсы на закупку дорогостоящего оборудования и технологий.

При реализации механизма энергосервиса исполнителем проекта и инвестором в одном лице выступает ЭСКО, использующая собственные или заемные финансовые ресурсы. Следуя логике алгоритма энергосбережения, ее специалисты проводят энергетическое обследование, на основе которого формируется энергоэффективный проект. Данный проект включает в себя предлагаемые для внедрения оборудование и технологии, различные прикладные мероприятия, а также расчеты их экономической эффективности и сроков окупаемости. На основе этих сроков компанией определяется длительность заключаемого с предприятием энергосервисного договора. В нем указывается как размер заявленной со стороны ЭСКО экономии энергии в расчете по месяцам, так и доля от этой экономии в финансовом выражении, которая перечисляется на счет исполнителя в качестве возврата вложенных им инвестиций. Фиксирование достигнутой экономии производится на основе получения показаний от устанавливаемых ЭСКО приборов учета энергии. В случае если в какой-то из месяцев в течение срока действия договора заявленные в нем показатели экономии не достигаются, в отношении энергосервисной компании следуют штрафные санкции.

Согласно условиям договора, предприятие в течение срока его действия оплачивает стоимость получаемой энергии и энергоресурсов в объеме, соответствующем уровню потребления до внедрения энергоэффективных технологий и оборудования. При этом часть средств непосредственно за сократившийся в результате экономии объем покупаемой энергии оно перечисляет поставщикам, а оставшуюся часть, соответствующую доле достигнутой экономии, — энергосервисной компании. Благодаря такому подходу внедрение энергосбережения становится для предприятия

беззатратным мероприятием, оплачиваемым энергосервисной компанией. Тот факт, что сама ЭСКО несет полную ответственность за достижение результата в части роста энергоэффективности, позволяет также говорить о минимальных рисках подобного механизма для заказчика.

Внедрение энергетического сервиса, по мнению автора, представляет собой один из важнейших драйверов системного энергосбережения в промышленности, использование которого способно коренным образом повысить ее энергоэффективность. Современные технологии энергетического сервиса тесно связаны с фундаментальными принципами и подходами к цифровизации предприятий, равно как и само стремление к энергоэффективности представляет собой неотъемлемую часть работы по инновационному развитию промышленности.

Библиографический список

1. Электронный портал Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
2. Голов Р.С., Теплышев В.Ю. Основные факторы и источники образования экономического эффекта при реализации мероприятий по энергосбережению в промышленности // Экономика и управление в машиностроении. 2016. № 2. С. 33–36.
3. Голов Р.С. Энергосбережение — основной вектор экономического развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2006. Т. 62. С. 297–304.
4. Голов Р.С. Энергосбережение в России: состояние и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 207. С. 407–438.
5. Голов Р.С. Энергетический сервис как экономический драйвер развития высокотехнологичной промышленности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 211. С. 108–119.
6. Голов Р.С., Мыльник А.В., Прокофьев Д.А. Основы построения энергоэффективных кластеров в условиях развития высокотехнологичной промышленности // Экономика и управление в машиностроении. 2017. № 5. С. 5–8.
7. Паламарчук А.Г. Анализ современного состояния энергосбережения в российской промышленности (часть 1) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 221. С. 270–282.

List of References

1. Electronic portal of the Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru>
2. Golov R.S., Teplyshev V.Y. The main factors and sources of economic effect in the im-

- plementation of energy saving measures in industry // Economics and management in mechanical engineering. 2016. No. 2. P. 33–36.
3. Golov R.S. Energy saving is the main vector of Russia's economic development // Scientific works of the Free economic society of Russia. 2006. V. 62. P. 297–304.
  4. Golov R.S. Energy saving in Russia: State and Prospects // Scientific works of the Free economic society of Russia. 2017. V. 207. P. 407–438.
  5. Golov R.S. Energy service as an economic driver for the development of high-tech industry // Scientific works of the Free economic society of Russia. 2018. V. 211. P. 108–119.
  6. Golov R.S., Mylnik A.V., Prokofiev D.A. Fundamentals of energy-efficient clusters building in high-tech industry // Economics and management in mechanical engineering. 2017. No. 5. P. 5–8.
  7. Palamarchuk A.G. Analiz sovremennoho sostojanija jenergosberezhenija v rossijskoj promyshlennosti (chast' 1) // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2020. T. 221. S. 270–282.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4, А-80, ГСП-3 / Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, The Russian Federation
 Паламарчук Алексей Григорьевич / Aleksey G. Palamarchuk
 +7 (499) 158-42-69, e-mail: kaf501@mai.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-380-406

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: ЧЕГО МЫ ЖДЕМ ОТ «РЕГУЛЯТОРНОЙ ГИЛЬОТИНЫ»?

AN INDEPENDENT ASSESSMENT OF THE QUALITY OF EDUCATION: WHAT DO WE EXPECT FROM THE «REGULATORY GUILLOTINE»?

МАНЮШИС Альгирдас Юозович

Ректор Московского международного университета, член Правления Вольного экономического общества России, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор

Algirdas Yu. MANYUSHIS

Rector of the Moscow International University, member of the Board of the Free Economic Society of Russia, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

Качество человеческого капитала является сегодня одним из важнейших драйверов развития. А оно, в свою очередь, определяется качеством образования. Российское образовательное пространство нуждается в системной трансформации и в первую очередь – в формировании справедливой конкурентной среды. Важные направления трансформации, в том числе связанные с осуществлением «регуляторной гильотины» и формированием системы независимой оценки качества подготовки кадров, рассматриваются в настоящей статье.

ABSTRACT

The quality of human capital is today one of the most important drivers of development. And it in turn is determined by the quality of education. The Russian Educational Space needs a systemic transformation and, first of all, the formation of a fair competitive environment. Important directions of transformation, including those related to the «regulatory guillotine» and formation of a system of independent assessment of the quality of training, are considered in this article.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Регуляторная гильотина», образовательное пространство, системная трансформация, институциональные и организационно-экономические преобразования, конкурентная среда, независимая оценка качества образования, государственная аккредитация, профессионально-общественная аккредитация.

KEYWORDS

«Regulatory guillotine», educational space, systemic transformation, institutional and organizational-economic transformations, competitive environment, independent assessment of the quality of education, state accreditation, professional public accreditation.

1. ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДРАЙВЕР СТРАТЕГИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Сегодня в развитых постиндустриальных странах активно идут сложные и противоречивые процессы качественного реформи-

вания важнейших сторон общественной жизни. Объективная обусловленность перемен диктуется как накопившимися проблемами, которые обобщенно называют вызовами XXI в. глобальному мировому сообществу, так и новыми возможностями, появлением новых путей развития, определяемых в первую очередь достижениями научно-технического прогресса.

Серьезные вызовы испытывает и Россия. «Мы видим, что глобальная конкуренция все больше смещается в область науки, технологий, образования, — подчеркнул Президент РФ В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию РФ в 2019 г. — Для мощного технологического развития нам нужно выстроить современную модель исследований и разработок. Именно для этого мы создаем в регионах научно-образовательные центры, которые призваны интегрировать все уровни образования, возможности научных организаций и бизнеса. В течение трех лет такие центры должны быть созданы в 15 субъектах Российской Федерации... Нам необходимы специалисты, способные работать на передовых производствах, создавать и использовать прорывные технические решения. Для этого нужно обеспечить широкое внедрение обновленных учебных программ на всех уровнях профессионального образования, организовать подготовку кадров для тех отраслей, которые еще только формируются» [1].

Установка на необходимость обеспечить соответствие предлагаемых системой образования программ запросам реальной экономики содержится и в послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2020 г. «Рынок труда сегодня динамично меняется, постоянно появляются новые профессии, усложняются требования к существующим, и высшая школа должна гибко и быстро реагировать на эти запросы» [2].

Непринятие неотложных мер по осуществлению назревших реформ и структурных сдвигов в экономике в «тучные» нулевые годы, задержка в реальном повороте на курс модернизации и кардинального повышения производительности труда, сохранение низкой эффективности базовых отраслей экономики и медленное

развитие секторов, определяющих инновации и научно-технический прогресс, привели к стагнации. Резкое обострение политических и экономических противоречий на мировой арене, санкции против России, включая значительные ограничения доступа к финансовым ресурсам, еще больше усилили эти негативные тенденции. Начавшаяся в последнее время стабилизация и небольшой экономический рост не дают оснований для оптимизма, так как опять в основном являются результатом конъюнктуры мировых цен на энергоносители, а не итогом наших собственных системных преобразований [6].

С другой стороны, опережающее развитие науки, современных отраслей экономики — цифровизации, информационных технологий, геномных технологий и биоинженерии, природоподобных технологий, энергосбережения — предоставляет новые возможности для эффективного развития России. «Сегодня важнейшим конкурентным преимуществом являются знания, технологии, компетенции. Это ключ к настоящему прорыву, к повышению качества жизни» [1].

Требование изменения типа экономического развития, перехода к инновационной цифровой экономике является ключевым в новой Стратегии опережающего развития России. «Для дальнейшего изменения структуры национальной экономики необходимо на принципиально ином уровне задействовать источники роста. Прежде всего — увеличить производительность труда на новой технологической, управленческой и кадровой основе» [1].

Одним из базовых элементов новой Стратегии и ведущим драйвером опережающего развития является концентрация внимания на человеке. С одной стороны — это повышение качества человеческого капитала, развитие современных квалификаций. С другой — кардинальное улучшение всего блока факторов, объединяемых таким комплексным понятием, как «качество жизни современного человека».

Этот вывод является прямым следствием глобальных вызовов XXI в. мировому сообществу. «Какие ключевые, структурные вещи

имею в виду? — отметил, выступая на инвестиционном форуме «Россия зовет — 2019», Президент РФ В.В. Путин. — Мы об этом часто и много говорим, но, к сожалению, продвигаемся пока — и это нужно сказать открыто, — продвигаемся пока медленно, и это серьезный вызов, на который мы должны ответить.

Прежде всего Правительству России, нашему деловому сообществу необходимо добиться кардинальных сдвигов в увеличении производительности труда на основе современных, передовых технологий, роста квалификаций и новых компетенций» [3].

Важным итогом конца XX — начала XXI в. стало осознание того, что эффективность — как корпораций, так и более сложных региональных и глобальных социально-экономических систем — уже нельзя оценивать только по экономическим критериям. В XXI в. основной движущей силой общественного развития становится интеллектуальный творческий труд. По образному выражению Г.Х. Попова, происходит переход от одномерного «человека экономического», интересы которого ограничиваются экономическим потреблением — типичного представителя и продукта «общества потребления», — к «человеку творческому» с широким комплексом интеллектуальных, культурных, образовательных, карьерных, личностных и иных запросов (и, соответственно, мотиваторов поведения) [8].

В период глобализации и перехода развитых стран к различным вариантам постиндустриального общества коренным образом меняются взгляды на цели развития крупных социально-экономических систем (регионы, страны, города и др.), на само понятие «эффективности» и критерии его оценки. Во главу угла выдвигаются уже не чисто экономические показатели (прибыль, рентабельность) и тем более не объемные показатели увеличения добычи полезных ископаемых или выплавки чугуна и стали. Критериями эффективности становятся система новых (в том числе качественных) характеристик и в первую очередь ориентированность экономики и общественного развития в целом на инновации в самом широком смысле слова: развитие научного и технологи-

ческого потенциала, восприимчивость экономики к современным вариантам научно-технического прогресса, переход к цифровой экономике, использование новых информационных технологий, гибкость, способность адекватно реагировать на быстрые изменения бизнес-среды.

Более того, определяющими (и не только в декларативном, но и в практическом плане) становятся комплексные социальные характеристики: экология, здравоохранение, образование, среда обитания и жизнедеятельности, возможность самореализации и т.д. — все то, что обобщенно называют *качеством жизни современного человека*.

Соответственно, меняются и требования к образованию. Одна из важнейших задач сегодня — формирование новой образовательной среды и образовательной культуры на всех уровнях: от локального до глобального.

Мировой опыт убедительно показывает, что без квалифицированных кадров и, соответственно, без адекватного современным требованиям образования не дадут должного эффекта ни капитальные вложения, ни самые современные машины и технологии. Можно с уверенностью сказать, что обеспечение качественного образования — один из главных глобальных вызовов XXI в. мировому сообществу [4, 7, 10].

Ключевой фактор в реализации любой стратегии — это в первую очередь кадры, которые и сегодня «решают все». Иными словами, необходимо понять, какие требования мы должны предъявлять к современным кадрам и к современной системе подготовки квалифицированных кадров как формирующей подсистемы общества.

Проблема подготовки современных кадров чрезвычайно актуальна для всех стран. Качество человеческого капитала становится и для России тем важнейшим внутренним фактором, который поможет компенсировать нехватку инвестиций и других ресурсов экономического развития, позволит сформулировать и реализовать стратегию опережающего развития [7, 8, 9, 10]. Целенаправленное опережающее развитие образования должно стать мощным рыча-

гом повышения эффективности социально-экономического развития.

Все это обуславливает необходимость существенного повышения внимания государственных структур и деловых кругов к образованию, выдвигает проблему формирования современной системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в число приоритетных задач новой Стратегии экономического и социального развития России.

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Общая оценка состояния

Повышение качества человеческого капитала — важнейшее условие успешной реализации новой стратегии опережающего развития России — стратегии рывка. А трансформация всего образовательного пространства, формирование современного механизма регулирования образовательной системы — ключевой фактор достижения этой стратегической цели. Сегодня, в процессе подготовки и реализации «регуляторной гильотины», необходимо тщательно проанализировать состояние механизма регулирования образовательной деятельности для выработки предложений по ее системному реформированию. В этой связи вопросы оценки качества образования, совершенствования важнейших инструментов регулирования деятельности вузов со стороны государства — лицензионных и аккредитационных процедур и нормативов, механизмов оценки качества образования, системы выделения вузам контрольных цифр приема на бюджетные места (КЦП) и др. — приобретают исключительное значение.

За последние годы были сделаны определенные шаги по повышению качества образования, усилению его связи с реальной экономикой. Значительно сократилось число самостоятельных вузов и их филиалов за счет «вымывания» неэффективных образовательных организаций, усилился контроль за соблюдением Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС),

повысились требования к кадровому составу научно-педагогических работников вузов, более интенсивно привлекаются к учебному процессу практики, расширяется сфера профессионально-общественной аккредитации образовательных программ. Вместе с тем, по оценкам экспертов, сделанного еще совершенно недостаточно и мы находимся в лучшем случае в самом начале кардинальной трансформации российского образовательного пространства.

Российские вузы (и особенно — негосударственные вузы) находятся под сильнейшим прессом надзирающих органов в плане проверок, приостановки, а затем и отзыва лицензии и государственной аккредитации и в итоге — прекращения деятельности. Регулятор может в любой момент проверить любой вуз, назначив плановую или внеплановую проверку. Поводом для внеплановой проверки может послужить как любая информация о действительных или мнимых нарушениях, так и просто «мнение» чиновника. При этом вуз оказывается совершенно бесправным.

Основания, показатели и процедура проверок не имеют строго определенного регламента. Проверяющие оперируют десятками нормативных актов (от законов до внутриведомственных инструкций) и, что особенно опасно, неформальных правил и устных установок. Число критериев, по которым оценивается деятельность вуза в процессе таких проверок, составляет (помимо законодательно установленных критериев, определяемых, например, ФГОС, или показателей государственного мониторинга эффективности вузов) десятки и даже сотни самых разнородных, никак не ранжированных по значимости показателей. И действительное или мнимое нарушение любого из них может быть для вуза фатальным. А если уж «к вам едет ревизор из столицы с секретным предписанием», то результаты проверки уже заранее заданы и ее последствия очевидны.

Такая ситуация не только серьезно осложняет деятельность вузов, в том числе по реализации уже осуществляемых образовательных программ, но и делает практически невозможным открытие новых актуальных направлений и профилей подготовки.

Так, начиная с 2014 г. негосударственным вузам не удалось получить практически ни одной лицензии на новую образовательную программу. А ведь гибкое и оперативное реагирование на спрос, потребности экономики — одно из главных конкурентных преимуществ негосударственного образования.

Сегодня в образовательном пространстве в России сложилась искаженная ситуация, когда вузы страны функционируют в разных условиях, возникла их формальная и неформальная градация:

- крупные национальные исследовательские университеты и остальные;
- государственные и негосударственные университеты;
- университеты в столице и крупных центрах и провинциальные вузы.

Усиливается прямое административное давление регулятора (а по существу — аппарата), а также крупнейших государственных университетов на небольшие вузы, в особенности частные. Честная конкуренция за ресурсы, студентов, лучших преподавателей затруднена. А ведь равноправная конкуренция — это непереносимое условие и мощнейший стимул повышения качества образования.

Доля инвестиций в негосударственный сектор образования России составляет недопустимые единицы процентов. Негосударственные вузы практически отлучены от получения квот бюджетных мест, господдержки по линии федеральных и региональных целевых программ, льгот по линии инвестиций и даже благотворительности.

Несмотря на заявления о равноправии различных форм образовательных организаций, тенденция давления на негосударственное образование со стороны аппарата, в том числе Минобрнауки РФ и Рособнадзора, все усиливается. Так, проведенная в последние годы тотальная проверка (а правильнее сказать — зачистка) образовательных организаций, имеющая под собой вполне объективные основания, все-таки в значительно большей степени ударила по негосударственным вузам, доля которых по численности обучающихся сократилась с 18% в 2010 г. до примерно 5% в 2019 г.

По данным Первого заместителя председателя Комитета по науке и образованию Государственной Думы РФ О.Н. Смолина, радикальное сокращение вузов было заявлено в качестве официальной цели образовательной политики в Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2765-р [11]. Там говорится: «Предполагается скорректировать типологию и структуру вузовской сети в целом с оптимизацией количества филиалов вузов в сторону их сокращения (сокращение филиалов до 80%).

Будет сокращено общее число вузов (до 40%) при условии увеличения численности студентов, получающих качественное высшее образование...»

По словам О.Н. Смолина, это едва ли не единственная в мире программа, где под развитием системы предполагается ее уменьшение более чем вдвое. Напротив, ряд высокоразвитых стран (например, Норвегия) объявили своей «национальной идеей» открытие университетов!

На практике российская программа дала следующие результаты. Сеть вузов и филиалов в России (по данным Рособнадзора):

Государственные вузы:

январь 2014 г. — 567;
январь 2018 г. — 484;
сокращение — на 17%.

Филиалы государственных вузов:

январь 2014 г. — 908;
январь 2018 г. — 428;
сокращение в 2,1 раза.

Негосударственные вузы:

январь 2014 г. — 371;
январь 2018 г. — 178;
сокращение в 2,1 раза.

Филиалы негосударственных вузов:

январь 2014 г. — 422;

январь 2018 г. — 81;

сокращение в 5,2 раза.

Во всем мире элиту образования составляют частные вузы. В России же их потенциал государство практически не учитывает и недооценивает. По словам ректора РосНОУ, председателя совета Ассоциации частных образовательных организаций высшего образования и профессиональных образовательных организаций России — АНВУЗ России — В.А. Зернова: «Россия — единственная в мире страна, где частным вузам государство не представляет ни финансовой поддержки, ни налоговых преференций». В результате у нас не соблюдается одно из главных условий повышения качества образования — формирование современной конкурентной среды и обеспечение честной конкуренции, в том числе конкуренции между государственными и негосударственными вузами.

Негосударственные университеты, по большому счету, остались «на обочине» главных мероприятий процесса трансформации образования в России. Их нет в директивных документах, определяющих государственную политику в сфере образования. Так, в состав созданной в 2011 г. Ассоциации предпринимательских университетов России входят Фонд «Сколково» и 7 крупнейших национальных исследовательских университетов, но нет ни одного частного вуза гуманитарной направленности. Частные вузы не попадают в сферу действия государственных целевых программ и приоритетных проектов.

Обобщая, можно сделать вывод, что сегодня назрела настоятельная необходимость дальнейшей системной трансформации всего образовательного пространства России, включающей институциональную, организационно-экономическую, технологическую и техническую трансформацию. Ориентиры для этих изменений задаются стратегическими целевыми установками и глобальной конкуренцией. Конкретные направления трансформации и ее ме-

ханизмы — институциональные, финансово-экономические, организационные — должны формироваться внутри страны. Ключевыми факторами успешного развития вузов будут становиться конкурентоспособность, гибкость, быстрота реагирования на изменения (ответы на вызовы), преодоление естественной инертности, вариативность предлагаемых образовательных продуктов [9].

Анализ генезиса системы регулирования образовательного пространства, сопоставление реального положения с основополагающими принципами его функционирования, вытекающими из целевых установок Стратегии опережающего развития с учетом лучшего отечественного и зарубежного опыта, позволяют предложить направления его дальнейшей системной трансформации.

В последнее время эти вопросы находились в центре внимания как регулятора (Министерство науки и образования РФ, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки), так и профессионального сообщества (вузы и их объединения — Совет ректоров, АНВУЗ и др.). Были проведены серии обсуждений, в том числе в рамках таких масштабных форумов, как Всероссийское совещание с ректорами образовательных организаций высшего образования на тему «Государственная регламентация образовательной деятельности в условиях “регуляторной гильотины”» (Рособрнадзор), Совещание с ректорами вузов в рамках VI-й Ежегодной национальной выставки «ВУЗПРОМЭКСПО — 2019» (Министерство науки и образования РФ), совещания в Комитете по образованию и науке Государственной Думы РФ и др.

Важный комплекс таких мероприятий может и должен быть осуществлен в рамках проведения «регуляторной гильотины», в процессе которой должны быть отменены все изжившие себя неоправданные на современном этапе нормы, правила, регламенты и ограничения.

Системный подход к реформированию образовательного пространства России предполагает комплекс мер как *общего инсти-*

туционального, так и конкретного *нормативно-организационного* характера.

НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Комплекс мер институционального характера должен сформировать общие условия функционирования вузов в российском образовательном пространстве. К ним следует в первую очередь отнести:

- расширение самостоятельности и самоуправления вузов, снижение уровня прямого государственного администрирования;
- завершение формирования справедливой конкурентной среды и обеспечение честной конкуренции в образовательном пространстве;
- расширение сферы общественного саморегулирования и независимой оценки качества образования.

Расширение самостоятельности и самоуправления вузов; самоорганизации вузовских сообществ; снижение уровня прямого административного воздействия государства на вузы, переход от административно-командных методов управления вузами к инструментам нормативно-правового регулирования; создание современной образовательной среды.

Мировой опыт развития высшего образования свидетельствует, что вузовской системе имманентно присущ высокий уровень независимости, самостоятельности, самоуправления. В демократическом обществе этот принцип функционирования вузов получает свое наиболее полное логическое воплощение. Именно независимые университеты способны отвечать на вызовы XXI в. и удовлетворять одну из важнейших потребностей общества — в подготовке не только высококвалифицированных специалистов, но и свободно мыслящих граждан, способных к творческому креативному труду.

Государство, при сохранении общих функций создания нормативно-правовой среды функционирования образовательного пространства, определения стратегии развития образования, сти-

мулирования приоритетных направлений подготовки специалистов, формирования принципов и осуществления общего контроля качества образования (в том числе компетенций выпускников), должно уходить от прямого администрирования, оперативного руководства вузами.

По словам руководителя Рособнадзора С.С. Кравцова, необходимо изменить сам подход к оценке качества образования в вузе. Сегодня по действующему законодательству проверяется огромный массив документации, регламентирующей образовательный процесс, проверяются программы на соответствие стандартам (ФГОС). Мы проверяем «бумагу».

Необходимо изменить практику приостановки и лишения вузов госаккредитации, запрета приема (так как от подобных мер страдают студенты), уйти от воздействия на образовательную организацию в целом и перейти на точечное воздействие на руководство вуза, лиц, допустивших ту или иную негативную ситуацию.

При оценке качества образования мы поддерживаем идею *«риск-ориентированной модели»*, при которой недостатки в деятельности вуза оцениваются с точки зрения рисков, создаваемых этими нарушениями для обучающихся.

Необходимо упорядочить и регламентировать систему государственного регулирования и контроля качества образования, четко определив строго ограниченное число параметров, по которым государство имеет право вмешиваться в деятельность образовательных организаций (особенно в области лицензирования, государственной аккредитации, приостановки деятельности). Необходимо исключить возможность административно-бюрократического произвола аппарата, чиновников, коррупционную составляющую, когда судьбоносные для вуза решения принимаются не «по закону», а на основании «мнения» или тем более «интересов» чиновников.

Так, на наш взгляд, было бы целесообразно ввести ранжированную, например трехуровневую, шкалу критериев (можно назвать их *Ключевыми показателями качества*), по которым оценивается деятельность вуза.

На высшем уровне должно быть ограниченное число (например, 10) критериев (показателей), выполнение которых является строго обязательным. За их нарушение следует приостановка действия лицензии/аккредитации, а после повторной проверки — прекращение образовательной деятельности вуза.

Критерии/показатели эффективности второго уровня также являются важными, но их нарушения не являются столь критичными и могут быть преодолены без прекращения образовательной деятельности вуза. На их преодоление может даваться определенный срок (например, 6 месяцев), в течение которого лицензия/аккредитация могут считаться условно действующими. При выполнении в течение указанного периода установленных требований действие лицензии/аккредитации автоматически восстанавливается в полном объеме. При невыполнении — приостанавливается.

Критерии/показатели эффективности третьего уровня также являются важными с точки зрения обеспечения качества образования, но носят более рекомендательный характер. Их выполнение может, например, влиять на сроки действия лицензии/аккредитации.

Мы, в принципе, поддерживаем идею ухода от государственной аккредитации, объединения ее с процедурой лицензирования образовательной деятельности, но только при условии выполнения вышеперечисленных требований.

Завершение формирования реальной конкурентной среды и обеспечение честной, равноправной конкуренции в образовательном пространстве. Обеспечение сопоставимых условий функционирования вузов.

Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что образование как особый вид социально-значимой деятельности принципиально отличается от чисто экономической деятельности по выпуску продукции и предоставлению услуг. И все-таки важнейшим условием повышения эффективности функционирования образовательной системы является создание современной конкурентной среды, в которой вузы будут соревноваться друг с другом, бороться

за студента и ресурсы, доказывая свою состоятельность реальным повышением качества подготовки специалистов и эффективности использования ресурсов.

К числу первоочередных мер в этом направлении относятся:

- обеспечение сопоставимых условий функционирования;
- снижение уровня прямого государственного администрирования, переход к нормативному регулированию образования;
- расширение сферы общественного саморегулирования и самоуправления;
- изменение системы государственной поддержки образования.

Необходимо обеспечить выравнивание условий функционирования вузов (в том числе государственных и негосударственных): правовых, экономических, административных, информационных и др. Для обеспечения честной конкуренции вузы должны находиться если не в равных, то в сопоставимых условиях, как в части государственного контроля за качеством образования (лицензирование, аккредитация, соответствие государственным образовательным стандартам и др.), так и в части экономических условий функционирования (программы государственной поддержки, квоты на бюджетные места (КЦП), налогообложение, аренда, коммунальные платежи и др.).

Расширение сферы общественного саморегулирования и независимой оценки качества образования, в том числе профессионально-общественной аккредитации образовательных программ и общественной аккредитации образовательных организаций.

Расширение сферы общественного саморегулирования и самоуправления вузовской системы возможно на основе дальнейшего развития профессиональных объединений, ассоциаций — Союзов ректоров, АНВУЗ России и др. — и повышения их роли в регулировании образовательного пространства России.

Особая сфера — независимая оценка качества образования. Важным направлением движения в этой области является по-

вышение роли профессионально-общественной аккредитации образовательных программ и вузов. Сегодня ее ведут серьезные профессиональные общественные объединения — ВЭО России, АККОРК, НАСДОБР и др. Необходимо еще более институализировать эту важнейшую область общественного самоуправления, сделав ее обязательной, более четко определив ее место и роль, соотношение с государственной аккредитацией.

Мы, в принципе, поддерживаем идею о возможности постепенного отказа от государственных аккредитационных процедур и перехода к независимой оценке качества образования со стороны профессиональных сообществ. Конечно, это потребует очень серьезного внимания к самим аккредитующим организациям, чтобы гарантировать высокий уровень требовательности, профессионализма и противодействия коррупции.

Необходимо разработать меры по значительному усилению активности бизнес-сообщества, успешных предпринимателей в развитии системы подготовки и независимой оценки качества хозяйственных кадров, в том числе путем широкого вовлечения предпринимателей непосредственно в процесс бизнес-образования, а также создания государственной системы мотивации частных инвестиций в развитие бизнес-образования.

Важным шагом в развитии системы аттестации кадров, на наш взгляд, могли бы стать активно обсуждаемые в последнее время предложения по созданию наряду с традиционной ВАКовской системой аттестации научных и педагогических кадров высшей квалификации (кандидат/доктор наук) новой системы профессиональных степеней в бизнесе и менеджменте.

Конкретные предложения *нормативно-организационного характера* по совершенствованию содержания и организации процедур лицензирования и государственной аккредитации.

При сохранении действующего формата проведения процедуры государственной аккредитации в форме проверки образовательных программ целесообразно вернуться к практике выдачи приложения к свидетельству о государственной аккредитации, содержащего

сведения об аккредитованных *направлениях подготовки и специальностях*, а не по *укрупненным группам специальностей / направлений подготовки* (далее — УГСН), как происходит в настоящее время.

Данная мера необходима в связи тем, что фактически аккредитационная экспертиза и проводится по отдельным направлениям подготовки / специальностям, но в случае отказа в аккредитации по одному из направлений подготовки / специальности вуз лишается аккредитации на всю УГСН.

При проведении аккредитационной экспертизы ввести *систему градации нарушений*, допущенных образовательной организацией, используя опыт риск-ориентированной модели при проведении контрольно-надзорных мероприятий, отнести различные нарушения образовательными организациями требований ФГОС ВО к трем зонам ответственности.

Серьезные нарушения, приводящие, например, к возникновению риска жизни и здоровью обучающихся, отнести к «красной зоне» и в случае их обнаружения лишать аккредитации образовательную организацию по соответствующему направлению подготовки / специальности.

Менее значимые нарушения отнести к «желтой зоне» и в случае их выявления аккредитовывать образовательную организацию по соответствующему направлению подготовки / специальности, с условием предоставления в срок, не превышающий одного года, контролирующему органу отчета об их исправлении, а в случае отсутствия такого отчета либо ненадлежащего исправления нарушений лишать образовательную организацию государственной аккредитации по соответствующему направлению подготовки / специальности.

К третьей, «зеленой зоне» отнести недостатки технического характера, не оказывающие значимого влияния на качество подготовки обучающихся. При обнаружении таких недостатков, безусловно, аккредитовывать образовательную организацию по соответствующему направлению подготовки / специальности, с выдчей рекомендаций по их исправлению.

Осуществить ревизию нормативных правовых актов, регламентирующих процедуру проведения государственной аккредитации образовательной деятельности, и формы документов, используемых контролирующим органом при ее проведении. В частности, утвердить форму и порядок заполнения кадровых справок (как общеузовской, так и по конкретной ОПОП ВО), справок о материально-техническом обеспечении образовательной программы и т.д.

Аккредитационную экспертизу предлагается трансформировать из процедуры, оценивающей документарное наполнение и условия реализации образовательного процесса, в процедуру оценки качества подготовки обучающихся.

Указанное предложение продиктовано тем, что нормами действующего законодательства образовательные организации наделены широкой автономией (самостоятельностью в осуществлении образовательной, научной, административной, финансово-экономической деятельности) и документы разных образовательных организаций, разработанные ими в пределах имеющейся компетенции, отличаются.

Существенно сократить объем проверяемой документации, регламентирующей процесс реализации образовательных программ, который уже вырос в десятки раз, после перехода в 2011 г. от государственной аккредитации в институциональной форме к аккредитации отдельных образовательных программ.

Для повышения качества проведения процедуры государственной аккредитации необходимо привлечение широкого круга экспертов из числа: работодателей, выпускников, представителей профессиональных сообществ, общественности, а не только экспертов контролирующего органа.

В настоящий момент формирование таких комиссий возможно только в рамках проведения профессионально-общественной аккредитации.

С учетом требований научного сообщества, включая РАН, изменить статус аспирантуры, вернувшись к практике, существо-

вавшей до 2012 г., в том числе отказаться от государственной аккредитации образовательных программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, законодательно закрепив их статус как программ послевузовского образования, с выведением из уровней высшего образования.

3. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ АККРЕДИТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Важным новым направлением повышения качества образовательных программ экономического и управленческого направлений подготовки является их профессионально-общественная аккредитация, осуществляемая в соответствии с положениями Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 93, 99, 100) и других нормативных актов. Вольное экономическое общество России одним из первых разработало систему такой аккредитации и приступило к ее практической реализации. В настоящее время ВЭО России входит в число экспертных организаций, включенных в контролируемый Рособнадзором реестр организаций, имеющих право проводить профессионально-общественную аккредитацию образовательных программ высшего и дополнительного профессионального образования.

Главная цель проводимой ВЭО России профессионально-общественной аккредитации — повышение качества подготовки экономических и управленческих кадров, повышение их конкурентоспособности на российском и международном рынках труда, усиление связи образовательных программ с реальной экономикой и бизнес-сообществом, обеспечение соответствия квалификационных характеристик выпускников национальным и мировым стандартам бизнес-образования.

Основными задачами профессионально-общественной аккредитации являются:

- независимая экспертная оценка качества образовательной и научной деятельности в образовательных организациях,

- осуществляющих подготовку экономистов и управленцев;
- независимая экспертная оценка качества реализации основных образовательных программ высшего профессионального образования всех уровней (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура) и дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки) экономического и управленческого профиля;
- информирование граждан и работодателей о качестве подготовки экономистов и управленцев по аккредитуемым образовательным программам;
- повышение ответственности субъектов образовательной деятельности;
- создание информационной базы для определения рейтинга образовательных программ экономического и управленческого профиля;
- обобщение и распространение передового опыта реализации образовательных программ экономического и управленческого профиля, интеграции научной и образовательной деятельности, обеспечения их связи с практикой;
- разработка и коммерциализация инноваций, совершенствования управления интеллектуальной собственностью;
- привлечение к образовательному процессу и оценке качества образовательных программ работодателей и представителей профессионального сообщества;
- обобщение и распространение передового опыта управления образовательными организациями, повышение их конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Базовые принципы осуществляемой ВЭО России аккредитации — профессионально-общественный характер экспертизы, добровольность, объективность, прозрачность методик, периодичность процедур, коллегиальность принятия решений, гласность и широкое распространение положительного опыта.

Основными организационными структурами ВЭО России, осуществляющими профессионально-общественную аккредитацию, являются Аккредитационная комиссия и Экспертный совет ВЭО России, а также экспертные группы, формируемые с участием экспертов из региональных отделений ВЭО России.

Решения по принципам, методологии, содержанию, процедурам и результатам профессионально-общественной аккредитации образовательных программ принимаются Аккредитационной комиссией ВЭО России на основе представленных Экспертным советом ВЭО России экспертных заключений и материалов.

В состав Аккредитационной комиссии и Экспертного совета ВЭО России входят видные ученые, аналитики, государственные и общественные деятели, представители бизнес-сообщества, руководители ведущих научных и образовательных учреждений экономического и управленческого профиля Российской Федерации и других стран (*список членов Аккредитационной комиссии и Экспертного совета размещен на сайте ВЭО России: www.veorus.ru*).

Проведение аккредитационной экспертизы, работа Аккредитационной комиссии, Экспертного совета и экспертных групп осуществляются в соответствии с признанными мировыми практиками оценки качества и результативности высшего и дополнительного профессионального образования («Европейская сеть обеспечения качества в высшем образовании (ENQA)», CIPP-модель для определения ключевых показателей, Концепция всеобщего менеджмента качества — Total Quality Management (TQM), Шанхайский рейтинг, рейтинг Times, G-Factor, Webometrics и др.).

Методология аккредитации включает следующие блоки:

- соответствие практики реализации образовательной программы ее миссии;
- уровень интеграции образовательной организации, реализующей программу, в международное, российское и региональное образовательное, научное, профессиональное и бизнес-сообщества;

- качество и результативность образования, его соответствие российским и международным стандартам и лучшим инновационным практикам;
- качество и результативность научной деятельности;
- качество и результативность системы управления образовательной организацией.

Основными критериями при выработке экспертной оценки в процессе общественной аккредитации являются:

- качество учебного процесса (содержание, организация, использование инновационных технологий, качество знаний и профессиональных навыков);
- качество преподавательского состава;
- качество учебных программ;
- качество студентов;
- качество выпускников, их квалификационные характеристики, достижения и востребованность на рынке труда;
- качество научно-исследовательской программы образовательной организации;
- качество материально-технической базы образовательной организации;
- соответствие системы управления образовательной организацией принципам Концепции всеобщего менеджмента качества (TQM).

Оценка проводится по группам критериев: «возможности» и «результаты».

Аккредитационная экспертиза осуществляется экспертами ВЭО России. По результатам аккредитационной экспертизы выносятся обоснованное решение: полная аккредитация, условная аккредитация, отказ в аккредитации. Образовательные программы, успешно прошедшие аккредитационную экспертизу, получают Свидетельство о профессионально-общественной аккредитации установленного образца. Результаты профессионально-общественной аккредитации направляются в Федеральную службу по надзору

в сфере образования и науки для дальнейшего использования в процессе государственной аккредитации этих образовательных программ, мониторинга эффективности образовательных организаций и других форм оценки образовательных организаций и программ.

Результаты аккредитационных экспертиз используются при формировании рейтинга лучших образовательных организаций и образовательных программ. Данный рейтинг ведется ВЭО России совместно с Издательским домом «Экономическая газета» и публикуется в профильных экономических изданиях (печатных и электронных) с установленной периодичностью обновлений.

За последние годы ВЭО России проведена большая практическая работа по профессионально-общественной аккредитации образовательных программ экономического и управленческого направлений подготовки. Серьезный опыт накоплен в процессе аккредитации программ одного из ведущих экономических вузов — Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Это программы подготовки бакалавров и магистров по направлению «Экономика», профиль «Мировая экономика», реализуемые факультетом «Международная школа бизнеса и мировой экономики (МШБ и МЭ)», по направлению подготовки 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление», реализуемые факультетом экономики и права, программы бакалавриата по направлению подготовки 38.03.02 «Менеджмент», профиль «Менеджмент в инновационном и социальном предпринимательстве», реализуемые факультетом бизнеса «КАПИТАНЫ».

На наш взгляд, очень важно, что в процессе профессионально-общественной аккредитации не просто оценивается качество реализуемых образовательных программ, но и, с одной стороны, даются рекомендации вузу по совершенствованию образовательного процесса, а с другой — выделяется и распространяется накопленный здесь положительный опыт.

Так, аккредитационная экспертиза основной профессиональной образовательной программы высшего образования — программы магистратуры по направлению подготовки 38.04.02

«Менеджмент», представленной на профессионально-общественную аккредитацию ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», позволяет сделать вывод о высоком учебном и практическом потенциале аккредитуемой программы.

Высокой экспертной оценки заслуживают: системность и качество учебного процесса, качество профессорско-преподавательского состава (ППС), вовлеченность преподавателей и магистрантов в исследовательскую работу, большой объем использования прикладных практик в учебном процессе, а также социальная и общественная активность магистрантов. Результаты представленного отчета о самообследовании полностью подтверждаются выводами экспертной группы в рамках проведенного выездного аудита.

Об аккредитуемой программе сложилось благоприятное мнение среди самих магистрантов и профессионального сообщества в целом, что подтверждается проведенным выездным мониторингом и позитивными откликами со стороны обучающихся и стейкхолдеров.

Показателем успешности взаимодействия с бизнес-средой являются высокие позиции РЭУ имени Г.В. Плеханова в международных и национальных рейтингах по таким критериям, как «востребованность выпускников» и «трудоустройство».

Большим достижением является получение РЭУ высшей оценки «5 звезд» в рейтинге университетов мира QS Stars 2015 по критерию «Employability», что не удавалось ранее ни одному из российских вузов.

Факультет МШБ и МЭ сотрудничает с лучшими российскими и иностранными компаниями из различных отраслей: L'Oreal, KPMG, PwC, Unilever, LeroyMerlin, Lamoda, «Росгосстрах», «Роснефть», «Сбербанк», «Газпромбанк», «Почта России» и др.

В рамках взаимодействия с работодателями реализуются программы повышения квалификации, осуществляемые совместно с Академическим центром компетенций SAP, в том числе «Введение в аналитические решения SAP на базе SAP HANA» и «Решения SAP в управлении предприятием».

Как уже указывалось, результаты профессионально-общественной аккредитации направляются в Рособрнадзор и учитываются в процессе государственной аккредитации, а также используются при формировании рейтинга ВЭО России лучших образовательных организаций и образовательных программ.

В последнее время проблематика независимой оценки качества образования, профессионально-общественной аккредитации активно обсуждается в профессиональном сообществе в связи с подготовкой новых нормативных актов в рамках «регуляторной гильотины». Минобрнауки и Рособрнадзором, Комитетом по науке и образованию Государственной Думы РФ проведен ряд совещаний с участием ректоров вузов по данным вопросам. Регулятором в принципе поддерживаются прогрессивные идеи снижения административного давления на вузы, придания профессионально-общественной аккредитации обязательного характера и более полного учета ее результатов при проведении государственной аккредитации (вплоть до ее отмены), переноса акцента с оценки документов («бумаг») на качество подготовки самих специалистов (выпускников) и др.

В этом контексте практическая работа ВЭО России по осуществлению профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в совокупности с другими направлениями его деятельности — премии «Экономист года» и «Лучшая экономическая книга года», конкурс научных работ молодых ученых, «Абалкинские чтения», заседания Экспертных советов и др. — это пример формирования инструментов воздействия гражданского общества на решение социально значимой для России проблемы — повышения качества человеческого капитала.

Библиографический список

1. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию РФ в 2019 г.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
2. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию РФ в 2020 г.: <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/poslanie-federalnomu-sobraniyu-2020/poslanie-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-2020>
3. Путин В.В. Выступление на инвестиционном форуме «Россия зовет — 2019»: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62073>

4. Бурак П.И., Ростанец В.Г., Манюшис А.Ю. и др. Экономический рост и инновационное развитие в регионах России: инструменты активизации: монография / под общ. ред. д.э.н., проф. П.И. Бурака. М.: Научный консультант, 2016. 308 с.
5. Головкин Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уисема // Высшее образование в России, 2016. № 8–9 (204).
6. Манюшис А.Ю., Барсуков И.Е. Регулирование устойчивого развития крупного региона, города: проблемы, пути реформирования, инновации: монография / Научные труды Международного союза экономистов и Вольного экономического общества России. М., 2016. Т. 43. 314 с.
7. Манюшис А.Ю. Первый независимый университет России: системная инновация для страны и регионов (к 25-летию Международного университета в Москве). Труды Вольного экономического общества России. М.: Изд. ВЭО России, 2017. Т. 204. № 2. 510 с.
8. Попов Г.Х. Великая Альтернатива XXI века (итог века-волкодава: исчерпание постиндустриализма и перспектива Альтернативной Цивилизации). М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2013. 416 с.
9. Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт. Аналитический центр при Правительстве РФ. Бюллетень о сфере образования. Выпуск № 12. Июнь 2017 г.: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13584.pdf>
10. Рукина И.М., Петросян Д.С., Лочан С.А., Манюшис А.Ю. Инновационное развитие высшего профессионального образования в России. Монография / под ред. А.Ю. Манюшиса. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2014. С. 400.
11. Смолин О.Н. Национальный проект «Образование»: системные проблемы и возможные решения // Научные труды Вольного экономического общества России, 2019. Т. 217. № 3. С. 50–71.

Контактная информация / Contact Information

АНО ВО «Московский международный университет», 125040, г. Москва, Ленинградский проспект, 17 / Moscow International University, 17, Leningradsky prospekt, 125040, Moscow, The Russian Federation

Манюшис Альгирдас Юозович / Algirdas Yu. Manyushis
+7 (800) 301-09-30, e-mail: rectorat@mmu.ru

Требования к научным статьям для публикации в научном издании «Научные труды Вольного экономического общества России»

1. Статья предоставляется в электронном виде в формате Word с расширением .doc или .docx

1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.

1.3. Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 20 мм; боковые поля: левое поле — 30 мм, правое поле — 20 мм.

1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.

1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.

1.6. Фотография автора (не менее 2 Мб, формат файла .jpeg).

2. Структура статьи:

— название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;

— название статьи в переводе на английский язык;

— автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;

— информация об авторе(ах) на английском языке: Ф.И.О. (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

— краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);

— развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

— на русском языке (до 10);

— на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

— таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;

— иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации — BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом). Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках], и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи: подробные адресные данные автора(ов):

— полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), e-mail автора(ов).

5. Автор предоставляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат». В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах Вольного экономического общества России» оформляется Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения установленного образца.

При направлении статьи необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения «Почты России» на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки: <https://podpiska.pochta.ru/>

Подписной индекс в официальном каталоге «Почты России» — ПР999.

По вопросам публикации статей следует обращаться в Дирекцию ВЭО России: +7 (495) 609-07-60, e-mail: info@veorus.ru

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ**

Том № 2 (222), 2020 г.

Учредитель: Общественная организация — Вольное экономическое общество России (125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 22А).

Свидетельство о регистрации «Научных трудов Вольного экономического общества России» в Роскомнадзоре — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000

Подписной индекс в официальном каталоге «Почты России» — ПР999

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России

Адрес издателя и редакции: 125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 22А

+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru

<http://veorus.ru/труды-взо/>

Главный редактор — С.Д. Бодрунов, д.э.н., профессор

Над выпуском работали — А.В. Бобина, М.А. Лазарев

Оформление и верстка — И.А. Миронов

Корректор — С.В. Маврина

Подписано в печать 20 мая 2020 г. Формат 14 x 20 см. Бумага офсетная

Выход в свет 3 июля 2020 г.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1729

Отпечатано в типографии ООО «Премиум-принт»

115054, г. Москва, ул. Дубининская, д. 68, стр. 13

Свободная цена

© Вольное экономическое общество России, 2020

ISBN 978-5-94160-211-7

ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-211-7

9 785941 602117

Scientific Publication

**SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA**

Volume № 2 (222), 2020

Founder: Public organization — Free Economic Society of Russia
(125009, Moscow, Tverskaya st., 22A

Registration number — ПИ № 77-3786, 06/20/2000

Subscription Code ПР999 in the official Catalog of Russian Post

Published by the Free Economic Society of Russia

125009, Moscow, Tverskaya st., 22A

+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru

<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Editor-in-Chief — S.D. Bodrunov, Doctor of Economics, professor

Publication Editors — A.V. Bobina, M.A. Lazarev

Design — I.A. Mironov

Press-corrector — S.V. Mavrina

Signed for printing on May 20, 2020. Format 14 x 20 cm. Offset paper

Publication July 3, 2020

Run of 1,000 copies. Order No. 1729

Printed in the printing house of Premium-Print LLC

115054, Moscow, st. Dubininskaya, 68, p. 13

Free price

© The Free Economic Society of Russia, 2020

ISBN 978-5-94160-211-7

ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-211-7

9 785941 602117

